

Цитаты номера

Вы держите в руках юбилейный, 80-й номер журнала. Чтобы отметить юбилей, обычно приглашают гостей. Но мы также решили «пригласить» на этот юбилей и... статьи. Статьи из предшествующих 79 номеров, вышедших за без малого двенадцатилетнюю историю журнала. Был большой соблазн: взять ножницы и начать «кромсать» статьи, чтобы они выглядели «посвежее». Старались сдерживаться.

В некоторых случаях, не будем скрывать, применяли правку-сокращение, чтобы дать возможность «высказаться» как можно большему числу авторов. Но «играли» по-честному: везде, где проведены сокращения, это соответственно отражено. Теперь приглашаем вас в путешествие – по годам, по темам, по страницам *Ядерного Контроля* за 1994–2006 гг.

Сегодня мы являемся участниками своеобразного «качественного скачка» в теории и политике ядерного сдерживания. Появляются новые виды ядерного сдерживания – сдерживание угрозой не применения, а только лишь приобретения ядерного оружия. При этом проводится сдерживание не столько прямых военных действий, сколько политического и экономического давления. Это позволяет сделать вывод: и в обозримом будущем мы не расстанемся с ядерным оружием. Придется жить с ним, но жить по жестким правилам, выработанным совместно всем мировым сообществом.

Закрыв наш единственный биологический полигон в Аральском море, мы вынуждены были провести целый комплекс мероприятий по дезинфекции всей его территории [...]. Но после нашего ухода на него высадили целый десант американских биологов, которые раскопали наши могильники, провели анализы тканей животных и сделали выводы о том, что на полигоне мы отработывали технологии боевого применения сибирской язвы. Этот факт говорит сам за себя. Пока у нас не будет договоренностей о том, что есть биологическое оружие, как его классифицировать, мы никогда не сможем поверить друг другу в искренности наших намерений.

Роль эффективного мирового правительства может выполнить только союз ответственных мировых держав, объединенных общим видением проблем и вызовов современного мира и обладающих ресурсами – политическими, экономическими, военными – для реализации их совместной политики. Наиболее близкой к этим требованиям структурой является «Большая восьмерка». Россия, ставшая ее полноправным членом, объективно заинтересована в том, чтобы «восьмерка» значительно расширила сферу своей ответственности в области международной безопасности.

Владимир Орлов

Юрий Балуевский

Валентин Евстигнеев

Андрей Пионтковский

Журнал ПИР-Центра политических исследований

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ № 2 (80), 2006

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

№ 2 (80), 2006

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Александр Яковенко

ПОЛИТИКА, НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И XXI ВЕК

Юрий Балуевский

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И СОКРАЩЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ

Николай
Пономарев-Степной

О ВОЗМОЖНОСТЯХ
И ПУТЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНИЦИАТИВЫ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Кудакаев

ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ
ПРОГРАММЫ США И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Роланд Тимербаев

КАК СССР ПОМОГАЛ КИТАЮ
СОЗДАВАТЬ АТОМНУЮ БОМБУ

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 2 (80), Том 12
Лето 2006**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Михаил В. Якушев

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР
Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований:

Екатерина А. Вотановская, координатор образовательных проектов
Владимир Э. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник, координатор проекта «Глобальное партнерство»
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Программы по обычным вооружениям
Кристина В. Лужнова, секретарь
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Анастасия М. Лагута, координатор Программы по обычным вооружениям
Надежда Б. Логутова, директор информационных проектов, научный сотрудник
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Павел А. Мансуров, стажер
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Надежда В. Медведева, помощник директора Центра
Сергей Г. Мурсанков, заместитель директора Центра по развитию и внешним связям
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Екатерина Е. Сорока, координатор по связям с общественностью – пресс-секретарь директора Центра
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Сергей В. Пономарев, стажер
Константин Г. Хачатурян, специалист по работе с интернетпредставительствами
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра
Кристина Чуен, консультант
Александр Шмидке, стажер
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

Издатель

ООО «Триалог»

№ 2 (80), Том 12
Лето 2006

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Антон В. Хлопков, вр.и.о. выпускающего редактора
[khlopkov@pircenter.org]
Анастасия М. Лагута, корреспондент
[laguta@pircenter.org]
Надежда Б. Логутова, корреспондент
[logutova@pircenter.org]
Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobyakov@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Наталья С. Маркарова, литературный редактор
Маргарита М. Крючкова, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Ядерного Контроля*
Телефон редакции:
+7-495-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-495-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>
Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/eng/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Фонда Форда, Корпорации Карнеги Нью-Йорка
- Редакция благодарит А.Л. Фролова за предложение названия редакционной статьи

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 10 апреля 2006 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2006

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 13 **От 8 к ∞** – Вы держите в руках юбилейный, восьмидесятый номер журнала. Чтобы отметить юбилей, обычно приглашают гостей. Но мы также решили «пригласить» на этот юбилей и... статьи. Статьи из предшествующих семидесяти девяти номеров, вышедших за без малого двенадцатилетнюю историю журнала. Большой соблазн: взять ножницы и начать «кромсать» статьи уже приличной давности, чтобы они выглядели «посвежее». Старались сдерживаться. В некоторых случаях, не будем скрывать, применяли правку-сокращение, чтобы освободить чуть больше места и представить большее разнообразие точек зрения, дать возможность как можно большему числу авторов «высказаться» в этом многоголосье. Но «играли» по-честному: везде, где проведены сокращения, это соответственно отражено. Теперь приглашаем вас в путешествие – по годам, по темам, по страницам *Ядерного Контроля* за 1994–2006 гг.

ИНТЕРВЬЮ

- 15 **Несколько вопросов о ядерном нераспространении – Геннадий Евстафьев** – Увидев свет в 1993 г., «Белая книга» по нераспространению ОМУ, подготовленная к изданию Службой внешней разведки России, вызвала большой всплеск интереса к этой проблематике в России и за ее пределами. По некоторым данным, несколько «обиженных» публикацией стран даже направили ноты протеста во внешнеполитическое ведомство России. Сейчас особенно примечательно, что в списке этих стран не было Ирана, про который в работе говорилось не иначе как о «стране, (в которой) имеется программа военно-прикладных исследований в ядерной области». Полтора года спустя после публикации издания в интервью главному редактору журнала В.А. Орлову один из главных авторов «Белой книги» начальник Управления СВР России Г.М. Евстафьев приоткрывает завесу тайны над целями и задачами, которые преследовали авторы работы.

- 21 **Евгений Маслин: «Пока что ни один ядерный боеприпас в России не пропал и не был похищен»** – Трудно было себе представить, чтобы в зарубежных СМИ в начале 1990-х гг. была более горячая тема, чем безопасность советского ядерного арсенала. Достаточно вспомнить фальшивки израильских СМИ о продаже ядерных боеголовок из Казахстана в Иран. В то же время нельзя было не признать в то время недостаток средств на обеспечение ядерной безопасности на объектах Министерства обороны РФ, куда вывозился стратегический ядерный арсенал из новых независимых государств. Подобное положение дел вызвало очевидную обеспокоенность и у российских военных. В интервью журналу *Ядерный Контроль* начальник 12-го Главного управления министерства обороны РФ Е.П. Маслин рассказывает о тех сложностях, с которыми сталкивались его подчиненные при решении поставленных перед ними задач.
- 27 **Сергей Кисляк: «Россия выступила против того, чтобы расколоть Конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных»** – Бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в совокупности с приближением к универсальности Договора, в первой половине 1990-х гг. создало эйфорию, в первую очередь – у ядерных государств, в отношении будущего режима нераспространения. Сейчас, по прошествии более десяти лет с момента принятия в Нью-Йорке исторического решения, очевидно, что она была преждевременной. Тем больший в этой связи представляет интерес дипломатическая работа, проделанная в рамках подготовки и во время Конференции делегациями ядерных государств, в первую очередь Россией и США. В интервью главному редактору журнала сразу после завершения заседания, на котором было принято решение о бессрочном продлении Договора, заместитель главы российской делегации на Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО (в настоящее время – заместитель министра иностранных дел) С.И. Кисляк рассказал о том, за счет чего удалось достичь успеха Конференции.
- 31 **Джаянта Данапала: «Теперь мы должны сделать весь мир безъядерной зоной»** – Главный творец бессрочного продления ДНЯО ответил на вопросы главного редактора журнала сразу после завершения финального заседания Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО. Один из выводов по результатам Конференции ее председателя Джаянты Данапала: «Когда многосторонняя дипломатия и международное сообщество сталкиваются с вызовом, который затрагивает глобальные интересы, международное сообщество способно достойно ответить на этот вызов, ответить объединенно». О сюрпризах в ходе Конференции, роли России в бессрочном продлении ДНЯО и перспективах режима нераспространения, как они виделись сразу же после бессрочного продления Договора, читайте в интервью ланкийского дипломата, ныне – претендента на пост Генерального секретаря ООН.

- 35 **Николай Кравченко: «Лишь 25% пунктов пропуска на границе оборудованы специальными приборами для пресечения ядерной контрабанды»** – В каком состоянии находился контроль над перемещением ядерных и радиоактивных материалов через российские пограничные рубежи в первой половине 1990-х гг., какие первоочередные задачи пришлось решать созданной в 1995 г. службе таможенного контроля над ядерными и радиоактивными материалами ГТК России, – в интервью главному редактору журнала рассказывает ее руководитель Н.Э. Кравченко. По мнению последнего, при существовавших на тот период формах контроля использование легальных перемещений ядерных и радиоактивных материалов с подменой или увеличением количества определенного в лицензии и заявленного в декларации ядерного и радиоактивного материала могло позволить осуществить незаконное перемещение таких материалов.
- 37 **Михаил Кириллин: «Несколько американских фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, связаны с иранцами»** – В середине 1990-х гг. спецслужбы Ирана предпринимали заметные усилия, чтобы заполучить ракетные и другие чувствительные технологии в России. Только за 1997 г. органами ФСБ было пресечено несколько разведывательных акций на указанном направлении. Одновременно с этим в зоне интересов научно-технической разведки Ирана находились европейские страны и США. В ноябре 1997 г. в ходе визита в Москву высокопоставленных руководителей ЦРУ директор ФСБ России Н.Д. Ковалев передал имеющиеся у его ведомства сведения о связях нескольких американских частных фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, с иранцами. Редакция журнала направила официальный запрос в Посольство США с просьбой прокомментировать этот факт, однако ответа так и не последовало. В интервью главному редактору журнала сотрудник ФСБ России М.Е. Кириллин рассказывает о тех мерах, которые предпринимались в середине 1990-х гг. для предотвращения утечки ракетных технологий в Иран.
- 41 **Валентин Евстигнеев: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики»** – Распространение спор сибирской язвы в США по почте и трудно контролируемое распространение птичьего гриппа по миру с новой остротой поставили вопрос о готовности государств к парированию биологических угроз. Несмотря на иной характер угрозы, не менее острой эта проблема была и в годы холодной войны. В интервью корреспонденту журнала Дмитрию Литовкину начальник Управления по биологической защите Министерства обороны РФ В.И. Евстигнеев рассказывает о задачах, стоявших перед его управлением, о том, где были добыты образцы американских биологических боеприпасов, в дальнейшем применявшиеся в натурных испытаниях на полигоне в Аральском море. Речь в беседе также идет о том, каким образом Россия готовится к отражению новых угроз в биологической сфере, включая акты терроризма с применением биологических агентов.

- 49 **Дмитрий Рогозин: «Протокольными нотами мировая история не пишется»** – Язвительное интервью в то время еще председателя Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ Д.О. Рогозина вызвало немало споров внутри Редакционной коллегии журнала и по форме, и по содержанию. Позиция, изложенная в интервью, относится к числу тех, с которыми можно не соглашаться, но которые заслуживают внимания. Тем более что в части своей она уже стала пророческой. Стала к сожалению, поскольку речь идет о террористических актах в Великобритании. В интервью журналу *Ядерный Контроль* депутат Государственной Думы рассуждает о российских интересах в Иране и КНДР и перспективах двухстороннего сотрудничества с этими странами и объединенной Европой, а также о наиболее перспективных, с его точки зрения, вариантах реформирования ООН.
- 55 **Мохамед Эльбарадей: «Режим ядерного нераспространения переживает трудные времена»** – Редколлегия журнала на протяжении всего времени существования журнала поддерживала и продолжает поддерживать экспертный и информационный диалог с представителями Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Диалог взаимопользованный и взаимообогащающий. На страницах журнала в разное время выступали генеральные директора МАГАТЭ Х. Бликс и М. Эльбарадей; члены Редколлегии и авторы журнала неоднократно выступали в стенах Агентства со своими экспертными оценками современных тенденций в области нераспространения и развития атомной энергетики. В интервью председателю Совета ПИР-Центра Р.М. Тимербаеву Генеральный директор МАГАТЭ Мохамед Эльбарадей рассказывает о ключевых задачах по укреплению режима нераспространения.

А Н А Л И З

- 59 **Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте – Михаил Кулик** – Журнал задумывался как трибуна – трибуна для представления не только экспертных оценок и мнений по тем или иным аспектам проблематики безопасности, но и как трибуна для постановки проблем, требующих неотложных решений. Одной из таких работ, открывающих глаза на гигантские проблемы, связанные с безопасностью хранения ядерных материалов в России в начале 1990-х гг., стала статья прокурора Северного флота М.Ф. Кулика, расследовавшего уголовное дело о факте хищения радиоактивных материалов на Северном флоте. Неисправная охранная сигнализация, заржавевший амбарный замок и старушки из сил военизированной охраны в то время были единственными препятствиями на пути матросов – похитителей ядерных материалов.
- 63 **Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? – Николай Соков** – При рассмотрении вопроса о дальнейшем сокращении ядерных вооружений России и США неизбежно возникает вопрос о будущем тактиче-

ского ядерного оружия (ТЯО). По мнению некоторых экспертов, этим классом Россия может компенсировать слабость своих обычных вооружений; некоторые пошли дальше и предлагали возвращение дополнительного количества ТЯО по периметру российских границ. В своей работе известный российский эксперт по вопросам контроля над вооружениями представляет свое отношение к тезису, популярному в России в начале 1990-х гг., о необходимости опоры на ТЯО в обеспечении обороноспособности страны, а также к инициативам, которые и сегодня не утратили свою актуальность, – выход России из Договора по РСМД и размещение ядерного оружия на территории Белоруссии.

- 71 **Обзор современной военно-биологической программы США и интересы России – Александр Кудакоев** – Сегодня уже не является секретом отход США от поддержки принципа запрещения биологического оружия (БО) через соответствующую Конвенцию с жестким контрольным механизмом. О причинах подобной трансформации можно только догадываться. Упомянем лишь, что еще в августе 1986 г. помощник заместителя министра обороны по политическим вопросам Д. Фейт, выступая перед комиссией палаты представителей по вопросам разведки, заявил, что Пентагон изменил мнение в отношении ценности БО с военной точки зрения, а договор, запрещающий это оружие, должен быть признан несовершенным и неопределенным. В материале российского эксперта по вопросам биологической безопасности рассматриваются отдельные направления исследований научно-исследовательских институтов Министерства обороны США в биологической области.
- 79 **Политика, новые технологии и XXI век – Александр Яковенко** – Информационная революция на стыке веков ускорила мировую поляризацию. В условиях появления новых высокотехнологичных производств, основанных на применении информационных технологий, падает значение стран, чье благосостояние и место в мире долгие годы основывались на их роли в добыче сырья и традиционных источниках энергии, и дополнительные преимущества получают страны, экспортирующие высокотехнологичную продукцию. В то же время качественный скачок в технологическом развитии цивилизации, помимо позитивных результатов, проявляется и в ряде негативных аспектов. В своей работе А.В. Яковенко, ныне заместитель министра иностранных дел РФ, рассматривая возможные негативные последствия информационно-технологического прорыва, приходит к выводу, что «неудачное экспериментирование в области генной и молекулярной инженерии может вызвать взрывоподобное размножение какого-либо болезнетворного вируса до создания препаратов, нейтрализующих его воздействие».
- 87 **Усама Бен Ладен и оружие массового уничтожения – Адам Дольник** – Статья молодого эксперта из Чехии (ныне исследующего проблемы борьбы с терроризмом в одном из ведущих научно-исследовательских институтов Сингапура) увидела свет за несколько дней до событий 11 сентября 2001 г. Редакционная колле-

гия, заказывая эту работу начинающему автору, конечно, не могла представить, до какой степени актуальным окажется этот текст; другое дело, что членам Редколлегии было очевидно, насколько мало внимания уделялось в то время изучению феномена и Талибана, и «Аль-Каиды». В статье рассматриваются личность террориста №1 Усамы бен Ладена, его мотивация, в том числе в части попыток приобретения оружия массового уничтожения (ОМУ), а также возможности «Аль-Каиды» в области создания ОМУ.

- 99 **Ядерное сдерживание и сокращение стратегических наступательных потенциалов – Юрий Балуевский** – В последнее десятилетие появилась новая форма ядерного сдерживания: сдерживание угрозой не применения, а приобретения ядерного оружия. При этом проводится сдерживание не столько прямых военных действий, сколько политического и экономического давления. Северная Корея уже прочно встала на этот путь. Нельзя исключать, что в Тегеране всерьез продумывают аналогичные шаги. Рассматривая указанные процессы, начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ делает вывод том, что в ближайшее время мир не откажется от ядерного оружия. В то же время, по его мнению, важной трансформацией политики в области ядерного сдерживания является уход от понятия «количественный паритет» ядерных сил и понимания ядерного оружия в качестве единственного гаранта национальной безопасности государства.

П О Л Е М И К А

- 105 **Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову – Дэвид Фишер** – История журнала, хочет того или нет его редакционная коллегия, неразрывно связана с историей ядерной программы Ирана. И если сначала в фокусе журнала находилось российско-иранское сотрудничество в области атомной энергетики, то с наступлением XXI века по понятным причинам центр внимания сместился к потенциалу Ирана в области создания ядерного оружия. В предлагаемой статье бывший помощник Генерального директора МАГАТЭ представляет свой взгляд на программу развития атомной энергетики в Иране и на российско-иранское сотрудничество в этой области. Часть положений статьи, как, например, необходимость вывоза отработанного ядерного топлива из Бушера в Россию, – не остались незамеченными российскими экспертами и оказали влияние на более точное формулирование российских условий сотрудничества с Ираном в ядерной области.
- 109 **Ядерный чемоданчик с тройным дном – Антон Суриков** – В августе 1994 г. в мюнхенском аэропорту был задержан колумбиец, прилетевший рейсом из Москвы, в чемодане которого было обнаружено более 350 граммов плутония. Зарубежными СМИ это было подано не иначе как доказательство наличия в России черного рынка ядерных материалов (ЯМ) и успех немецких спецслужб по предотвращению незаконного оборота ЯМ. Автор работы шаг за шагом восстанавливает истинную картину, где статис-

тами выступали граждане Испании, Германии и Колумбии. Умелыми же дирижерами операции, по мнению автора, проявили себя предстатели спецслужб Германии, которые, опять же по оценке автора, и подменили багаж колумбийца на чемодан, содержащий плутоний, наработанный на одном из немецких реакторов.

- 115 **О возможностях и путях осуществления инициативы Президента Российской Федерации – Николай Пономарев-Степной** – На Саммите тысячелетия в Нью-Йорке Президент России выступил с инициативой по организации международного проекта «Энергетическое обеспечение устойчивого развития человечества, кардинальное решение проблем нераспространения ядерного оружия и экологическое оздоровление планеты Земля». Через полтора года академик Российской академии наук Н.Н. Пономарев-Степной выступил на страницах *Ядерного Контроля* со своими подходами относительно возможных вариантов ее практической реализации, предложив вынести вопрос на обсуждение «Большой восьмерки». Теперь мы знаем, что среди приоритетов председательства в «восьмерке» в 2006 г. значится энергетическая безопасность, а нераспространение ОМУ будет в числе первоочередных вопросов для обсуждения глав государств на саммите в Санкт-Петербурге в июле 2006 г. Уже поэтому статья заслуживает внимания читателя.
- 121 **Кризис институтов международной безопасности в свете иракского конфликта – Андрей Пионтковский** – Кризис международных институтов был очевиден задолго до вторжения США в Ирак без санкции Совета Безопасности ООН. Однако именно это событие стало причиной очередной волны предложений и вариантов по реформированию ООН и ее институтов. Известный российский политолог в своей работе предлагает «Большой восьмерке» взять на себя роль эффективного мирового правительства. По мнению автора, традиционно неформальный и доверительный характер обсуждений в «восьмерке» наилучшим образом подходит для выработки совместных решений по ключевым вопросам мировой политики. При этом такая трансформация «Большой восьмерки» в ведущий институт международной безопасности невозможна без участия России.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 125 **Международный терроризм: предпосылки, идеология и методы противоборства** – Невиданные прежде по безжалостности и размаху террористические акты 11 сентября 2001 г., последовавшая за ними операция в Афганистане поставили перед учеными, политиками и правительственными ведомствами немало острых вопросов. Являются ли эти события первыми проявлениями нового глобального конфликта? Если такое предположение верно, то какова социальная и идеологическая природа этого конфликта? Где проходят линии фронта надвигающейся «третьей мировой войны»? Каковы средства и методы борьбы с международными террористическими организациями и движениями? Эти

и другие вопросы, связанные с глобализацией терроризма, были затронуты в ходе круглого стола, организованного журналом *Ядерный Контроль* и вызвавшего оживленный отклик наших читателей.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 141 **«Ядерный саммит» в Москве: подводя итоги – Владимир Орлов** – В апреле 1996 г. в Москве прошла встреча семи руководителей ведущих промышленно развитых государств (США, Великобритания, Франции, Германии, Италии, Канады и Японии) и России по вопросам ядерной безопасности. Впервые за свою историю «семерка» приехала для заседания в Россию. Впервые в повестке дня стоял один конкретный вопрос, который напрямую затрагивает интересы населения этих стран, да и всего мира – будущее атомной энергетики, обеспечение ее надежности. Впервые Россия участвовала в обсуждении совершенно на равных, за что встреча получила в дипломатических кругах наименование «политической восьмерки». Очевидно, что первый опыт оказался удачным, и спустя десять лет страны соберутся в России уже в формате «восьмерки». ПИР-Центр выступил в роли одного из консультантов по подготовке документов к саммиту. О том, каковы были задачи предыдущего саммита и какими оказались его результаты, рассказывает материал главного редактора журнала, принимавшего участие в мероприятиях саммита.
- 155 **США–Китай: новая основная линия мировых противоречий – Юрий Федоров** – Американская внешняя политика становится более жесткой по отношению к Китаю. Об этом можно судить и по выступлению К. Пауэлла в 2001 г. на слушаниях в комитете по международным делам Сената США, и по новой редакции Стратегии национальной безопасности США 2006 г. Автор статьи сравнивает современные американо-китайские взаимоотношения с первыми послевоенными годами в американо-русских отношениях, когда происходил тяжелый и не всегда логичный поворот от рузвельтовской концепции единого мира, в рамках которой Советский Союз рассматривался в качестве специфической, но все же части того, что тогда считалось цивилизованным миром, к Труменовской концепции сдерживания коммунизма.

О Б З О Р

- 157 **Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах третьего мира в период до 2015 года – Владимир Дворкин** – По уровню и изменению темпов развития ракетных технологий страны можно судить об изменении политики государства в области создания оружия массового уничтожения, поскольку многие типы ракет с точки зрения военного искусства не имеют смысла при оснащении головной частью с обычным взрывчатым веществом. В настоящее время более 20 стран Ближнего и Среднего Востока, Азии, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона имеют на вооружении ракетное оружие так-

тического и оперативно-тактического назначения. Автор рассматривает ракетный потенциал и перспективы его развития в странах третьего мира на период до 2015 г. Согласно выводам автора, в этот период возможно развертывание от 45 до 70 пусковых установок баллистических ракет, в зоне досягаемости которых будут находиться объекты военно-экономического потенциала России.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 167 **Контрраспространение: хорошо забытое старое – Илья Фабричник, Андрей Фролов** – В рамках эскалации конфликта вокруг иранской ядерной программы все отчетливее становится серьезность намерений влиятельных неоконсерваторов в США осуществить силовую операцию в отношении Ирана, вне зависимости от результатов урегулирования кризиса за столом переговоров. И здесь не стоит ожидать, что США будут добиваться международного одобрения своих действий. Впрочем, наряду с вопросом, решатся ли Соединенные Штаты на односторонние силовые действия, существует и второй вопрос – американскими или же израильскими «руками» будет осуществлена подобная операция, если соответствующее решение будет принято. Авторы статьи ищут ответы на вопросы сегодняшнего дня в истории, анализируя подготовку и ход операции израильских спецслужб от июня 1981 г. по уничтожению иракского ядерного исследовательского центра «Таммуз».
- 181 **Как СССР помогал Китаю создавать атомную бомбу – Роланд Тимербаев** – «Во времена добрых контактов мы подписали соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии, в том числе о передаче Китаю секретов технологии производства атомного оружия. Мы вообще давали Китаю все. У нас от него не было секретов», – писал Н.С. Хрущев в своих мемуарах относительно передачи Советским Союзом секретов ядерной бомбы Китаю. В соответствии с шестью соглашениями, подписанными СССР и КНР в период с 1955 по 1958 г., Советский Союз подробно знакомил китайских специалистов с конструкцией ядерного боезаряда, содействовал в создании испытательного полигона в Китае, а также консультировал в вопросе кооперации предприятий в рамках «китайского Минсредмаша». Постоянный автор рубрики журнала *Чрезвычайный и Полномочный Посол* Р.М. Тимербаев рассказывает об этапах развития двухстороннего сотрудничества в ядерной области, а также о причинах, по которым оно было свернуто.

П И С Ь М А Г Л А В Н О М У Р Е Д А К Т О Р У

- 187 **Сегодня я вижу три ключевые проблемы нераспространения – Ханс Бликс** – В своем письме на имя главного редактора журнала председатель Комиссии по оружию массового уничтожения и бывший многолетний Генеральный директор МАГАТЭ представляет свой взгляд на наиболее актуальные проблемы ре-

жима нераспространения, требующие неотложного решения. По мнению Х. Бликса, к таким угрозам следует отнести идентичность технологий, используемых для производства топлива для атомных реакторов и ядерных материалов оружейного качества; необходимость усиления инспекций МАГАТЭ и усиления физической защиты накопленных запасов ядерных материалов оружейного качества.

- 189 **Сергей Приходько, Александр Румянцев, Андрей Грановский, Виталий Корабельников, Борис Лабусов о журнале *Ядерный Контроль*** – Среди читателей журнала, которые на протяжении этих лет писали нам многочисленные письма в ответ на наши публикации, – эксперты правительственные и далекие от правительства, политологи, инженеры, журналисты, студенты... Но не будем скрывать, что нам всегда было интересно, что думают о наших публикациях наши самые информированные читатели – работники государственных структур. В юбилейном номере журнала приводятся фрагменты некоторых из таких писем.

191 S U M M A R Y

199 О Б А В Т О Р А Х

207 ЭКСПЕРТНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

211 СОТРУДНИКИ И ЭКСПЕРТЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ В 1994 – 2006 ГГ.

после
с. 104 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1994 – 2006 ГГ.

В цифрах текущего года – 2006 – нет ни одной «восьмерки». Но так получилось, что для нас в ПИР-Центре он проходит под знаком «восьмерки». И не одной.

Начать, конечно, следует с того, что этот год – год председательства России в «Большой восьмерке», год «восьмерочного» саммита, который состоится в июле в Стрельне (под Петербургом) и на котором, среди прочего, будут обсуждаться такие вопросы, как энергетическая безопасность; развитие перспективных международных проектов в области атомной энергетики; биобезопасность и предотвращение эпидемий инфекционных заболеваний; нераспространение ядерного оружия... ПИР-Центр принимает деятельное участие в мероприятиях, предшествующих саммиту, а также планирует внести свой вклад в подведение итогов российского председательства осенью 2006 г.

Но мне уже приходилось – и на страницах *Ядерного Контроля*, и на страницах других изданий ПИР-Центра – подробно рассказывать о нашей деятельности в связи с «Большой восьмеркой». Поэтому сейчас я – не об этом, а о других «восьмерках».

Посмотрите на номер журнала, который вы держите в руках. Он – восьмидесятый с момента начала издания *Ядерного Контроля*. Юбилейный.

Чтобы отметить юбилей, обычно приглашают гостей. Так поступили и мы в ПИР-Центре, пригласив наших постоянных авторов, членов нашего Экспертно-консультативного совета, друзей и партнеров журнала на презентацию № 80 в Москве, 20 апреля 2006 г.

Но я также решил «пригласить» на этот юбилей и... статьи. Статьи из предшествующих номеров, вышедших за без малого двенадцатилетнюю историю журнала.

Вообще-то рискованное занятие: как они будут выглядеть в сегодняшнем свете? Не будут ли отдавать нафталином? Или «разоруженческой романтикой» середины 1990-х гг.?

Судить вам. Должен признаться честно: у меня к этому номеру отношение предвзятое. Мне – как бессменному главному редактору – погружение в «археологические пласты» *Ядерного Контроля* доставило немало удовольствия. Когда являешься редактором журнала, то хочешь не хочешь, а читаешь его весь – от корки до корки, и не по одному разу. Поэтому каждая статья тебе знакома, как часто хоженная тобой тропинка в лесу, пусть и прошло уже несколько лет с тех пор как ты последний раз ступал на нее. И памятна судьба каждой статьи, каждого интервью: сколько мучительной редактуры с одной; сколько согласований с автором – с другой; и сколько согласований, и уже совсем не с автором – с третьей! Но вот – статья вышла из печати, помещенная в очередной номер, и начинает жить уже своей жизнью, и часто тебе остается только удивляться...

«Что написано пером – не вырубишь топором» – такую незатейливую заповедь не раз напоминали нам в студенчестве, на факультете журналистики МГИМО. И вот теперь, доставая из архивов номера прошлых лет, иногда произносишь все больше междометия: «Ого! Так об этом уже думали десять лет назад!» Или: «Ну и ну... как же все изменилось с тех пор!» Или: «О-о-о... Откуда же это он уже тогда знал?»

Конечно, многое изменилось. Ранее «дырявые» хранилища на Северном флоте, о которых писали в 1995 г. (автор – военный прокурор М.Ф. Кулик), теперь не просто залатаны, но и стали образцом международного сотрудничества по ядерной безопасности... У. Бен Ладен, статью о масштабных террористических намерениях которого мы опубликовали за две недели до 11 сентября 2001 г. (автор – чешский аналитик Адам Дольник), нанес-таки свой удар, который во многом заставил нас пересмотреть возможности негосударственных субъектов в международных отношениях...

Но и – многое не изменилось. Перечитываешь, например, интервью генерал-лейтенанта Г.М. Евстафьева, тогда руководителя одного из управлений СВР, данное им для первого номера *Ядерного Контроля*: та же Северная Корея... тот же Иран... Дежавю? Или взять статью А.В. Яковенко о новых технологиях в XXI веке, написанную им еще в XX веке: если не знать, то кажется, что это фрагмент из сегодняшних дискуссий.

Но если перечитывать архивы *Ядерного Контроля* для меня было удовольствием, то вот отбирать материалы для юбилейного номера – настоящим мучением. *Ядерный Контроль* всегда был силен своими авторами. Конечно же, материалов, достойных того, чтобы быть снова воспроизведенными сегодня, куда больше, чем может вместить в себя стандартный номер. А я решил в этом, если хотите, альманахе не отходить от структуры и формата традиционного номера.

Всю ответственность за композицию № 80 беру на себя. В этом смысле это очень субъективная подборка, куда более субъективная, чем состав статей «обычных» номеров. Там я не позволяю себе решать по принципу: «Раз мне нравится – значит и читателю понравится»; всегда помню, насколько разнообразна у журнала читательская аудитория. Но в случае с юбилейным номером я поступил именно так: подобрал по собственному вкусу. Так что – никаких других критериев, разве что: не больше одной статьи одного автора; и чтобы были представлены статьи разных лет и разных жанров.

В отличие от «обычного» номера *Ядерного Контроля*, в юбилейном – не одно и не два интервью, а без малого десяток. Мне всегда казалось, что *Ядерный Контроль* не должен становиться очередным засушенным научным журналом, но должен всегда оставаться на острие полемики, на острие событий, являясь журналом *научно-практическим*. Эксклюзивные интервью неизменно помогали решать эту задачу.

Большой соблазн: взять ножницы и начать «кромсать» статьи уже приличной давности, чтобы они выглядели «посвежее». Старался сдержаться. В некоторых случаях, не буду скрывать, применял правку-сокращение, чтобы освободить чуть больше места и представить большее разнообразие точек зрения, дать возможность как можно большому числу авторов высказаться в этом многоголосье. Но играл я по-честному: везде, где проведены сокращения, это соответственно отражено.

Думаю, для предисловия достаточно. Приглашаю вас в путешествие – по годам, по темам, по страницам *Ядерного Контроля* 1994–2006 гг.

Владимир Орлов,
Главный редактор

P.S. ... и со следующего номера начнется новый отсчет в истории журнала, так как этот номер – №80 – последний, выходящий под названием *Ядерный Контроль*.

Как я и рассказывал вам ранее, следующий номер выйдет под новым названием. Отныне он будет называться *Индекс Безопасности* и носить подзаголовок «Российский журнал международной безопасности».

Все читатели *Ядерного Контроля* позднее в этом году получат анкету, заполнение которой автоматически даст возможность получить четыре последующих номера журнала *Индекс Безопасности*. То есть, привнося новизну, мы сохраняем преемственность; расширяя читательскую аудиторию, сохраняем нынешних читателей.

Так что следующий номер будет и № 1 (Весна 2007), и одновременно № 81. Или, если хотите: № 8 – 1. Опять «восьмерка». «Восьмерка» с прицелом в будущее.

Начальник Управления по контролю над вооружениями и распространением оружия массового уничтожения СВР России Г.М. Евстафьев ответил на вопросы главного редактора журнала В.А. Орлова¹.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: С момента издания СВР своеобразной «Белой книги»² по нераспространению прошло более полутора лет. Какие наиболее важные факты и оценки следовало бы, на сегодняшний день, к этой книге добавить? Что устарело?

ЕВСТАФЬЕВ: Прежде всего, хотелось бы сказать, что известный доклад СВР по проблеме нераспространения оружия массового уничтожения вызвал определенный резонанс, и можно сказать, что поставленная нами цель была достигнута.

В истекшие полтора года положение дел с ядерным и химическим оружием в мире прочно стало в центре внимания руководителей всех ведущих стран мира и международных организаций (ООН, МАГАТЭ, НАТО), о чем свидетельствуют и некоторые личные инициативы, выдвинутые ими. В большинстве своем – это отражение серьезной озабоченности.

Особое внимание вызывала и вызывает проблема контроля над ядерным оружием и такими связанными с ним процессами, как расползание военных ядерных и двойных технологий и попытки протиснуться в «ядерный клуб», опасность ядерного терроризма, особенно в контексте растущего нелегального оборота радиоактивных материалов и т. п.

Мировое сообщество более активно ищет пути укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), запрещения подземных ядерных взрывов, выработки привлекательных стимулов для того, чтобы отвратить некоторые страны от приобретения военного ядерного потенциала. Более глубоко, чем когда-либо раньше, ведется проработка системы гарантий в отношении неядерных государств.

Сама тенденция в военном ядерном нераспространении пока, к сожалению, противоречива. С одной стороны, произошло фактическое ядерное разоружение ЮАР (демонтировано 6 боезарядов), с другой – продолжает оставаться очень острой ситуация вокруг КНДР, прозвучали совершенно определенные заявления относительно обладания ядерным оружием Пакистана и о необходимости его иметь в будущем...

Стали более ясными возможности Израиля в сфере ядерного оружия. На фоне нежелания Тель-Авива даже обсуждать вопрос это не радует.

Есть обвинения в адрес Ирана, Алжира. Некоторые американские специалисты утверждают, что Ирак якобы даже после разоружения его Спецкомиссией Совета Безопасности ООН сохраняет утаенные возможности быстро восстановить определенный уровень

военно-прикладных исследований. Во всем этом потоке, помимо реальной информации, есть и голословное, наносное.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как вы, на основании имеющихся данных, могли бы оценить сегодняшнее положение дел в ядерной сфере на Корейском полуострове и перспективы развития событий там?

ЕВСТАФЬЕВ: Этот вопрос, как вы понимаете, состоит из трех частей и затрагивает проблему наличия ядерного оружия в КНДР и Южной Корее.

Южная Корея не имеет ядерного оружия и СВР не располагает данными о том, что Сеул в настоящее время ведет разработку ядерного оружия. Учитывая известное заявление Южной Кореи и США, следует полагать, что американское тактическое ядерное оружие с юга полуострова выведено. Таким образом, вопрос фактически сводится к тому, обладает ли Пхеньян атомной бомбой.

СВР не исключает, что на рубеже 1970-х гг. в КНДР было принято политическое решение о начале работ по созданию ядерного оружия. Однако, в силу различного рода трудностей экономического, финансового, научно-технического характера, военная часть ядерной программы КНДР развивалась волнообразно. Отмечались случаи ее замораживания и последующего восстановления. Рост внешнеполитической и экономической изоляции КНДР еще более усилил трудности в этой области.

Тот факт, что Пхеньян, присоединившись к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1985 г., подписал соглашение с МАГАТЭ о гарантиях лишь в январе 1992 г., может свидетельствовать о том, что северокорейцы продолжали примерно до этого времени работы в рамках ядерной программы.

По нашему мнению, к моменту начала первых инспекций МАГАТЭ ядерных объектов КНДР в мае 1992 г. северокорейцы в основном свернули военную часть ядерной программы и предприняли меры по сокрытию своей прежней деятельности в этом направлении.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют с достаточной уверенностью полагать, что КНДР не располагает ядерным оружием. Даже допуская возможность наработки определенного количества оружейного плутония, измеряемого несколькими килограммами, создание дееспособного ядерного заряда представляется мало реальным. По оценке экспертов, нынешний научно-технический уровень и технологическая оснащенность ядерных объектов в КНДР не позволяют северокорейским специалистам создать ядерное взрывное устройство плутониевого типа, пригодное для полигонных испытаний, и тем более смоделировать холодное испытание боезаряда плутониевого типа в лабораторных условиях.

Косвенным подтверждением этого вывода служат результаты инспекций МАГАТЭ в КНДР. Не отрицая самой возможности использования имеющегося в стране ядерного потенциала для проведения работ по военно-прикладной тематике, эксперты Агентства не смогли найти данных, свидетельствующих о вестущихся в КНДР работах по созданию ядерного оружия.

В настоящее время большую обеспокоенность у нас вызывают условия хранения выгруженного в мае 1994 г. реакторного топлива. Дело в том, что северокорейские хранилища отработанного топлива не приспособлены к его длительному хранению. Они строились из расчета на то, что выгруженное топливо после необходимого периода охлаждения будет перерабатываться. По нашим оценкам, до решения вопроса о вывозе топлива из КНДР для переработки за границей *в срочном порядке* необходимо дооборудовать эти хранилища. Здесь северокорейцам потребуются техническая и финансовая помощь международного сообщества, в первую очередь тех государств, которые обладают передовым опытом обращения с радиоактивными материалами.

Оценивая перспективы развития ситуации на Корейском полуострове, мы полагаем, что в конечном итоге она будет нормализована. Мы внимательно следим за переговорным процессом между КНДР и США и отмечаем в нем позитивные сдвиги. В то же время мы

не ожидаем «обвальную» нормализацию американо-северокорейских отношений и объединения двух Корей в ближайшей перспективе. В этом треугольнике накопилось такое количество проблем, столько взаимного недоверия и подозрений, что потребуются значительное время и большие усилия для развязывания сформировавшихся здесь узлов противоречий.

Следует отметить, что закрыть северокорейский ядерный вопрос в широком смысле не представляется возможным. Развитие мирной ядерной энергетики предопределено объективными факторами. В частности, весьма остро стоит вопрос самообеспечения электроэнергией. КНДР не имеет разведанных нефтяных запасов. Вся нефть импортируется из-за рубежа. В стране ощущается острая нехватка электроэнергии, и в этой связи развитие АЭС представляется наиболее перспективным, я бы сказал, неизбежным путем для КНДР. Этот путь предполагает строительство и эксплуатацию под контролем МАГАТЭ надежных легководных реакторов, исключающих наработку оружейного плутония. Здесь открывается широкое поле для международного сотрудничества с КНДР в области мирной ядерной энергетики. Одновременно это будет означать конкуренцию за северокорейский рынок. В интересах России, как представляется, занять на нем достойное место, тем более что опыт сотрудничества с КНДР в области ядерной энергетики имеется. Более того, Россия понесла определенные материальные потери в результате участия в мероприятиях мирового сообщества по противодействию возможным намерениям КНДР в ядерной сфере. Мы, видимо, имеем основание на их компенсацию при договоренностях о путях развития ядерной энергетики КНДР.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Дальний Восток – это еще и Япония, с ее научным и техническим потенциалом, с определенными амбициями. Все чаще появляется информация, что если только будет принято соответствующее политическое решение, Япония станет ядерной державой за месяц-два. Верно ли это? И если верно – то видны ли проявления подобных намерений в японском руководстве?

ЕВСТАФЬЕВ: Вопрос о Японии звучит актуально. Сейчас стало публично известно то, что ранее знали только представители спецслужб некоторых государств, а именно: в японском истеблишменте, объявившем о трех неядерных принципах, были и, видимо, есть такие силы, которые не прочь обзавестись ядерным оружием.

Да, не вызывает сомнения, что с научной, технической, финансовой и других точек зрения Япония может очень быстро решить задачу приобретения военной ядерной способности.

В свое время многих всколыхнула информация о закупке японцами плутония во Франции. «Японский плутониевый проект», как его называли, дал повод к выступлениям и критике, и японцы быстренько решительно сократили свои запросы. Настораживают и сообщения прессы об обнаружении неучтенных запасов ядерных материалов.

Пойдет ли японское руководство по ядерному пути? Я считаю, что вряд ли. Но в том-то и кроется опасность, что незавершенность ситуации вокруг ядерной программы КНДР может спровоцировать Японию, да и Южную Корею на разработку и создание ядерного оружия.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие государства вы могли бы отнести к числу «новых пороговых стран»? Скажем, с Индией, Пакистаном, Израилем ситуация более или менее прояснена. Вопрос именно о новых, то есть о тех странах, которые раньше не вызывали серьезной озабоченности.

ЕВСТАФЬЕВ: Сама постановка вопроса о «новых пороговых странах», на мой взгляд, преждевременна. Прежде чем решиться на определение какой-то страны в качестве «пороговой», надо иметь для этого веские основания. Как СВР отмечала в своем докладе, военно-прикладные исследования в ядерной сфере ведутся в ряде стран, но «клеить» их как «пороговые» не следует. Ядерное вооружение – это все еще многоплановая, многомиллиардная, сложная научно-техническая операция, которая мало кому под силу.

Своевременная постановка вопроса о нераспространении ядерного оружия позволила получить маленькую передышку.

Я бы хотел обратить внимание на другое. Сейчас мировое сообщество, как, пожалуй, никогда раньше, стоит перед выбором. Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военной сфере, либо в перспективе будем считать «пороговые» и «неофициальные ядерные державы» десятками. Вот тогда всем нам покажется *небо с овчинку*. У нас, у мирового сообщества, есть время (правда, мало!) и возможности предотвратить процесс расползания военных ядерных технологий и технологий двойного применения.

Например, на опыте переговоров между КНДР и США по ядерной проблеме некоторые недалёковидные люди задаются вопросами типа: «Какую цену за отказ от ядерных амбиций могут запросить в будущем некоторые режимы на Ближнем и Среднем Востоке?» Скажем, США, обсуждая поставки реакторов на легкой воде с Пхеньяном, отказывают Тегерану в передаче аналогичной технологии.

По-моему, в том, что касается нераспространения ядерного оружия, нет такой цены (конечно, в пределах разумного), которую не стоило бы заплатить за отказ какой-то из стран «группы риска» от приобретения ядерного потенциала.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Насколько можно быть уверенным в выполнении Украиной взятых на себя обязательств по ядерному разоружению? Насколько надежно контролируются охрана боеголовок, их демонтаж, транспортировка?

ЕВСТАФЬЕВ: Хочу сразу оговориться, что в отношении Украины мы разведку не ведем, и поэтому в ответе на ваш вопрос буду исходить из общедоступных фактов.

В соответствии с достигнутыми договоренностями, Россия и Украина совместными усилиями обеспечивают безопасность в процессе снятия ядерных боезарядов с ракет и при их транспортировке. При этом транспортировка ядерных боезарядов осуществляется силами и средствами российской стороны, украинская же сторона обеспечивает безопасные условия передвижения ядерных боезарядов по своей территории.

В данном контексте также вызывают *оптимизм* и заявления президента Л.Д. Кучмы о том, что Украина и далее будет строго следовать трехсторонним договоренностям, стремясь как можно скорее вывезти все ядерные боезаряды со своей территории.

Таким образом, положено начало процессу реального ядерного разоружения Украины, и, как представляется, имеются хорошие возможности для его дальнейшего успешного продолжения.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В последние месяцы слухи о ядерной контрабанде из России приобрели характер «эпидемии», а может быть, и «моды». Понятно, что большинство вопросов здесь должно быть обращено к Федеральной службе контрразведки. И все-таки, известны ли вам случаи подтвержденной контрабанды из России значительных количеств высокообогащенного урана, или оружейного плутония, или же других веществ, которые реально могли бы быть использованы террористическими группами для создания ядерного оружия?

ЕВСТАФЬЕВ: Слово «эпидемия», на мой взгляд, не совсем соответствует реальному положению дел. Здесь дело сложнее. Я не хочу быть *ура-патриотом* и заявлять: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Нынешние преступники изощрены, а просчеты бывают у кого угодно. Ну, например, у американцев колоссальные недостатки обогащенных расщепляющихся материалов (некоторые говорят – с 1945 г. около 20 т), но они считают, что у них система учета и охраны этих материалов лучше всех. У англичан в Даунри в 1991 г. объявлено о пропаже 10 кг высокообогащенного урана. Потом списали 8 кг, так и не найдя. В Японии недавно обнаружили несколько десятков килограммов неучтенного плутония. Можно привести и другие примеры. Но все западные страны – и особенно те, которые не имеют представления о ядерном оружейном комплексе, – пытаются доказать, что в России царит хаос в ядерно-оружейной сфере и поэтому ее, стало быть, надо брать под международный контроль. Думаю, что конечная

цель наших партнеров настолько понятна, что ее даже не надо комментировать. Ажиотаж вокруг этой проблемы не нов. Он длится уже три года, и теперь можно говорить, что он кем-то *сознательно* постоянно подпитывается.

На этапе 1991–1992 гг. ясно прослеживается задача убедить мир, что российские ядерные боеголовки (2–3 шт.), расположенные в Казахстане, плохо охранялись и были проданы Ирану. Некоторые балуются этой идеей еще и теперь. Тогда речь шла о «продажных офицерах российской армии». Теперь речь идет о «продажных специалистах российского ядерного комплекса», вступающих в сделку с мафией. Сейчас главным полем деятельности «российских преступников» стала Германия, находящаяся накануне выбо-

Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, кампания вокруг контрабандной утечки материалов действительно вызывает озабоченность. То, что обвинения в российский адрес так муssiруются в прессе, может иметь негативные последствия.

Почему? Не секрет, что у нас сильно возросло количество лиц, стремящихся получить «быстрые» большие деньги любыми путями. Этим людям наплевать, что, по всем меркам разумного мышления, невооруженным взглядом видна явная алогичность такого явления, как «черный рынок» уранового ядерного топлива для атомных реакторов. Но западные да и наши средства массовой информации дают регулярно «данные» по уровню цен на радиоактивные материалы в нелегальной торговле. Зачем? Может быть, затем, чтобы вызвать обвальный рост предложений и тем самым вызвать действительно хаос.

В последнее время на нелегальном рынке, по утверждениям западных средств массовой информации, появилась новая тенденция. Теперь пишут о предложениях ядерных материалов оружейного качества. Везде, естественно, только «российский след». Что же имеем на самом деле? Вот мнение российских экспертов:

- Уран, задержанный в Германии 13 июня 1994 г. С таким изотопным составом он в России не производился и вообще в российском ядерном оружии используется уран с другими качественными характеристиками. Кстати, такой уран может производиться в других странах, имеющих ядерные вооружения.
- Плутоний, захваченный в Германии 10 августа 1994 г. Плутоний такого изотопного состава *никогда в России не производился*.

Аналогичная ситуация складывается и по другим случаям. Но российская сторона неоднократно заявляла и своими действиями подтверждала готовность к совместным действиям по предотвращению нелегального оборота расщепляющихся материалов. Об этом свидетельствует и заключенный (по поручению Президента России Б.Н. Ельцина) директором ФСК С.В. Степашиным со статс-секретарем Б. Шмидбауэром Меморандум о сотрудничестве между спецслужбами России и Германии. Но мы готовы и к более широкому сотрудничеству по предотвращению распространения технологий оружия массового уничтожения в тех странах, где его нет.

Здесь западным странам, прежде всего Германии, еще предстоит многое сделать, чтобы перестать быть источниками утечки двойных и военных технологий, материалов и оборудования по созданию оружия массового уничтожения.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В Москву приезжают представители руководства США и ФРГ, проводят встречи на самом высоком уровне, где говорят о «ядерной» мафии и способах борьбы с ней. Вы в свое время говорили, что вероятность возникновения такой мафии крайне невелика. Что-то изменилось за последний год? Не пора ли приоткрыть завесу: «ядерная мафия» – это угроза или миф?

ЕВСТАФЬЕВ: В моем представлении «мафия» – это хорошо организованная группа высокопрофессиональных преступников. Они занимаются преступным бизнесом таким образом, что получают доступ к каким-то запрещенным или закрытым вещам и извлекают из этого колоссальные доходы.

Что мы имеем здесь? Как правило, действия малопрофессиональных мелких уголовников, которые зачастую даже не представляют, что украденные ими материалы, во-первых, представляют опасность для их собственного здоровья, во-вторых, продаются ими за деньги значительно меньше тех, которые эти материалы стоят на официальном рынке. В этом-то алогичность и курьезность нынешней контрабанды расщепляющихся материалов, которая поддерживается часто искусственно, за счет высоких цен, которые готовы заплатить некоторые полицейские органы за возможность победной реляции о «перехвате очередной партии контрабанды», об «обнаружении каналов утечки материалов».

Если вы хотите знать мое мнение, то, конечно, никоим образом нельзя говорить о «мафии ядерной», по аналогии с наркобизнесом, в который вовлечены десятки тысяч людей и который манипулируется действительно хорошо организованными профессионалами. Но наша задача, тем не менее, не дать злоумышленникам создать реальную мафию. Все остальное – это, по крайней мере на сегодняшний день, не больше чем разгоряченные предвыборной борьбой фантазии некоторых политиков, делающих на этом карьеру.

Примечание

¹ Здесь и далее должность указана на момент публикации материала.

² Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. Открытый Доклад СВР за 1993 г.

Евгений
Маслин

ПОКА ЧТО НИ ОДИН ЯДЕРНЫЙ БОЕПРИПАС В РОССИИ
НЕ ПРОПАДАЛ И НЕ БЫЛ ПОХИЩЕН

[Опубликована в № 5 (5), май 1995]

Начальник 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации Е.П. Маслин ответил на вопросы Главного редактора журнала В.А. Орлова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Евгений Петрович, не каждый знает, что такое «12-е Главное управление Минобороны».

МАСЛИН: Управление занимается вопросами разработки, испытаний, эксплуатации ядерных боеприпасов, их хранения, доставки в различные виды вооруженных сил, транспортировки. Чтобы вы лучше себе представляли задачи нашего Управления, проследите весь путь ядерного боеприпаса, начиная от ворот предприятий Минатома и заканчивая стыковкой с носителем или подвеской под него. Итак, мы занимаемся боеприпасами, но не ядерными материалами, – это прерогатива Минатома. Тем не менее на заводах находятся наши военные представители, которые следят за качеством сборки боеприпасов. Мы пристально следим за безопасностью и эффективностью боеприпасов. Мы также отвечаем за возврат устаревших ядерных боеприпасов в промышленность, и военпреды следят за процессом разборки боеприпасов. Хранение стратегического запаса – также одна из функций Управления. Оно осуществляет технический контроль, проводит единую техническую политику в видах вооруженных сил, являясь своего рода поставщиком и контролером тех видов вооруженных сил, где имеются ядерные боеприпасы. Наконец, в состав Управления входят службы специального контроля, которые осуществляют контроль над проведением испытаний ядерного оружия на зарубежных полигонах, фиксируют всевозможные возмущения в земной коре (в том числе землетрясения), обладают развернутой системой контроля над всеми возможными следствиями испытаний ядерного оружия. Я упомянул, среди прочих, задачу Управления по проведению испытаний ядерного оружия. Как вы знаете, в настоящее время мы подземных ядерных испытаний не проводим, соблюдая объявленный мораторий. В то же время подразделения 12-го Управления продолжают испытания по совершенствованию безопасности и надежности ядерных боеприпасов и зарядов во время аварийных ситуаций: пожаров, обстрелов складов, соударений и т. д.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вопросы ядерной безопасности, насколько я понимаю, из числа наиболее труднорешаемых. Скажем, вопросы учета, контроля и физической защиты ядерных боеприпасов и материалов только сейчас начинают обсуждаться открыто.

МАСЛИН: Сначала договоримся о терминах. Что такое ядерная безопасность? Ведь учет и контроль ядерных материалов – это только частичка безопасности. Если посмотреть шире, то понятие «ядерная безопасность ядерного оружия» означает внутреннее свойство ядерного боеприпаса, которое при соблюдении норм эксплуатации исключает нештатный ядерный взрыв при любых обстоятельствах, а также снижает до определенной степени риск радиологического загрязнения местности при аварийных воздействиях. Чем обеспечивается, ядерная безопасность? *Во-первых*, конструкцией боеприпаса. *Во-*

Н
И
Т
Е
Р
Ь
Ю

вторых, хранением. Боеприпас должен храниться в сверхпрочных хранилищах с соответствующей системой защиты, стены и крыши которых выдерживают большие перегрузки. Те объекты, которые вызывают наибольшее беспокойство с точки зрения безопасности, мы просто закрываем. За последнее время мы сократили места хранения ядерных боеприпасов в 2,7 раза: четыре объекта на Украине, а также около Гомеля в Белоруссии, в Семипалатинске, в Нальчике, на Дальнем Востоке. *В-третьих*, подбором персонала.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Об этом расскажите поподробнее.

МАСЛИН: В Министерстве обороны действует специальная система подбора людей, которые эксплуатируют ядерные боеприпасы. Наши научно-исследовательские учреждения работают над усовершенствованием методики тестирования кандидатов с учетом индивидуальных физиопсихологических качеств. Обучение персонала начинается в специальных училищах. Затем по каждому виду ядерных боеприпасов проводится доподготовка и переподготовка. Допуск военнослужащего к эксплуатации ядерного боеприпаса разрешается, только если он по результатам обучения получил оценки не ниже «хорошо». В отношении офицеров и прапорщиков действует безусловный принцип: выпил – отстраняешься от допуска к эксплуатации ядерных боеприпасов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вернемся к мерам обеспечения ядерной безопасности оружия.

МАСЛИН: Четвертая среди них – физическая защита хранилищ. Вокруг каждого хранилища создается несколько рубежей защиты, причем каждый рубеж основан на определенном физическом принципе. *В-пятых*, использование специальных транспортных средств при перевозках. Так, автомобили имеют такую систему защиты, что даже при их опрокидывании ядерный боеприпас не может быть поврежден в той степени, чтобы создалась какая-то аварийная ситуация. В железнодорожных вагонах поддерживаются определенные климатические условия. *В-шестых*, целая серия правил при работе с изделием. Например, одно из правил гласит: с изделием не могут работать меньше трех человек. *В-седьмых*, система учета и контроля ядерных боеприпасов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как она действует?

МАСЛИН: Я в любой момент могу узнать, где какой боеприпас находится. Каждые полгода проходит инвентаризация. В хранилищах никто не появляется без нужды, только для технического обслуживания. Каждый транспортируемый боеприпас тоже находится все время под контролем. Вместе с тем эту систему нужно совершенствовать. Прежде всего – автоматизировать. У американцев есть такая автоматизированная система. У нас тоже есть наработки. Мы обменивались демонстрацией на компьютерах. У нас математическое обеспечение выше, на мой взгляд, но нам не хватает только самих компьютеров.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Верно ли, что один из самых уязвимых моментов – транспортировка ядерных боеприпасов?

МАСЛИН: Да. Когда боеприпас находится в хранилище, в контейнере, то трудно вообразить, что с ним реально может произойти аварийная ситуация. А вот при транспортировке вообразить это не сложно. Поэтому мы работаем в тесном контакте с Министерством транспорта, МВД и ФСБ. Транспортное средство с боеприпасами находится в постоянном сопровождении специально подготовленных военнослужащих, которые обучены, как защищать боеприпасы от террористов, знают, какие меры принимать при аварийных ситуациях. Вот, например, сейчас, во время нашего разговора, очередной эшелон с ядерными боеприпасами с Украины пересекает границу и въезжает на российскую территорию. Весь путь эшелона от места демонтажа боеголовок до места их разборки – это наша первейшая забота.

С помощью США мы внедряем новые транспортно-защитные устройства (ТЗУ), или суперконтейнеры, которые позволяют более надежно транспортировать ядерные боеприпасы. Суперконтейнеры практически не горят, их нельзя прострелить. В августе 1994 г. мы проводили учения с реальным столкновением железнодорожных поездов. Результаты учений обнадеживающие. Мы уже используем ТЗУ, например, в случае с вышеупомянутым эшелонном с Украины.

В вопросе транспортировки наш подход к безопасности традиционно отличается от американского. США предпочитают для ядерных перевозок воздушный транспорт, считают, что авиация надежнее железных дорог и автомобильного транспорта.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Значит ли это, что именно вопросы транспортировки ядерных боеприпасов являются вашей основной *головной болью*?

МАСЛИН: Я бы так не сказал. Основная *головная боль* у меня – вопрос жилья для офицеров, работающих по эксплуатации ядерного оружия. Знаю, что его нельзя быстро решить. Но знаю также, что не решать его тем более нельзя. При острой потребности в четыре тысячи квартир в прошлом году мы получили, дай бог, пятьсот.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Жилищная проблема не попала в число проектов, финансирования которых осуществляется по российско-американской Программе уменьшения ядерной опасности, известной больше как «план Нанна–Лугара». Тем не менее, в рамках этой программы США уже оказали некоторую помощь по уничтожению сокращенных стратегических вооружений России, повышению ядерной безопасности. В России нет единого мнения о характере этой помощи. Известны высказывания, что это и не помощь вовсе, а если и помощь – то прежде всего американским же компаниям. Говорят, что мы вполне могли бы обойтись без плана Нанна–Лугара. Приводят целую систему аргументации.

МАСЛИН: Я хорошо знаю эту аргументацию. И хотя отдельные ее положения можно принять, в целом с ней согласиться не могу. Возьмите те же ТЗУ. Американцы выполнили обещания по их поставке точно в срок. Нам это, замечу, не стоило ни копейки. Зато те наработки, которые предложили американцы, действительно позволили повысить защищенность боеприпасов при транспортировке. США передали нам также оборудование, которое позволяет ликвидировать последствия аварийных ситуаций. Оборудование, которое наши заводы не производят. Разве это не осязаемые плюсы? Действительно, США выделяют деньги, прежде всего, для своих производителей. Но смогли бы мы, например, сегодня сами осилить ТЗУ? Каждый суперконтейнер стоит порядка 50 млн рублей. А все то, что мы получили из США, – это же бесплатно. Почему не воспользоваться этим? Потому что «они хотят нас разоружить»? Естественно, хотят. Потому что они боятся, бояться и еще долго будут бояться нашей ядерной мощи. А между тем мы составили такие рамочные соглашения, которые не ущемляют ни наших интересов, ни нашей безопасности. Высокая политика – не моя сфера. Но то, что я наблюдаю в рамках вверенного мне ядерного хозяйства, говорит о том, что американская помощь оказывается эффективной и обязательству в целом выполняются. Больше того, они спрашивают: «Что вам еще нужно для повышения ядерной безопасности?» Отвечая: «Дайте нам еще 600 таких контейнеров». Мои американские собеседники это записали и обещали выполнить как можно быстрее. К тому же предложили оборудовать еще несколько железнодорожных вагонов аварийным оборудованием, заняться диагностикой железнодорожных путей, проверкой качества рельсов. Наконец, мы обсуждаем поставки Министерству обороны России американского компьютерного оборудования. В чем мы отстаем от американцев, так это в компьютеризации системы контроля и учета ядерных боеприпасов.

Помимо США, у нас заключены аналогичные соглашения с рядом других стран (Великобритания, Франция, Италия, ФРГ). Например, англичане очень четко и в короткий срок создали для нас суперконтейнеры и уже поставили их нам. Только что в Петербург прибыли еще 47 контейнеров, и мы сразу направим их по назначению. Великобритания также поставила бронированные автомобили весом в 18 тонн, приступила к обучению российского персонала по транспортировке боеприпасов на этих машинах. Франция также будет изготавливать контейнеры для Министерства обороны, правда, другого типа. Италия поставит радиационные приборы, которые позволяли бы осуществлять мониторинг радиоактивного заражения.

Будут в дальнейшем у России достаточные финансовые средства на ядерное разоружение и снижение ядерной опасности – прекрасно, тогда мы станем внедрять отечественное оборудование, и будет оно не хуже американского. Но пока таких средств нет, про-

грамму сотрудничества с США по плану Нанна–Лугара, с другими странами Запада следует продолжать и всячески поддерживать.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Эта помощь, однако, не позволяет закрыть целый ряд «брешей». Об одной – жилье для военнослужащих – мы уже говорили. Есть ведь и другие.

МАСЛИН: Конечно. *Во-первых*, технические средства охраны на ядерных объектах уже исчерпали срок эксплуатации, приходят в негодность. *Во-вторых*, сами сооружения строились в основном в 1960-е гг. и с тех пор находятся без капитального ремонта, что совершенно ненормально: возьмите хотя бы электропроводку, которая тлеет со временем. То есть нужны капитальные ремонты, на это нужны деньги. Уже более полутора лет ходит по инстанциям целевая федеральная программа по повышению ядерной безопасности, предусматривающая выделение государственного финансирования, прежде всего на технический аспект повышения ядерной безопасности.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Средства по ней выделяются?

МАСЛИН: Нет. Хотя запрошен самый минимум: столько, что больше от этой суммы уже отрезать нельзя. Сейчас говорят, что парламент принял раздутый военный бюджет. Мне представляется обратное. К тому же бюджет принят поздно, и ситуация порой оказывается критической. Мы находимся в подвешенном состоянии как заказчики продукции, ибо не знаем точно – есть у нас средства на закупки или нет, и если есть – то сколько. Ведь от Государственной Думы до Минобороны долгий путь, путь определения приоритетов в Министерстве обороны не короче. Вот, скажем, танки в Чечне себя плохо зарекомендовали – и пойдет часть средств на усовершенствование танков. Мы не знаем, с чем останемся, сможем ли модернизировать машины, заказывать отечественные ТЗУ, просить запчасти... И исполнители заказов – оборонные предприятия – точно в таком же подвешенном состоянии, как и мы, не уверены – будет ли заказ, договариваться ли им со смежниками...

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: И все-таки бытует мнение, что 12-е Управление находится в привилегированном положении, причем именно потому, что вы занимаетесь не танками, а оружием посерьезнее.

МАСЛИН: По наиболее острым вопросам финансирование у нас пока еще есть. Но я бы не сказал, чтобы оно было достаточным. Нам немножко легче, может быть, по сравнению с некоторыми другими управлениями Министерства обороны, потому что в конце 1994 г. президент принял решение в первую очередь финансировать объекты, которые связаны с ядерным оружейным комплексом. С другой стороны, вы же сами понимаете: одно дело президент, а другое дело та громоздкая структура, которая его решения должна выполнять. При возникновении острых текущих вопросов немедленно докладываю начальнику Генерального штаба, первому заместителю министра обороны... Но не всегда получается решать такие хронические проблемы, как своевременная выплата зарплаты (люди, ответственные за эксплуатацию ядерных боеприпасов, получают зарплату на месяц, а то и на два позже положенного), продовольственное и вещевое обеспечение военнослужащих. Серьезная проблема – наши большие долги по электроэнергии, по обеспечению газом, мы вообще не платим сейчас соответствующим гражданским структурам.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: То есть ваши ядерные объекты в любой момент могут отключить за «неуплату за газ и свет», как это случилось осенью 1994 г. с РВСН под Москвой?

МАСЛИН: Могут.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Военнослужащие, допущенные к эксплуатации ядерных боеприпасов и при этом месяцами не получающие зарплаты... Устаревшие помещения ядерных объектов... Согласитесь, приходит мысль о том, что разговоры об опасности ядерного терроризма – не только из серии фантастики.

МАСЛИН: [...] Раньше говорили – несанкционированное воздействие на боеприпасы, теперь, действительно, возник такой термин, как ядерный терроризм. Соглашусь с вами – в той части, что сегодня проблемы противодействия ядерному терроризму стали довольно-

таки актуальными для всех стран, в том числе и для России. Но не соглашусь в том, что именно в России, в силу названных вами или каких-то иных обстоятельств, эта опасность сегодня выше, чем в других ядерных странах. И в Минатоме, и в Министерстве обороны России вопросы противодействия ядерному терроризму решались и решаются не хуже, чем, скажем, в США. Да, американцы до сих пор в изумлении, как нам удалось в сверхкороткие сроки – считайте, за месяц – все тактические ядерные боеприпасы вывезти из Восточной Европы, при этом сделать это технически настолько грамотно, что всякая угроза несанкционированного воздействия на вывозимые нами боеприпасы была исключена. Они до сих пор разводят руками: «Научите наших военных, чтоб они так же быстро работали».

Что такое, по сути, ядерный терроризм? Кража, я так понимаю. Кража со склада Министерства обороны ядерных боеприпасов невозможна, это я заявляю ответственно. Что террористически возможно и к чему мы всегда должны быть готовы – это разбой в отношении железнодорожных эшелонов, попытка завладеть перевозимыми ядерными боеприпасами. Для чего? Скажем, для того чтобы генерал Дудаев мог поугадать всех «собственным ядерным оружием». Применить такой боеприпас технически невозможно, но все равно как оружие шантажа это очень «сильный аргумент». Существует угроза радиоактивного заражения. Но не только «дудаевцы» могут стремиться к захвату ядерного боеприпаса. Повторяю, такая угроза возможна, мы ее не только не исключаем, но учитываем в повседневной отработке наших действий, совершенствуем критерии подбора персонала, его обучения, устанавливаем новое поколение кодоблокировочных устройств [...] Уделять серьезное внимание проблемам противодействия ядерному терроризму нас заставляет и тот факт, что на предприятиях Минатома, на Северном флоте несколько раз возникали утечки делящихся материалов. Правда, все проверки показали, что из этого материала бомбы никогда не сделаешь. Но тем не менее утечки были, и это заставляет нас тоже быть настороже. Мы провели моделирующие занятия на наших объектах, пытаясь ответить на вопрос, который и вы, наверное, собирались задать: «А что если?..» И я вам должен сказать откровенно, что в результате этих занятий-учений для меня на первый план выдвинулся вопрос, над которым мы раньше вообще не задумывались: а что если на эти шаги пойдут люди, которые раньше работали с ядерными боеприпасами? Скажем, уволенные из наших структур, социально недовольные, озлобленные [...] Этот вопрос столь серьезен, что мне приходилось докладывать о нем на Межведомственной комиссии Совета безопасности России. Было принято решение о повышении степени охраны объектов и перевозок, соответствующем финансировании. В подведомственных мне подразделениях и частях ежедневно тысяча специально обученных военнослужащих заступает в караул, имея следующую задачу: противодействовать ядерному терроризму.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Был ли хоть один случай похищения ядерного боеприпаса?

МАСЛИН: Нет, таких случаев не было. И, я надеюсь, не будет.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Ваше Управление отвечает за проведение ядерных испытаний. Пока единственный российский ядерный полигон на Новой Земле молчит. Мораторий. Подготовка к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

МАСЛИН: Я предпочел бы разделить вопрос на две части: мораторий и ДВЗЯИ. Начну с последнего. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний необходим и с точки зрения политической, и с точки зрения нравственной. Необходим он и как аргумент в пользу Договора о нераспространении ядерного оружия. Несмотря на имеющиеся на переговорах в Женеве трудности и расхождения, мы наверняка придем к заключению ДВЗЯИ в ближайшие годы.

Что же касается нашего добровольного моратория, то здесь не все так однозначно. Несмотря на то, что сейчас создаются комплексы моделирующих установок, которые когда-то позволят (а в некоторых моментах уже сейчас позволяют) заменить то, что раньше можно было иметь только при ядерных испытаниях, основная проблема остается. Это проблема самого ядерного боеприпаса, его потенциальной опасности из-за наличия в нем радиоактивных веществ, которые при нештатной ситуации могут быть выброшены в окружающую среду. Такой токсичный продукт, как плутоний, представляет особую опасность при попадании в грунт. Наличие взрывчатого вещества бризантного типа, которое

находится в каждом боеприпасе, – это тоже потенциальная опасность: взрывчатое вещество может сдетонировать, если оно будет повреждено от прострела или от попадания какого-то осколка, или, что особенно опасно, может сдетонировать от пожара. Конструкторы не только у нас, но и в других ядерных странах работают над повышением безопасности ядерных боеприпасов при нормальной эксплуатации, не при боевом применении. Здесь главная цель: создание взрывчатого вещества, менее чувствительного к различным аварийным воздействиям. Но для того чтобы быть убежденными в эффективности нового взрывчатого вещества, надо провести испытания. Их нет.

Между тем американцы в этом вопросе очень сильно обогнали нас. Еще в начале 1960-х гг. они повысили безопасность ядерных боеприпасов. Когда над Испанией потерпел аварию американский самолет с ядерными бомбами, трагедии не произошло именно благодаря разработкам ученых. По состоянию на сегодняшний день США успели оснастить свои ядерные силы более безопасными (то есть менее чувствительными к аварийным ситуациям) боеголовками.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь известно, что такие работы можно проводить и без ядерных испытаний, в частности путем проведения гидроядерных испытаний: имитировать взрыв, но без энерговыделения.

МАСЛИН: Лишь отчасти.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Что сейчас с новоземельским полигоном?

МАСЛИН: Мы исходим из продолжения моратория. Полигон законсервирован. Если на полигоне в Неваде сейчас режим шестимесячной готовности, то какая степень готовности на Новой Земле – я просто не знаю. Но знаю, что профессионалы теряют квалификацию. Для целей создания боеприпасов, малочувствительных к аварийным ситуациям, ядерные испытания на Новой Земле следовало бы возобновить. На некоторое ограниченное время, не отказываясь от идеи заключения ДВЗЯИ. Пусть это будет не полномасштабная программа испытаний [...] Главное, чтобы решить вопросы повышения безопасности боеприпасов. На самом деле, это был бы хороший задел на будущее.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: А так называемые ядерные взрывы в мирных целях?

МАСЛИН: Выскажу свое личное мнение. Ядерные взрывы в мирных целях нужны. Их следовало бы проводить под международным контролем, с международной экспертизой. Центральный физико-технический институт Министерства обороны вместе с учеными из Арзамаса-16 разработал методику проведения ядерных взрывов с целью уничтожения или захоронения радиоактивных отходов, в том числе реакторов подводных лодок, под международным контролем. Таким образом можно было бы довольно дешево и быстро решить эту проблему. Сейчас вопросы совершенствования безопасности ядерных боеприпасов и совершенствования их эффективности решаются в основном только в умах ученых. Но физику не запретить, мораторий на ее изучение не ввести. Вопрос о будущем ядерного оружия непременно встанет.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каким вы себе его видите – ядерное оружие будущего?

МАСЛИН: Не примите мои слова как кощунство, но в будущем ядерное оружие должно стать более ... гуманным. Оно должно воздействовать, прежде всего, на технические системы, а не на людей. Вы знаете, что есть такой поражающий фактор, как ЭМИ (электромагнитный импульс) – помимо светового излучения и ударной волны. Вот этот ЭМИ может воздействовать на что угодно – на энергоснабжение, на радиолокационные средства, на корпуса самолетов и кораблей. В США работы в этом направлении ведутся.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: А разве в России не ведутся?

МАСЛИН: В России, насколько я понимаю, денег не хватает, чтобы заниматься подобной экзотикой. Наверное, наработки имеются, но они сугубо теоретические.

[Опубликована в № 6 (6), июнь 1995]

Заместитель главы делегации Российской Федерации на Конференции по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и «дирижер» российской делегации в ходе переговоров С.И. Кисляк дал интервью Главному редактору журнала В.А. Орлову в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каков главный итог Конференции для делегации России?

КИСЛЯК: Мы успешно решили задачу из пяти составляющих: *во-первых*, Договор продлен; *во-вторых*, Договор продлен бессрочно; *в-третьих*, Договор продлен бессрочно без голосования, консенсусом; *в-четвертых*, укреплен механизм эффективной дальнейшей реализации положений Договора; *в-пятых*, все итоговые документы Конференции отвечают национальным интересам России.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Если бы ситуация в ходе Конференции не столь благоприятствовала ядерным государствам, стали бы рассматривать иные варианты продления ДНЯО?

КИСЛЯК: Для нас не было вопроса, на какой срок продлять ДНЯО. Только бессрочно – такова была наша политика. Для нас, в частности, принципиально важно, чтобы в тот период, когда Россия находится в процессе сокращения своих ядерных арсеналов, вокруг нее не начали появляться новые источники ядерной угрозы. Однако итоговый результат – бессрочное продление без голосования – не является заслугой одной лишь России или одних лишь ядерных государств. Все делегации работали сообща в поисках взаимоприемлемой формулы. В результате мы вышли на действительно высокую степень честного и плодотворного сотрудничества. Речь идет как о сотрудничестве с теми странами, кто хотел продлить ДНЯО бессрочно, так и с теми, кто изначально не был готов к этому. Мы обратили внимание, что Конференция вообще отличалась высокой степенью взаимодействия.

Мы старались в деталях объяснить, почему, на наш взгляд, бессрочное продление являлось единственным правильным выходом. Над разъяснением позиции, над оттачиванием формул работали очень много: и в залах, и в кулуарах.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В кулуарах же говорили о *твердости*, а порой и *бескомпромиссности* позиции России...

КИСЛЯК: Да, твердость была: твердость убеждений. И все-таки нам удалось добиться позитивного результата не за счет твердости только, но за счет максимально широкого сотрудничества, готовности садиться за один стол и обсуждать любые вопросы без изъятия. В результате получилась убедительная демонстрация того, что бессрочное продление – это именно то, чего хочет подавляющее большинство стран. 111 участников Конференции в конечном итоге стали соавторами нашей резолюции. Это помогло дока-

зять, что большинство есть. В этот момент, в принципе, можно было бы идти на голосование: его итог был все равно предрешен. Кто-то, может быть, и хотел голосования. Российская делегация тоже в случае необходимости к нему была готова. Но мы полагаем, что голосование разделит участников на лагерь победителей и горстку побежденных. Это нежелательно и не укрепит Договор. Наша позиция встретила понимание. Как следствие такого понимания, мы достигли итогового компромисса, причем компромисса, который решал вопрос без голосования, консенсусом. Наконец, российской делегации казалось существенным не просто продлить Договор бессрочно. Важно, чтобы его участники были едины в стремлении обеспечить его полнокровное осуществление.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Сейчас много говорят о важности пакетности договоренностей Конференции. Что под этим понимает российская делегация?

КИСЛЯК: Это пакет из трех документов (резолюции L.4, L.5 и L.6 в той редакции, где соавторами выступили Россия, США и Великобритания), принятый Конференцией без голосования на утреннем пленарном заседании 11 мая 1995 г. Причем каждый документ пакета носит самостоятельный характер. Так, решение о бессрочном продлении (L.6) – это юридически обязательный документ, вытекающий из самого текста Договора, его статьи X.2. Два других документа (L.4 и L.5) могут быть квалифицированы как политические договоренности о дальнейшей реализации действия ДНЯО, как детализация механизма полномасштабного сотрудничества в деле выполнения положений ДНЯО. Безусловно, обе резолюции укрепляют и ключевую часть пакета – L.6, и сам Договор.

Отмечу, что весь установленный механизм дальнейшей реализации положений ДНЯО, а также принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения полностью соответствуют российским позициям и интересам. Принятые документы закладывают также прочную базу для дальнейшего сотрудничества государств в мирном использовании атомной энергии, в частности сотрудничества между ядерными и неядерными государствами. Эти положения для нас также весьма важны и полезны.

Обратите внимание, что решения Конференции, в том числе и решение о продлении, были встречены аплодисментами всех...

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: ... да, но и смехом тоже, или даже всеобщим вздохом удивления: как удалось председателю Данапале за считанные минуты провести решение, вокруг которого ломались копыя многие годы...

КИСЛЯК: Нет, не удивления. Это был вздох облегчения и выражение удовлетворения. В ходе напряженной работы в кулуарах мы нашли новаторскую форму итогового решения. Вы наверняка заметили, что итоговый консенсус по своей форме непривычен, если не уникален в дипломатической практике: все согласны, что все требования, обеспечивающие продление ДНЯО, выполнены, то есть большинство в пользу бессрочного продления налицо и, значит, голосование бессмысленно...

Аплодисменты после принятия пакета решений означают, на мой взгляд, что в конечном счете все оказались победителями и все были удовлетворены набором тех документов, которые мы приняли: и те, кто, как Россия, изначально выступал за бессрочное продление; и те, кто в принципе не возражал против такового, но хотел уяснить, как положения ДНЯО будут выполняться; и даже те, кто был не согласен с безусловным продлением. Последние в итоговом «пакете» нашли отклик на свои пожелания, они обнаружили, что их заявления о целях ядерного разоружения услышаны.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Критика Израиля в ходе Конференции не нашла своего адекватного отражения в резолюции L.8, соавтором которой выступила Россия. Понятно, что такова цена дипломатического компромисса, иного ждать не приходилось. Вопрос в другом. Способны ли Россия и другие официальные ядерные государства предпринять в дальнейшем шаги, учитывающие озабоченность арабских стран?

КИСЛЯК: Наличие государств с развитым ядерным потенциалом вне ДНЯО – будь то Израиль, Индия или Пакистан – у России всегда вызывало и вызывает беспокойство. С нашей точки зрения, ДНЯО будет полностью эффективен, когда в нем будут участвовать все.

Мы, однако, вряд ли могли бы согласиться с подходом, при котором само продление ДНЯО обуславливалось присоединением к нему того или иного государства. В то же время существовал и иной подход, который мы разделяем: сначала договариваемся продлить ДНЯО в интересах всех, а затем на этой основе добиваемся подключения к нему всех остальных стран. Поэтому если говорить о постановке цели, то мы полностью согласны с теми, кто настаивает на подключении к Договору и Израиля, и других. Мы не только с этим согласны, но мы еще и ведем соответствующую работу, полностью используя набор имеющихся у нас дипломатических средств.

Вы сами видели, насколько различны были позиции стран по вопросу об Израиле. Многие арабские страны ставили его вообще как один из центральных вопросов Конференции. Принятая резолюция L.8, согласен с вами, это отражение компромисса. Однако, на мой взгляд, не так уж плохо, что формулировки спокойные. Для любого специалиста, в том числе и в странах – неучастниках, понятно, к кому обращены призывы резолюции. У меня сложилось впечатление, что и почти все арабские страны остались довольны принятой резолюцией. В конечном счете, решение о бессрочном продлении ДНЯО дает дополнительный рычаг для «работы» со странами-неучастницами, поскольку теперь снимаются их гипотетические возражения, которые могли бы появиться, не будь ДНЯО постоянным. Действительно, если Договор должен продлеваться каждые 10 или 20 лет, то у вас нет уверенности, стоит ли вообще присоединяться к тому, что через считанные годы может рухнуть. Теперь же ДНЯО бессрочен, стабилен, его положения становятся незыблемой и окончательной нормой международного права.

«РОССИЯНЕ ОБ УГРОЗАХ, СВЯЗАННЫХ С ОРУЖИЕМ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ»

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

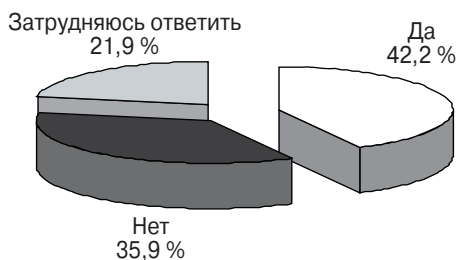
Представляемый доклад продолжает добрую традицию изучения российского общественного мнения в Центре политических исследований в России (ПИР-Центре), начатую аналитическим докладом «Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах» в 2000 г. Вместе с тем в настоящем докладе, в сравнении с исследованием 2000 г., представлен анализ по более широкому кругу вопросов, затрагивающих восприятие россиянами угроз, связанных с оружием массового уничтожения, а также проблем международного сотрудничества России, особенно с другими государствами, входящими в «Большую восьмерку».

Представляет ли угрозу национальным интересам России появление ядерного оружия у Ирана? Следует ли России более активно включаться в процесс международной кооперации по борьбе с инфекционными заболеваниями? Какие страны представляют для России угрозу, связанную с использованием оружия массового уничтожения? На эти и другие вопросы отвечали россияне по всей стране. Всего на основе репрезентативной выборки было опрошено 1600 респондентов, которым было предложено ответить на 18 вопросов.

Все вопросы социологического исследования объединены в три группы:

- роль ядерного оружия в обеспечении безопасности России;
- возможность войны и террористических актов с применением ОМУ;
- международное сотрудничество и проблемы нераспространения ОМУ.

Представляет ли угрозу национальным интересам России появление ядерного оружия у Ирана?

Описание каждого из вопросов, включенных в опрос, включает распределение ответов в зависимости от политических симпатий респондентов и от их основных социально-демографических характеристик (пол, возраст, уровень образования, социальный статус, материальное положение, тип места жительства, федеральный округ проживания).

Автор доклада – член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, доцент МГИМО МИД РФ И.А. **Ахтамзян**.

По вопросам приобретения доклада на русском и английском языках следует обращаться в компанию

East View по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881,

электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru

<http://www.eastview.com>

[Опубликована в № 6 (6), июнь 1995]

Посол Джаянта Данапала, председатель Конференции по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия, дал эксклюзивное интервью редактору журнала В.А. Орлову 11 мая 1995 г., в день, когда было принято решение о бессрочном продлении Договора.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Господин председатель, с первого дня Конференции вы выступали за принятие итоговых решений консенсусом, избегая голосования. До последнего момента, когда уже не было сомнений в том, что Договор будет продлен бессрочно, оставались все же сомнения в том, что такое решение будет принято консенсусом... Сегодня день, когда ваши усилия увенчались успехом.

ДАНАПАЛА: Действительно, мы приняли сегодня три ключевых резолюции Конференции. Во-первых, о повышении эффективности процесса рассмотрения действия Договора (документ L.4). Во-вторых, о принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения (документ L.5). И, наконец, в-третьих, о бессрочном продлении ДНЯО (документ L.6). Кроме того, принята резолюция по Ближнему Востоку и по выработке путей создания там зоны, свободной от ядерного оружия. Я рад, что решение по всем четырем вопросам было принято без голосования и что этот процесс прошел гладко. Впрочем, у меня рассеялись сомнения на этот счет уже после предварительных консультаций.

Сегодняшнее согласие не стало случайностью. Для него была подготовлена благодатная почва. Не было даже и вопроса о том, стоит ли вообще продлевать Договор. Сам Договор предлагал нам, как вы знаете, три варианта: продлить его на один срок, на несколько сроков или бессрочно. Уже в самом начале Конференции обнаружилось, что никто не хочет, чтобы ДНЯО был продлен на один срок и затем был бы похоронен. Таким образом, были представлены по сути только две широко поддерживаемые позиции – бессрочное продление и продление на серию 25-летних сроков, причем в последнем случае речь шла о создании механизма, который через четвертьвековые сроки мог бы прерывать действие Договора большинством голосов стран-участниц, если бы это было сочтено необходимым. В результате напряженных консультаций мне стало очевидно, что значительное число делегаций поддерживает бессрочное продление и при этом значительное число делегаций настаивает на выполнении обязательств по всем статьям ДНЯО, главная цель которых – ядерное разоружение. Таким образом, оказалось возможным выработать проект решения, которое принимало во внимание всю ту озабоченность, которая прозвучала со стороны делегаций, и при этом стало решением с очень широкой поддержкой. Это и позволило в конечном итоге принять резолюции без голосования.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие уроки вы, лично для себя, извлекли из этой Конференции?

ДАНАПАЛА: Конференция продемонстрировала, что когда многосторонняя дипломатия и международное сообщество сталкиваются с вызовом, который затрагивает глобальные интересы, международное сообщество способно достойно ответить на этот вызов, ответить объединенно. В результате Конференции мы благодаря таким общим усилиям укрепили и сделали постоянным барьер против ядерного распространения во всем мире. Мы также активизировали наше движение на пути к миру, свободному от ядерного оружия, ибо ядерное оружие представляет чрезвычайную угрозу всему человечеству из-за его чудовищных и порой непредсказуемых характеристик.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: С какими неожиданностями вы столкнулись в ходе Конференции?

ДАНАПАЛА: Для международных конференций, подобных только что завершившейся, вполне нормально, когда внезапно возникают препятствия и проблемы, создаваемые отдельными странами или группами стран. Наша обязанность – не отвергать озабоченность отдельных стран и групп стран, но отвечать на нее со всей серьезностью и учесть при выработке итоговых решений. Так, нам давно известна та глубокая озабоченность, которую вызывает у наших арабских друзей на Ближнем Востоке политика Израиля в области военно-ядерных программ, при том что Израиль не является членом ДНЯО. И мы понимаем, что, так как ДНЯО продлен бессрочно, арабские страны нуждаются в гарантиях безопасности перед лицом ядерной программы и ядерного потенциала Израиля, включая и гарантию, что когда-либо в будущем Израиль все-таки присоединится к ДНЯО, причем присоединится в качестве неядерного государства, последовав примеру ЮАР. Мне представляется, что в ходе Конференции нам удалось в целом ответить на озабоченность арабских стран и вовлечь их в принятие решения о бессрочном продлении.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как вы можете оценить роль российской делегации на Конференции? Приходилось слышать от некоторых участников из развивающихся стран, что Россия заняла «слишком жесткую», «бескомпромиссную» позицию...

ДАНАПАЛА: Как раз наоборот. Для меня роль российской делегации оказалась чрезвычайно полезной. Когда у российских дипломатов возникали проблемы и возражения по предложениям, они честно высказывали свои сомнения и аргументированно объясняли, почему их надо принять во внимание. Нет, я не припоминаю ни одного эпизода в ходе Конференции, когда российская делегация была бы негибкой или не способствовала бы компромиссу в поисках того решения, которое мы сейчас выработали.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Конференция позади. Но проблемы нераспространения и контроля над ядерными вооружениями не сняты с повестки дня. Конференция обозначила самые острые из них. Интересно, какая из проблем кажется вам сейчас наиболее актуальной, ждущей своего скорейшего решения?

ДАНАПАЛА: Приоритетом в ближайшие месяцы должна стать – и таково убеждение большинства государств, вне зависимости от их принадлежности к различным континентам и группам – выработка четкого плана действий, который должен привести, шаг за шагом, к цели всеобщего уничтожения ядерного оружия и создания безъядерной зоны в границах всего мира. Ярким примером и образцом здесь является решение мирового сообщества о запрещении химического оружия как вида оружия массового уничтожения. Конечно, на пути к претворению в жизнь Конвенции о запрещении химического оружия и его уничтожении пройдет еще много времени. Но важнейший юридический и политический сигнал был дан. Теперь на очереди ядерное оружие. И то, чем сейчас должно заняться международное сообщество в первую очередь, так это начать выработку Конвенции о полном и всеобщем запрещении ядерного оружия. Это высший приоритет, особенно учитывая разрушительную силу и чрезвычайную опасность, которую представляет ядерное оружие для всего человечества.

Чтобы прийти к этой цели, необходимо совершить несколько важных шагов. Один из них – скорейшее заключение Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. И я крайне удовлетворен, что в принятых документах есть обязательство о подписании ДВЗЯИ не позднее 1996 г. Второй важный шаг – заключение Конвенции о запре-

щении производства расщепляющихся материалов для целей оружия. Он также предписан документами Конференции. И другие обязательства по дальнейшим шагам в сторону ядерного разоружения нашли свое отражение в принятых документах. Теперь вопрос в том, чтобы эти обязательства не остались на бумаге.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: О необходимости укрепления механизма рассмотрения действия ДНЯО говорили почти все делегации. Поэтому принятие соответствующей резолюции не было сюрпризом. Но оценивают ее по-разному. Говорят, в частности, о том, что на практике ее положения могут оказаться недостаточно эффективными.

ДАНАПАЛА: Решение об укреплении механизма рассмотрения действия ДНЯО, на мой взгляд, позволяет осуществлять эффективные меры по выполнению соблюдения обязательств, в частности обязательств ядерных государств, которые они взяли на себя в Преамбуле и в статье VI ДНЯО. Подготовительный комитет (ПК) будет работать на более регулярной основе, чем раньше: начиная с 1997 г. он будет собираться ежегодно в течение, как правило, десяти рабочих дней, накануне Обзорной конференции, которая состоится в 2000 г. Затем ПК будет проводить ежегодные заседания в течение трех лет, предшествующих созыву следующей Обзорной конференции (они будут проводиться, как и ранее, раз в пять лет), и при необходимости четвертое подготовительное совещание может состояться в год проведения такой Конференции.

На заседаниях ПК будут обсуждаться не только процедурные вопросы, как это было ранее, но и вопросы по существу, вплоть до принятия рекомендаций Конференциям по рассмотрению действия Договора. Наконец, у нас появится возможность постоянно и активно обсуждать такую проблему, как универсальный характер членства в ДНЯО. На постоянной основе будут работать и Главные комитеты: нынешняя структура, предусматривающая функционирование трех Главных комитетов, сохраняется. Чтобы избежать дублирования в их работе, Генеральный комитет также будет продолжать работу и следить, не пересекаются ли функции Главных комитетов.

В настоящее время наиболее острая и актуальная задача, которая стоит на повестке дня ядерного разоружения, – это заключение ДВЗЯИ. Но после того как эта задача будет выполнена, встанут и другие вопросы. Среди них дальнейшие сокращения ядерных вооружений, которые станут возможны, видимо, после того как будет ратифицирован СНВ-2. Следить за ходом выполнения статьи VI, оказывать, если потребуется, давление на ядерные государства по выполнению взятых по Договору обязательств как раз и будут ПК и Главные комитеты.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Четырехнедельный марафон наверняка выматывает того, кто все это время находится в председательском кресле, а если реально – то в основном занят челночной дипломатией. Теперь вы, наверное, намереваетесь немного отдохнуть?

ДАНАПАЛА: Что вы, это роскошь, которую я, к сожалению, не могу себе позволить. Хотелось бы поехать отдохнуть с женой, и особенно в Россию, где у меня есть много знакомых мест и много друзей – я не раз бывал в вашей замечательной стране и особенно люблю Подмоскowie. Но как посол Шри-Ланки в Вашингтоне я только вхожу в курс дел на этой новой должности.

«ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ»

ТЕПЕРЬ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Справочник является уникальным изданием, охватывающим все аспекты программы Глобального партнерства. В удобном формате он кратко и доступно излагает историю, ход, проблемы и перспективы реализации Программы, учрежденной лидерами «Большой восьмерки» в 2002 г. на саммите в Кананаскисе. Издание предназначено для широкого круга экспертов, участвующих в реализации, анализе и оценке программы Глобального партнерства, включая дипломатов, представителей государственных структур, деловых кругов, неправительственных экспертов и журналистов.

Русскоязычная версия Справочника вышла в свет и была презентована в марте 2005 г. и вызвала большой интерес у специалистов, вовлеченных в практическую реализацию проектов в рамках Глобального партнерства. Выступая на презентации англоязычного издания Справочника, заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии С.В. **Антипов** заявил: «У меня до сих пор нет Справочника ПИР-Центра по Глобальному партнерству. Но не потому, что мне его не дали, а потому, что как только он появляется у меня на столе, то через день неведомым образом исчезает. Думаю, такой же интерес вызовет и английское издание. Многим, кто не владеет русским языком, раньше не была доступна эта информация. Теперь мы этот пробел восполняем».

Главным редактором Справочника выступил директор ПИР-Центра В.А. **Орлов**. Редакторами-составителями Справочника являются научный сотрудник ПИР-Центра А.В. **Булычев**, координатор проекта ПИР-Центра «Глобальное партнерство» Д.О. **Кобяков**, заместитель директора ПИР-Центра А.В. **Хлопков** и старший научный сотрудник Центра исследований проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, консультант ПИР-Центра Кристина **Чуен**.

Рецензенты Справочника – заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии д.ф.-м.н. С.В. **Антипов**; директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ к.э.н. А.И. **Антонов**; заместитель начальника инспекции Счетной Палаты России д.м.н. Н.И. **Калинина**.

Публикация Справочника осуществлена в рамках совместного проекта ПИР-Центра и Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) при поддержке *Инициативы по сокращению ядерной угрозы*.

Вклад ПИР-Центра в исследование проблем, связанных с реализацией Программы Глобального партнерства, был высоко оценен С.В. **Антиповым** на презентации английского издания Справочника. «Мне доставляет огромное удовольствие сотрудничать с ПИР-Центром, который помогает нам в реализации Программы Глобального партнерства», – отметил заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии, выступая перед собравшимися журналистами и дипломатами.

По вопросам приобретения Справочника следует обращаться в компанию East View по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881, электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru <http://www.eastview.com>

[Опубликована в № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996]

Руководитель службы таможенного контроля над ядерными и радиоактивными материалами Государственного таможенного комитета (ГТК России) Н.Э. Кравченко ответил на вопросы главного редактора журнала В.А. Орлова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Прежде всего, Николай Эммануилович, хотелось бы понять, как долго ГТК России занимается функциями пресечения незаконного перемещения через границу России ядерных и радиоактивных материалов?

КРАВЧЕНКО: Чуть больше года, начиная с мая 1995 г. В течение этого года мы в основном занимались тем, что принимали *наследство* от Федеральной пограничной службы (ФПС), которая ранее отвечала за контроль над перемещением радиоактивных материалов через границу России.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В каком состоянии вы получили это *наследство*?

КРАВЧЕНКО: Откровенно говоря, в самом плачевном. Только что завершившийся прием техники и оборудования показал, что неработоспособно более 50%; значительная часть разукomплектована или поломана. Можно сказать, что в 1992–1995 гг. радиационный контроль на границе осуществлялся формально, новые технические средства не устанавливались, старые должным образом не проверялись и не ремонтировались. В результате этого, а также вследствие необходимости обустройства новой границы России на сегодняшний день лишь 25% пунктов пропуска на границе оборудованы необходимыми приборами для пресечения ядерной контрабанды. Конечно, мы стараемся спешно исправить положение.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Расскажите, каким образом? Какие первоочередные задачи вы ставите?

КРАВЧЕНКО: Ключевых задач две. *Во-первых*, предотвращение незаконного перемещения ядерных и радиоактивных материалов через границу. Задача решается путем размещения на пограничных пунктах пропуска стационарных и переносных систем обнаружения ядерных и радиоактивных материалов и организации постоянного контроля над наличием таковых во всех транспортных средствах и багаже. *Во-вторых*, организация углубленного, выборочного досмотра легально перемещаемых через таможенную границу России ядерных и радиоактивных материалов для их идентификации по наименованию и количеству, заявленному в декларации.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Насколько я понимаю, вторая задача куда более серьезна.

КРАВЧЕНКО: Да, вы правы. По моему глубокому убеждению, учитывая специфику ядерных и радиоактивных материалов, их повышенную опасность в обращении и использовании, трудно предположить, что подобным бизнесом (я имею в виду контрабанду) займутся непрофессионалы в этой области. Простаков могут использовать только в качестве

ве курьеров для перевозки в личном багаже ограниченного количества радиоактивных материалов. При этом способе имеется большой риск быть обнаруженным соответствующими техническими средствами контроля на границе разных стран.

А вот использование легальных перемещений ядерных и радиоактивных материалов через границы при существующих формах контроля такого перемещения может позволить лицам, заинтересованным в контрабанде этих материалов, без особого риска это делать путем подмены или увеличения количества определенного в лицензии и заявленного в декларации ядерного и радиоактивного материала. Надо сказать, что в этом случае наличие на пограничных пунктах пропуска технических средств обнаружения радиоактивного излучения не решает задачи пресечения такого рода контрабанды. Работники таможенных органов не могут убедиться, что же действительно находится в специальных контейнерах, в которых перевозятся ядерные и радиоактивные материалы. Например, что заявленный цезий-137 – не оружейный плутоний или другой радиоактивный материал.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: А сколько займет времени оснастить границы самим, без западной помощи?

КРАВЧЕНКО: При нынешнем уровне финансирования – пять лет. Однако в 1996 г. не было получено ни копейки дополнительного финансирования под те новые задачи, которые решает служба таможенного контроля за ядерными и радиоактивными материалами.

Михаил
Кириллин

НЕСКОЛЬКО АМЕРИКАНСКИХ ФИРМ,
ЗАНИМАЮЩИХСЯ РАЗРАБОТКОЙ РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ,
СВЯЗАНЫ С ИРАНЦАМИ

[Опубликована в № 2 (38), март–апрель 1998]

Сотрудник Федеральной службы безопасности России М.Е. Кириллин дал интервью журналу Ядерный Контроль.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как вы оцениваете действия России по выполнению своих обязательств в области экспортного контроля?

КИРИЛЛИН: На наш взгляд, Россия, после того как в августе 1995 г. стала членом международного Режимы контроля над ракетными технологиями (РКРТ), строго соблюдает все взятые в его рамках обязательства. Наше внутреннее законодательство предусматривает уголовное наказание за нарушения в области экспорта двойных технологий. Для объединения усилий всех заинтересованных ведомств указом президента Б.Н. Ельцина создана Правительственная комиссия по экспортному контролю Российской Федерации. В настоящее время ее возглавляет заместитель премьер-министра России, министр экономики Я.М. Уринсон.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Комиссия может работать, постановления – приниматься, а вот на деле...

КИРИЛЛИН: Наивно было бы думать, что все это какая-то двойная игра с нашей стороны. Давайте скажем прямо: Россия в значительно большей мере, чем США, заинтересована в том, чтобы в непосредственной близости от ее, российских, южных границ никогда и ни за что не появились бы государства с развитым, дальнего радиуса действия, ракетным потенциалом.

По каждому сообщенному официально или через средства массовой информации нашими партнерами по РКРТ (в том числе и США) подозрению о якобы имеющихся с нашей стороны нарушениях Режимы российскими заинтересованными ведомствами (конечно, с участием спецслужб) проводится тщательное расследование. На данный момент мы можем констатировать, что подобного рода нарушений не выявлено.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Хотелось бы рассмотреть целый список государств, чувствительных с точки зрения рисков ядерного, ракетного и иного распространения. Но давайте ограничимся хотя бы Ираном.

КИРИЛЛИН: Российскими спецслужбами отслеживаются и пресекаются все попытки отдельных государственных и частных компаний Ирана получить в обход существующих правил доступ к информации оборонного характера, прежде всего к технологиям производства изделий так называемого двойного назначения.

Только за 1997 г. органами ФСБ пресечено несколько разведывательных акций спецслужб Ирана на указанном канале. Прекращена деятельность на территории России иранской промышленной группы *Санам*, пытавшейся получить подобного рода сведения.

И
Н
Т
Е
Р
Ь
Ю

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Итак, вы утверждаете, что *Санам* предпринимал неоднократные попытки получить доступ к российским секретам. Не могли бы вы проиллюстрировать это конкретными примерами.

КИРИЛЛИН: Давайте возьмем не все случаи, а хотя бы те, которые имели место в 1997 г.

В начале 1997 г. имела место попытка изготовить комплекты узлов и деталей для жидкостного ракетного двигателя под видом оборудования для газоперекачивающих (газораспределительных) станций на научно-техническом комплексе им. Кузнецова, г. Самара (бывшее НПО «Труд»). Предприятию трудно было определиться с тем, является ли иранский заказ сугубо мирным или же в нем есть нечто сомнительное. Однако в конце концов разобраться удалось. Попытка была пресечена ФСБ на стадии подготовки технической документации, когда основной контракт уже был подписан.

В июне 1997 г. *Санам* попытался получить от российского гражданина закрытые материалы по авиационной технике. Попытка нами пресечена. Наказание ограничилось тем, что иранца выслали из России и запретили въезд еще двум представителям *Санам*. Иранская сторона была предупреждена о противоправности действий ее отдельных представителей на территории РФ.

МИД и ФСБ по взаимной договоренности, руководствуясь необходимостью проявления лояльности по отношению к Ирану и не желая заострять проблему, ограничились лишь высылкой провинившихся из страны, не предпринимая никаких более строгих мер. Хотя могли бы: ведь представители фирмы не имели дипломатического иммунитета. Но мы проявили сдержанность, рассчитывая на понимание.

Однако понимания проявлено не было. Мы получили новый сигнал: в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ) в г. Жуковском иранцы собирались проводить – опять по инициативе *Санам* – аэродинамические испытания, с постройкой для иранцев аэродинамической трубы. Надо сказать, что представители ЦАГИ проявили сознательность, особенно ценную потому, что контракт, предложенный иранцами, мог обеспечить их сотрудников заработной платой и весь институт – безбедным существованием на многие месяцы. Но для ЦАГИ вопросы ценностей нераспространения оказались выше сиюминутной, хотя и соблазнительной конъюнктуры, они инициировали рассмотрение вопроса межведомственной Комиссией по экспортному контролю, которая и дала отрицательное заключение. Контракт не был заключен. Так что американцы, которые теперь говорят, что это именно они заставили российское правительство прекратить развитие контактов Ирана с ЦАГИ, здесь абсолютно ни при чем. Они передали нам (и в прессу) информацию о готовящейся сделке уже после того, как на сделке был поставлен крест.

Наконец, 14 ноября 1997 г. при попытке получить конструкторскую документацию – не секретную – по ракетной технике двойного применения от одного из московских предприятий мы задержали в московском метро «технического представителя» иранского посольства в Москве, человека с дипломатическим паспортом (одновременно студента одного из московских вузов) 32-летнего Р. Теймури.

ИЗ ДОСЬЕ ЯДЕРНОГО КОНТРОЛЯ

14 ноября 1997 г. по государственному телеканалу РТР показали станцию метро, контуры двух человек на скамейке, оживленно о чем-то разговаривающих, группу захвата ФСБ, бегущую по направлению к этим людям, и одного из участников диалога на скамейке, которого запихивали в машину сотрудники ФСБ. Кадры сопровождал краткий комментарий: «Благодаря умелым действиям ФСБ удалось предотвратить передачу документации, имеющей отношение к ракетной технике, из одного из оборонных предприятий Москвы. Имя продавца и название предприятия в интересах следствия не раскрываются».

В пресс-службе посольства Ирана от комментариев отказались, сказав, что получение документации по ракетной технике и Р. Теймури к посольству отношения не имеют, Иран не стремится к получению ракетной техники, а программы Ирана – ис-

ключительно мирные. Тем не менее на коммутаторе посольства 17 ноября нас попытались соединить с г-ном Теймури, но его телефон уже не отвечал.

Мы можем лишь предполагать, что продавец был с Мытищинского машиностроительного завода, что в окрестностях Москвы, и собирался передать иранцу конструкторские документы и сведения, подпадающие под категорию 1 РКРТ. Большая часть денег, составляющая десятки тысяч долларов, была продавцу уже заплачена. Скандал, поднятый ФСБ вокруг этого случая, на неделю задержал визит в Москву министра иностранных дел Ирана.

КИРИЛЛИН: Руководствуясь оперативными данными, а также исходя из государственных интересов международного сотрудничества, уголовного дела (статья 189 УК о нанесении угрозы безопасности государства путем распространения ОМУ, материалов, технологий ОМУ, а также услуг, ведущих к получению ОМУ) возбуждено не было, и ФСБ ограничилось дознанием. Теймури был передан Посольству Ирана и вечером 18 ноября покинул Москву. Таким образом, мы сознательно пошли на жесткий шаг. В результате на сегодняшний день нет ни одного случая попадания нашей технологии или ракетной техники в Иран.

Наша позиция ясна. Мы последовательно ее придерживаемся. Тем более странно поэтому, что американского и израильского, а в последнее время и западноевропейского обывателя запугивают иранской угрозой, как в свое время запугивали советской. Причем те, кто дирижируют этой кампанией, отлично понимают, что в нынешних политических и экономических условиях даже для достижения примерного паритета с Израилем в ракетной технике, средствах наблюдения и противоракетной обороны Ирану нужен не один десяток лет. По странной забывчивости не вспоминают они и тот факт, что начало нынешней ракетной программы Тегерана было положено в конце 1970-х гг., когда был осуществлен ирано-израильской ракетный проект. Удивляет логика американских и израильских аналитиков в области разведки, когда они оценивают деятельность наших спецслужб. На их взгляд, если ФСБ пресекает попытки нарушений РКРТ, то, значит, такие нарушения есть, а следовательно, Россия Ирану помогает. Выходит, лучше бы не ловили наши контрразведчики иранских шпионов, а то создают лишний повод для разговоров, да и действуют, видимо (если исходить из логики некоторых высокопоставленных американских деятелей), не согласовывая свои шаги с официальными властями.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каковы, по вашей оценке, корни такой реакции?

КИРИЛЛИН: Не только мне, я думаю, очевидно, что в районе Ближнего и Среднего Востока, где расположены впечатляющие запасы топливных ресурсов, пересекаются традиционные торговые пути из Европы в Азию и Африку, откуда контролируются выходы к Каспию и Индийскому океану, на протяжении уже длительного времени ведется, чаще всего тщательно скрываемая от посторонних глаз, дипломатическая, экономическая, а иногда и военная борьба между СССР (а теперь Россией) и США за степень влияния на обстановку в регионе. Представляется, что дипломатия советских времен, заидеологизированная, зачастую излишне прямолинейная и не способная к разумным компромиссам, вряд ли способствовала стабилизации обстановки в регионе. И, во многом, поэтому в начале 1990-х гг. мы чаще всего теряли свои позиции, шарахаясь из стороны в сторону, часто вызывая своими дипломатическими шагами недоумение традиционных партнеров. Но времена меняются, российская дипломатия к настоящему моменту четко понимает стоящие перед ней на Ближнем Востоке задачи и предпринимает все возможные шаги по нормализации там обстановки.

Казалось бы, мировое сообщество за последнее время неоднократно показывало свое желание решать вопросы в регионе путем переговоров, достигать согласия за круглым столом, где все стороны равны. Однако давайте посмотрим правде в глаза. Любой серьезный политолог на Западе отлично понимает, что в конечном счете в сегодняшнем реальном мире, а не в мире ракетных иллюзий и призраков, позиция той или иной страны в регионе определяется в первую очередь суммой политических, экономических, социальных факторов. Военная составляющая как элемент воздействия, конечно, сохранилась, но роль ее за последние годы резко упала.

Именно из-за этого и разгорелся весь сыр-бор. Россия за последнее время заключила несколько крупных долгосрочных экономических соглашений с Ираном, в том числе по оказанию помощи в строительстве атомной электростанции в Бушере (проводимом под строжайшим контролем МАГАТЭ), а также в разработке крупного газового месторождения. Ни для кого не является секретом, что Россия стремится наладить на взаимовыгодной основе сотрудничество в военно-технической области со всеми государствами, в том числе и Ираном, продолжает она выполнять и свои обязательства по старым, еще советским, контрактам. К слову, конечно, следует иметь в виду, что Россия выполняет свои обязательства по гарантийному обслуживанию проданных вооружений и военной техники, в том числе и в том, что касается выполнения российско-иранских контрактов прошлых лет.

Несколько удачных дипломатических акций, в том числе и визит Е.М. Примакова в ряд стран Ближнего Востока в октябре 1997 г., начинают вновь повышать авторитет России в арабском мире. В США и Израиле этому ищут противодействие.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но, возможно, для Соединенных Штатов важны также и ценности нераспространения?

КИРИЛЛИН: Ваше предположение не столь очевидно. Вспоминаю, как в ноябре 1997 г. в Москву приезжала группа высокопоставленных руководителей ЦРУ. Во время визита их принял директор ФСБ России Н.Д. Ковалев, который сообщил имеющиеся в российских спецслужбах сведения о связях нескольких американских частных фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, с иранцами. [Редакция *Ядерного Контроля* направила соответствующий запрос в государственный департамент США с просьбой предоставить разъяснения данного тезиса, подтвердить или опровергнуть его. Мы готовы были опубликовать ответ американской стороны рядом с этим интервью, однако так и не получили никакого ответа: ни разъяснений, ни опровержения. Одновременно от некоторых наших партнеров в США из числа научных центров мы получили комментарии о том, что подозрения в адрес ряда американских компаний, вероятно, не беспочвенны, хотя подтвердить это предположения фактами и там сочли преждевременным. – *Ред.*] Ковалев указал и на нарушение отдельных положений РКРТ при осуществлении военного сотрудничества между США и Израилем. Американцы были шокированы. Однако своей прессе ничего по этому поводу – видимо, из-за излишней скромности – не сообщили.

Во время этой встречи директор ФСБ наверняка назвал своим заокеанским коллегам и основные страны, которые, подключившись к режиму контроля, активно сотрудничают с Ираном в ракетной области. Наверняка шел разговор и о странах СНГ, многие из которых, в силу объективных причин, и в первую очередь в силу высокого уровня кооперации в бывшем СССР, владеют двойными технологиями, которые могут быть использованы при разработке ракетной техники.

Заместитель начальника войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ), начальник Управления по биологической защите Министерства обороны РФ генерал-лейтенант медицинской службы В.И. Евстигнеев ответил на вопросы корреспондента журнала Д.И. Литовкина.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Валентин Иванович, химическое и биологическое оружие сегодня находятся вне закона. Международные договоренности запрещают этот вид вооружений, и Россия с этим согласна. В этом [1999] году мы начнем уничтожение 40 тыс. тонн химических отравляющих веществ, но о каких-то работах в плане биологического оружия ничего не слышно. Вверенные вам войска биологической защиты остаются без каких-либо изменений в структуре Министерства обороны (МО) РФ. Какие задачи они сегодня решают?

ЕВСТИГНЕЕВ: Хочу начать с того, что понятие *биологическая защита* появилось в 1992 г., в период первого этапа реформы Вооруженных сил. Управление образовалось на базе расформированного 15-го управления МО РФ, которое создавалось в советские времена, занималось разработкой средств защиты от биологического оружия и решало задачи по адекватному ответу на разработку биологического оружия иностранными государствами. Но после того как в марте 1992 г. Президент России Б.Н. Ельцин провозгласил отказ от биологических программ наступательного характера, 15-е управление было расформировано. В новую структуру из всего коллектива управления была взята только небольшая часть сотрудников, они и составили костяк Управления биологической защиты в структуре войск РХБЗ. Причем хочу особенно отметить, что все офицеры, перешедшие в новую структуру до и после 1992 г., занимались исключительно созданием средств защиты от биологического оружия. Я, например, всю жизнь создавал вакцины против чумы.

По сравнению с прошлыми годами, наше Управление теперь маленькое. Из служащих у нас тридцати офицеров только восемь человек биологи, остальные имеют инженерное образование и занимаются разработкой технических средств медицинской защиты. Это, прежде всего, системы диагностики возбудителей инфекционных заболеваний и токсинов, средства экстренной и специфической профилактики этих заболеваний, гамма-глобулины, вакцины, новые антибиотики, химиопрепараты, средства дезинфекции и дезинсекции. Все эти задачи выполняются в единственном нашем Научно-исследовательском институте микробиологии МО РФ, расположенном в городе Кирове. Институт имеет в своем составе еще два научных центра: Екатеринбургский центр военно-технических проблем противобактериологической защиты и Вирусологический центр в Сергиевом Посаде. Только эти три учреждения задействованы во всех биологических программах МО РФ.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Зная, как работали в былые годы отечественные оборонные предприятия, трудно предположить, что весь объем конструкторских работ выполнялся ими самостоятельно. Создавались огромные кооперации разнопрофильных научно-исследовательских институтов, каждый из которых решал свой конкретный комплекс про-

блем в рамках общей работы. Конечно, можно допустить, что из-за отсутствия финансирования МО РФ вынуждено опираться только на свои возможности по созданию средств противобиологической защиты. Так ли это?

ЕВСТИГНЕЕВ: Нужно сказать, что и в прошлом мы опирались только на свои силы. Объясняется это довольно просто – наши институты были единственными держателями государственной коллекции микроорганизмов, являющихся потенциальными агентами биологического оружия. Против этих возбудителей, поскольку мы являемся их хозяевами, мы и создаем вакцины и препараты защиты. Это стандартизованная коллекция с государственным реестром, и этими микроорганизмами мы пользуемся, чтобы проверять эффективность созданных нами средств защиты.

Только штаммов сибирской язвы в нашей коллекции больше 100 образцов. Помимо последней, у нас есть еще штаммы возбудителей таких заболеваний, как чума, сеп, бруцеллез, туляремия, холера, продуцент ботулизма, лихорадки Эбола и Ласса, сыпной тиф... Это различные штаммы, отличающиеся различными свойствами, поэтому назвать точное количество всех экземпляров вирусов в коллекции я затрудняюсь. Для этого нужно специально вызывать начальника музея и по его картотеке проверять количество ампул с каждым видом биологического вещества. Но по объему это небольшая коллекция – от одной до пяти ампул одного возбудителя.

Если возникает необходимость поработать с каким-нибудь из возбудителей, он извлекается из коллекции, размножается и используется в работе. Таким образом, мы не только решаем свои повседневные рабочие вопросы, но и пополняем коллекционный материал. В количественном плане объем хранящихся у нас биологических веществ не превышает одного грамма, но если учитывать еще и питательную среду, то эти показатели максимум доходят до одного килограмма вещества. Держать эти возбудители в большем количестве нет нужды.

Для того чтобы создать против каждого вируса надежное противоядие, нужно испытать целый набор средств для их обнаружения на объектах внешней среды. Иными словами, мы должны, взяв пробу биологического вещества, точно сказать, с чем имеем дело – с бактериями, вирусами или риккетсиями, к какому классу они относятся.

Если мы успешно справились с определением вещества, то дальше должны заняться экстренной профилактикой. А вот в случаях с чумой нужно проводить дополнительную специфическую вакцинопрофилактику. Для этого разрабатываются различные вакцины. Если возбудители инфекционного заболевания были обнаружены на объектах внешней среды – на обмундировании, предметах быта или в воздухе, то нужно делать дезинфекцию. Если возбудитель распространяется с помощью различных переносчиков – клещей, блох, вшей, комаров, то нужно уничтожить в первую очередь этих переносчиков, провести дезинсекцию. Но возбудитель может интегрироваться и в грызунов, которые являются переносчиками чумы.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы сказали, что одной из функций 15-го управления МО РФ была разработка адекватных наступательных средств. Что имелось в виду? Мы сегодня говорим об оружии, от которого собираемся защищаться. Но ведь ваши слова подразумевают, что и мы имели свои средства нападения. Что конкретно разрабатывали в Советском Союзе?

ЕВСТИГНЕЕВ: Дело в том, что по многим источникам, а мы ориентируемся на очень большое их количество, у нас существует специальный список биологических средств, которых нам стоит опасаться. Такой перечень поражающих биологических агентов был составлен на основе данных разведывательных органов – КГБ и ГРУ. При составлении этого документа мы пользовались известными популярными книгами по биологической войне, исследованиями Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI). На основе всего этого был создан достаточно обширный перечень биологических агентов, в который вошло около 37 возбудителей различных заболеваний. Именно они и были взяты за основу для создания средств защиты. Наиболее опасными среди них являются: возбудители чумы, туляремии, сибирской язвы, бруцеллеза,

мелиоидоза, натуральной оспы, восточного энцефалита лошадей, сыпного тифа, холеры, желтой лихорадки, токсины ботулизма, энтеротоксин Б.

Создавая средства защиты, нужно было создать некую копию – подобие средства нападения. Поэтому нужно было научиться вырабатывать возбудителя, отработать технологию его накопления, сделать какие-то стабилизирующие питательные добавки, чтобы он был устойчив во внешней среде. Следующим шагом было создание средств доставки и применения этого биологического вещества. Все это было необходимо делать не только для создания вакцин, но и чтобы проверить средства нашей биологической разведки, выяснить плотность обсеменения территории при применении этого оружия. Весь этот цикл работ и был так называемой наступательной частью программы МО РФ. Цикл создавал реальную адекватную угрозу и в 1992 г. был запрещен и ликвидирован.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Эти факты свидетельствуют о том, что СССР имел реальные разработки биологического оружия минимум 37 видов. Но как оказалось, перед нами стоит проблема сокращения химических боеприпасов, других видов вооружений, а вот о биологических боеприпасах ничего не говорится, потому что их просто не существует. Как же так получилось, что конкретные разработки этого вооружения есть, но оно так и не пошло в серию...

ЕВСТИГНЕЕВ: Действительно, до 1992 г. благодаря нашей внешней разведке, добывшей как реальные образцы американских биологических боеприпасов, так и их технические чертежи, мы могли моделировать реальные боеприпасы: одно-, двух-, трех-, четырехфунтовые авиабомбы. Мы даже вытачивали их единичные образцы в своих лабораториях, проводили натурные испытания с участием животных на специальном полигоне в Аральском море на острове Возрождения. Но после 1992 г. на все это был наложен строжайший запрет, и теперь заражение животных мы проводим только путем прививок. И таким же образом проверяем эффективность наших защитных средств. А если нужно проверить средства биологической разведки, то мы испытываем их не на природе, а на специально моделируемых ситуациях в лабораторных условиях с помощью имитаторов. Например, на том же вакцинном штамме, или берем какой-то непатогенный микроорганизм.

Что же касается вопроса, почему наши разработки так и не пошли в серийное производство, можно сказать только одно: биологическое оружие отличается от химического тем, что состоит из живых организмов. Процесс хранения последних очень затруднителен. Именно по этой причине их никто никогда не накапливал, стратегических запасов не создавал. Исключение могли составлять только токсины. Но поскольку у руководства СССР не существовало идеологической подоплеки проведения таких экспериментов и испытаний, программа не смогла набрать такого же серьезного масштаба, как разработка ядерного или химического оружия. Все эксперименты проводились, что называется, на всякий случай. В каком-то отношении это был блеф нашего руководства, давшего задание создать такое оружие, но никогда не воспринимавшего его всерьез как реальное средство нападения и тем более не строившего планов его применения.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь вы сказали, что проводили эксперименты по реальному испытанию биологического оружия на полигоне с участием людей?

ЕВСТИГНЕЕВ: Действительно, такое учение было. Но за всю историю существования 15-го управления МО оно было единственным. В нем приняли участие 15 человек и несколько подопытных животных. Главной целью тогда ставилась проверка надежности наших общевойсковых противогазов и защитных костюмов, но никак не эффективность действия биологических веществ на организм нападающих.

Конечно, мы могли создать биологический арсенал токсинов, но не накапливали их только потому, что опять-таки не было такой политической установки. Поэтому запасов биологического оружия в СССР не было и уничтожить нам сегодня нечего. Для нас существовала только одна проблема – уничтожить лабораторное и испытательное оборудование, которое могло вызвать подозрение, что мы продолжаем биологические эксперименты и готовы произвести какую-то крупную партию биологического вещества. Поэтому это так называемое крупномасштабное оборудование было ликвидировано еще в начале перестройки по приказу М.С. Горбачева, в период до 1989 г.

В то время как раз начались трехсторонние переговоры между Великобританией, США и СССР о визитах на объекты, где могло разрабатываться биологическое оружие. Мы ездили на подозреваемые биологические объекты в США и Великобританию, и бывший тогда генеральным секретарем М.С. Горбачев принял решение заблаговременно уничтожить все демаскирующие, вызывающие сомнения в наших чистых намерениях приборы и установки. Заодно с оборудованием были уничтожены и емкости с биологическим материалом – более пяти литров (колбы с биологическими ферментерами). Именно из-за этого предусмотрительного политического хода мы уже давно не представляем ни для кого угрозы и не имеем каких-либо демаскирующих признаков, что у нас есть какая-либо наступательная биологическая программа. Сегодня нас можно подозревать только в намерениях.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда вы говорите, что нас можно подозревать в *намерениях*, что вы подразумеваете под этим словом?

ЕВСТИГНЕЕВ: Прежде всего то, что мы еще окончательно не договорились с Западом о том, что будет называться биологическим оружием, какое оборудование или какие технологические установки считать потенциально способными его производить и что из этого списка нужно запретить. Не решен вопрос и с уровнем откровенности в предоставлении иностранным инспекторам информации о том, над чем работают наши лаборатории сегодня. И причиной тому не только неуступчивость российской делегации. Есть очень много нареканий в адрес американцев, не согласных со многими пунктами, способными существенно облегчить взаимопонимание между государствами и обеспечить надежный контроль над деятельностью научных лабораторий.

После распада СССР мы закрыли наш единственный биологический полигон в Аральском море, так как он отошел к Казахстану, да и надобности в его дальнейшем использовании больше не было. Закрыв этот объект, мы вынуждены были провести целый комплекс мероприятий по дезинфекции всей его территории. Нами были ликвидированы все подопытные животные и при соблюдении необходимых норм захоронены в специальных могильниках. Некоторое научное оборудование было вывезено в Россию. Был проведен тщательный мониторинг всей территории острова, где мы проводили натурные испытания биологических боеприпасов. В экологическом плане мы оставили остров во вполне нормальном состоянии.

Но после нашего ухода с острова Возрождения на него высадился целый десант американских специалистов-биологов, главной задачей которых было определить, чем же здесь занимались русские. Американцы раскопали наши могильники, провели анализы тканей животных и сделали выводы о том, что на полигоне мы отрабатывали технологии боевого применения сибирской язвы. Этот факт говорит сам за себя. Пока у нас не будет договоренностей о том, что есть биологическое оружие, как его классифицировать, мы никогда не сможем поверить друг другу в искренности наших намерений.

Именно по этой причине, пока не будет разработан свод международных договоренностей по контролю над созданием биологического оружия, выработан механизм международных инспекций и очерчен круг необходимой для отчета документации, США и другие страны могут продолжать подозревать нас в нечистоплотных намерениях. Но я еще раз с полной ответственностью заявляю, что мы вели разработки наступательных биологических веществ, но они никогда не производились серийно, и еще в 1989 г. началось их уничтожение, а в 1992 г. мы прекратили и сами исследования в лабораториях по созданию биологического оружия массового уничтожения.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы говорили, что пытались имитировать американские биологические боеприпасы. Значит ли это, что в США был разработан конкретный серийный образец носителя биологического оружия?

ЕВСТИГНЕЕВ: Совершенно верно.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Наверное, у вас еще была возможность сравнить немецкие и японские трофейные боеприпасы?

ЕВСТИГНЕЕВ: Наверное, да. Во время операции наших войск в Манчжурии в 1945 г. были собраны трофейные образцы японского биологического оружия. Об этом есть доку-

менты в архивах, свидетельства очевидцев. Все это хозяйство было собрано на один теплоход и должно было быть отправлено в СССР. Но, как это ни покажется странным, теплоход бесследно исчез. Я думаю, что он мог стать жертвой японских ВМС или же был специально затоплен советскими моряками. К сожалению, история умалчивает об этом эпизоде. И поэтому от японцев мы ничего не получили.

Американцы, напротив, забрали командира японского отряда, разрабатывавшего биологическое оружие, и плодотворно продолжали с ним работать и после войны. А на Нюрнбергском процессе в Германии суду представили рядовых участников этой программы. Что же касается немецкого биологического оружия, то на этот счет не существует каких-либо документов. Хотя были сведения, что немецкие ученые ставили опыты на военнопленных. Но так как Гитлер был бактериофобом, очень боялся лично заразиться каким-нибудь вирусом, биологическая программа третьего рейха так и не вышла из стен научных лабораторий. Поэтому о немцах и их биологической программе у нас достаточно скудные сведения.

В итоге биологическое оружие СССР стало одной из отечественных военных *страшилок*, созданных руками наших ученых. Для этого нам не пришлось воровать где-то вирусы и их штаммы, всего этого добра у нас хватало с избытком. Большинство биологических веществ, входящих в список 37 наступательных средств, являются для России эндемическими заболеваниями. Их изучением наши ученые-биологи занимались еще с царских времен.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Что же, кроме политической воли государственных мужей, помешало СССР развернуть крупномасштабное изготовление биологических боеприпасов?

ЕВСТИГНЕЕВ: Перейти к адекватному ответу? Американские бомбы попали к нам в начале 1950-х гг., и мы ими пользовались буквально до начала 1980-х гг. Этого вполне хватило для отработки своих защитных систем и возможных теоретических разработок создания наступательных технологий. Кроме того, я думаю, что существовала конкуренция среди видов оружия массового уничтожения. Все внимание было уделено, прежде всего, ядерному оружию – как самому эффективному средству нанесения неприемлемого ущерба противнику. Мы даже водородную бомбу изобрели и взорвали раньше американцев. Поэтому все средства государства и ученые умы были, прежде всего, направлены на это. Успешно развивалось химическое оружие, мы накопили его 40 тыс. тонн. А бактериологическое оружие трудно хранилось, было сложно в эксплуатации и имело ретроградное действие: ударив по неприятелю, можно было получить ответ своими же вирусами по собственным войскам. Все эти факторы и удерживали от создания реального носителя биологического оружия и разработки теории его применения. А для того чтобы блефовать, достаточно было иметь научный потенциал и имитировать хоть какую-то деятельность в этой области.

Во многом именно так сегодня пытаются блефовать Ирак и Иран. Эти государства имеют реальную современную биологическую промышленность, основу которой создали сами американцы, поставляя в прошлом в эти страны технологическое оборудование и обучая персонал предприятий. Теперь США и страны НАТО переживают, как бы страны экстремистских режимов не применили против них биологическое оружие, когда они сами и помогли им создать предпосылки для его появления. Я лично оцениваю эту ситуацию как типичный блеф с целью шантажа мирового сообщества. В Иране и Ираке, скорее всего, нет биологического оружия, но есть прекрасное понимание политической элитой государства прелестей нагнетания страстей вокруг этой темы.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда мы говорим о биологических средствах нападения, вы постоянно повторяете, что это аэрозоли, жидкости или порошки. Но я помню из детства, что самым распространенным плакатом по гражданской обороне был тот, на котором дружинник сметал метлой в ящик разбегающихся из него жуков или тараканов. Почему исследователи остановили свой выбор именно на жидких и аэрозольных формах биологического оружия?

ЕВСТИГНЕЕВ: Вы понимаете, все, кто создает оружие, всегда хотят получить быстрый эффект от его применения. По нашему мнению, самым надежным способом распространения возбудителей инфекционных заболеваний будет создание аэрозоля, несущего

в каждой своей частице возбудитель инфекционного заболевания. Человек, вдыхая такой воздух, сразу же заражается. Можно использовать переносчиков заболевания, но здесь вероятность получения нужного эффекта намного ниже. Переносчик вируса либо сам погибнет, либо не найдет солдата. Потом, укус через кожу всегда менее опасен, чем вдыхание зараженного воздуха. Японцы в свое время использовали в своих снарядах зараженных чумой блох. По-видимому, со времен Второй мировой войны эти насекомые и ассоциируются на всевозможных плакатах с образом биологического оружия.

Есть и еще одна причина. Порошок или жидкость распылил – и они полетели. А, например, вошь – она тяжелая, она не полетит по воздуху. Комаров, вшей трудно распространить по площади. Их, конечно, можно распылить, но опять-таки они быстро упадут в месте распыления, и зона поражения будет небольшой. Хотя появление колорадского жука, который поедает картофель на российской земле, с нашей точки зрения, очень подозрительно.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но я думаю, что даже в эпоху глобального противостояния в мире никто всерьез не воспринимал возможность крупномасштабной биологической войны?

ЕВСТИГНЕЕВ: Я думаю, что да. Скорее рассматривались возможности какой-то показательной диверсионной акции. Именно поэтому вопрос защиты от биологического оружия принимается в современном мире несколько иной оборот, чем несколько десятков лет назад, когда начинались эти работы. Современная лабораторная техника позволяет легко производить самых опасных инфекционных возбудителей даже в самых непригодных для этого условиях. А это, в свою очередь, влечет возрастание риска биологического терроризма.

В США, например, было раскрыто несколько групп биологических террористов. Они внесли сальмонеллы в маленьком придорожном кафе в продукты питания. Около двухсот человек, пообедавших в этом заведении, были госпитализированы. Одного шизофреника поймали за попыткой купить возбудителей чумы. Во всяком случае, даже у нас, в России, один из чеченских полевых командиров угрожал применить биологическое оружие. И такую угрозу нельзя недооценивать.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но как, по вашему мнению, может развиваться сценарий такого террористического акта?

ЕВСТИГНЕЕВ: Для специалиста-биолога в этом большой проблемы нет: добыть биологический агент для создания оружия, что совсем не трудно, и действовать. Например, была история с 201-й дивизией в Таджикистане, когда один полевой командир из Афганистана (я сейчас не помню точных оперативных данных, но, кажется, он был обучен в Пакистане) познакомился с медицинской сестрой в госпитале, та собрала для него мочу человека, больного гепатитом. Этой мочой обмыли арбузы и дыни, часть ее вводилась шприцем внутрь плодов. Затем зараженные арбузы и дыни по очень низкой цене продали на пути следования наших воинских подразделений. Конечно, солдаты с удовольствием покупали эти бахчевые и в результате все заболели гепатитом. Этот случай, произошедший в 1995 г., можно считать классическим примером биологического терроризма.

Теперь, например, возьмем другую ситуацию. Кто мешает террористу договориться с работниками особо опасных лабораторий, где работают с возбудителями? Достаточно вынести всего один грамм биологического вещества, размножить его на питательной среде – и оружие готово. Причем такой питательной средой может быть обычный мясной бульон. Ну, а дальше, имея этот размноженный возбудитель, можно его разливать в общественных местах, смачивать фрукты или канцелярские принадлежности, да хотя бы те же ручки дверей, распылять через вентиляционные системы. Вот вам и терроризм.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Если это так, то, наверное, уже существует перечень наиболее вероятных биологических угроз для населения России? Тем более, когда в рамках вооруженных сил ваш потенциал сегодня не сильно задействован. На какие действия вы сегодня ориентированы?

ЕВСТИГНЕЕВ: Мы, прежде всего, готовимся к отражению именно таких случаев терроризма. Причем мы тут не пионеры, читаем соответствующую зарубежную литературу, переводим статьи о том, какой экономический ущерб может быть нанесен стране в слу-

чае применения биологического оружия террористическими группами. Американцы провели такие расчеты и смоделировали применение биологических средств против города, в котором проживает около 100 тыс. человек. Они проводили этот расчет для выяснения размеров страховых взносов на создание запасов средств защиты от биологического оружия. И они просчитали, что с точки зрения экономики лучше иметь запасы вакцин, которые, к слову, ежегодно нужно заменять, чем потом проводить ликвидационные мероприятия, локализуя последствия теракта. Поэтому и мы, познакомившись с этими работами, пришли к выводу, что и нам не мешало бы предпринять аналогичные меры безопасности. Ну, а поскольку средства обнаружения, идентификации и защиты от действия биологического оружия мы в наших Вооруженных силах давно отработываем и умеем делать, то можем успешно решить эту проблему.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как будет выглядеть эта программа?

ЕВСТИГНЕЕВ: Как она выглядит? Это обычный блок вопросов, примерно такой же, который мы с вами только что обсудили.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но ведь мы же живем в России...

ЕВСТИГНЕЕВ: Я вам должен сказать, что в СССР была учреждена специальная программа. Над ее реализацией трудились около 15 министерств и ведомств и около 100 научно-исследовательских институтов. И все эти организации вели разработку средств защиты. Сегодня такой государственной программы, по сути, нет. Мы обязаны каждый год докладывать ООН о наличии такой программы, и мы пишем, что она у нас есть. Но фактически над ее созданием трудится только один наш военный институт.

Над банальными инфекциями, такими, как грипп, туберкулез, СПИД, гражданские институты еще работают. Но если кто-то применит настоящую боевую заразу, то вся надежда будет только на военных. И у нас, конечно, найдутся силы и средства, чтобы защитить людей. Мы – единственные в стране, кто продолжает работать с теми возбудителями, с которыми гражданские медики не работают: геморрагических лихорадок Эбола, Марбурга, Ласса. В этот список можно добавить еще и сибирскую язву, с которой хотя и работают гражданские институты, но вакцину выпускает только наш военный институт в Екатеринбурге. Мы полностью обеспечиваем всем необходимым всю Российскую Федерацию и даже поставляем часть препаратов за рубеж.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Это все очень интересно, тем более что, например, в истории с разработкой вакцины от вируса Эбола у нас не было даже образцов зараженной этим заболеванием крови людей. Американцы, уже много лет безуспешно борющиеся с этим заболеванием, отказались помочь нам с образцами крови. Как же удалось решить эту сложную проблему, создать вакцину, да еще и предложить ее на экспорт?

ЕВСТИГНЕЕВ: Мы, если говорить корректно, создали не вакцину, а гамма-глобулин. Дело вот в чем. В последние годы резко возросли миграционные потоки, подвижность нашего населения. Причем в Африку сегодня ездят не только дипломатические работники и туристы, но есть целая категория россиян, имеющих там постоянную работу. Поэтому угроза, что наши граждане могут заразиться экзотическими заболеваниями типа геморрагических лихорадок Эбола, Денге, Марбурга, возросла в несколько раз по сравнению с советскими временами. Знать и уметь отличить эти болезни – наша прямая обязанность. Мы должны быть уверены, что человек болен не гриппом, а лихорадкой Эбола. При этом с этими болезнями и их симптомами должны быть знакомы и российские гражданские медики, а не только военные, которые с ними всегда и работали.

В 1997 г. у нас произошел такой случай. Приехали два летчика из Заира в Старый Оскол и заболели непонятной лихорадкой. У врачей местной больницы сразу же возникло опасение, что это лихорадка Эбола, так как в Африке в это время была ее эпидемия. Когда начали искать специалистов, способных лечить это экзотическое заболевание, оказалось, что они есть только в армии. Генерал-майор медицинской службы А.А. Махлай, который возглавляет Вирусологический центр в Сергиевом Посаде и, кстати, получил звание Героя России за изобретение гамма-глобулина от лихорадки Эбола, с еще одним сотрудником института поехали в Старый Оскол. Там они продиагностировали больных,

обнаружили, что летчики больны малярией. Заодно потренировали персонал инфекционного отделения госпиталя, чтобы они научились работать в режиме отделения по особо опасным вирусным заболеваниям. А когда наши люди вернулись из командировки, мы приняли решение, что такие случаи могут повторяться впредь, и нам что-то нужно делать. Тем более что штамм Эбола у нас был.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Откуда? Ведь летчики оказались больны малярией, а американцы нам отказали в ее штаммах.

ЕВСТИГНЕЕВ: Верно. Штамм попал к нам из конфиденциальных источников...

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Это значит, что наша внешняя разведка справляется с возлагаемыми на нее функциями?

ЕВСТИГНЕЕВ: Можно считать, что и так... И уж, поскольку возбудитель Эбола у нас был, мы решили создать гамма-глобулин. Но начинать пришлось с самого начала. Мы не знали, что это за возбудитель, как с ним работать и какие меры предосторожности принимать, на чем он растет. Цикл этих очень опасных работ мы сделали. Для подтверждения работоспособности препарата нам нужно было вакцинировать вирусом лошадей. Не знаю, как можно описать сложность работы с лошадью, зараженной вирусом Эбола, ведь и со здоровым животным справиться-то непросто, а нам приходилось работать в специальных средствах защиты. Малейшая оплошность, прорыв перчатки, и последствия могли быть самыми печальными. Одна из наших сотрудниц погибла, выполняя опыты. Она порвала защитные перчатки, но из-за того, что это произошло накануне новогодних праздников, она скрыла этот факт от руководства института. В результате, когда женщина обратилась за помощью к врачу, было уже поздно.

Впоследствии от зараженных вирусом Эбола лошадей мы получили кровь, простерилизовали ее, выделили гамма-глобулин. Потом мы научились делать иммуноглобулин не из чистого вируса, а из иммунных комплексов. Проверили мы этот препарат сначала на животных, потом на добровольцах, убедились, что он имеет нормальную фармакинетику и сможет защищать от болезни не только обезьян, мелких лабораторных животных. Мы сочли возможным представить наше изобретение как полноценный фармацевтический препарат. Когда в Африке произошла новая вспышка лихорадки Эбола, мы предложили Всемирной организации здравоохранения 150 доз препарата. Те, в свою очередь, сразу же поделились нашим препаратом с американцами, которые и подтвердили, что это настоящий гамма-глобулин, обладающий всеми профилактическими свойствами, но пока не лечащий само заболевание. Дело в том, что когда лихорадка уже развилась, он бесполезен, но в начальной стадии, когда есть только подозрение на возможность заболевания, он полностью защищает человека от смертоносного вируса Эбола.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Имея такие перспективные наработки, ваше ведомство находится в столь печальном финансовом положении. Мне кажется, что это достаточно парадоксально. Я помню, что перед операцией *Буря в пустыне* к вам обращалось командование армии США с просьбой продать партию вакцин от сибирской язвы. Думаю, есть и другие предложения...

ЕВСТИГНЕЕВ: Предложения-то есть, но не все из них мы можем реализовать.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы отказали американцам, которые просили вакцину от сибирской язвы?

ЕВСТИГНЕЕВ: Все достаточно банально. Так как американцы наши вероятные противники по годам холодной войны, то вопрос о предоставлении наших образцов военных вакцин долго согласовывался с различными государственными инстанциями. В итоге США, имевшие четкие сроки начала операции *Буря в пустыне*, купили вакцину у Китая. Но я думаю, что главной причиной все-таки были не бюрократические рогатки, а нежелание государства делиться своими военными секретами в столь щепетильной сфере, как биологические разработки, ведь за ними очень большое будущее. И уж если быть совсем откровенным, то те 37 биопрепаратов, о которых мы с вами говорили, – это всего лишь первое поколение биологического оружия. Сегодня во многих точках мира работают уже над третьим...

Председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам Д.О. Рогозин дал интервью корреспонденту журнала Андрею Фролову.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Российские политики и высокопоставленные государственные чиновники, в том числе и на страницах нашего журнала, заявляли, что Договор о СНП отвечает интересам России. В то же самое время возникает вопрос: нет ли противоречия между стремлением сократить российские ядерные арсеналы и действиями США, которые уже сейчас присутствуют в зоне российских национальных интересов – в Центральной Азии, Закавказье?

РОГОЗИН: Договор о СНП предполагает взаимные сокращения ядерного оружия в России и в США. Это паритет. Что касается российских интересов в Центральной Азии и Закавказье, то они состоят в поддержании мира и в отсутствии угрозы терроризма, наркотрафика и потоков нелегальной миграции. Падение режима талибов в Афганистане при участии Америки нам выгодно. Более того, могу сказать, что нам невыгодна как раз слабость американских военных в этой стране и их неспособность добить этих кровожадных талибов, прекратить наркобизнес, которым живет едва ли не весь Афганистан, а главное – неспособность установить в Кабуле действительно сильное, вменяемое и эффективное правительство, которое могло бы взять реальную власть в свои руки, а не повторять историю Б. Кармалы образца 1979 г. В этом мы должны оказывать Америке посильную поддержку. Мы неплохо взаимодействовали при активных действиях США в Афганистане в рамках антитеррористической операции. Без нашей поддержки Северного альянса американцам пришлось бы, прямо скажем, туговато. Нам следует сотрудничать и в дальнейшем.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как вы можете охарактеризовать российское участие в Договоре о коллективной безопасности (ДКБ)? Является ли, на ваш взгляд, ОДКБ оппозицией НАТО или же, напротив, у ДКБ и НАТО есть гораздо больше пространства для сотрудничества, чем для соперничества?

РОГОЗИН: ОДКБ – такая же региональная организация военного сотрудничества, как и НАТО. И полагаю, что такая же номинальная. Это такая, как бы политическая, декларация взаимного уважения и партнерства. Проводятся саммиты участников, совместные военные маневры, содержатся многотысячные армии. Но когда дело доходит до принятия конкретных решений, то в НАТО их принимают США в личном качестве, в ОДКБ – Россия.

Надо было Америке влезть в Ирак – влезли. Правда, прикрыли это вторжение фиговым листком некой «коалиции» с участием Болгарии и Польши. Но реальное решение принимали в Белом доме. Остальные подстраивались. И ни о каком консенсусе в НАТО вопрос даже не ставился. Так и Россия. В Чечне с международным сбродом террористов бо-

ремся сами. В Таджикистане в 1990-х гг. коалиционные силы в рамках ОДКБ должны были бы присутствовать, но реально это были только наши военные, не считая взвода киргизов и роты казахов, которые все равно реального участия в военных действиях не принимали.

Таким образом, организации эти на сегодняшний день способны, в лучшем случае, только на обеспечение ограниченного присутствия миротворцев или проведение гуманитарных операций по доставке в нестабильные районы тушенки и туалетной бумаги.

Что касается взаимоотношений этих организаций, то, очевидно, следовало бы сотрудничество между ними развивать и наращивать. Я далек от мысли, что в ближайшие годы вероятны какие-то практические совместные дела. Но стремиться к этому нужно хотя бы затем, чтобы демонстрировать миру рост взаимного доверия и единство политических принципов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как, на ваш взгляд, стоит расценивать намерение российского руководства участвовать совместно с США в разработке и создании системы противоракетной обороны?

РОГОЗИН: Не уверен, что это перспективная затея. Американцы – слишком эгоистичная нация. Такому вот национализму, кстати, нам следовало бы у них аккуратным образом поучиться. ПРО интересна для них не столько с точки зрения ее военной эффективности, сколько в качестве импульса для развития своего военно-промышленного комплекса (ВПК), науки, технологий и экономики в целом. Закачают в этот проект 300 млрд, и на десять лет вперед миллионы людей будут при деле, будут что-то придумывать, мастерить. И в результате США сделает такой мощнейший экономический рывок, что на ближайшие лет пятьдесят оставят позади всех, даже своих верных и экономически продвинутых союзников. Какой им смысл делиться с нами? Я бы на их месте так не поступил. Пока эти проекты кооперации с Россией не приобретут конкретных очертаний и не замачат реальные инвестиции, я буду скептиком. У США в этом вопросе, прямо скажем, неважная репутация.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Одной из современных угроз для мира является растущая роль так называемых «негосударственных игроков» – трансграничной преступности и международных террористических организаций. Не секрет, что они подчас образуют тесный союз. С какими государствами сотрудничает Россия для предотвращения этой угрозы? Насколько плодотворно такое сотрудничество?

РОГОЗИН: Эта тема с точки зрения права, пожалуй, самая неразработанная в современном мире. Вроде бы все, задрав штаны, готовы броситься на борьбу с международным терроризмом, бандитизмом и транснациональной преступностью. Но всякий раз, когда необходимо принимать конкретные решения, сразу расчехляют свои стволы всевозможные правозащитные организации, активизируются адвокаты и прочие «миротворцы». И их влияние на принятие политических решений нельзя недооценивать.

Взять хотя бы навязший уже в зубах пример А. Закаева, которого сначала датчане пригнали, теперь англичане со свойственной туманному Альбиону волокитой решают, стоит ли выдавать его для проведения следственных – прошу обратить внимание, именно следственных действий – нашей прокуратуре или нет. А его следовало бы судить уже за организацию незаконных вооруженных формирований, что в переводе на русский язык называется бандой. Это ведь только «старейшим демократическим судам» непонятно, для чего создаются такие банды. Наверное, думают, чтобы садовые товарищества устраивать! Закаев – гражданин России, и бандитствовал он здесь. Если и не он лично, так его подручные убивали людей, наших солдат, ребят, которые служили своей стране. А страна должна, обязана наказывать любого, кто покушается на жизнь тех, кто ее защищает.

Эти самые «демократии» саботируют наше национальное правосудие, мешают органам дознания. Простота – она ведь, известно, хуже осознанного уголовно наказуемого деяния. Это не что иное, как попытка политической социализации бандитизма, политическое спонсорство международного терроризма. Первая чеченская кампания не была до-

ведена до конца в том числе и по их вине. И это, действительно, большая проблема международного контртеррористического сотрудничества, когда отсутствие общедоступных и понятных, а самое главное – эффективных правовых норм тормозит эту борьбу. А по большому счету – и вообще ставит под сомнение будущее современной российско-европейской цивилизации, обрекая ее на кровопролитную войну за право на жизнь. Мировая история протокольными дипломатическими нотами не пишется.

Я считаю так: перед лицом террористической угрозы, не признающей правил и норм современной цивилизации, граждане России не должны оставаться заложниками несовершенных юридических норм. Слабость правовой базы не может считаться оправданием бездеятельности власти, когда речь идет об угрозе жизни, свободе и гражданскому достоинству населения страны.

Англичане говорят: «Если правила игры не позволяют выиграть, английские джентльмены меняют правила». Если есть воля правительства, то никакое юридическое крючкотворство не сможет воспрепятствовать выполнению им своей конституционной функции защиты людей. Проблема в том, что в сытой Европе остроту угрозы еще не конца почувствовали. Со временем они, безусловно, поймут, в чем дело. Но, боюсь, для этого им предстоит пережить свое 11 сентября. К сожалению...

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Дмитрий Олегович, в вашем лице Государственная Дума поддерживает активный диалог с европейскими структурами. Какие магистральные направления вы видите для российско-европейского сотрудничества в области безопасности? Есть ли у России намерение сотрудничать с Европой в деле создания системы противоракетной обороны театра военных действий?

РОГОЗИН: Это терроризм, наркобизнес, который должен быть приравнен к распространению оружия массового уничтожения, нелегальная миграция как потенциальный рассадник преступности. Безусловно – нераспространение ядерного оружия и других видов ОМУ. Все, что отвечает нашим взаимным интересам и работает на укрепление режима безопасности и стабильность.

Что касается противоракетной обороны театра военных действий, то следовало бы для начала изучить потенциальный источник угроз и вероятных участников этого «театра» и строить оборонительные рубежи адекватно этим угрозам. А то ведь может случиться так, что мы увлечемся этими локальными ПРО, а беда подкрадется с другого берега. Как в Америку 11 сентября. Поэтому работа в вопросах безопасности должна строиться комплексно, с использованием как чисто военных ресурсов, так и политических механизмов. Так называемые «неэффективные» режимы, или «страны-изгои», вполне могут лечиться политическими методами. Это намного дешевле, чем прибегать к услугам армий. Вот в Ираке, хотя военная победа и была одержана, но в данном регионе это еще ничего ровным счетом не означает. Там полно «сукиных детей», и на место Хусейна легко сыщется другой. И хорошо, если он будет подобен самому Саддаму, а если бен Ладену?

Но порох все равно следует держать сухим. Мир не так стабилен, как хотелось бы. И противоракетные системы театра военных действий следует, конечно, совершенствовать, в том числе и во взаимодействии с европейскими партнерами. Но делать это, повторяюсь, следует, только изучив реальные источники угроз и в комплексе с политическими средствами влияния.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каким вы видите будущее ООН и в целом архитектуру международной безопасности после операции США в Ираке? Может ли «восьмерка» заменить Совет Безопасности ООН или, возможно, ради сохранения этой организации стоит прислушаться к мнениям о необходимости увеличения постоянных членов СБ ООН?

РОГОЗИН: К работе ООН есть много претензий. Пока работа ее малоэффективна. Порой напоминает тусовку пикейных жилетов, где адепты всевозможных политических школ упражняются в риторике. Документы ее не носят обязывающего характера. Во всяком случае – не все. Операция в Ираке, конечно, показала слабость этой организации. США смогли легко обойтись без ее одобрения, и это плохо. Но в то же время показа-

тельно, что Вашингтон настойчиво и последовательно стремился снискать это одобрение. А значит, мнение ООН было ему не совсем безразлично, следовательно, политический ресурс ее еще не исчерпан. Нужно просто наполнить ее новым содержанием, обеспечить независимость и эффективность принимаемых решений.

Что касается возможности «восьмерки» заменить СБ ООН, то вряд ли это возможно и вряд ли целесообразно эту тему даже обсуждать. «Восьмерка», конечно, представлена странами достойными, сильными и влиятельными. Но влияние это заслужено их высоким уровнем развития, реальной силой, умом, гармоничным устройством. Если эти «умные» и «сильные» возьмутся диктовать свою волю остальному миру, то в этом случае велик риск не справиться с этой задачей.

Диктаторов не любят никогда и нигде. Любая диктатура мобилизует силы сопротивления, которые потом традиционно одерживают победу. Лучше уж «восьмерке» сохранять за собой репутацию «неформального» мирового лидера, на которого остальные могли бы равняться и стремиться к такому же упорядоченному устройству.

А вот тему расширения списка постоянных участников СБ ООН можно было бы обсудить с тем, чтобы вовлечь в работу страны, обладающие влиянием в вопросах региональной безопасности и стабильности, не девальвируя при этом статус сегодняшних постоянных членов Совета Безопасности.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Обнародованный в июне 2003 г. доклад МАГАТЭ о ядерной программе Ирана подверг сомнению заявления иранского руководства об исключительно мирном характере ядерной программы этого государства. В свете этой информации как, на ваш взгляд, должна Россия строить свои отношения с Ираном, учитывая тот факт, что Иран – стратегический союзник России и крупный деловой партнер?

РОГОЗИН: Иран – наш непосредственный сосед. Ядерного оружия там нет, и наш интерес в том, чтобы исключить возможность его появления в Иране, несмотря на наши сегодняшние добрые с ним отношения. И в Иране это хорошо понимают. Гораздо лучше нам самим построить там мирную атомную станцию, о начинке которой мы знали бы лучше самих иранцев и были бы уверены, что даже при очень скверном развитии событий никакого греха там не приключится. Иран для нас – огромный рынок, который мы можем осваивать долгие годы. Это очень культурная страна, мало пострадавшая от квазикультурного глобализма. И этим также она для нас интересна. Ресурс развития наших отношений – огромен.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В середине июля 2003 г. резко возросла напряженность на Корейском полуострове, связанная с информацией о том, что КНДР может провести испытания ядерного оружия в сентябре 2003 г. Какой, на ваш взгляд, должна быть роль России в процессе урегулирования ситуации вокруг Северной Кореи?

РОГОЗИН: Северная Корея – такой же наш сосед, как и Иран. И также традиционный партнер, хотя вследствие идеологических различий отношения последних лет как-то не заладились. А жаль. Тем не менее в отношениях с Сеулом в последние годы очевиден прогресс. И, видимо, России предстоит сыграть не последнюю роль в процессе налаживания межкорейских отношений.

История с пуском ядерных реакторов в КНДР, конечно, неприятная. Но вполне адекватная главным мировым процессам, в том числе и войне США против Хусейна. Американцы хотели напугать всех мировых «изгоев», но не тут-то было. Желающих выстроиться во фронт при окрике из Вашингтона оказалось немного.

Ведь какова логика Пхеньяна? Зачем нужно «прогибаться» перед международным сообществом, идти на сотрудничество, пускать к себе инспекторов, позориться перед собственным народом, если все равно американцев это не убедит и они найдут повод почесать свои кулаки. Надежнее так – без кривых улыбок и дипломатического протокола объявить, что плевать, мол, мы хотели на все ваши запреты, если вы сами пристойно вести себя не умеете. ООН сегодня – это сакэ такое в сравнении с нашей водкой, сахарная водка для страдающих половым бессилием: ничего и никому гарантировать не может. А потому спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Есть сомнения? Попробуй-

те – сразитесь с нами! Корея – это не Персидский залив. Сунетесь – получите второй Вьетнам по полной программе с острой ядерной приправой.

Но что делать? Мы-то понимаем это. Нас наша история выучила, что такое инстинкт самосохранения, что такое любовь к жизни и свободе. А американцы, находясь в шорах своего могущества и величия, как-то недотягивают, чтобы постичь эту логику. Президент наш В.В. Путин интересное наблюдение привел в своей книге «От первого лица» – о том, как в детстве, гоня по переулкам крыс, понял, что нельзя загонять их в угол. Иначе крыса в своем предсмертном рывке запросто может допрыгнуть до сонной артерии и увлечь за собой в лучший из миров.

Северная Корея – это же не гамбургер из трансгенных продуктов, чтобы нравиться американцам. Она для них – как та крыса. А для нас, для Китая – это сосед. Своеобразный, но сосед, с которым можно и нужно договариваться. Это как тигр дальневосточный. С ним следует как с кошкой – окружать лаской, заботой и подарками. Но если стращать такие страны дубиной, то, боюсь, эффективный прецедент ядерного шантажа КНДР будет иметь рецидивы.

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ПРОБЛЕМАМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОМУ ДЛЯ ЭКСПЕРТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ

9–16 июля 2006 г., Покровское (Московская область)

Целью программы, организуемой ПИР-Центром и Центром изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований (США), является повышение квалификации молодых специалистов из государственных и негосударственных структур, которые работают в области нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями, а также научных сотрудников, аспирантов, учащихся старших курсов вузов, журналистов, интересующихся этими вопросами.

Участие в Летней школе позволит слушателям расширить представление о региональных аспектах проблемы нераспространения ОМУ и средств его доставки, угрозе терроризма с использованием оружия массового уничтожения и роли механизмов экспортного контроля в предотвращении распространения чувствительных материалов. Одновременно участникам программы будут даны практические рекомендации по решению проблем, с которыми сталкиваются молодые политики, эксперты и управленческий персонал в реальной жизни.

В рамках курса лекций планируется участие ведущих российских специалистов в области нераспространения, в частности таких, как:

- ❑ **АХТАМЗЯН** И.А., доцент МГИМО, кандидат исторических наук;
- ❑ **ЕВСТАФЬЕВ** Г.М., старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке);
- ❑ **ОРЛОВ** В.А., директор ПИР-Центра, кандидат политических наук;
- ❑ **СОКОВ** Н.Н., старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, доктор политических наук;
- ❑ **ТИМЕРБАЕВ** Р.М., председатель Совета ПИР-Центра, доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол;
- ❑ **ХЛОПКОВ** А.В., заместитель директора ПИР-Центра;
- ❑ **ЧУЕН** Кристина, старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Также планируется, что с лекциями перед слушателями выступят эксперты Министерства иностранных дел РФ, Федерального агентства по атомной энергии, Счетной Палаты РФ.

Курс является бесплатным для его участников. Организаторы полностью несут расходы по проезду, проживанию и питанию участников программы, а также обеспечивают их необходимыми раздаточными материалами и литературой. Набор участников программы осуществляется на конкурсной основе.

Заявки на участие в Летней школе необходимо отправлять на имя заместителя директора ПИР-Центра А.В. **Хлопкова** по факсу +7-495-234-9558 или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org

В 2005 г. в Летней школе приняли участие 25 участников из шести стран (Армения, Казахстан, Киргизстан, Россия, Узбекистан, Украина).

Заявки принимаются до **15 мая 2006 г.** включительно. Объявление результатов конкурсного отбора запланировано на **1 июня 2006 г.**

За дополнительной информацией о Летней школе следует обращаться к координатору образовательных проектов ПИР-Центра Екатерине Вотановской по тел.: +7-495-234-0525, факсу или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org

Генеральный директор МАГАТЭ Мохамед Эльбарадей ответил на вопросы председателя Совета ПИР-Центра Р.М. Тиммербаева.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда в 60-х гг. прошлого века был создан международный режим ядерного нераспространения, опирающийся на систему гарантий МАГАТЭ, стало ясно, что ввиду невсеобъемлющего характера этого режима (существование государств, обладающих и не обладающих ядерным оружием, недостатки имевшейся тогда системы гарантий и т.д.) мировому сообществу предстоит столкнуться со многими проблемами в противодействии риску ядерного распространения и что существует реальная опасность выхода последнего из-под контроля. Считаете ли вы, что мировое сообщество в целом располагает прочным в своей основе режимом нераспространения, обладающим возможностью дальнейшего совершенствования? А если нет, нуждается ли этот режим в радикальной реформе?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Я думаю, справедливо будет сказать, что Договор о нераспространении ядерного оружия 1970 г. (ДНЯО) и режим ядерного нераспространения, который он поддерживает, в большинстве своих аспектов являются выдающимся достижением. В рамках договоренности, зафиксированной в ДНЯО, подавляющее большинство государств отказалось от обладания ядерным оружием в обмен на помощь в развитии ядерных технологий для использования в мирных целях, а также на обязательство пяти государств, признанных обладающими ядерным оружием, стремиться к ядерному разоружению. Проводимая Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) проверка играет важнейшую роль в успешном осуществлении этого режима.

Но также верно, что порой недостатки этого режима становятся очевидными. Ясно, что сейчас он переживает трудные времена. Я не разделяю точку зрения, согласно которой мы должны были предвидеть все эти источники трудностей уже в конце 60-х гг. прошлого столетия, т.е. во время установления этого режима. Напротив, на мой взгляд, будет логичным для сохранения эффективности каждый такой режим время от времени адаптировать к условиям новых реальностей и возникающих угроз.

В 1990-х гг. мы провели одну такого рода адаптацию. Информация о скрытой программе создания ядерного оружия в Ираке наряду с установлением МАГАТЭ факта отказа КНДР осуществлять ее соглашение о гарантиях подчеркнули важность укрепления системы гарантий МАГАТЭ. Это привело к созданию нового механизма, называемого Дополнительным протоколом, в соответствии с которым государства предоставили МАГАТЭ более широкие права доступа к установкам и информации, с тем чтобы оно могло обеспечивать уверенность не только в непереклещении *заявленного* ядерного материала на военные цели, но также и в отсутствии каких-либо *незаявленных* ядерных материалов и деятельности. Заключение этого Дополнительного протокола с МАГАТЭ является обязанностью каждого государства-участника ДНЯО.

Тем не менее и эта укрепленная система гарантий далеко не универсальна. Так, из 189 государств-участников ДНЯО 47 государств по состоянию на конец 2003 г. не имеют действующих соглашений о всеобъемлющих гарантиях, а Дополнительный протокол вступил в силу только в отношении 37 государств. Это явно неприемлемо. МАГАТЭ будет в состоянии выполнять свои обязанности только тогда, когда оно получит все соответствующие полномочия.

Любые случаи осуществления государствами-участниками ДНЯО скрытых ядерных программ, безусловно, вызывают серьезную озабоченность у всех стран. В связи с этим для международного сообщества, включая Совет Безопасности ООН, важно принимать эффективные меры в отношении любых нарушителей, причем наглядность этих мер должна быть очевидна. Помимо этого, в центре международной озабоченности находится отсутствие прогресса в отношении поддающегося международному контролю ядерного разоружения, а также влияние этого на восприятие договоренностей ДНЯО. Таким образом, по моему мнению, для всех участников ДНЯО – как для государств, обладающих ядерным оружием, так и для государств, не обладающих ядерным оружием, – одинаково важно соблюдать букву и дух их обязательств. А международное сообщество, несомненно, желает также наблюдать прогресс в том, чтобы склонить три остающиеся вне рамок ДНЯО страны – Израиль, Индию и Пакистан – присоединиться к всеобщим усилиям по борьбе с распространением и двигаться по пути ядерного разоружения.

Поскольку такого рода озабоченности ясно указывают на то, что необходимы реформы и изменения подхода, я думаю, что многие элементы этого режима, по сути, являются правильными и надежными, и поэтому нам следует сохранить основу ДНЯО и развивать ее. Кроме того, единодушно признается необходимость более активного приспособления режима к существующим реальностям. Например, мы вновь рассматриваем вопрос о возможности ограничения мест осуществления определенных «чувствительных» операций ядерного топливного цикла, таких, как выделение плутония и обогащение урана международными центрами, находящимися под межнациональным контролем, – с тем чтобы в большей мере контролировать доступ к ядерным материалам, непосредственно используемым в ядерном оружии. Эти и другие идеи следует рассматривать с точки зрения того, что это поможет укреплению режима нераспространения, обеспечивая в то же время возможность применения ядерных технологий для мирных целей.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Почему присоединение государств к Дополнительному протоколу МАГАТЭ происходит столь медленными темпами и что, по вашему мнению, требуется для ускорения этого процесса?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Как я уже упомянул, столь медленные темпы вступления в силу соглашений о гарантиях и Дополнительных протоколов вызывают разочарование. В частности, на 70 государствах, осуществляющих значительную ядерную деятельность, и в особенности на тех, возможности которых охватывают весь ядерный топливный цикл, лежит особая ответственность в отношении вступления этих соглашений в силу, обеспечения транспарентности и, на основе проверки МАГАТЭ, уверенности в том, что их ядерная деятельность носит мирный характер.

МАГАТЭ провело анализ препятствий, которые могут вызывать задержку в принятии государствами мер по заключению Дополнительных протоколов. В отношении некоторых развивающихся стран, осуществляющих незначительную ядерную деятельность или вообще не осуществляющих ее, препятствием может служить недостаточная информированность о роли укрепленных гарантий в деле ядерного нераспространения и международной безопасности. В то же время для ряда стран, имеющих весьма развитый топливный цикл, политические соображения могут служить задержкой в принятии условий более интрузивной системы проверки, предусмотренной в рамках Дополнительного протокола. Есть и другие случаи, в которых задержки вызваны техническими или даже административными факторами.

Как МАГАТЭ, так и многие отдельные государства-члены ускорили свою информационно-просветительскую работу с целью помочь государствам преодолеть такого рода препятствия. В 2003 г. мы явились свидетелями некоторого увеличения числа госу-

дарств, заключивших Дополнительные протоколы и присоединившихся к ним. Я по-прежнему надеюсь, что эти темпы будут ускоряться, поскольку необходимость универсального присоединения к режиму усиленных гарантий приобретает все большее международное значение.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Среди многих экспертов по-прежнему существуют глубокие разногласия в отношении путей дальнейшего развития ядерной энергии, использования МОКС-топлива, обращения с отходами и т.п. Это было подчеркнуто в недавно проведенном междисциплинарном исследовании Массачусетского технологического института (МТИ) «Будущее ядерной энергетики». В то же время широко признается, что ядерная энергия является важным источником удовлетворения будущих энергетических потребностей без выбросов двуоксида углерода и других атмосферных загрязнителей. Может ли МАГАТЭ играть роль координационного центра, объединяющего различные подходы в интересах формирования общей международной политики при осуществлении ядерно-энергетического варианта на основе улучшенных экономических показателей, существенно повышенного уровня безопасности, успешного во всех отношениях обращения с отходами и низкого или нулевого риска распространения?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Ваш вопрос включает в себя две проблемы, и мне придется отвечать на него последовательно. Конечно, в функции МАГАТЭ входит работа в качестве координационного центра для обмена информацией, обсуждения и принятия конкретных мер в области ядерной энергии. Мы стремимся обеспечить широкое понимание преимуществ ядерной энергии с точки зрения экологии перед другими видами энергетических источников, при этом важно, чтобы подобные сравнения источников энергии были беспристрастными и сбалансированными. Мы также содействуем технологическим инновациям – в рамках нашего Международного проекта по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (ИНПРО) и других проектов – с целью повышения уровня безопасности, сдерживания риска распространения, уменьшения объема отходов и улучшения экономической конкурентоспособности. Мы полны решимости на основе этих усилий обеспечить определенные условия, чтобы ядерная энергия и в будущем оставалась жизнеспособным источником производства энергии для тех государств, которые предпочитают ее использовать.

Тем не менее также очевидно, что мнения международного сообщества, равно как и государств-членов МАГАТЭ, относительно преимуществ ядерной энергии расходятся. В роль Агентства не входит навязывание ядерной энергетики или любой другой ядерной технологии государствам, которые не стремятся к этому. Наша роль заключается в том, чтобы помочь тем государствам, которые приняли решение использовать мирные ядерные технологии, путем содействия им в таких вопросах, как обеспечение качества, безопасность, физическая безопасность и т.п. Мы, однако, стремимся к более активному диалогу по ядерным проблемам с руководителями в правительственных, неправительственных организациями и широкой общественностью, поскольку считаем, что посредством повышения уровня информированности относительно преимуществ ядерных технологий – как ядерной энергетики, так и других применений – мы можем обогатить коллективный поиск решений некоторых из проблем, стоящих перед нашей планетой (экологических и иных). Недавний пример может явиться идеей, о которой я говорил ранее, – вновь рассмотреть преимущества постановки определенных чувствительных стадий топливного цикла под международный контроль.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какую роль могло бы играть МАГАТЭ в оказании помощи и продвижении программы Глобального партнерства против распространения оружия массового уничтожения, выдвинутой «Большой восьмеркой»?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Прежде всего, сама программа Глобального партнерства должна решать, предложить ли МАГАТЭ осуществлять какую-либо дополнительную деятельность или нет. Мы, несомненно, были бы готовы помочь в сфере нашей компетенции. Некоторые возможные области участия могли бы быть следующими:

- «Большая восьмерка» могла бы просить МАГАТЭ содействовать осуществлению в рамках конкретных сфер его компетенции миссий по проверке тех или иных объ-

ектов, по вопросам безопасности и/или миссий по вопросам охраны окружающей среды;

- «Большая восьмерка» могла бы предоставить дополнительное финансирование и другую поддержку тем программам МАГАТЭ, которые согласуются с ее собственными целями, таким, как наши программы по повышению сохранности ядерных материалов и опасных радиоактивных материалов, по разработке и содействию принятию общих норм в области физической ядерной безопасности, а также помощи государствам в определении уязвимости их ядерных объектов и принятии соответствующих корректирующих мер;
- «Большая восьмерка» могла бы также предложить прямое финансирование государствам, которым необходимы дополнительные ресурсы для надлежащей защиты их ядерных активов и содействия эффективности применения гарантий.

В ноябре 1994 г. мной было закончено уголовное дело о хищении радиоактивных материалов на Северном флоте, недалеко от Мурманска. Было похищено то, что на языке специалистов называется «активные части» трех свежих тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов атомных подводных лодок, с содержанием около килограмма урана-235. Виновные задержаны, радиоактивный товар им сбыть не удалось, вину свою они признали, скоро суд... Казалось бы, мне можно поставить точку, перейти к следующему делу. Не уверен, однако, что осуждение троих преступников решит проблемы, которые связаны на Северном флоте с хранением радиоактивных материалов.

Что тревожит в первую очередь? Рассуждения политиков о том, что «хищения, особенно на складах Министерства обороны, исключены, потому что... исключены». Действительно, сколько раз приходилось слышать именно этот «сильный» аргумент.

Сразу оговорюсь, что являюсь юристом, практиком. Не слишком хорошо знаком с теоретическими программами в области учета, контроля и сохранности ядерных материалов. Тем не менее значительный опыт работы по противодействию контрабанде радиоактивных материалов на Северном флоте позволяет мне, по крайней мере, усомниться в причинах спокойствия военных генералов и «генералов» из Минатома.

С одной стороны, понять их можно. Ведь сколько лет случаев хищений действительно не наблюдалось. Из-за этого притупилась бдительность, и притупилась весьма серьезно. Службы, занимающиеся учетом, контролем и хранением ядерных материалов, никогда не назовут вам количество хранящегося вещества с точностью до килограмма. Подсчет ведется либо в тоннах, либо... в рублях, причем последнее встречается наиболее часто. Инфляция делает такие подсчеты просто смешными. А при этом понятие «плюс-минус килограмм» возводится, по крайней мере на Северном флоте, в правило.

ИЗ ДОСЬЕ ЯДЕРНОГО КОНТРОЛЯ

Из заключения технической экспертизы усматривается, что предметом хищения явились активные части трех свежих тепловыделяющихборок (СТВС) активной зоны типа ВМ-4 АМ. Данные изделия применяются для загрузки в реактор атомной подводной лодки. В состав топливной композиции СТВС входит 1448,9 г урана-235, 234, 236, 238, из них урана-235 – 283,3 г, т.е. изделия содержат радиоактивные материалы. Стоимость одного изделия в ценах 1986 г. составляет 7106 руб., в ценах 1991 г. – 17080 руб. После совершения хищения изделия полностью вышли из строя и непригодны для дальнейшего использования по прямому назначению.

По заключению технической экспертизы, разделенные СТВС восстановлению не подлежат и для дальнейшего использования пригодна лишь топливная композиция,

содержащаяся в них. Стоимость одного килограмма композиции на момент хищения составляла 310 000 руб. Соответственно остаточная стоимость СТВС складывается из стоимости композиции, т.е. составляет 449159 рублей.

Из телеграфного сообщения командира части в/ч 72190 усматривается, что для определения стоимости изделия СТВС на 4 квартал 1993 г. необходимо применить к цене 1991 г. коэффициент 10 (цена 1992 г.) и коэффициент 35, т.е. стоимость похищенных изделий на момент совершения преступления составляет 17 934 000 руб.

Как охранялся тот склад, откуда было совершено хищение? Со стороны Кольского залива – вообще никакого ограждения: подплывай на шлюпке, особенно ночью, и действуй. Со стороны промышленной зоны Мурманска – судоремонтные заводы, деревообрабатывающие комбинаты, короче говоря, неохраняемая промзона. Кругом проломы в заборах. А если их и нет, то любой ребенок может расшатать полусгнившие доски. Контрольно-следовая полоса по периметру хранилища отсутствует. Попасть прямо к тыльной двери хранилища не составит труда. На территории склада и вокруг него много лет хранится крупногабаритное имущество, цветные металлы, которые уже никогда не будут использованы. Никто не занимается даже тем, чтобы сдать их на металлолом. Захламленность территории создает у преступников впечатление, что и сам склад с тепловыделяющими сборками вряд ли находится под серьезной охраной. И это впечатление не обманчиво.

Сам склад оборудован противоатомной защитой, т.е. системой контроля самоподдерживающейся ядерной реакции, системой противопожарной защиты, водяной сигнализацией (индикатор – два простейших контакта: расположены на определенном уровне от поверхности; когда вода достигает этого уровня, контакты замыкаются и срабатывает сигнализация).

Но охранной сигнализации как таковой... почти нет. Есть простой контактный выключатель: дверь открылась, вышиблен штырь – сигнализация сработала. Дверь закрылась – штырь встал на место, контакт разомкнул, соответственно сигнализация перестала работать. Такая сигнализация выведена на пульт, находящийся в ста метрах от самого хранилища. К тому же сигнализация в хранилище была «законтрачена»: откроешь одну из дверей (входную или запасную), другая будет открываться уже безо всякой сигнализации. Больше того, кабель этой сигнализации проходил через «бытовку» – раздевалку грузчиков. В «бытовке» распределительный щит даже не был закрыт на замок. Иными словами, сидя в «бытовке», преступник может не спеша обесточить распределительный щит и действовать.

На пульте сидят две старушки – охранницы из ВОХР. Но не всегда. Чтобы им добраться до этого места, надо пройти по захламленной территории, а зимой и через гигантские сугробы. Вооружены старушки пистолетами, которые в руки взять боятся. Освещения никакого. Даже картошку, наверное, сейчас охраняют гораздо лучше, чем радиоактивные материалы.

Нельзя сказать, чтобы не существовало документации по охране подобного рода объектов. В частности, разработано, введено приказом министра обороны России и действует Наставление по защите государственных секретов (иногда называемое просто ЗГС). Тем не менее на Северном флоте оно не соблюдается. Отчасти – из-за отсутствия финансирования, отчасти – из-за халатности командования. Не раз приходилось слышать от офицеров: «У нас этого приказа на руках нет, мы его не знаем, зачем же мы будем его выполнять?»

Согласно действующим инструкциям, замок на хранилище должен быть врезным – таким, который не перепилишь. На практике же на складе, где было совершено хищение, висел обыкновенный амбарный замок, и то заржавевший. Преступникам не понадобилось и десяти минут, чтобы перепилить его.

Замечу, что в течение всего 1993 г. в вышестоящие инстанции направлялись запросы о дополнительном финансировании хранения радиоактивных материалов на Северном флоте, в частности о финансировании ремонта уже существующих хранилищ. Средств

выделено не было. Затем для Северного флота были выделены средства, но они были израсходованы целевым направлением на другое хранилище.

Ремонт хранилища, где произошло хищение, производился чуть ли не ежедневно, так сказать, «своими силами». Что это значит? От упаковки крупногабаритного имущества отдирают доски и забивают в забор. Плюс добавляют немного колючей проволоки. Таким образом, дыры в заборе залатывались крест-накрест. Вот и все «улучшение качества охраны».

В результате хищения командующему Северным флотом указано на неполное соответствие занимаемой должности.

Что же изменилось на самом хранилище? Увеличены караулы, выданы переносные радиостанции (для женщин, кстати, слишком тяжелые). Командование Северного флота провело совещание по вопросу оборудования этого и еще одного аналогичного хранилища специальными средствами сигнализации типа ХОН-2 (система объемной сигнализации: срабатывает, если уменьшается свободный объем помещения, то есть если входит человек). Денег на эти сигнализации также не нашлось. Затраты на них были запланированы на 1994 г., но опять средств выделено не было.

Поднимался и вопрос о том, что хранилища должны быть переоборудованы. В частности, указывалось на то, что необходимо построить бункер (или бункеры), установить караул, огневую точку, световую сигнализацию... Военные специалисты пришли к выводу, что даже в чисто финансовом плане затраты невелики. И тем не менее их рекомендации учтены не были.

Сейчас говорят о том, что на улучшение условий хранения финансирование так и не будет выделено. Действительно, этот вопрос многим офицерам на Северном флоте кажется уже второстепенным – ведь заработную плату порой не выдают по два месяца.

Отдельный разговор – как проводятся проверки наличия тепловыделяющих сборок (ТВС). Это происходит в основном на уровне осмотра целостности пломб. Что такое пластмассовая пломба? Мне, например, надо минут семь, чтобы ее снять и поставить на место. Но девять десятых контейнеров с ТВС первый и последний раз проверялись при загрузке на заводе. Примерно раз в два дня начальник склада проверяет сохранность контейнеров на глаз: поднимет брезент, следов ног нет, ничего не валяется – значит, все в порядке. Иными словами, если бы не случайность, мурманское хищение могло бы раскритиковаться лет через десять, а то и позже...

Другой вопрос – действительно ли радиоактивные материалы, хранящиеся на Северном флоте, представляют повышенную ценность для контрабандистов. Сразу оговорюсь, что этот вопрос, как бы на него ни ответили – «нет» или «да», не отменяет необходимости предшествующего разговора.

По тем данным, которыми я располагаю, организованные преступные группы все активнее работают над получением значительных партий радиоактивных материалов с Северного флота. Они завязывают контакты, прощупывают возможности, наиболее слабые звенья для масштабных хищений. Часть из них изучает и дальнейшие пути вывоза похищенных материалов: одни – на Запад, в том числе через страны Балтии, другие – на юг, через Кавказ и Закавказье.

Организованные группы внимательно изучают, какие конкретно материалы пользуются наибольшим спросом у зарубежных заказчиков.

Тем не менее те похитители, с которыми приходилось сталкиваться до сих пор, представляют собой в основном малопрофессиональных одиночек. Впрочем, понятие «малопрофессиональный» – весьма условное. Преступники в целом представляют себе, как и что похищать. В то же время вопрос, куда «это» сбывать, по каким ценам, – остается для них открытым.

В случае мурманского хищения серьезный покупатель вряд ли «клюнул» бы, хотя, мы в ходе следствия не исключали, воспринял бы похищенные ТВС как добычу. Возможно,

если бы преступникам удалось договориться с организованной преступной группой и сбывать ей товар, то вскоре они получили бы весьма значительный заказ. Любопытно, что такой одноразовый контакт у похитителей с серьезной преступной группой был, однако заказ не был конкретизирован. Тогда преступники предпочли действовать по принципу: «Пойдем украдем, а потом найдем покупателя. Если об уране постоянно говорят, значит, покупателя найдем без проблем через знакомых бизнесменов».

По некоторой информации, которую я пока еще не готов подтвердить, похищенная урановая композиция могла быть использована для причинения вреда путем воздействия на здоровье окружающих, вплоть до смерти. Уже известны случаи, когда предпринимателю под обшивку стула засыпалась шихта, и через несколько месяцев он умирал от рака крови. Такой способ использования похищенного радиоактивного материала крайне привлекателен для наемных убийц, потому что следы найти крайне сложно.

Надо прямо сказать, что тот конкретный похищенный материал, который фигурировал в уголовном деле, вряд ли заинтересовал бы зарубежных клиентов, строящих планы по созданию в своих странах ядерного топливного цикла в военных целях. Куда в большей мере угроза безопасности России была нанесена косвенно. Теперь у Запада появились более веские основания упрекать Россию в ненадлежащем хранении ядерных материалов на Северном флоте.

Планы расширения НАТО вызвали всплеск интереса к тактическому ядерному оружию (ТЯО). Мысль о том, что развертывание дополнительных количеств и видов ТЯО может уравновесить приближение блока к границам России, высказанная и подробно обоснованная В.С. Белоусом в 1995 г.¹, с тех пор получила широкое распространение и поддержку на официальном уровне².

Помимо дополнительного развертывания сохраняющегося в арсенале России ТЯО воздушного базирования, обсуждается и веер других, более радикальных вариантов: развертывание ТЯО наземного базирования при отказе от односторонних обязательств, принятых СССР в 1991 г.³; создание ядерных боезарядов малой мощности, способных компенсировать отставание России в высокоточных обычных вооружениях⁴; отказ от Договора по РСМД и развертывание ракет средней дальности⁵. Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, выступая 13 ноября 1996 г. в Государственной Думе ФС РФ, намекал на желательность развертывания ядерного оружия на территории своей страны⁶, хотя российское руководство относится к этой идее прохладно. Насколько можно судить, единственный голос против развертывания ТЯО подал Ю.Е. Федоров⁷, но его статья осталась гласом вопиющего в пустыне.

Насколько обоснованна опора на ТЯО? До сих пор спор велся между теми, кто, с одной стороны, считает, что расширение НАТО представляет угрозу и что ядерное оружие является основой безопасности России, и теми, кто, со своей стороны, не усматривает угрозы в расширении НАТО и возражает против опоры на ядерное оружие.

Между тем методологически правильнее сконцентрироваться на свойствах самого ТЯО, выведя остальные аспекты проблемы за рамки исследования. Теоретически может быть получен один из трех результатов: ТЯО укрепляет безопасность при любых условиях; эффективность ТЯО как средства обеспечения безопасности зависит от внешних условий; ТЯО подрывает безопасность при любых условиях. В зависимости от полученного результата и следует принимать решение.

Содержащийся в настоящей статье анализ приводит именно к третьему, непопулярному сегодня выводу – что ТЯО неспособно внести вклад в обеспечение безопасности России ни при каких условиях, а скорее даже подорвет ее. То есть тезис о возрастании роли ТЯО в «новых геополитических условиях»⁸ представляется неверным. Независимо от геополитических условий, в том числе от степени и характера военной угрозы, создаваемой расширением НАТО⁹, развертывание ТЯО не является приемлемым методом выравнивания военного баланса. Даже сохранение существующих тактических ядерных вооружений противоречит долгосрочным интересам безопасности России. Естественно, что Россия не может и не должна ликвидировать нестратегическое ядерное оружие в одностороннем порядке, это следует делать с участием всех ядерных держав под строгим контролем. Но движение к этой цели лучше способствовало бы интересам России.

Проанализируем, насколько эффективно ТЯО способно выполнять задачи, которые перед ним ставятся, и каковы «побочные» последствия опоры на него.

СПОСОБНОСТЬ СДЕРЖИВАНИЯ КРУПНОМАСШТАБНОЙ АГРЕССИИ

Для начала следует отметить, что способность ТЯО сдерживать превосходящие обычные вооруженные силы эмпирически не доказана. Такое свойство действительно приписывалось ТЯО натовскими стратегами, но, поскольку Советский Союз и не планировал **нападать**¹⁰, наличие или отсутствие ТЯО, возможно, и не имело никакого влияния на решения советского руководства. Соответственно выкладки как сторонников, так и противников ТЯО носят преимущественно теоретический характер.

В теории, эффект сдерживания достигается за счет демонстрации способности и готовности применить ТЯО в любой момент. Этот тезис был детально обоснован В.С. Белоусом в статье, послужившей толчком к активному обсуждению ТЯО¹¹, и получил широкое распространение, например, в работах Института оборонных исследований (ИНОБИС), Российского института стратегических исследований (РИСИ) и т.д. В частности, в недавней публикации РИСИ подчеркивалось, что разработанный Белоусом тезис о военной применимости ядерного оружия «можно считать логически **беспорным**»¹².

Следует указать, впрочем, что тезис о демонстративной готовности применить ядерное оружие как основе сдерживания не нов. Он был выдвинут Шеллингом¹³ и перекликается с нынешним (так же как и старым, времен холодной войны) подходом НАТО¹⁴. Естественно, совпадение подходов российских и натовских специалистов само по себе не является предосудительным. Проблема скорее в том, что, копируя эти подходы, мы заодно копируем и ошибки.

Дело в том, что готовность к применению ядерного оружия как основа сдерживания реализуется по-разному в зависимости от того, идет речь о стратегическом или о тактическом оружии. Сдерживание существует в двух ипостасях. Во-первых, «чистое» сдерживание за счет угрозы нанесения неприемлемого ущерба в ответном ударе. Во-вторых, сдерживание путем наращивания потенциала ведения боевых действий. В первом случае сдерживающая сторона может быть более слабой, но сохраняющей способность к применению ядерного оружия в порядке «наказания», тем самым предотвращая агрессию. Во втором случае сдерживающая сторона становится сильнее и приобретает способность вести боевые действия «на равных». Различия между двумя видами сдерживания Шеллинг не проводит.

«Чистое» сдерживание наиболее полно соответствует стратегическому ядерному оружию и реализуется в довольно широких пределах военного дисбаланса. До тех пор пока сохраняется способность к гарантированной доставке определенного количества боевых блоков на территорию любого агрессора, крупномасштабная война будет предотвращена. Естественно, здесь встает вопрос о надежности систем управления и связи, а также о живучести вооружений, но это вопрос технический и финансовый и, значит, в принципе решаемый.

Совсем по-другому обстоит дело со вторым вариантом – выравниванием способности к ведению боевых действий. В теории, равенство боевых возможностей действительно способно сдержать потенциального агрессора, но такой исход не гарантирован. На деле столь же вероятным является аналогичное или большее повышение боевых возможностей сдерживаемой стороны – это во много раз проще, чем предотвратить неприемлемый ущерб стратегическим наступательным вооружениям (СНВ) в ответном ударе.

Дело в том, что теоретически ТЯО обеспечивает не только оборонительный, но и наступательный потенциал. Никто никогда не сможет точно определить, какой количественный уровень соответствует чисто оборонительным задачам, а когда оружие становится средством наступления. Собственно говоря, Советский Союз уже сталкивался с этой проблемой, когда рассматривал натовское ТЯО как наступательное оружие. Несмотря на свое значительное превосходство в обычных вооруженных силах, НАТО скорее всего будет так же подходить и к российскому ТЯО. Ведь совершенно естественным образом российские оценки собственных оборонительных потребностей в ТЯО будут выше натовской оценки российских оборонительных потребностей.

Анализ психологических аспектов сдерживания, в особенности роли различий в восприятии одних и тех же действий разными сторонами, практически начисто отсутствует в российской литературе, посвященной ТЯО, несмотря на то, что эти вопросы были разработаны довольно давно (хотя и значительно позже классических работ Шеллинга)¹⁵. Эта проблема часто определяется как «проблема высоких заборов и лающих собак»: высокий забор и злая собака призваны сдерживать потенциального вора, но они же показывают, что в доме есть что охранять, и могут лишь спровоцировать вора на попытку ограбления, даже подвигнуть его на более решительные действия (например, на применение оружия).

Если наращивание Россией ТЯО будет интерпретировано неблагоприятным образом (а на Западе достаточно людей, заинтересованных в продвижении именно такой интерпретации), то ответом будет наращивание натовского ТЯО. В результате повышение боевых возможностей России будет аннулировано, и вместо укрепления безопасности мы получим новый виток гонки вооружений, оказавшись в заведомо невыгодном положении. Это и есть реальная цена выбора между двумя вариантами сдерживания – «чистым», на основе ответного удара, и сдерживанием на основе равенства боевых возможностей.

СПОСОБНОСТЬ ЛОКАЛИЗОВАТЬ КОНФЛИКТ

В теории, способность к эскалации локального конфликта на ядерный уровень, при котором боевые возможности сторон выравниваются, должна помочь ограничить его и создать условия для прекращения конфликта на благоприятных условиях. Одновременно сдерживающая сторона избегает выбора между поражением в локальном конфликте и началом всеобщей ядерной войны. Концепция эскалационного доминирования долгое время служила обоснованием для сохранения американского ТЯО в Европе. Впрочем, справедливости ради следует указать, что ликвидация ракет средней и меньшей дальности в соответствии с Договором по РСМД разорвала «эскалационную лестницу» и поставила под сомнение всю логику концепции. Но есть и еще более серьезные основания сомневаться в реалистичности этой теории.

Во-первых, в случае вооруженного конфликта ТЯО, скорее всего, придется задействовать немедленно, то есть конфликт сразу же приобретет ядерный характер. ТЯО нужно развертывать вблизи от предполагаемого театра военных действий. Высокая уязвимость будет подталкивать к тому, чтобы задействовать его возможно раньше, иначе оно будет уничтожено противником.

Более того, возникает и высокая вероятность применения стратегического оружия. В этом плане полезно вспомнить одну из первых опубликованных работ Шеллинга, в которой анализировались последствия применения нестратегического ядерного оружия в ходе войны в Корее. Эта работа была почти забыта, так как в моду вошли концепции ограниченной ядерной войны, эскалационного доминирования, демонстрационных ядерных ударов и т.д. Между тем Шеллинг весьма убедительно продемонстрировал, что сдерживающие функции ядерного оружия определяются не столько боевыми возможностями, сколько психологическими последствиями применения¹⁶. Иными словами, существует своего рода барьер: мир делится на периоды – до первого применения ядерного оружия и после него. Достаточно применить один боезаряд любой мощности на носителе любого радиуса действия, и барьер будет перейден.

В той же работе Шеллинг продемонстрировал относительность деления ядерного оружия на различные классы – стратегическое, тактическое и проч. И действительно, СССР долгое время настаивал на том, что тактическое оружие США в Европе является стратегическим по отношению к СССР; этого же взгляда придерживается и большинство российских специалистов. Спрашивается, какой тогда смысл увеличивать опору на ТЯО, если конфликт, скорее всего, все равно перерастет в стратегический?

В этом плане не стоит ссылаться на «Основные положения военной доктрины», как это делают авторы исследования РИСИ¹⁷. Положение о применении ядерного оружия первым далеко не предполагает применения его на ранней стадии конфликта и не обязательно относится к ТЯО. Это положение в той же, если не в большей мере относится к «наказанию»

агрессора путем нанесения ему неприемлемого ущерба. В этом смысле признание возможности применения ядерного оружия первым вполне логично вписывается в реальную геополитическую ситуацию, в которой Россия вряд ли способна отразить крупномасштабную агрессию с помощью только обычных вооруженных сил. Более того, идея перевода локального конфликта на ядерный уровень прямо противоречит другому положению «Основных положений»: «Главная цель применения Вооруженных сил и других войск Российской Федерации в вооруженных конфликтах и локальных войнах – локализация очага напряженности и прекращение военных действий на возможно более ранней **стадии...**»¹⁸

Здесь на первый план выступает ранее упоминавшаяся уязвимость ТЯО по отношению как к ядерным, так и к обычным вооружениям другой стороны. Если при наличии достаточно малоуязвимых стратегических сил и надежных систем управления политическое и военное руководство имеет возможность оценить ситуацию и лишь затем принять решение на пуск, то ТЯО должно использоваться практически немедленно, поскольку оно может быть потеряно в первые часы конфликта.

СПОСОБНОСТЬ ПРЕДОТВРАТИТЬ ЛОКАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Еще хуже то, что ТЯО не только непригодно для локализации конфликта, но и способно его спровоцировать. В самом деле, в мирное время ядерные боезаряды хранятся на складах, которые, естественно, весьма уязвимы. Для того чтобы избежать потери оружия на ранней стадии конфликта и продемонстрировать готовность к его применению, боезаряды должны быть развернуты в частях, причем желательно заранее, до начала конфликта. В определенной ситуации подобный шаг способен предотвратить конфликт, но с той же вероятностью может вызвать его обострение – здесь возникает описанная выше «проблема высоких заборов и лающих собак».

Возникает и проблема контроля над ТЯО. Эти вопросы всерьез почти не рассматривались в российской литературе, но то, что известно, свидетельствует о сравнительно высокой уязвимости систем связи и **контроля**¹⁹. По существу это означает, что в угрожаемый (предконфликтный) период право на решение о применении ядерного оружия должно передаваться более низким звеньям системы управления. Видимо, именно это и предполагает В.С. Белоус, говоря о нарезке новых театров военных действий на западном и юго-западном направлениях и о создании группировок тактического ядерного **оружия**²⁰. Однако в этом случае политическое руководство сознательно лишает себя контроля над развитием конфликта, особенно над его переводом на ядерный уровень на очень ранней стадии – по сути еще до начала самого конфликта.

Представление о том, как могут развиваться события, дает интервью одного из советских военных, командовавших ракетами на Кубе в 1962 г. Как выясняется, командование на месте имело контроль над тактическими ракетами (ракеты средней дальности контролировались из Москвы) и в разгар кризиса приняло решение применить их, если американцы попытаются высадиться. Решение было логичным, и военных понять можно, но их решение вовсе не обязательно совпало бы с решением Политбюро. Мировая война могла бы начаться решением довольно низкого звена системы управления.

Суммируя вышесказанное, следует признать, что о предотвращении конфликта или его локализации речь не идет. Опора на ТЯО автоматически предполагает, что решения должны приниматься из предположения о том, что назревающий локальный конфликт неизбежно перерастет в крупномасштабную войну с использованием всех видов и классов оружия.

СПОСОБНОСТЬ ПРОТИВОСТОЯТЬ НЕВОЕННОМУ ДАВЛЕНИЮ

Законна, однако, и такая постановка вопроса: военное превосходство НАТО наиболее вероятно будет реализовано не в конфликтах и даже не в открытой демонстрации силы, а в политическом давлении для получения политических же уступок. Военное превосходство НАТО должно снизить «сопротивляемость» России. Такая точка зрения высказывается, например, в исследовании РАУ-**корпорации**²¹. Действительно, СНВ предназ-

начены для сдерживания крупномасштабной агрессии и малоприменимы в конфликтах меньшей интенсивности. Теоретически, ТЯО с их способностью к ограниченной ядерной войне могли бы помочь.

В связи с этим аргументом возникают три проблемы. Во-первых, если, например, Польша начнет демонстративно концентрировать войска у границ Калининградской области, то это будет означать либо решение НАТО о серьезной войне (и тогда будет оправданно применение любого оружия), либо это будет самодеятельность Польши, и тогда снятие напряженности становится делом НАТО, а не России.

Во-вторых, как было продемонстрировано выше, в конечном итоге все упирается в вопрос о том, будет ли готова Россия перевести любое политическое противостояние в ядерный конфликт²². Если заявление о готовности применить ядерное оружие будет недостаточно убедительным или не будет реализовано, то давление или демонстрация силы достигнет успеха. Причем достаточно «сдать» позицию только один раз, и достоверность угрозы в дальнейшем будет равна нулю. Следует также учитывать, что бремя решения о применении ядерного оружия будет лежать именно на России и, соответственно, именно у нее будут наиболее сильны стимулы избежать конфликта за счет уступок. Поставить Россию в такое положение довольно легко: нужно только, чтобы в каждом случае потери от уступки были меньше предполагаемых потерь от ядерной войны, а это может иметь место почти в любой ситуации. Балансирование на грани войны возможно и иногда даже эффективно, но к нему нельзя прибегать часто.

В-третьих, кто вообще сказал, что демонстрация военной силы и тем более силовое давление будут широко использоваться против России? Существует еще более широкий арсенал средств невоенного давления, которому трудно противопоставить военную силу. Советский Союз, будучи военной сверхдержавой, оказался весьма уязвимым перед лицом экономических санкций. В этом плане международное влияние России и ее неуязвимость в случае давления извне слабо связаны с уровнем военной мощи: последняя способна предотвратить войну на уничтожение, то есть обеспечивает фундамент безопасности, но не безопасность в полном объеме. Неуязвимость по отношению к экономическим санкциям и аналогичным средствам давления скорее может быть достигнута за счет экономического развития и интеграции в мировую экономику. Следует, однако, отметить, что экономическая и политическая безопасность строится в современном мире не на автаркии, а на основе взаимной уязвимости по отношению к разрыву экономических связей, – ситуация, в принципе схожая с взаимным ядерным сдерживанием. Соответственно, речь должна идти не о том, чтобы Россия полностью обеспечивала себя всеми товарами, а именно о полноценной интеграции в мировую экономику. Ясно, что развертывание ТЯО не связано с решением этой задачи, а, напротив, способно лишь усложнить ее решение.

СПОСОБНОСТЬ К СДЕРЖИВАНИЮ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ НА ЮГЕ

Задача сдерживания Ирана, Пакистана, Турции и ряда других государств – как неядерных, так и околядерных – ставится многими. Например, РАУ-корпорация открыто заявляет, что одной из задач ТЯО как раз и является сдерживание на южном фланге²³. Однако здесь возникают серьезные проблемы. Независимо от того, насколько обоснованны ожидания враждебных действий с юга (а то, что такие ожидания есть, подтверждается и выступлением министра обороны И.Н. Родионова), ТЯО, как и вообще ядерное оружие, для этих задач неприменимо.

Прежде всего, трудно представить себе, что какая-либо из стран к югу от границ бывшего СССР способна создать угрозу такого масштаба, который оправдал бы применение ядерного оружия. Если представить себе, что Пакистану удастся привести к власти в Афганистане и Туркменистане дружественные себе правительства и взять, таким образом, под контроль политику этих государств, то поможет ли в этой ситуации ядерное оружие? Ясно, что нет: угроза ядерной войны в этом случае неубедительна и не заставит Пакистан отказаться от продвижения своего влияния в Центральной Азии. А ведь именно такой тип неблагоприятного для России развития ситуации наиболее вероятен.

Не говоря уже о том, что угроза применения ядерного оружия против неядерных стран (пусть даже только формально неядерных) противоречит негативным гарантиям, принятым СССР в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (как правопреемник СССР, Россия обязана эти гарантии соблюдать). «Основные положения военной доктрины», кстати, соответствуют этим международным обязательствам.

В результате ТЯО просто-напросто теряет свою сдерживающую функцию, поскольку Россия не может заранее объявить, что при определенных условиях применит ядерное оружие на южном фланге. Если же Россия откажется от выполнения принятых на себя обязательств в связи с Договором о нераспространении и решит открыто проводить политику ядерного сдерживания неядерных государств, то это лишь подтолкнет их к приобретению ядерного оружия. В итоге те государства, которые обладают ядерным оружием «неофициально», увеличат свои арсеналы, а те, которые не имеют ядерного оружия, постараются его приобрести. Такой исход вряд ли способен укрепить безопасность России.

Конфликты же малой интенсивности можно и нужно решать с помощью обычных вооруженных сил. Не вечно же российские вооруженные силы будут пребывать в состоянии кризиса. Однако опора на ТЯО, которое теоретически способно «прикрыть» Россию в краткосрочной перспективе, одновременно создаст долгосрочную головную боль.

МЕТОДЫ ОГРАНИЧЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ТЯО

Приведенные выше аргументы показывают, что увеличение опоры на ТЯО не отвечает интересам безопасности России. Более того, сохранение ТЯО в арсенале вооруженных сил лишено смысла и может представлять опасность, поскольку даже сравнительно небольшое количество этих вооружений влечет за собой все описанные выше негативные последствия и вдобавок может быть в любой момент увеличено либо по инициативе России, либо в ответ на наращивание ТЯО в странах НАТО. Соответственно интересам России отвечала бы ликвидация ТЯО. Вопрос в том, как к этой задаче подходить.

Существующий режим в области ТЯО был создан в 1991 г. в результате встречных односторонних инициатив США и СССР. В конце сентября 1991 г. американцы довольно неожиданно предложили убрать ТЯО наземного и морского базирования (частью ликвидировать, а частью складировать) и сократить ТЯО воздушного базирования. СССР, естественно, согласился, «наступив на горло собственной песне» – разрабатывавшемуся в то время предложению о переговорах по сокращению и ликвидации ТЯО. Нет слов, определенный позитивный заряд эти инициативы несли, особенно если учесть, что в их рамках были сняты с кораблей и подводных лодок ядерные крылатые ракеты большой дальности (КРМБ), что помогло устранить один из крупных пробелов Договора СНВ-1. Однако склонность администрации Буша (а в особенности тогдашнего госсекретаря Дж. Бейкера) к простым быстрым решениям сослужила плохую службу. Инициативы 1991 г. были хороши только как первый шаг; за ними должны были последовать серьезные переговоры, а их-то как раз и не было. Руководство СССР, со своей стороны, было настолько ослаблено и неспособно проводить собственную линию, что удовлетворилось ответом на американскую идею.

Решение НАТО не размещать ядерное оружие на территории новых членов²⁴ представляет собой продолжение линии, взятой в 1991 г., и, по существу, развивает созданный тогда неформальный режим. Соответственно оно повторяет и все недостатки инициатив 1991 г.

Главный из них – то, что односторонние решения могут быть отменены в одностороннем же порядке. Собственно, именно это и вызвало, мягко говоря, прохладную реакцию Москвы на решения НАТО от декабря 1996 г. Через пять или десять лет может измениться ситуация в мире или ее оценки, может измениться внутривнутриполитическая ситуация в ключевых странах НАТО, и тогда ядерное оружие будет придвинуто к границам России. Причем, что тоже немаловажно, отмена односторонних обязательств может быть проведена внезапно: договор, как правило, предусматривает определенный период (полгода или год) между заявлением о намерении его денонсировать и прекращением действия или даже без него. С учетом того, что в Восточной Европе наличествует необходимая инфраструктура, перебазирование ядерного оружия может быть проведено в чрезвычайно короткие сроки.

Односторонние обязательства не предусматривают и контроля. Собственно говоря, этот аспект сейчас больше волнует НАТО, поскольку оно не имеет надежной информации относительно российского ТЯО. Но отсутствие контроля невыгодно и для России, поскольку в принципе позволяет втихомолку перебазировать ТЯО в Восточную Европу или вообще отказаться от режима 1991 г.

Насколько реалистичен мрачный сценарий с тайным отказом от односторонних обязательств, не имеет значения. Важно то, что он в принципе возможен и, следовательно, будет учитываться в планах как России, так и НАТО. Поскольку уровень доверия между Востоком и Западом в последние годы значительно снизился и, не исключено, снизится еще больше, целесообразно предпринять усилия для устранения основы под подозрениями. То есть имеет смысл переводить обязательства в отношении ТЯО на договорную основу.

Кодификация режима 1991 г. с дополнениями 1996 г. могла бы стать первым шагом на пути к ликвидации ТЯО и одновременно обеспечить реализацию предложения о безъядерной зоне в Восточной Европе, которая была выдвинута Россией на «ядерном саммите» весной 1996 г. и поддержана Украиной и Белоруссией. В дальнейшем можно и нужно двигаться в направлении ликвидации ТЯО в Европе, а затем во всем мире – естественно, с участием всех ядерных государств.

Серьезное препятствие на этом пути, которое отчасти, видимо, и послужило одной из причин того, что предложения США в 1991 г. сводились лишь к односторонним обязательствам, представляет контроль. Поскольку практически все носители ТЯО одновременно являются носителями неядерных боезарядов, новый договорный режим должен – в отличие от Договоров по РСМД и СНВ – охватывать боезаряды, а не средства доставки. Естественно, возрастет и жесткость мер контроля. Препятствие, впрочем, не является непреодолимым. Уже подписанные договоры закладывают неплохую методологическую основу, на которой можно работать дальше. Можно было бы также поднять наработки 1991 г., которые тогда так и не увидели свет.

Суммируя сказанное выше, следует сказать, что ТЯО способно выполнить некоторые задачи, но цена представляется непомерно высокой. Вместо сдерживания путем угрозы нанесения неприемлемого ущерба – гонка в выравнивании способности к ведению войны. Вместо стабильной ситуации – балансирование на грани войны. Если добавить экономические и политические санкции, а также ослабление или слом режима нераспространения ядерного оружия, то получается такой «букет», которого лучше избежать.

Принципиально важно, что эти выводы получены для условий наименее благоприятной внешней ситуации – высокой степени угрозы со стороны расширяющегося НАТО. Ясно, что в более стабильных условиях ТЯО имеет еще меньшую ценность.

Важно и то, что выводы не зависят от точки зрения на роль ядерного оружия вообще. Если принять точку зрения о том, что оно является основой безопасности России, то от ТЯО следует отказаться и перенести акцент на СНВ. Для сторонников безъядерного мира целесообразность ликвидации ТЯО самоочевидна. Сторонники же постепенной ликвидации ядерного оружия, в том числе группа отставных российских генералов, подписавших в декабре 1996 г. воззвание на этот счет, смогут прийти к заключению о том, что начинать этот процесс нужно с ликвидации ТЯО.

Примечания

¹ Белоус Владимир. Тактическое ядерное оружие: полузабытая реальность. *Сегодня*. 1995, 23 июня.

² Например, министр обороны И.Н. Родионов в одном из выступлений подчеркнул: «Перед нами может объективно встать задача, связанная с наращиванием тактического ядерного оружия на западных рубежах». (Какая оборона нужна России?) *Оборона и Безопасность*. 1996, № 143, 2 декабря. С. 4.

³ См. интервью сотрудника аппарата президента С.В. Картунова *PIA Новости (Power in Russia: Russian Executive and Legislative Newsletter)*. 1996, No. 22–28, June). Впрочем, представитель МИД

два месяца спустя заявил, что Россия намерена полностью выполнить обязательства, взятые в 1991 г. (*Интерфакс*. 1996, 26 сентября.)

⁴ Там же.

⁵ См. Михайлов Виктор и Чернышов Александр. Расширение НАТО и безопасность России. *Век*. 1996, 20 сентября.

⁶ *Советская Россия*. 1996, 14 ноября.

⁷ Федоров Юрий. Перспективы и противоречия российского ядерного сдерживания. *Ядерный Контроль*. 1996, № 14, февраль.

⁸ Белоус Владимир. Тактическое ядерное оружие в новых геополитических условиях. *Ядерный Контроль*. 1996, № 14, февраль.

⁹ Ради полноты следует отметить, что существует и мнение о том, что расширение НАТО вообще не создает угрозы, хотя сторонники этого мнения находятся в абсолютном меньшинстве (см. интервью С.А. Ковалева *Интерфаксу* 7 января 1997 г.). Большинство все же согласны с тем, что угроза есть, хотя существуют огромные расхождения в оценке этой угрозы.

¹⁰ Открытые в последние годы архивы, в том числе архивные материалы, касающиеся советских сил в Восточной Европе, найденные в бывшей ГДР, показывают, что официальные заверения СССР об отсутствии намерения нападать на Западную Европу соответствовали действительности. См.: *The Collapse of Soviet Military Power*. Christoph Bluth. Brookfield: Dartmouth, 1995. Вопрос об интерпретации заявлений советской группировки в Восточной Европе в данном случае не имеет значения: раз угроза была мнимой, то и сдерживающий эффект был мнимым.

¹¹ Белоус Владимир. Тактическое ядерное оружие: полузабытая реальность. *Сегодня*. 1995, 23 июня.

¹² Ядерный фактор в современном мире. Под ред. В.И. Кривохижи. М., 1996. С. 114 (сноска 4).

¹³ Schelling Thomas. *Arms and Influence*. Yale Univ. Press, 1966; Его же. *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1963.

¹⁴ The Alliance's Strategic Concept. November, 1991, paragraph 57.

¹⁵ См.: George Alexander and Smoke Richard. *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*. New York, 1974; Jervis Robert, Lebow Richard Ned and Stein Janice Gross, eds. *Psychology and Deterrence*. Baltimore, 1985. Блестящее методологическое исследование концепций сдерживания, в том числе критику взглядов Шеллинга можно найти в статье: Achen Christopher and Snidal Duncan. *Rational Deterrence theory and Comparative Case Studies*. *World Politics*. 1989, Vol. 41, No. 4 (January).

¹⁶ См.: Schelling Thomas. *Nuclear Weapons and Limited War*. Santa Monica: RAND, 1959.

¹⁷ Ядерный фактор в современном мире... С. 115.

¹⁸ Основные положения военной доктрины Российской Федерации. *Известия*. 1993, 18 ноября.

¹⁹ Одной из наиболее авторитетных работ является книга В.Е. Ярыныча «Оценка гарантии» (М.: 1994). Более подробно эти вопросы рассматриваются в его новой, пока еще не опубликованной книге «СЗ: Преодоление нонсенса», но и в ней речь идет преимущественно о системах контроля над стратегическим, а не тактическим оружием.

²⁰ Белоус Владимир. Будет ли ратифицирован Договор СНВ-2? *Ядерный Контроль*. 1996, № 20–21, август–сентябрь.

²¹ См.: Ратификация Договора СНВ-2: решения, проблемы, перспективы... Следует отметить, впрочем, что эта точка зрения разделяется далеко не всеми. РИСИ в упомянутом выше исследовании приходит к выводу о том, что ядерное оружие «неэффективно для притивостояния субконвенциональным угрозам» (Ядерный фактор в современном мире... С. 117).

²² Теоретические основы балансирования на грани войны детально проанализированы в работе: Lebow Richard Ned. *Between Peace and War*.

²³ Ратификация Договора СНВ-2: решения, проблемы, перспективы... С. 58.

²⁴ Final Communiqué issued at the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council, 10 December 1996, M-NAC-2(96)165, paragraph 5.

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ

После нескольких лет, прошедших с момента отказа президента Р. Никсона от биологического оружия (БО), некоторые военные специалисты в США вновь начали открыто проявлять интерес к этому виду оружия. В ряде заявлений представителей политического и военного руководства США и других стран НАТО в последние годы высказываются мнения, согласно которым следует пересмотреть концепции относительно эффективности и возможностей военного применения БО. С начала 1980-х гг. специалисты отмечают значительное изменение подходов США к БО и стремительное развитие военно-биологической программы.

Так, еще в августе 1986 г. помощник заместителя министра обороны по политическим вопросам Д. Фейт, выступая перед комиссией палаты представителей по вопросам разведки, заявил, что Пентагон изменил мнение в отношении ценности БО с военной точки зрения, а договор, запрещающий это оружие, должен быть признан несовершенным и неопределенным.

Начиная с этого периода ассигнования на программу МО США в области защиты от БО начали расти почти в геометрической прогрессии. Так, с 1981 фин. г. (14,9 млн долл.) сумма затрат возросла более чем вчетверо (73,2 млн долл.) к 1986 г. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. была проведена модернизация крупнейшего центра исследований в области защиты от БО в Форд-Детрике: Медицинского института исследования инфекционных заболеваний Армии США (*USAMRIID*). В материалах Конгресса США отмечалось, что в 1979 г. в связи с осознанием военными специалистами угрозы создания новых видов БО с помощью биотехнологий на территории этого института после реконструкции вновь были открыты две лаборатории высшей биозащиты «Р-4». В результате усовершенствования системы мер безопасности значительно сократилось количество случаев заражения специалистов лабораторий особо опасными инфекциями.

Официально американцами заявлено, что закрытых работ институт не выполняет. Однако научная продукция реализуется в основном в системе научных центров, задействованных по программе исследований в области защиты от биологического оружия. Серьезные результаты работ в общедоступных изданиях не публикуются. Открытые публикации, которых для такого исследовательского центра, каким является *USAMRIID*, определено мало, с научной точки зрения имеют, даже по мнению американских ученых, низкую ценность. В частности, профессор Калифорнийского университета (Сан-Франциско) доктор К. Ямамото дал следующую справку:

«На 1987 фин. г. на выполнение семи (выявленных) проектов, включающих 33 темы, институт получил 20 млн долл. По одной трети тем публикаций вообще не было. Тематике трех проектов на сумму 8,2 млн долл. посвящено лишь 28 публикаций. В тот же период по аналогичной тематике и при аналогичных затратах Национальным институтом здоровья США опубликовано в несколько раз больше работ, которые представляли собой большую научную ценность».

В ходе обмена информацией, имеющей отношение к Конвенции 1972 г., об исследованиях, которые были согласованы государствами-участниками и осуществлялись в 1987, 1988 и 1989 гг., список публикаций *USAMRIID* в Департамент по делам разоружения не представлялся.

В тот же период на территории Национальных институтов здоровья открылась лаборатория «Р-4» по исследованиям в области генной инженерии; также было начато строительство нового комплекса стоимостью 7,8 млн долл. для Аэромедицинской исследовательской лаборатории Армии США (Форт-Рукер, Алабама), функционирующей с 1962 г.

В 1983 г. МО США приняло решение о модернизации научно-технической базы полигона армии в штате Юта. В 1984 г. Конгресс одобрил выделение 250 млн долл. на расширение исследований в области биологического и химического оружия: финансирование предусматривало модернизацию лабораторий и строительство новой лаборатории «Р-4» по испытанию агентов БО, полученных методами генной инженерии.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЕННО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ США

Ежегодно на медицинскую защиту от ХБО правительство США тратит 90–140 млн долл., из них около трети средств расходуется на разработку вакцин против инфекционных заболеваний. США закупают 20 тыс. приматов в год, из которых 15% используется военными научными центрами для испытания новых вакцин.

Проводятся дальнейшие работы по расширению и модернизации исследовательской базы. Так, по сообщению еженедельника *Word* от 28 мая 1994 г. Министерство обороны США запросило 150 млн долл. на строительство новых биологических лабораторий на территории Абердинского полигона Армии США.

Американские специалисты отмечают, что между исследованиями в области создания генно-инженерных вакцин и новых потенциальных агентов БО существенной разницы не имеется. В последние годы главные военные биомедицинские центры США, включая *USAMRIID*, Университет медицинских наук Вооруженных сил США (*USUHS*), Военный институт исследований им. Уолтера Рида (*WRAIR*), Военно-морской медицинский исследовательский институт (*NAMRI*), занимаются клонированием генов микроорганизмов, среди которых много возбудителей особо опасных инфекций.

Так, например, в *USAMRIID* выполняются проекты по клонированию, определению структуры и экспрессии генов, кодирующих синтез токсина микроба сибирской язвы, а также антигенов вирусов Денге, японского энцефалита, лихорадки Чикунгунья, О'Ньонг-Ньонг, Майаро, Рос-ривер, Хантаан, коксиселл лихорадки Ку. Во *WRAIR* осуществляются проекты по клонированию генов риккетсий Цуцугамуши и Конори, бактериальной дизентерии, тропических паразитарных инвазий.

Малейший дисбаланс содержания различных гормонов приводит к серьезным нарушениям физиологических функций организма, болезням, потере работоспособности и даже к смерти человека. Поражение человека и животных при помощи химических и биологических агентов, воздействующих на систему гормональной регуляции, является основным принципом действия так называемого «биохимического оружия».

Работы, которые могут представить интерес с позиций создания «биохимического оружия», связаны со всесторонним исследованием структуры, свойств и механизмов действия пептидных гормонов, рецепторов гормонов, «факторов роста», биохимических процессов возникновения ощущений, эмоций и т.д. Публикации на эту тему с указанием значимого в военном отношении конечного эффекта, вызванного расстройством механизма действия биорегуляторов, крайне редки, но достаточно показательны. Так, в 1990 г. группа английских биохимиков обнаружила и исследовала биорегулятор белковой природы «холецистокинин», с которым связывалось появление у людей чувства страха и паники.

Способность вещества вызывать у людей чувство страха и паники, несомненно, имеет большое военное значение, а само вещество может являться прототипом нового отравляющего вещества (ОВ) временно-выводящего действия. По мнению Г. Пирсона, для предотвращения действия биорегуляторов требуется создавать специальные средства

медицинской защиты, и это явится одной из ближайших и весьма сложных задач в области защиты от данной разновидности химического оружия.

По сообщению Главного контрольно-финансового управления Конгресса США, Министерство обороны США по программе «Химическое оружие и противохимическая защита» осуществляло в 1990 г. исследования и разработки по 31 проекту, среди которых указывались «Программа летальных ОВ» (проект А-554) и «Программа ОВ временно-выводящего действия», в 1991–1992 гг. по контрактам с МО США клонирование генов ацетилхолинэстеразы и строение рецепторов фосфорорганических ОВ изучались в ФРГ (*Institut für Physiologische Chemie, Mainz*), Израиле (*Hebrew University of Jerusalem*), Италии.

«Биологическая оборонная исследовательская программа» Министерства обороны США предусматривает всестороннее изучение растительных токсинов (рицина), ядов змей и пауков, токсинов сине-зеленых водорослей, ядов морских и пресноводных животных (сакситоксин, тетродотоксин, бреветотоксин, микроцистины, палитоксин, маитотоксины, конотоксины, анатоксин), трихотеценовых микотоксинов и бактериальных токсинов. Исследуемые яды и токсины превосходят по токсичности штатные фосфорорганические ОВ и обладают отличающимся от них механизмом физиологического действия, что затрудняет организацию медицинской защиты.

Среди исследуемых веществ имеются соединения, действующие в весьма малых дозах на сердце, печень, дыхательную систему, обладающие кожно-нарывным действием. Некоторые из них (например, сакситоксин) обладают более высоким быстродействием, чем существующие виды БО. Важным «достоинством» токсинов является возможность их модификации и организации производства в больших количествах обычными биотехнологическими методами и на существующем оборудовании.

Внимание военных специалистов привлекают и исследования нейрорецепторов мозга человека (серотониновых, допаминовых и других). Нарушение работы этих рецепторов связывается с проявлением депрессии, шизофрении и другими психическими заболеваниями человека. Применение «рецепторной технологии» может привести не только к созданию эффективных лекарств для лечения психических больных, но и к появлению веществ, способных вызывать кратковременное или длительное нарушение психики у нормальных людей.

Таким образом, применение биотехнологии позволяет создать и, главное, наладить промышленное производство высокотоксичных веществ, в настоящее время не относящихся к категории БО. Тем самым создается основа для производства новых поколений химического оружия и соблазн обхода международных соглашений о его запрещении.

По мнению В. Утгофа, сотрудника Института оборонного анализа (Александрия, шт. Вирджиния), в случае отказа от участия в Конвенции о запрещении химического оружия страна, имеющая развитую биотехнологическую промышленность, может восстановить свой наступательный военно-химический потенциал в течение нескольких недель. В этих условиях химическое перевооружение может быть осуществлено скорее, чем на возникшую угрозу среагируют международные организации. В связи с этим контроль состояния и развития биологической промышленности представляется одной из важных проблем в предотвращении создания и боевого применения химического оружия.

Начиная с середины 1980-х гг. в научной литературе стремительно растет число публикаций, посвященных расшифровке структуры, клонированию генов и характеристике факторов вирулентности потенциальных агентов биологического и токсического оружия.

Проводится клонирование и анализ генов, кодирующих синтез токсина сибирской язвы, охарактеризованы плазмиды, определяющие вирулентность нетоксигенных штаммов *Bac. anthracis*, изучается роль капсульной оболочки и других передаваемых плазмидами факторов вирулентности этого агента.

Ученые из Лос-Аламоса проявляют неподдельный интерес к российским штаммам сибирской язвы. Нередко поиски подобной информации носят весьма нетрадиционные формы и явно выходят за рамки обычного научного интереса.

Аналогичные исследования ведутся с бактериями чумы и бруцеллеза. К настоящему времени клонированы и изучены факторы вирулентности нескольких десятков потенциальных агентов, включая возбудителей многочисленных высокопатогенных вирусов геморрагических лихорадок. Результаты этих исследований могут быть использованы как для создания новых вакцин, так и для разработки более эффективных бактериологических агентов (БА).

В проведении этих исследований участвуют не только военные центры, но и десятки гражданских университетов и НИИ США. Благодаря биотехнологии стало возможным проводить работы с генетическим материалом особо опасных микроорганизмов в лабораторных условиях с уровнем биозащиты «Р-2»–«Р-3». Биологические методы позволяют выделять фрагменты высокопатогенных микроорганизмов, проводить генетические манипуляции с ними и встраивать генетический материал в другие, относительно безопасные микроорганизмы. Таким образом, методы биотехнологии открыли новые перспективы для изучения потенциальных биологических агентов (БА) и создания новых штаммов микроорганизмов без использования лабораторий с наивысшим уровнем биозащиты – «Р-4», что значительно затрудняет возможность проверки и контроля над соблюдением Конвенции о запрещении БО 1972 г.

Важнейшим направлением текущих биотехнологических исследований является модификация генома вирусов с целью его использования в качестве вектора для встраивания чужеродных генов. На основе вируса осповакцины и бакуловируса уже получены рекомбинантные вирус-векторы со встроенными в их геном генами вируса лихорадки Денге, вируса Хантаан, вируса Ласса, вируса лихорадки долины Рифт и других потенциальных БА. Все эти рекомбинантные штаммы созданы с целью получения новых вакцин. Однако, используя аналогичную методику, можно создавать рекомбинантные штаммы особо опасных микроорганизмов с целью повышения их боевых характеристик путем введения дополнительных генов вирулентности в их геном.

МО США продолжило проведение испытаний биологических аэрозолей с использованием агентов и микроорганизмов-имитаторов биологических агентов и после подписания в 1972 г. Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов БО. При этом подчеркивалось, что как до подписания этой Конвенции, так и после испытания носили «исключительно защитный характер». В чем именно состоит разница между такими исследованиями в оборонных и наступательных целях, не способен пояснить ни один специалист. В любом случае исследуются боевые характеристики.

Сходство основных этапов разработки в оборонных и наступательных целях дает возможность беспрепятственно совершенствовать технологию создания и средств биологической войны. Один из крупнейших специалистов в этой области профессор Дж. Кинг из Массачусетского технологического института сказал, что программа исследований и разработок в области защиты от БО – это самый настоящий обман. Огромное разнообразие потенциальных БА, которые могут быть получены методами геной инженерии, делает невозможной эффективную защиту гражданского населения. На деле разработка средств защиты от известного БА однозначно свидетельствует о том, что этот агент планируется использовать в наступательных целях.

Путем простейших логических рассуждений на базе известных фактов нетрудно убедиться в наличии, например, у США наступательной биологической программы. Возьмем одну из исследуемых *USAMRIID* и другими военными центрами инфекций, являющуюся возможным БА – лихорадка долины Рифт. Изучению ее вируса и других аспектов эпидемий, вызываемых этой лихорадкой, уделяется большое внимание. Так, *USAMRIID* провел исследования по новому методу оценки распространения эпидемией этой лихорадки с применением орбитальных спутников. Работы проводились совместно с Университетом Найроби (Кения) по военному контракту *DAMD17-83-G9517*.

Из материалов открытой печати стало известно, что в рамках военно-медицинской программы армии США был заключен трехлетний контракт с фирмой *Molecular Genetics* на сумму 1,762 млн долл. на исследования этой болезни.

Эта болезнь эндемична в некоторых районах Африки, однако массовые эпидемии у людей относительно редки. Чаще всего происходят единичные случаи заражения от укусов москитов.

Гражданская медицина не придает борьбе с этой болезнью большого значения из-за ее экзотичности и относительно низкой смертности – так же, впрочем, как и в случае других редких заболеваний. Так, после прекращения эпидемии геморрагической лихорадки Эбола в Заире постепенно угас и интерес к изучению этой болезни, хотя смертность превышала 60–80%. Дело в том, что уже описанных тропических и прочих относительно редко встречающихся заболеваний известно великое множество. И ввиду недостатка средств на все, борьба с ними зависит лишь от наличия угрозы массовых эпидемий.

Тем не менее колоссальные средства тратятся армией США на изучение этой болезни и разработку вакцины. Естественный вопрос: зачем? Предположения о наличии планов реальной войны армии США в Африке можно назвать смехотворными, а болезнью на Африканском континенте превеликое множество и среди них есть такие, по сравнению с которыми лихорадка долины Рифт покажется легким насморком. Наивно также предполагать, что США опасаются бактериологической атаки посредством именно этого БА, поскольку, например, на разработку вакцины от широко известного БА – сибирской язвы денег тратится в десятки раз меньше, чем на эту вакцину. А о наличии запасов именно этого БА у С. Хусейна не сообщал только ленивый.

Вывод можно сделать практически однозначный: в США ведутся работы по подготовке использования лихорадки долины Рифт в качестве БО временно-выводящего действия. А ее экзотичность призвана усилить психологическое воздействие на противника.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БО В ДИВЕРСИОННЫХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Военные специалисты стран НАТО рассматривают угрозу применения БО в диверсионно-террористических целях как более вероятную по сравнению с ядерным оружием и радиоактивными материалами. При этом подчеркиваются относительная простота приобретения и использования, низкая стоимость, возможность скрытного применения, селективность действия. Согласно их оценке, наиболее вероятным является применение биологических агентов типа возбудителей тифа, паратифов, токсинов ботулизма и других в зданиях, оборудованных системами кондиционирования и вентиляции воздуха. Для этих целей могут быть также использованы хранилища питьевой воды, продукты питания и косметические товары.

В течение последних двух десятилетий, по данным американской печати, ЦРУ зарегистрировало ряд попыток использования БО в террористических целях.

Так, в 1972 г. в США состоялся суд над двумя террористами по обвинению в заговоре с целью отравления водных запасов Чикаго бактериями брюшного тифа и другими особо опасными микроорганизмами. В 1971 г. западногерманские власти были поставлены перед угрозой отравления водных источников страны возбудителями сибирской язвы.

В 1981 г. из лаборатории в Форт-Детрике (США) исчезло несколько литров вируса Чикунгунья. Этого количества вируса достаточно для заражения всего населения земного шара. Виновные так и не были обнаружены.

В 1984 г. Федеральное бюро расследований арестовало двух граждан канадского происхождения в г. Буффало, штат Нью-Йорк (США), которые под вымышленными именами дважды заказывали культуры бактерий ботулизма и столбняка из «Американской коллекции культур клеток» в количестве, достаточном для заражения населения целого города. Первая попытка получения этих бактерий прошла незамеченной.

По мнению американских экспертов, перечисленные выше случаи не исчерпывают в полной мере возможностей терроризма с использованием БО. Анализ этих и ряда дру-

гих попыток применения БО, проведенный военными экспертами США, позволил очертить круг вероятных действий террористических групп по следующим направлениям:

- ❑ диверсии на предприятиях по производству БО или на гражданских объектах по исследованиям и разработкам соответствующих биологических материалов;
- ❑ захват контроля над такими предприятиями и угроза их разрушения в случае отказа выполнить требования террористов;
- ❑ похищение или получение другими способами опасных биологических материалов с целью угрозы их распространения или изготовления рецептов биологических агентов и их использования;
- ❑ создание паники и дезорганизация общественной жизни путем ложных тревог и угроз применения опасных биологических материалов и оружия.

САМОЕ БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ

Американские специалисты выдвинули идею создания новой разновидности ХБО – «несмертельного» оружия и «средств для поражения боевого имущества».

Предполагается, что можно создать химические вещества и (или) биологические агенты, способные в течение короткого периода времени разрушить материалы военного назначения (резину, пластмассы, тканевые и брезентовые покрытия), уничтожить продовольственные запасы, загрязнить и сделать непригодными к использованию горюче-смазочные материалы. До сих пор такие вещества рассматривались лишь как диверсионные средства. В 1991 г. Министерство обороны США опубликовало предложение о заключении контракта на исследование и разработку «средств для поражения материалов». Ожидается, что вещества, выводящие из строя двигатели военных машин, разрушающие горюче-смазочные, уплотнительные материалы, брезентовые, пластмассовые и деревянные укрытия и тару, а также «изменяющие свойства почвы и растительности», затруднят действия противника без непосредственного уничтожения живой силы. Создание таких веществ возможно примерно к 2010 г.

Возможность создания химических веществ и биологических агентов, не оказывающих вредного воздействия на человека и животных и не нарушающих экологическое равновесие природы, но способных поражать органические материалы, довольно проблематично. В то же время в рамках создания подобного оружия могут быть развернуты исследования и разработки нового поколения ХБО.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ БИОТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И СОЗДАНИЯ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ АГЕНТОВ БО

Современный уровень и перспективы развития военных биологических НИОКР США в значительной степени определяются достижениями гражданской биотехнологии, без которых невозможен дальнейший прогресс в этой области. Биотехнология, традиционная микробиологическая и фармацевтическая промышленность составляют производственную базу, которая с каждым годом все шире используется в военно-прикладных целях для получения новых вакцин, лекарственных препаратов, биологических материалов, а в случае необходимости может быть быстро переведена на создание запаса потенциальных биологических агентов и производство боевых рецептов.

По мнению зарубежных военных специалистов, боевые рецепты биологических агентов могут быть составлены и применены в течение 30 дней, а сроки изготовления и использования соответствующих вакцин должны быть еще короче.

За последние 15 лет ученые достигли значительных успехов в работе с генетическим материалом микроорганизмов. Стало возможным получение микроорганизмов с повышенной жизнеспособностью, вирулентностью, специфичностью действия и устойчивостью к антибиотикам. Разработка новых средств иммунологической профилактики и моделирования

распространения инфекций даст возможность свести к минимуму угрозу заражения войск и устранить основной недостаток БО, связанный с трудностью прогноза его воздействия.

Благодаря достижениям биотехнологии стало возможным в течение нескольких недель наладить крупномасштабное производство биологических агентов и токсинов с заданными свойствами, располагая небольшим исходным запасом. Значительно сократились сроки разработки биологических рецептур. Новая технология микрокапсулирования позволяет устранить один из главных недостатков БО – слабую устойчивость к факторам внешней среды, что обеспечивает увеличенную длительность хранения и безопасность транспортировки. Американские ученые указывают также пути сокращения инкубационного периода биологических агентов.

Рассмотрим кратко некоторые из наиболее перспективных направлений гражданских биотехнологических исследований и разработок, результаты которых могут быть использованы в военно-прикладных целях.

МИКРОКАПСУЛИРОВАНИЕ

Микрокапсулирование – это процесс упаковки небольших количеств твердых, жидких или газообразных веществ в индивидуальные, изолирующие их от внешней среды оболочки различной природы. Этот метод находит широкое применение в биотехнологии и фармацевтической промышленности, что связано с большими возможностями. Разработки в этой области проводятся и в ряде военных лабораторий, подчиняющихся Командованию военных медицинских исследований и развития, среди них Институт стоматологических исследований.

РАСШИФРОВКА ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА

Программа расшифровки генома человека, начатая в США с середины 1980-х гг., рассчитана на несколько десятилетий, ее стоимость предположительно составит от 500 млн до 3 млрд долл. Главные финансирующие организации: Министерство энергетики, Министерство обороны, Национальный институт здоровья, Национальный фонд поддержки науки. Среди подрядных организаций – ведущие биотехнологические фирмы и научно-исследовательские центры страны, а также Лос-Аламосская лаборатория, известная своими многолетними работами в области защиты от БО, выполняемыми по заказам МО США (разработка средств обнаружения и идентификации).

Ученые выражают опасения, что эта программа на деле окажется «проектом Манхэттен в биологии», и сравнивают ее с созданием первой атомной бомбы. В результате ее выполнения станет возможным управлять наследственностью и изменять структуру и функции жизненно важных для организма человека белков и ферментов.

Следует также подчеркнуть принципиальную возможность применения результатов исследований по этой программе в целях разработки этнического оружия. Расшифровка генома людей, принадлежащих к разным этническим группам, позволит выявить генетические различия, обуславливающие разную восприимчивость к некоторым инфекционным заболеваниям и токсическим веществам.

БЕЛКОВЫЙ ДИЗАЙН

Одной из быстроразвивающихся областей биотехнологии является белковый дизайн, т.е. конструирование белков с использованием компьютеров. С 1980 г. этот метод применяется зарубежными фирмами для создания новых лекарственных средств и химических препаратов. Теоретически метод открывает широчайшие перспективы целенаправленного синтеза любых белковых молекул. По мнению западных специалистов, в недалеком будущем, возможно, не составит трудности создать белок, превосходящий по токсичности и стабильности ботулиновый токсин.

МЕТОДЫ НАПРАВЛЕННОГО МУТАГЕНЕЗА И ТРАНСЛОКАЦИИ ГЕНОВ

Для модификации потенциальных агентов БО могут быть использованы различные методы генной инженерии, включая метод направленного мутагенеза и метод транслокации генов. Первый метод дает возможность вызывать желаемые мутации генов, которые в норме вообще не мутируют или мутируют с очень низкой частотой, и во много раз ускоряет процесс селекции микроорганизмов с желаемыми свойствами. Второй позволяет осуществить перенос генов между различными микроорганизмами с целью изменения их свойств (патогенности, вирулентности, устойчивости к антибиотикам и др.).

ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ

Согласно имеющейся информации, можно сказать, что последние 10 лет СССР, а позже Россия в целом придерживались Конвенции 1972 г. о запрете биологического оружия, что можно отнести как на счет политических изменений, так и на счет экономических причин.

Что же касается нынешнего состояния российских биологических программ, то порадовать тут нечем. Утрачены позиции в разработке новых материалов, получаемых биотехнологическими методами. Военно-медицинские отряды впадают в жалкое существование, как, впрочем, и вся российская наука.

Не последнюю роль сыграло признание Б.Н. Ельциным факта военного происхождения утечки аэрозоля сибирской язвы в 1979 г. в Свердловске. По официальным сведениям, тогда погибло несколько десятков человек. Естественно, что это заявление неоднократно использовалось в обосновании необходимости развития военно-биологической программы США и давления на Россию. Более того, российский «биологический Чернобыль» был использован для совершенствования американского БО. По чьему-то недомыслию, если не сказать хуже, военным медикам из США была предоставлена возможность сбора всех сведений о трагедии. Таким образом, Россия сама отдала информацию о воздействии БА в условиях большого города. Очевидно, что данная информация имеет не столько оборонительное значение, сколько наступательное. И хотя в результате двери ранее закрытых объектов в Загорске, Кирове, Оболенске и других городах открылись, смотреть там по существу не на что – работы свернуты, поскольку нет денег. Та же картина и в гражданских институтах. Хотя еще несколько лет назад американские эксперты ставили Россию на одно из ведущих мест по биотехнологическому потенциалу. Однако еще немного, и придется говорить не об отставаниях в исследованиях, а о невозможности таковых по причине отсутствия в стране специалистов. Необходимо отметить, что вынужденное безделье подобных ученых не только расточительно, но попросту опасно. Единственный способ поставить под контроль распространение опасных знаний среди террористов и агрессивных стран – дать каждому специалисту в этой области работу по профилю. И в этом, думается, положительную роль должна сыграть обратимость в мирную сторону военных биологических исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фактически за последние 10 лет, несмотря на ослабление политической напряженности, США модернизировали и существенно увеличили свой военно-биологический потенциал. В СССР, а затем и в России не сумели найти пути для компенсации отставания в данной области. Прежде всего не удалось добиться соблюдения сути Конвенции 1972 г. всеми подписавшими его государствами.

Данную проблему необходимо отнести к основным направлениям внешней политики. За время реализации соглашений об отказе от бактериологического оружия проявились недостатки договоров, связанные как с расплывчатостью некоторых формулировок, так и с отставанием требований конвенций от современных возможностей биотехнологии. Проявились пути обхода сути соглашений без нарушения конкретных положений.

Очевидно, необходимо совершенствование Конвенции по запрещению БО в сторону ужесточения контрольных требований. Необходимо также каким-то образом решить проблему коммерческой тайны на частных предприятиях. Однако исследования несовершенства действующих международных соглашений в этой области выходят за рамки данной статьи.

Сегодня мир переживает беспрецедентные по своим масштабам и скорости перемены. Специалисты даже подметили, что сейчас при жизни одного поколения происходят примерно четыре технологические революции.

Международный научно-технический прогресс последних лет придает человечеству новое качественное состояние. Радикально меняется производство, а вслед за ним и многие другие сферы человеческой жизнедеятельности. Определяющим фактором становится знание, его накопление, распространение и применение на практике. Ученые и эксперты сходятся в том, что человеческая цивилизация вступает в качественно новый, более высокий этап своего развития. Некоторые называют его эрой знаний, подчеркивая тем самым роль, которую наука и ее достижения призваны играть в эволюции человечества. Переход на этот этап, называемый также постиндустриальным, несет за собой целый ряд перемен политического и социального характера.

Одним из главных источников влияния в мире становится динамично развивающаяся экономика, которая опирается на новую технологию, и прежде всего на электронику и информатику. Выигрывают те страны, которые экспортируют преимущественно продукцию человеческого интеллекта. Напротив, по мере появления новых материалов, новых источников энергии падает значение стран, чье благосостояние и место в мире долгие годы основывалось на их роли в добыче сырья и использовании традиционных источников энергии. Примечательно, что список наиболее богатых людей возглавляет Б. Гейтс, в основе состояния которого лежит продукция человеческого интеллекта – компьютерные программы.

Использование новейших достижений науки надежно решило проблему продовольствия развитых и некоторых развивающихся государств.

Наступил новый этап в обобществлении производства – теперь, по сути дела, в мировом масштабе. Движение финансов и капитала приобрело также глобальный характер. На сцене появились новые действующие лица – транснациональные корпорации, международные организации, решения которых оказывают определяющее влияние на потоки денег и товаров, на производство.

Набирает силу тенденция к взаимопроникновению хозяйственных механизмов и интеграции в региональном и межконтинентальном масштабах. Обмен технологическими знаниями, вывоз капитала, кооперационные связи предприятий и транснациональные корпорации выступают как материальная основа взаимозависимости современного мира. Мировое хозяйство в своих главных чертах приобретает характер единого организма.

Необходимость использования знаний как непосредственной производительной силы предъявляет совершенно иные, чем ранее, требования к качеству рабочей силы, условиям жизни, образованию, к воспроизводству рабочей силы и условиям ее соединения с орудиями труда.

Человек, главная производительная сила которого – интеллект, не может быть *несвободным*. И это явление стало той исходной клеточкой социального механизма, из которой вырастет одна из определяющих тенденций нашего времени. Авторитарность становится контрпродуктивной формой существования. Вместе с тем информационное общество может породить серьезную угрозу правам человека. Полная информация о любом человеке – на работе, в быту, передвижение доходов – делает жизнь настолько прозрачной, что доступ и пользование ею может стать мощным рычагом давления практически на любого человека.

Вследствие быстрых и революционных по своему характеру изменений в уходящем столетии положено начало переосмыслению традиционных представлений о путях наиболее эффективного обеспечения безопасности государств. Возросла роль политических средств при соответствующем относительном уменьшении значения военно-технических факторов.

Вместе с тем резко возросшие масштабы человеческой деятельности довели до критической отметки экологические проблемы. Возникла реальная угроза естественной восстановительной способности экосистемы на локальном и региональном уровне. Если эта опасность не будет должным образом осмыслена и устранена, угроза может обрести планетарный характер. Но даже если не говорить о возможности экологического коллапса планеты, напряженность на региональном уровне такова, что уже в недалеком будущем экологические проблемы, видимо, могут стать источником международных конфликтов.

К концу XX века кардинально изменилась политическая мозаика мира. На смену двухполюсному устройству пришло многополюсное. Среди промышленно развитых государств выделились два новых центра – Япония и Западная Европа.

Ведущая группа промышленно развитых государств Запада, опираясь на современные научно-технические достижения, быстро наращивает свою экономическую и финансовую мощь, политическое влияние в мире. С окончанием холодной войны исчезла сформировавшаяся в условиях конфронтационности мотивация западной солидарности, и это обуславливает более острое проявление геополитических и экономических противоречий между развитыми государствами.

Запад перестает быть военно-политическим понятием в традиционном силовом смысле, но останется одним из важнейших центров мировой экономики и международных отношений, глобального цивилизационного процесса.

Одной из особенностей политической картины XXI века будет борьба между полицентризмом мировой политики (США, Западная Европа, Япония, государства, претендующие на роль региональных центров) и стремлением США сохранить свое лидерство.

Проблемы, прежде всего в экономической области, в странах Центральной и Восточной Европы могут привести к возрождению национализма и социального потрясениям. К концу XX века в основном закончился сложный процесс поиска их новой политической идентичности. Наряду с преобладающей тягой к Западу, стремлением получить гарантии безопасности и присоединиться в качестве полноправного участника к западноевропейским интеграционным структурам все больше будет нарастать тенденция к возобновлению на новой основе отношений с Россией. Следует отметить, что разрыв с Россией, особенно в экономической области, будет еще долго играть свою негативную роль.

В *третьем мире* появились новые индустриальные страны. Происходят одновременно как бы два процесса, идущих в противоположных направлениях: множится число центров принятия решений и идет интеграционный процесс, способствующий выработке общей линии между государствами по региональному, политическому и даже религиозному принципу.

Среди многочисленных групп выделяется «восьмерка» – ведущие страны, лидеры которых достаточно эффективно вырабатывают общие подходы к управлению фундаментальными проблемами политики.

В то же время многие страны Африки, Латинской Америки не могут попасть в современное общество из-за наследия колониального прошлого, неразвитости структур, нехватки кадров, внешней задолженности, вовлеченности в разрушительные конфликты.

Третий мир с его глубокими социально-экономическими, национальными и цивилизационными проблемами превращается в основной источник глобальных и региональных угроз первых десятилетий XXI века. Опасность региональных конфликтов, гонка вооружений, включая попытки ряда стран получить доступ к оружию массового уничтожения и средствам его доставки, социальные и этнические взрывы, терроризм, наркобизнес, голод, эпидемии являются угрозами глобального характера и будут доминировать в повестке дня следующего столетия.

На обширном пространстве бывшего СССР наблюдается резкий спад промышленного производства, рост нестабильности, болезненный период перестройки экономики на рыночные начала.

Одним из итогов XX века является своего рода поляризация – формирование мирового центра и мировой периферии. Разрыв между ними растет практически по всем показателям.

Этот весьма схематичный срез факторов, определяющих лицо современного мира, приводит к двум выводам, которые, как представляется, весьма важны для анализа.

Первый – развитые страны, вступившие в постиндустриальный период, находятся на этапе перехода к такой форме цивилизации, в которой ненасильственное разрешение возникающих противоречий является, в силу взаимопереплетения и взаимозависимости, одновременно и объективной возможностью, и объективной потребностью.

Второй – развивающиеся страны – *мировая периферия* и страны, находящиеся в переходном состоянии, еще переживают и, видимо, достаточно долго будут переживать такой период, когда противоречия сохраняются, когда они могут выливаться в кризисы, а кризисы будут перерастать в конфликты и войны.

И здесь весьма интересна оценка мира после прекращения холодной войны профессора Гарвардского университета С. Хоффмана. Со структурной точки зрения, то есть распределения возможностей, он будет многополюсным. Но эти полюсы будут различны по средствам обеспечения своей мощи: каждый будет пользоваться своей *валютой*: Россия – военной, Япония и Германия – экономической, Китай и Индия – демографической, Соединенные Штаты – военной и экономической, и все они будут иметь различный вес.

Судьба этого нового мира будет зависеть от способности *полюсов* обеспечить достаточную степень сотрудничества для предотвращения или смягчения конфликтов, в том числе и региональных, и для коррекции кризисов, возможных в мировой экономике.

Есть и еще одна особенность межгосударственных отношений конца XX века. Это – взаимозависимость. Со времен древней Греции под властью понимали военную и экономическую мощь. Однако современные проблемы, такие, например, как парниковый эффект, не поддаются решению классическими методами и средствами. Как правило, возможностей одного государства, пусть даже самого мощного, явно недостаточно. Поэтому следует научиться манипулировать взаимозависимостью, использовать и трансформировать структуру международных систем в своих целях.

Для государств в этих условиях важным элементом концепции национальной безопасности является выработка реалистического понимания и границ своих возможностей. Это в свою очередь очерчивает рамки возможностей дипломатии как инструмента политики государств. Как правило, они в оптимальном варианте соответствуют реальной способности оказывать решающее воздействие на ход событий.

Возникает вопрос: как измерить власть в меняющемся мире? Весьма любопытна точка зрения, что на протяжении веков было величайшей ошибкой пытаться определить какие-то одну или две единицы измерений.

Свидетельством власти является не обладание ресурсами, а способность к перемене поведения. Выигрывает часто не тот, кто начинает игру с множеством *фишек*. Поэтому важнейшим вопросом будущего является не то, войдет ли, например, США или Россия в следующее столетие в качестве сверхдержав с самым большим количеством *фишек*, а

в какой мере они смогут контролировать свое окружение и добиваться своих целей. Иными словами, игра становится более сложной, с более широкой сферой задач и большим числом игроков. Однако стержнем всего будет научно-технический прогресс и все, что с ним связано.

200 лет назад мир стал свидетелем первой технологической революции. Сила пара нашла свое применение в транспорте и промышленном производстве.

100 лет назад произошла вторая технологическая революция. Она была связана с распространением электричества и развитием химии, которые позволили человечеству впервые начать производить синтетические продукты.

К 2013 г. совершится третья технологическая революция, считает Белл, автор книги «Наступление постиндустриального общества».

Можно дискутировать о точных датах наступления следующей технологической революции, которую все чаще называют информационной. Но, видимо, трудно отрицать тот факт, что развитые страны вплотную подошли к этому рубежу.

По существу речь идет о качественном скачке в развитии производительных сил, на котором внедрение во все сферы человеческой деятельности компьютерных средств накопления, обработки и передачи информации позволяет многократно повысить эффективность труда как в производственной, так и непроизводственной сферах.

Сегодня можно говорить о накоплении количественных показателей в науке и производстве, которые постепенно подводят нас к качественному прорыву.

Хотя информационно-технологическая революция и тем более мировоззренческое осмысление ее последствий для жизни человеческой цивилизации и международных отношений находятся еще в начальной стадии, можно уже сейчас с уверенностью сказать, что речь идет о крупнейшем качественном скачке в развитии производительных сил, который может изменить все наши основные представления о будущем развитии человечества, а соответственно и политики.

В области непосредственного развития экономики стран, овладевших информационной технологией, имеются предпосылки и возможность достижения в будущем столетии изобилия в производстве материальных и обеспечении традиционных духовных ценностей.

Повсеместная автоматизация и роботизация промышленного и сельскохозяйственного производства в сочетании с выбором оптимальной технологии позволят решить в перспективе любую проблему удовлетворения человеческих потребностей.

В научной печати упоминаются такие проблемы, решение которых реально достижимо в перспективе ближайших 15–20 лет: использование водорода в качестве горючего, опреснение морской воды, производство синтетических пищевых продуктов, синтез эффективных онкологических препаратов, разработка материальных ресурсов и использование энергетических ресурсов космоса.

В более отдаленной перспективе принципиально разрешимыми считаются проблемы искусственного увеличения видовой продолжительности жизни людей и создания человекоидентичных биологических творений. Первые эксперименты по так называемому клонированию подтверждают такую возможность.

Речь, таким образом, идет об общем снятии материальных ограничений человеческого бытия и возникновении на этой основе новой формы движения материи, главным субъективным мотивом которой станет познание окружающего мира.

Изобилие массовой потребительской продукции, а также информационные технологии в управлении производственными и социальными процессами будут постоянно теснить политику как вид борьбы за власть за пределы национальных обществ в сферу международных и международных отношений, а внутри национальных обществ – в *верхние этажи* социальных структур.

Содержание политической борьбы будет определяться выбором приоритетов и целей той или иной социальной группы или общества в целом. Главным предметом борьбы, равно как и атрибутом политической власти, станет со временем свободный и быстрый доступ к наиболее обширным и полным банкам достоверной информации, а также наличие в распоряжении экспертного аппарата для компетентной и квалифицированной обработки поступающей информации.

В обществах, насыщенных информационной технологией, сформируются относительно немногочисленные элиты, являющиеся действительными носителями реальной политической власти. Уже сейчас можно говорить о том, что обозначилась тенденция формирования этих элит из видных представителей финансового капитала и крупнейших ученых. Возрастет значение сферы обслуживания, художественных промыслов и индивидуальной творческой деятельности. Главной особенностью всех профессий будет их зависимость от инфосферы – сети компьютерных телекоммуникаций, соединяющих производителей с банками данных, друг с другом и потребителями.

Видимо, произойдут и серьезные изменения в сфере образования. В индустриальную эру важнейшим элементом производства была специализация. Технический специалист был работником глубокой специализации, знающим практически все в узкой технологической области. В эру информационно-технологической революции со многими специальностями лучше будут справляться компьютеры и роботы. Вместо этого потребуются более разносторонние знания, позволяющие человеку комбинировать знание и информацию. Все это приведет к коренному переосмыслению системы образования – адаптации к обществу, где будет доминировать не индустриальная, а информационная технология.

Последние два столетия породили идеологии зачастую крайнего политического характера. Во многом это было связано с тем, что социализм и капитализм явились продуктом, следствием индустриальной технологии и, соответственно, тех производственных отношений, которые характеризовали это общество.

С приходом новой технологии появляются и новые условия. Значение знания как фактора производства заключается в том, что оно не является полным аналогом процесса производства, которое придает производственным отношениям новое измерение.

Борьба за права человека и гражданские свободы все больше будет сосредотачиваться вокруг информированности, образования, вопросов профессиональной подготовки и переподготовки. В защите личных прав граждан особое место приобретет охрана от посягательства на частную жизнь.

Качественный скачок в технологическом развитии цивилизации, помимо позитивных результатов, проявляется и в целом ряде негативных аспектов.

Общий теоретико-вероятностный анализ этих аспектов позволяет некоторым ученым полагать, что время существования *технологически развитой* цивилизации объективно не может быть очень продолжительным. В ближайшие десятилетия (*не позднее 2030 г.*) можно ожидать прорыва созданной человеком гигантской информационной техносферы в связи с обострением той или иной глобальной проблемы. С этой точки зрения наибольшую опасность для человечества представляют те проблемы, социальная и материальная природа которых еще не познана и потому не поддается контролю.

Гипотетически, в частности, можно предположить, что неудачное экспериментирование в области генной и молекулярной инженерии могло бы вызвать взрывоподобное размножение какого-либо болезнетворного вируса до создания препаратов, нейтрализующих его воздействие.

Из советских ученых эту гипотезу *краткосрочности* технологического этапа в развитии цивилизации разделял астрофизик И.С. Школовский, который вместе с тем подчеркивал, что *астронологическому детерминизму* в определении судеб цивилизации можно и должно противопоставить конструктивную социально-политическую программу.

В международных отношениях отмеченные выше тенденции в воздействии информационной технологии на жизнь общества будут, скорее всего, проявляться в обостренном *политизированном* виде. Угроза рукотворного самоуничтожения представляется, в частности, не в форме абстрактной теоретико-вероятностной модели, а как конкретная опасность, возрастающая по мере насыщения аппарата принятия и выполнения военно-политических решений компьютерными средствами. Это политическая реальность, не имеющая прецедента в мировой истории. Она объективно стимулирует международное сотрудничество в предотвращении ядерной войны, защите техносферы, охране экосферы и в решении других глобальных проблем.

Одновременно информационная технология создает материальную базу взаимозависимого и целостного мира, способствуя развитию международного сотрудничества в политической и экономической областях. В перспективе на этой базе будет создаваться механизм управления интегрированного мирового сообщества. Реализации возможностей такого сотрудничества будет все больше препятствовать старая политическая структура мира, основным элементом которой является национальное государство.

Как ни парадоксально, но национальное государство – близнец индустриального общества. Индустриальная технология и крупное национальное единство – две стороны одной медали, так как индустриальное общество может функционировать лишь на основе определенной формы коллективизма, в частности крупного государственного сектора.

Резкий рывок в индустриальном развитии России в начале XX века основывался, прежде всего, на концентрации огромных физических усилий населения страны в сфере производства стали, проката, чугуна, которые в то время были ключевыми показателями экономического развития. Соцреализм в искусстве стал своего рода символом того времени. Столь же радикально изменилась ситуация к концу века, когда количественные показатели уступили место качественным.

Информационная технология устраняет большинство упомянутых ограничений. В результате, с точки зрения производства, потребность в национальном государстве в его традиционном представлении снижается.

Видимо, можно согласиться с мыслью о том, что классическое национальное государство слишком велико для решения многих проблем завтрашнего дня, которые более эффективно могут быть решены на региональном уровне. Одновременно оно слишком мало для решения других задач, требующих международных рамок.

Суверенитет, исторически сложившийся как юридическое средство коллективной защиты интересов гражданского общества, в том числе гражданских прав и свобод, превращается в свою противоположность, так как в условиях научно-технической революции может быть легко использован как *крыша* для деятельности политических авантюристов. Фетишизирование национального суверенитета может, в конечном итоге, привести к ущемлению основного права человека – права на жизнь.

Повсеместно лидеры государств осознают, что здоровая экономика является не только чрезвычайно важным условием внутренней стабильности и внешнего влияния. Более того, быстрый рост экономической взаимозависимости сделал ближе, чем когда-либо в истории, внутреннюю и внешнюю политику. Внутренняя политика, как в экономическом, так и политическом измерении, оказывает непосредственное воздействие на другие страны и, следовательно, является предметом большего внимания, чем в прошлом.

Вопросы взаимозависимости становятся исключительно сложными. В Азии, например, экономические пространства часто разделяют политические границы. Иногда они являются результатом политики правительства, иногда – действий и инициатив частного сектора. В основном же происходит сочетание первого и второго факторов. В любом случае они становятся существенными как в экономическом, так и политическом плане.

Параллельно с ростом *управляемости* современного мира, усилением в нем интеграционных тенденций и формированием национальных политико-технологических элит начинается процесс формирования весьма ограниченной по своему составу *мировой элиты* из числа наиболее выдающихся представителей национальных *элит* и транснацио-

нальных корпораций. Нельзя исключать, что эта тенденция при отсутствии должного контроля может в перспективе привести к *технологической диктатуре* над миром определенных правящих кругов под благовидным предлогом, например борьбы за сохранение жизни на Земле.

В обозримой перспективе межгосударственные отношения будут развиваться под знаком противоречия между объективной общей заинтересованностью в выживании и необходимостью противодействовать стремлению к установлению какой-либо *технологической гегемонии* над миром. Для успеха внешней политики каждого государства в этих условиях будет крайне важно наличие собственного потенциала *высоких технологий*, а также диверсифицированной по всем осям системы дипломатических отношений с другими государствами.

Наиболее полные гарантии против дестабилизирующего воздействия компьютерных средств на политическую обстановку в мире дает международное сотрудничество с применением информационных технологий для поддержания международной стабильности. При этом предотвращение информационного терроризма станет одним из важных элементов международного сотрудничества. Информационные технологии попадут в центр внимания исследователей международного права. Появится целое направление – информационное право. Отдельные его элементы уже сейчас содержатся в космическом праве. Не пройдет и десяти лет как будет разработана международная конвенция о предотвращении враждебного воздействия на глобальные и национальные информационные ресурсы, а также инцидентов информационного характера и борьбе с информационным терроризмом.

Воздействие информационной революции на отношения между различными экономическими центрами мира сложно и противоречиво. Общее укрепление единства мирового хозяйства сопровождается усилением конкуренции между отдельными транснациональными корпорациями и национальными монополиями.

В соревновании с Японией США все больше уходят вперед в тех сферах информационной технологии и компьютерной науки, где требуется максимум научного и интеллектуального вклада, а также капитала. Одновременно увеличивается разрыв между Западной Европой и Японией в пользу последней. Вместе с тем усиление американского *технологического доминирования* в рамках «семерки» ведущих капиталистических государств компенсируется в определенной степени интеграционными процессами в мировом капиталистическом хозяйстве, участием японских и западноевропейских монополий в прибылях американских и транснациональных корпораций.

В дальнейшем снятие противоречий, вытекающих из неравномерности развития отдельных центров в условиях информационной революции, стихийно будет достигаться путем комплексной интеграции капиталистического мирового хозяйства и формирования единой интернациональной политической элиты современной западной цивилизации.

В целом информационная революция дестабилизирует отношения между воюющими центрами силы. Внезапные прорывы отдельных монополий и научных центров могут существенно влиять на отношения внутри группы развитых государств, способствовать становлению новых и сокращению влияния старых источников политического влияния.

В отношениях между развитыми капиталистическими и развивающимися государствами информационная революция сама по себе отнюдь не способствует ликвидации неэквивалентного обмена и роста задолженности. Более того, в перспективе 10–15 лет можно ожидать консервирования неэквивалентного обмена и увеличения разрыва между *богатым Севером* и *бедным Югом*.

Отчасти этот дисбаланс будет усугубляться оттоком интеллектуальной, политически активной элиты из стран *третьего мира* в аппарат международных организаций, транснациональных корпораций и частных компаний развитых стран. Можно предположить, что в перспективе так называемая проблема *Север – Юг* под воздействием научно-технической революции обострится и станет самой острой проблемой будущего миропорядка. Этому будет способствовать формирующаяся монополия на современную информаци-

онную технологию, которая, скорее всего, законсервирует социально-политический статус-кво современного мира.

Воздействие информационной революции на сферу международных отношений носит глобальный характер, ломает все ранее сложившиеся представления о соотношении сил и характере их противоборства – как на международной арене, так и внутри национальных обществ.

Однако основным противоречием современного мира, формирующегося под воздействием новой научно-технической революции, является противоречие между единством среды обитания человека, все более целостной и взаимосвязанной техносферы человечества и разобщенностью мира, *средневековым* политическим механизмом согласования политических волей национальных государств и общественных классов.

По мере усложнения техносферы, роста взаимозависимости и целостности мира это противоречие будет обостряться, а попытки решать проблемы межнациональных и социальных отношений старыми политическими средствами будут чреваты опасностью глобальной технологической катастрофы.

При сохранении сложившейся на сегодняшний день устойчивой тенденции отставания развитости политической надстройки современного мира от *галолирующей* техносферы такая катастрофа представляется неизбежной. Поэтому формирование достаточно эффективного и универсального механизма управления мировым сообществом при таком понимании исторического процесса представляется не одним из возможных вариантов развития ситуации в мире, а непременным условием выживания человечества.

Если в течение долгих веков внешняя политика являлась лишь продолжением внутренней, а международная ситуация становилась результатом столкновения или взаимодействия усилий национальных государств, то в итоге информационной революции подобная причинно-следственная связь между *национальным* и *международным* меняет свою полярность. Взаимообусловленность международных политических процессов, зиждущаяся на общемировых, исключающих национальную фрагментированность потоков информации, предполагает, что центр принятия решений смещается из сферы национальной политики в область международных отношений. Разумеется, скорость превращения в объект политики у различных государств будет неодинаковой: наиболее мощные державы еще долго будут сохранять тенденции к суверенности ввиду масштабов своего информационного потенциала, который, как это ни парадоксально, своим развитием и вкладом в общемировую информационную интеграцию обрекает их на невозможность собственной независимости, то есть изолированности.

Дело, однако, не только в этом. Рост вероятности кризисов, связанных с объективно и субъективно враждебными интересами международного сообщества, использованием современных и будущих информационных и научно-технических возможностей, показывает, что основные невзгоды человечества могут быть связаны не с международными столкновениями. Именно тихие гавани национального государства способны превратиться в омут технологической катастрофы, в который канет все человечество. То есть национальный суверенитет грозит отождествлением с максимальной опасностью. И единственным противовесом различным формам экстремизма под флагом национального суверенитета становится сдерживающее воздействие *чистого разума* международных отношений. Международная политика тем самым рвет пуповину, связывавшую ее с национальными взглядами и интересами, и предстает в качестве зеркала, где отражаются общие, объективно назревшие потребности выживания человечества и его устремленности к звездам. Именно область международных отношений становится тем театром действий человечества, где должны быть нейтрализованы самые опасные порывы его доинформационного национального сознания и воздвигнуты надежные гарантии его ненасильственного развития.

В 2001 г. директор ЦРУ Дж. Тенет, выступая в Конгрессе США, заявил, что «Усама бен Ладен и его организация («Аль-Каида») представляют собой наиболее серьезную и непосредственную внешнюю угрозу национальной безопасности США, имеющую трансграничный характер»². Он пояснил, что данная оценка основывается, главным образом, на заинтересованности У. бен Ладена в получении доступа к оружию массового уничтожения (ОМУ). В настоящей работе автор рассматривает вероятность организации У. бен Ладеном нападения на США с применением ОМУ.

Точная оценка подобной вероятности тем более необходима, поскольку в случае наличия реальной угрозы потребуются значительная трансформация стратегии обеспечения национальной безопасности. Более того, это один из аргументов, выдвигаемых правительством США в пользу развертывания национальной системы противоракетной обороны (НПРО), которая в последнее время стала источником напряженности между Вашингтоном и другими государствами мира.

Оценки данной работы основаны на анализе ОМУ-потенциала У. бен Ладена в соединении с возможными мотивами совершения действий, ведущих к массовым человеческим жертвам. Потенциал оценивается с точки зрения реального обладания компонентами ОМУ и средствами его доставки. Также рассматривается вопрос наличия финансовых средств, необходимых для приобретения ОМУ и средств его доставки.

Что касается мотивации У. бен Ладена в использовании ОМУ, то проводится анализ его системы убеждений, дабы понять, насколько *террорист №1* готов использовать массовые человеческие жертвы для достижения своих целей.

Исследование базируется на книгах, газетных статьях, базах данных, телевизионных интервью, выступлениях в Конгрессе США и протоколах судебных заседаний. Опора на открытые источники является одним из главных ограничителей данного исследования. Многие цитаты взяты из анонимных разведывательных источников, а некоторые данные противоречат друг другу. В подобных случаях автор пытался проверить информацию с помощью третьих источников, и если это не удавалось, убирал упоминания об этих сомнительных фактах, чтобы обеспечить достоверность анализа.

Первая часть статьи содержит информацию об У. бен Ладене и его сети. В ней говорится о причинах радикализации его взглядов, создании его организации и ее участии в террористической деятельности.

Вторая часть анализирует информацию о попытках У. бен Ладена приобрести ОМУ и средства его доставки. Особое внимание уделяется финансовым ресурсам, необходимым для этого.

Третья часть исследует возможные мотивы приобретения и использования ОМУ. Делается попытка провести различие между часто цитируемыми фундаменталистскими высказываниями У. бен Ладена и его реальными действиями и целями, что, по мнению автора важно, дабы определить готовность У. бен Ладена пойти на массовые человеческие жертвы ради реализации своих интересов.

В заключении содержатся некоторые выводы и рекомендации.

ИСТОРИЯ УСАМЫ БЕН ЛАДЕНА

Ранняя молодость

Усама бен Ладен происходит из высокопоставленной семьи, проживавшей в Саудовской Аравии. Его отец, Мохаммед Авад бен Ладен, приехал в Саудовскую Аравию из Хадраута (Южный Йемен) и прошел путь от чернорабочего до основателя успешного строительного бизнеса. Его достижения и верность трону помогли ему установить тесные связи с королевской семьей. Во время финансового кризиса он в течение шести месяцев платил зарплату всем государственным служащим. После этого король Фейсал издал указ о том, чтобы все контракты на строительство отдавались Мохаммеду Авад бен Ладену³, который какое-то время был даже министром общественных работ. Бен Ладен-ст. умер, когда Усаме было 13 лет.

Усама вырос в Джидде, где и завершил среднее образование. После окончания школы в 1973 г. он поехал в Бейрут на отдых. В то время столица Ливана не уступала лучшим городам развитого мира, и У. бен Ладен вполне наслаждался времяпрепровождением. Он пил в барах и оказался замешан, как минимум, в трех драках из-за проституток⁴.

В 1975 г. он начал изучать инженерное дело (согласно другим источникам, государственное управление) в Университете короля Абдула Азиза в Джидде. События, происшедшие в тот год в Ливане, вызвали споры среди мусульманских ученых, часть из которых утверждала, что гражданская война была карой господней погрязшему в коррупции Бейруту. Усама, установивший в университете контакты с братьями-мусульманами, превратился в закоренелого **исламиста**⁵. Возможно, самобичевание из-за разгульной жизни в Бейруте укрепило процесс его психологической трансформации. Не имея достойного статуса в семье и находясь в тени своего старшего сводного брата Салима, Усама стал настойчиво искать цель **в жизни**⁶.

Афганистан

Вторжение советских войск в Афганистан в 1979 г. дало У. бен Ладену долгожданный шанс на самореализацию. Он отправился в Афганистан с месячной ознакомительной поездкой, которая произвела на него сильное впечатление. По возвращении он начал открывать вербовочные бюро по всему миру, финансировал переброску 10 тыс. «воинов ислама» из Саудовской Аравии, Египта, Пакистана, Судана, Йемена и Алжира в Афганистан. Им была создана инфраструктура для подготовки боевиков, наняты специалисты по организации партизанской войны, саботажа и секретных операций. Усама платил за обучение боевиков и покупал им современное оружие.

США поддерживали эти силы в рамках операции *Циклон*, проводившейся ЦРУ (программа предусматривала выделение до 500 млн долл. в год на содействие боевикам, сражавшимся против советских **войск**)⁷. Утверждают, что большое количество высокотехнологичного американского оружия, включая ракеты *Стингер* класса *земля-воздух* с тепловым наведением, было передано в арсенал моджахедов. Согласно некоторым источникам, эмиссары США встречались непосредственно с У. бен Ладеном, и именно он, действуя по указке своих друзей из разведки Саудовской Аравии, первым предложил

вооружить боевиков *Стингерами*. Большинство из них до сих пор, похоже, находится в руках **моджахедов**⁸.

Партизанская война была крайне успешной. То, что когда-то было разрозненной армией племенных воинов, превратилось в современную армию, способную одержать победу над одной из сверхдержав. После вывода советских войск из Афганистана в стране остались огромный арсенал мощного современного оружия (включая ракеты *Scud*) и тысячи обученных «воинов ислама» из разных **стран**⁹. Афганский эпизод в жизни У. бен Ладена крайне важен, поскольку *террорист № 1* смог убедиться в возможности ведения победоносной священной войны. «Один день в Афганистане был как тысяча дней молитвы в обычной мечети», – скажет он **позже**¹⁰. Это также позволило У. бен Ладену установить контакты с мусульманскими боевиками из разных стран, многие из которых преданы ему и поныне. Большинство из них вернулись на родину для борьбы с прозападными правительствами и установления исламских режимов.

После Афганистана

У. Бен Ладен вернулся в Саудовскую Аравию уже популярным деятелем. Он получил приглашения многих мечетей выступить с рассказами о своих боевых подвигах. Более 250 тыс. кассет с записью его речей было выпущено и распродано через магазины и рыночные лотки. Записи содержали и рассуждения У. бен Ладена о ситуации в Саудовской Аравии по его возвращении. Он резко критиковал американский империализм и его политику на Ближнем Востоке, особенно поддержку **Израиля**¹¹. После таких речей власти настойчиво рекомендовали ему прекратить публичные выступления и запретили путешествовать. Его отношения с королевской семьей достигли критической точки во время иракской агрессии против Кувейта. У. бен Ладен подготовил план защиты королевства от вторжения иракских войск и даже предложил услуги своих моджахедов. Пока он ожидал ответа, обнаружилось, что на помощь Ближнему Востоку спешат **американцы**¹². Это, похоже, стало поворотным моментом в радикализации его антиамериканских взглядов.

В 1994 г. его лишили гражданства Саудовской Аравии. Усама переехал в Судан, где тесно сотрудничал с местным правительством, обеспечивая работой бывших ветеранов Афганистана. Тем не менее правительство Судана было не в состоянии противостоять санкциям США и в качестве жеста доброй воли предложило У. бен Ладену покинуть страну. В мае 1996 г. он переехал в Афганистан, оставив после себя организацию ветеранов Афганистана и несколько успешно работавших фабрик и корпораций. Несколько крупных компаний Судана связаны с У. бен Ладеном и, возможно, гарантируют тыловое обеспечение его организации и по сей день.

Организация

23 августа 1996 г., за два месяца до того как покинуть Судан, У. бен Ладен впервые заявил (произнес клятву), что священный долг каждого мусульманина – это уничтожение американских военных за **рубежом**¹³.

28 мая 1998 г. У. бен Ладен объявил о создании международного Исламского фронта священной борьбы с евреями и крестоносцами. Это была зонтичная организация, объединявшая группы, которые рассматривали западные демократии, и прежде всего США, в качестве главного идеологического противника. Для них это соперничество было игрой с нулевой суммой. Их деятельность была направлена против существующего международного порядка, в котором ислам занимал подчиненное положение. Они отрицали легитимность светских режимов в мусульманских странах. Конечной целью было нанести поражение США, как это было сделано в отношении СССР во время афганских событий. Некоторые исламские движения присоединились к этой организации. Среди них были и известные египетские движения «Аль Гамаа аль Исламия» и «Аль **Джихад**»¹⁴.

Исламский фронт священной борьбы с евреями и крестоносцами был непрочным альянсом исламских террористических групп. Гораздо чаще говорят о другой организации У. бен Ладена – «Аль-Каида» (база). Отношения между двумя организациями не до конца ясны. «Аль-Каида» появилась в 1988 г. и, возможно, этот термин произошел от названия одного из постоянных дворов У. бен Ладена, где проводилась регистрация моджахедов, отправлявшихся в Афганистан. Регистрационные записи помогли У. бен Ладену поддерживать контакты с «воинами ислама» по всему миру¹⁵. Хотя об «Аль-Каида» часто говорят как о самостоятельной террористической группе, принадлежавшей У. бен Ладену и входившей в широкий альянс, интересно отметить, что бен Ладен никогда публично не использовал этот термин. Ничего не известно об организационной структуре «Аль-Каиды», ее знаках отличия, а некоторые ее члены якобы работают и с другими террористическими организациями (например, Айман аль-Завахири – лидер «Аль Гамаа аль Исламия»). Все это говорит о том, что «Аль-Каида» и Исламский фронт могут быть одной и той же зонтичной организацией. Это означало бы, что У. бен Ладен прямо не связан ни с одной террористической группой.

Усама объявил «священную войну» США и их сторонникам. Он призвал мусульманские страны выполнить свой долг и начать джихад против врагов ислама. В качестве аргументов в пользу джихада им названы «оккупация Аравийского полуострова, разграбление его богатств, диктат в отношении его правителей, унижение проживающих там народов, терроризирование соседей и превращение американских баз на полуострове в передовой плацдарм для борьбы с соседними мусульманскими странами»¹⁶. Среди других причин называется поддержка Вашингтоном Израиля. Во второй фетве–богословском заключении (1998) У. бен Ладен заявил, что «убийство американцев и их союзников – как военных, так и гражданских лиц – является долгом каждого мусульманина, который в состоянии это сделать, в любой стране, где это только возможно»¹⁷.

Террористическая деятельность

Хотя имя У. бен Ладена ассоциируется с большим количеством терактов, произошедших в последние годы в отношении США по всему миру, трудно доказать его непосредственную причастность к этим событиям. С одной стороны, он выражает поддержку и восхваляет акты террора, называя их справедливыми и законными; с другой стороны, он всячески дезавуирует свою причастность к их исполнению. Подобная риторика характерна для государств, поддерживающих терроризм¹⁸. В этой связи У. бен Ладен представляет собой уникальный пример международного террориста. Его стратегия напоминает действия государств–спонсоров терроризма, но у бен Ладена есть несколько важных преимуществ. Во время как на государства можно оказать давление (экономические санкции, политическая изоляция и даже применение военной силы), У. бен Ладен не привязан к какой-либо территории и не имеет политических образований, поэтому воздействовать на него крайне сложно. У. бен Ладен представляет новый тип организаторов террора – богатый человек, вкладывающий значительные ресурсы в деятельность террористических организаций¹⁹. Союз такого индивида с группой опытных боевиков, насквозь пропитавшихся идеологией исламизма, представляет собой взрывоопасную смесь, особенно когда боевики являются ветеранами победоносной религиозной войны. Комбинация богатства и экстремизма делает афганских ветеранов одной из наиболее опасных международных террористических групп²⁰.

Госдепартамент США говорит о причастности У. бен Ладена ко многим террористическим актам, включая инциденты в Эр-Рияде (ноябрь 1995 г.) и Дахране (июнь 1996 г.), в результате которых погибли около 30 человек (из них 24 американца). Он замешан в теракте в йеменской гостинице (декабрь 1992 г.), когда пострадали несколько туристов; причастен к попытке покушения на президента Египта Х. Мубарака в Эфиопии (июнь 1995 г.); к взрыву в Центре международной торговли (февраль 1993 г.), когда погибли три человека и сотни были ранены; к нападениям на американские войска в Сомали (сотни раненых). Самыми громкими терактами стали взрывы в американских посольствах в Кении и Танзании (август 1998 г.), унесшие жизни более 300 человек. Расследова-

ние происшествия на американском судне *Коуэл* в Йемене (ноябрь 2000 г.) также показывает, что следы ведут к У. бен Ладену²¹.

Хотя бен Ладен подозревается в подготовке вышеуказанных терактов, никто пока не сумел дать неопровержимых доказательств того, что он являлся не только идейным вдохновителем террористов. Лишь через несколько дней после взрывов в Кении и Танзании свидетельские показания Мохаммеда Садык Оде, одного из ближайших соратников Усамы, позволили пролить свет на существование его международной организации и показали степень вовлечения Усамы бен Ладена в террористические операции. В ходе суда над сообщниками бен Ладена в Нью-Йорке выяснились новые данные об организационном построении «Аль-Каиды». Главный свидетель обвинения Дж. Ахмад аль-Фадл был членом организации в течение нескольких лет, пока не скрылся, прихватив с собой 110 тыс. долл., принадлежавших У. бен Ладену²².

ТЕРРОРИЗМ И ОМУ

Существуют две основные причины, по которым террористы могут стремиться к получению ОМУ – для нанесения тяжелых потерь и для шантажа.

Для успешного применения ОМУ в целях уничтожения противника террористы должны приобретать оружие и средства его доставки. Другим важным компонентом является психологическая готовность лишить жизни тысячи людей. Когда ОМУ используется в качестве угрозы, применяется традиционный принцип сдерживания: сдерживание есть достоверность угрозы, умноженная на возможность ее осуществления. Если отсутствует один из элементов этой формулы, то угроза будет неэффективной. Поэтому террористам необходимо убедить общественность в наличии у них ОМУ и готовности его использовать.

Потенциал ОМУ

Как уже говорилось выше, наличие ОМУ является необходимым элементом массового террористического акта. О богатстве У. бен Ладена говорится очень много, его состояние оценивается в сумму от 100 млн до 5 млрд долл.²³. Помимо денег, которые Усама унаследовал от отца, у него есть и другие источники финансирования. Среди них – друзья в правительстве Саудовской Аравии, арабские бизнесмены и видные политики в Кувейте и Катаре²⁴. Бен Ладен является владельцем многих фирм по всему миру, включая суданскую *Gum Arabic Company Ltd.*, которая производит до 80% каучука в мире²⁵. Большая часть средств У. бен Ладена лежит на счетах подставных лиц в Западной Европе или спрятана среди фондов различных благотворительных организаций (Мировая исламская лига, Международная исламская организация помощи, исламские культурные центры в Европе, например в Милане²⁶). Бен Ладен получает доходы от торговли героином, поступающим из Афганистана²⁷. Указывается, что он помогал талибам проводить операции по отмыванию денег через российскую и чеченскую мафию. Взамен У. бен Ладен получал от 2 до 10 % от афганской наркоторговли (от 133 млн до 1 млрд долл. в год)²⁸. Независимо от того, какова точная цифра состояния У. бен Ладена, можно сказать, что ресурсы, которыми он располагает, достаточны для приобретения ОМУ.

Считается, что У. бен Ладен обладает ОМУ. Есть много свидетельств тому, что члены его группы активно пытались приобрести ядерное, химическое и биологическое оружие. По непроверенным данным разведки, некоторые из этих попыток удались. Это подтвердили и несколько инцидентов, когда угрозы У. бен Ладена воспринимались крайне серьезно. Единственным недостающим звеном в цепи доказательств является тот факт, что ОМУ пока не было применено группой «Аль-Каида». Бен Ладен дает крайне расплывчатые ответы, когда его спрашивают о наличии ОМУ в арсенале террористов и о тех обстоятельствах, при которых он мог бы его применить. «Мы не можем подтвердить или опровергнуть факт нашего обладания этим оружием», – говорит он²⁹.

Попытки приобрести ОМУ бен Ладен начал приблизительно в 1991 г. Первоначально он хотел заполучить ядерное оружие, которое считается наименее вероятным инструментом террориста. Усама пытался создать свой собственный тактический ядерный боеприпас. Его посланцы совершили несколько поездок в Европу, дабы приобрести обогащенный уран. На судебных слушаниях в Нью-Йорке свидетель обвинения Дж.А. Фадл сообщил, что в 1993 г. получил приказ от одного из адъютантов У. бен Ладена закупить уран у бывшего суданского военного А.А. Мобурука. Фадл заявил, что сообщник А.А. Мобурука предложил продать уран за 1,5 млн долл. Он даже показал эмиссарам У. бен Ладена сумку с несколькими цилиндрическими контейнерами, в которых содержался уран, а также документы, подтверждающие происхождение материала (ЮАР)³⁰. Дж.А. Фадл отметил, что он не в курсе относительно того, состоялась ли сделка.

Бен Ладен также предпринял попытку получить готовые ядерные боезаряды из Казахстана, России, Туркмении и Украины: они подлежали демонтажу и должны были быть использованы им при создании небольших тактических портативных бомб³¹. Тем не менее маловероятно, что У. бен Ладен закупал бы боеголовки для демонтажа и получения из них оружейных расщепляющихся материалов. Учитывая размер боеголовки, было бы более логично импортировать непосредственно делящиеся материалы. Но вряд ли У. бен Ладену нужен был и боезаряд с носителем готовым к пуску, – сложные технологии, необходимые для запуска ракетных средств доставки, ему, пока еще недоступны.

Одной из самых тревожных новостей стала информация о том, что «Аль-Каиде» удалось получить ядерный чемоданчик. Хотя российское руководство и отрицает существование такого рода оружия³². Сообщения, поступающие из Израиля и России, говорят о том, что У. бен Ладен выделил несколько миллионов долларов наличными и дал почти на 500 млн долл. (по розничным ценам) героина своим соратникам в Чечне, дабы те раздобыли чемоданчик для «Аль-Каиды»³³. Некоторые источники утверждают, что поскольку У. бен Ладен является посредником для чеченцев в наркоторговле, они бы не взяли деньги, не будучи на 100% уверены в существовании чемоданчика и возможности его приобретения³⁴. Один из источников даже говорит о том, что бен Ладен получил несколько таких чемоданчиков к осени 1998 г. и отправил их на хранение на склады талибов недалеко от Кандагара. Тот же источник сообщает, что оружие еще не было использовано, поскольку оно защищено кодо-блокировочной системой³⁵. Эта информация находит свое подтверждение и в сообщениях другого источника, который также говорит о том, что У. бен Ладену удалось получить до 20 тактических ядерных боеприпасов³⁶.

Проблема заключается в том, что данная информация обычно исходит из «анонимных источников в спецслужбах», поэтому ее трудно проверить, что дает почву для дезинформации и преувеличений.

Несмотря на это, ядерные возможности «Аль-Каиды» ограничены. Наиболее вероятный способ применения этого арсенала – обычный взрыв с использованием ядерных материалов для распыления радиоактивных веществ. Подобный инцидент не приведет к массовым жертвам среди населения, но потребует значительных затрат на дезактивацию территории.

Что касается химического и биологического оружия, то оно представляется наиболее вероятным орудием террориста. Его легче получить, поскольку многие отравляющие вещества производятся из материалов двойного назначения, которые можно купить на открытых рынках. Биологические токсины также легко приобрести в бактериологических коллекциях по всему миру. Тем не менее вероятность использования террористами химического и биологического оружия сравнительно невелика, поскольку это представляло бы риск и для самих исполнителей теракта, учитывая токсичность материалов³⁷. И хотя фундаменталисты афишируют свое желание умереть за священное дело ислама, это не означает, что они хотели бы погибнуть при обращении с токсичными материалами и подготовке к теракту.

Разведслужбы США убеждены, что у «Аль-Каиды» есть в наличии и химическое, и биологическое оружие. Члены организации якобы приобрели штамм сибирской язвы в одной восточно-азиатской стране за 3,7 тыс. долл. и смертельный вирус ботулина в чешской

лаборатории по цене 7,5 тыс. долл. за образец³⁸. Представители Национального освободительного фронта Моро на Филиппинах, поддерживающие плотные контакты с «Аль-Каидой», возможно, купили штамм сибирской язвы у одной фармацевтической компании в Индонезии. Вирусы чумы и сибирской язвы, по некоторым данным, были закуплены у торговцев оружием из Казахстана³⁹.

В открытых источниках не указывается, какие виды химического оружия доступны У. бен Ладену. Однако спецслужбы говорят о наличии отравляющих веществ у «Аль-Каиды». Реакция правительства на угрозы бен Ладена, связанные с применением химического оружия, также подтверждает, что угроза носит реальный характер⁴⁰. Нападение на бен Ладена, планировавшееся на январь 2001 г. во время свадьбы его сына, было якобы отменено из-за угрозы У. бен Ладена применить в ответ химическое оружие против американских военных баз в Персидском заливе⁴¹. Еще более тревожный факт заключается в том, что бен Ладен вообще знал о планировавшейся операции.

Приобретение ОМУ – это лишь один из шагов к его успешному применению. Большинство видов ОМУ требуют современных средств доставки для того, чтобы нанести максимальный ущерб⁴². Даже если У. бен Ладену удалось получить ОМУ, у него пока нет средств доставки, что подтверждается разведслужбами. Чтобы решить эту проблему, надо либо нанимать независимых специалистов, либо получить государственную поддержку. Первый вариант вполне осуществим для бен Ладена. Он уже потратил значительную часть средств на вербовку ученых и сотрудников спецслужб, которые помогли бы ему расшифровать коды на ядерных чемоданчиках⁴³. Второй вариант также возможен. Иракские разведслужбы неоднократно предлагали У. бен Ладену помощь, одновременно навязывая ему список потенциальных целей (среди них *Радио Свободной Европы* в Праге⁴⁴). Бен Ладену предлагалось убежище и несколько чистых йеменских паспортов, как залог добрых намерений⁴⁵. Но посланцы Усамы, похоже, не придали значения этому предложению и удовлетворились просьбой к Ираку помочь в получении химического и биологического оружия, выразив готовность использовать это оружие против американских войск и интересов⁴⁶. У Ирака большой опыт исследований в области ОМУ, и ему якобы принадлежит арсенал химического оружия в Судане. Если бен Ладен действительно получил эту помощь, то приобретение боевого химического и биологического оружия является для его сети лишь вопросом времени.

На сегодня «Аль-Каида», похоже, не имеет полномасштабных возможностей по нанесению массовых потерь. В ближайшем будущем гораздо более вероятно нападение малого или среднего масштаба с использованием ОМУ. Тем не менее психологический эффект такой атаки не стоит недооценивать. Если «Аль-Каида» сможет доказать наличие потенциала ОМУ путем его непосредственного использования, эффект на общественное сознание будет разрушительным.

Мотивация

Мотивация террористической группы на использование ОМУ тесно связана с целями этой организации. Националистические и сепаратистские образования имеют политические цели и социальную базу в рамках определенной территории. Их цель – привлечь внимание общественности к своему делу и получить место за столом переговоров. Поэтому они вряд ли прибегнут к ОМУ, поскольку массовые жертвы были бы контрпродуктивны для их целей. Они привлекли бы к себе внимание, но общественное мнение, скорее всего, отвернулось бы от них, а пострадавшие государства дали бы жесткий отпор террористам вместо того, чтобы прислушаться к ним. Наиболее продуктивными для политических террористов, как представляется, стали бы не крупномасштабные акты насилия, а более умеренные действия.

Религиозные группы, как считается, способны прибегнуть к использованию ОМУ. Они обычно не заинтересованы в переговорах, и их аудиторией является Бог. Их непримиримые взгляды помогают им создать полностью бесчеловечный образ врага, что является важным шагом на пути к организации массовой гибели людей. В случае с исламскими

фундаменталистами институт мученичества лишь укрепляет веру этих людей, которые готовы жертвовать своими жизнями, не боясь быть схваченными или получить ответную реакцию.

Учитывая вышеизложенное, необходимо идентифицировать систему убеждений У. бен Ладена, чтобы оценить его готовность прибегнуть к ОМУ. Контент-анализ его выступлений и фетв говорит о религиозных мотивах деятельности. Бен Ладен объявил США священную войну⁴⁷. Он постоянно использует имя Бога для оправдания своей деятельности. Переход от борьбы с военными (как в первой фетве) к борьбе и с гражданским населением являет собой еще один шаг на пути создания бесчеловечного образа врага. Бен Ладен постоянно повторяет, что его действия по приобретению ОМУ законны. «Мы не считаем преступлением попытки приобрести ядерное, химическое и биологическое оружие. Если я и приобрел это оружие, то я благодарю Бога за эту возможность», – заявил он в интервью журналу *Time* в 1998 г.⁴⁸ Позднее, в 1999 г. У. бен Ладен начал рекламировать сигнальные экземпляры своей книги, в которой он предлагает собственное видение будущего. Источники в Пакистане, утверждающие, что видели копии книги, говорят, что она вышла под названием «Америка и третья мировая война»; в ней мусульмане призываются к восстанию и разрушению США⁴⁹.

Несмотря на это, было бы неточным квалифицировать У. бен Ладена как религиозного фанатика. Цели, которые он перед собой ставит, в основном политические по характеру. Он хочет изгнать американцев с Ближнего Востока, сбросить прозападные правительства в арабских странах и создать международную организацию (или правительство), объединяющую всех мусульман, поддерживающих идею халифата⁵⁰. Средства, которые бен Ладен использует для достижения своих целей, также вызывают сомнения в его абсолютной преданности религиозной идее. Если правда то, что члены его организации готовились специалистами из движения «Хизболла» – шиитской группы, действующей в Ливане и опирающейся на Иран, то У. бен Ладену удалось установить беспрецедентные связи между шиитами и суннитами (вероятность такого союза крайне сомнительна, учитывая крайнюю степень неприязни, которую испытывают ваххабиты к шиитам)⁵¹. Он также активно сотрудничал со светским режимом С. Хусейна в Ираке. Подобные прагматичные альянсы не свойственны исламским радикалам.

Проблема с классификацией мотивов У. бен Ладена заключается в том, что ислам по природе своей является политической религией: в нем не делается различия между религией и государством, затрагиваются все сферы жизни человека⁵². Поэтому, вероятно, было бы более правильно исследовать отдельные факторы вне традиционных биполярных рамок.

Институт мученичества, характерный для большинства исламских фундаменталистских движений, неприменим в случае с У. бен Ладеном. Тщательное планирование, осторожность, нежелание брать ответственность за акты насилия, беспрецедентные меры безопасности – все это указывает на его жажду жизни. Использование ОМУ, вероятно, заставило общественное мнение поддержать идею массированного ответного удара вне зависимости от стоимости такой операции. Бен Ладен знает, что ему не ускользнуть живым, и его желание подвергнуться такому риску довольно сомнительно.

Хотя У. бен Ладен не стремится к получению политической власти, у него есть своя социальная база. Многие люди этого региона называют своих детей именем Усама, у него образ романтического народного героя. Применение ОМУ вызвало бы негативные отклики в прессе даже в мусульманских странах, и бен Ладен знает это. Его двусмысленные ответы о владении ОМУ также подтверждают наличие таких опасений. С одной стороны, его привлекает идея устрашения американской общественности, а с другой – он пытается избежать плохой репутации.

Другой важный фактор – психологическое измерение и опыт победоносной войны. Некоторые теории утверждают, что люди сражаются, дабы получить психологическую компенсацию. Моджахеды выиграли справедливую, по их мнению, войну против СССР. Необходимо учитывать и трудность возвращения к нормальной жизни после таких испытаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что моджахеды принялись за поиски но-

вого врага. Это важно и с точки зрения интереса к ОМУ, которое имеет большую компенсаторную силу, чем обычные вооружения. Успешное применение ОМУ может стать наградой для ученого, который преодолел технические сложности с подготовкой такого теракта. Другое дело – боевик, уже переживший успешную кампанию с применением обычных вооружений. Для него такой успех, похоже, укрепит его консервативные тенденции в выборе оружия.

Оценки ЦРУ основаны на предположении, что У. бен Ладен сделает все, дабы поразить США. Но, может быть, не в этом дело. Ведь реализация установок бен Ладена может угрожать самой организации, поскольку будет подвергнута сомнению легитимность ее дальнейшего существования. Бен Ладен и его люди хотят сражаться, опыт Афганистана очень привлекателен для них. После неудачных попыток ввязаться в войну против С. Хусейна во время конфликта в Персидском заливе они направили свое оружие против США. Даже если гипотетически они одержат победу, им будет трудно найти другого врага. Процесс борьбы для «Аль-Каиды» важнее, чем победа, поэтому спорным является желание террористов способствовать эскалации боевых действий на антиамериканском фронте до уровня применения ОМУ.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что У. бен Ладен не имеет мотивов для использования ОМУ, поскольку нанесение массовых потерь своему противнику не является для бен Ладена приоритетом номер один. Для него гораздо важнее поразить цели, имеющие высокую символическую ценность, нежели уничтожить большое количество людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Усама бен Ладен и его организация представляют собой угрозу, которой США пока не могут противостоять. Оценки рисков, предложенные Дж. Тенетом во время его выступления в Конгрессе, основаны на констатации уязвимости, а не на осторожной оценке мотивов и возможностей.

Нельзя исключать, что У. бен Ладен и его организация обладают ОМУ и имеют финансовые ресурсы для его актуализации. Но, несмотря на часто цитируемую радикальную риторику, бен Ладен и его сеть не имеют мотивов для нанесения массовых потерь. Количество жертв является второстепенным фактором по сравнению с символической значимостью объектов, избранных для нападения. Нельзя исключить возможность нападения с применением ОМУ, но даже если оно произойдет, то скорее не примет форму полномасштабного нападения с массовыми жертвами. Наиболее вероятным сценарием в ближайшем будущем будет небольшое по масштабам применение ОМУ против американских объектов на Ближнем Востоке. Но даже такое нападение может нанести серьезный психологический ущерб.

США планируют противостоять угрозе путем развертывания НПРО, но данный ответ не является адекватным. Напротив, на вооружение должна быть принята комплексная стратегия, объединяющая превентивные и защитные военные меры, расширение международного сотрудничества и оценку системных причин.

Примечания

¹ Работа над статьей завершена в августе 2001 г.

² Grier Peter. A Terrorist Version of NATO. *Christian Science Monitor*. 2001, February 16.

³ Frontline: A Biography of Osama bin Laden.

<http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/binladen/who/bio.html>. 2001, March 14.

⁴ Reeve Simon. *The New Jackals: Ramzi Yousef, Osama bin Laden*. Northeastern University Press, Boston, 1999. P. 159.

⁵ Ibid. P. 161.

- ⁶ Frontline: A Biography of Osama bin Laden. <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/binladen/who/bio.html>. 2001, March 14.
- ⁷ Shahar Yael. Osama Bin Ladin: Marketing Terrorism. <http://www.ict.org.il/articles/bin-ladin7.htm>. 2000, November 23.
- ⁸ Reeve Simon. Op.cit. P. 167.
- ⁹ Shahar Yael. Osama Bin Ladin: Marketing Terrorism. <http://www.ict.org.il/articles/bin-ladin7.htm>. 2000, November 23.
- ¹⁰ Macleod Scott, Fischer Dean. The Paladin of Jihad. *Time*. 1996, 6 May.
- ¹¹ Reeve Simon. Op.cit. P. 169.
- ¹² Frontline: A Biography of Osama bin Laden. <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/binladen/who/bio.html>. 2001, March 14.
- ¹³ Shahar Yael. Osama Bin Ladin: Marketing Terrorism. <http://www.ict.org.il/articles/bin-ladin7.htm>. 2000, November 23.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Frontline: A Biography of Osama bin Laden. <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/binladen/who/bio.html>. 2001, March 14.
- ¹⁶ Text of Fatwah Urging Jihad Against Americans. <http://www.ict.org.il/articles/fatwah.htm>. 2000, November 8.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Schweitzer Yoram. Wealth plus Extremism Equals Terrorism. <http://www.ict.org.il/articles/bin-ladin7.htm>. 2001, November 26.
- ¹⁹ Osama Bin Laden: Wealth plus Extremism Equals Terrorism. <http://www.defencejournal.com/oct98/osama.htm>. 2000, December 1.
- ²⁰ Schweitzer Yoram. Op.cit.
- ²¹ Ibid.
- ²² Hays Tom. Bomb Trial Witness: Bin Laden Wanted Uranium. http://www.foxnews.com/national/020801/bomb_trial.sml. 2001, August 2.
- ²³ Frontline: A Biography of Osama bin Laden. <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/binladen/who/bio.html>. 2001, March 14.
- ²⁴ Reeve Simon. Op.cit. P. 185.
- ²⁵ Ibid. P. 179.
- ²⁶ Schweitzer Yoram, Shai Shaul. The "Afghan Alumni" Terrorism: Islamic Militants against the Rest of the World. <http://www.ict.org.il/>. 2001, February 9.
- ²⁷ FBIS: Report Views Bin-Ladin's Operations, Counter Terrorism Efforts. FBIS Document ID: GMP20010214000205. 2001, January 26.
- ²⁸ Bodansky Yossef. Bin Laden: The Man Who Declared War on America. Forum, 1999. P. 315.
- ²⁹ FBIS: Report Views Bin-Ladin's Operations, Counter Terrorism Efforts. FBIS Document ID: GMP20010214000205. 2001, January 26.
- ³⁰ Lyncb Colum Bin Laden Sought Uranium, Jury Told. *Washington Post*. 2001, February 8.
- ³¹ McCloud Kimberly, Osborne Matthew. WMD Terrorism and Usama Bin Laden. <http://www.cns.miis.edu/pubs/reports/binladen.htm>. 2001, March 28.
- ³² Большой резонанс в мире вызвало заявление бывшего секретаря Совета безопасности РФ А.И. Лебеда о имевших место случаях пропажи «ядерных чемоданчиков».
- ³³ Reeve Simon. Op.cit. P. 215.
- ³⁴ Ibid. P. 218.
- ³⁵ Ibid. P. 216.
- ³⁶ Osama has 20 nuclear weapons. *Straits Times* (Singapore). 2001, May 2.
- ³⁷ Cameron Gavin. The Likelihood of Nuclear Terrorism. *Journal of Conflict Studies*. 1998, Fall. P. 21.
- ³⁸ Reeve Simon. Op.cit. P. 216.

- ³⁹ Center for Nonproliferation Studies, NBCR Terrorism database. Case ID 678.
- ⁴⁰ Center for Nonproliferation Studies, NBCR Terrorism database. Case ID 679.
- ⁴¹ FBIS: US Said Aborted Attack on Bin Ladin for Fear of Chemical Strike. FBIS Document ID: GMP20010215000187. 2001, February 16.
- ⁴² Center for Nonproliferation Studies, NBCR Terrorism database. Case ID 679.
- ⁴³ Reeve Simon. Op.cit. P. 216.
- ⁴⁴ Ibid. P. 217.
- ⁴⁵ Ibid. P.186.
- ⁴⁶ Schweitzer Yoram, Shai Shaul. Op.cit.
- ⁴⁷ Настоящее значение слова *джихад* буквально «стремление к самосовершенствованию». У исламских фундаменталистов этот термин приобрел значение «священная война».
- ⁴⁸ Rahrnullah Usufzai. Conversation with Terror. *Time*. 1998, January 11.
- ⁴⁹ Reeve Simon. Op.cit. P. 265.
- ⁵⁰ Sukkar Suzanne K. The Freelancers. <http://www.personal.umich.edu/ssukkar/freelancers.htm>. 2001, March 4.
- ⁵¹ <http://www.nytimes.com/2001/01/14/world/14JIHA.html>. 2001, January 14.
- ⁵² Reeve Simon. Op.cit. P. 222.

РОССИЙСКИЙ ФОРУМ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Теперь вопросы международной безопасности, поднимаемые на страницах журнала *Ядерный Контроль*, можно обсудить в интерактивной форме в Интернете – на **российском Форуме по вопросам международной безопасности**
<http://www.securityforum.ru>

Security Forum – это экспертный портал, где специалисты из научно-исследовательских институтов, политологи, журналисты и обычные люди, интересующиеся различными аспектами международной безопасности, обмениваются мнениями, полемизуют и предлагают свое видение актуальных проблем в сфере безопасности, стоящих перед Россией и всем миром.

- Каковы интересы и задачи России в области безопасности в рамках председательства в «Большой восьмерке»? Как эти задачи реализуются?*
- Что означало бы появление ядерного оружия в Иране с точки зрения российских национальных интересов и как Россия должна действовать, чтобы не допустить такого варианта событий?*
- Центральная Азия, вопросы безопасности и российские национальные интересы в регионе.*
- Ренессанс атомной энергетики в мире и роль России в развитии ядерных технологий.*

Эти и другие вопросы обсуждают участники Форума.

Российский Форум по проблемам международной безопасности не только представляет площадку для открытого диалога экспертов, но и предлагает пространство портала для размещения полемических материалов по обсуждаемым вопросам, а также эксклюзивных интервью российских и зарубежных официальных лиц. Не останутся в стороне от обсуждения и материалы, публикуемые на страницах периодических и электронных изданий ПИР-Центра.

Приглашаем читателей журнала *Ядерный Контроль* присоединиться к виртуальному сообществу экспертов. Принимать участие в дискуссиях по проблемам международной безопасности вы можете, зарегистрировавшись на портале

<http://www.securityforum.ru>

Общение происходит на русском языке.

Надеемся, что полемика и темы, поднимаемые на Форуме, будут иметь заметное влияние и на формирование редакционного портфеля периодических изданий ПИР-Центра, подсказывая новых авторов и новые темы, требующие постановки и обсуждения в экспертном формате.

За более подробной информацией о работе российского Форума по вопросам международной безопасности следует обращаться к директору информационных проектов ПИР-Центра Надежде Логутовой по тел.: +7-495-234-0525 или logutova@pircenter.org

В последнее время активизировалась дискуссия по вопросам, связанным с оценкой роли и места политики ядерного сдерживания в современном мире, а также с определением перспектив ее применения, в том числе в российско-американских отношениях.

Новое ускорение этой дискуссии положила подготовка, а затем и подписание российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП).

Пока делегации России и США работали над текстом Договора, выверяли его положения, искали точки соприкосновения и взаимоприемлемые компромиссы, экспертное сообщество активно формировало собственные варианты Договора, оценивало перспективы дальнейшего развития стратегических вооружений России и США, определяло их возможные количественные и качественные параметры. Острота подобных изысканий усугублялась рядом существенных факторов. С одной стороны – объявлением США о выходе из Договора по ПРО 1972 г. и о реализации планов широкомасштабного развертывания противоракетных систем уже в ближайшей перспективе – до 2004–2005 гг., а также попыткой реализовать не реальные, а «виртуальные» сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) посредством принятия концепции «оперативно развернутых ядерных боезарядов». С другой – сложным экономическим положением России, трудностями и проблемами ее вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса.

Было высказано множество мнений, зачастую прямо противоположных. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что вопросы сокращения стратегических вооружений, развертывания системы противоракетной обороны являются очень важными и интересуют широкую общественность.

Полагаю, что сегодня мы являемся участниками своеобразного «качественного скачка» в теории и политике ядерного сдерживания. Появляются новые виды ядерного сдерживания – сдерживание угрозой не применения, а только лишь приобретения ядерного оружия. При этом проводится сдерживание не столько прямых военных действий, сколько политического и экономического давления.

Это позволяет сделать вывод: и в обозримом будущем мы не расстанемся с ядерным оружием. Придется жить с ним, но жить по жестким правилам, выработанным совместно всем мировым сообществом.

Именно этому и служит, на наш взгляд, российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Его подписание сделало самое главное – показало всему миру необходимость наличия твердых правил поведения в сфере ядерных вооружений, постоянства и преемственности политики ведущих ядерных держав в этой области.

Конечно, проблемы в сфере сокращения и ограничения стратегических вооружений в один момент не исчезнут. Нам придется еще достаточно долго работать в направлении понижения ядерной опасности. Но, наверное, одним из наиболее существенных моментов этого процесса будет то, что мы наконец-то ушли от понятия «количественный паритет» ядерных сил, перестали поштучно считать боеголовки и носители ядерного оружия, скрупулезно сравнивать забрасываемые веса и дальности полета ракет.

Мы поняли, что на безопасность государства работают не только горы оружия (кстати, стремительно морально устаревающего в условиях ускоряющейся научно-технической революции с ее практически ежедневными прорывами в той или иной сфере), но весь потенциал государства, все его ресурсы.

Поэтому, оставаясь важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности государства, ядерное оружие все-таки, на мой взгляд, перестает быть единственным ее гарантом. Человечеству уже есть что терять в огне ядерной войны. Слишком сложным и взаимозависимым стал современный мир для того, чтобы пусть даже локальный ядерный конфликт не отразился практически на всех странах и народах. Экономические, экологические, гуманитарные и многие другие потери вследствие подобного конфликта любой разумный политик признает однозначно неприемлемыми. Тем более что гораздо меньшие по своим последствиям и качественно различные катастрофы и кризисы позволяют привести множество примеров подобной неприемлемости. Это и экономический кризис конца 1990-х гг. в Юго-Восточной Азии, и авария на Чернобыльской АЭС, и эпидемия атипичной пневмонии. Да и террористические акты 11 сентября 2001 г. также показали всю опасность и глубину последствий подобных действий.

Сегодня очевидным стал тот факт, что укрепление стратегической стабильности не должно отождествляться с укреплением и усилением политики ядерного сдерживания. Наоборот, снижение роли ядерного фактора в обеспечении безопасности могло произойти только вследствие замещения его другими, в первую очередь не силовыми, не военными факторами. Такое снижение стало возможным только вследствие коренного изменения всего характера международных отношений, пересмотра ядерными державами, в первую очередь Россией и США, ряда ключевых позиций своего общеполитического курса.

Сегодня много говорится о необходимости ухода от концепции ядерного сдерживания в российско-американских отношениях. Это обосновывается тем, что подобная концепция принадлежит временам холодной войны и поэтому должна быть отброшена.

Однако давайте подумаем: можно ли отбросить эту концепцию, то есть можно ли реально исключить из нашей жизни страх перед ядерным оружием?

Такой страх можно уничтожить только вместе с ядерным оружием. Но можно ли сегодня говорить о том, что ядерное оружие сможет навсегда исчезнуть из жизни человечества? Что, достигнув современного уровня развития, мы откажемся от ядерного оружия, что больше никто, никакой террорист или диктатор не захочет создать такое оружие заново для того, чтобы с его помощью диктовать свои условия миру?

Вряд ли это возможно. Скорее всего, мы вынуждены будем сохранять какой-то минимальный уровень ядерных вооружений, подобно тому как мы сохраняем штаммы болезнетворных бактерий и вирусов типа сибирской язвы и натуральной оспы. Без таких коллекций невозможно создавать эффективную вакцину против этой опасности и новых им подобных.

Это тем более важно, поскольку мы сегодня с тревогой наблюдаем за своеобразным возрождением ядерного фактора мировой политики, его возвращением на авансцену мировых процессов.

Это и попытки Соединенных Штатов в период подготовки ко второй войне в Ираке легитимизировать варианты применения тактического ядерного оружия в качестве, по их мнению, неизбежного, хотя и крайнего способа борьбы с такими врагами, как У. бен Ладен или С. Хусейн. Это и попытки Северной Кореи устроить своеобразный ядерный шантаж мирового сообщества в стремлении обеспечить свою безопасность и сохранность

существующего в стране режима. При таком своеобразном «ядерном сдерживании» на корейский манер угрозу представляет не столько применение реально существующего ядерного оружия, сколько сама возможность его создания в той или иной перспективе.

В то же время многие другие неядерные страны, глядя на то, какими методами Соединенные Штаты пытаются достичь своих целей в отношениях с ними, и на то, как фактически изменился тон разговора американцев с Индией и Пакистаном после приобретения последними ядерного статуса, начинают задумываться о собственном вступлении в «ядерный клуб». При этом формы вступления в него, как показывает пример Северной Кореи, могут быть различными.

Говоря о будущем политики ядерного сдерживания в российско-американских отношениях, можно, конечно, использовать множество уже привычных специфических терминов, сослаться на работы ученых и выступления политических деятелей, цитировать «классиков ядерной эпохи». Такой разговор, однако, скорее всего будет понятен лишь сравнительно узкому кругу специалистов, не нуждающихся в подробном разъяснении.

В то же время какая-либо достаточно простая аналогия может гораздо проще разъяснить очень сложный вопрос.

Образно говоря, мы уже вышли из «ядерного тупика» и продолжаем двигаться по новой дороге. При этом существующая на сегодняшний день система договоров в сфере ограничения и сокращения стратегических вооружений, своеобразная, если позволить подобное сравнение, «дорожная карта» ядерной политики показывает, что «ядерная полоса движения» на этой дороге несколько сузилась и уже не является приоритетной для участников движения. В то же время хорошее качество покрытия этой полосы, четкая разметка и понятные правила движения по ней не дают возможности неумелым или чересчур азартным водителям съехать с общей дороги в кювет или совершить аварию, в том числе с катастрофическими для всех или большинства участников движения последствиями. Таким образом, помимо того, что «ядерная полоса» является надежным апробированным путем к обеспечению собственной безопасности, она подает хороший пример строителям и ремонтникам всех других полос движения для аналогичного укрепления дорожного покрытия и выработки понятных и принимаемых всеми правил движения.

Вот этим, по сути, и определяется значение ядерного оружия в жизни современного мира. При этом сегодня следует ясно понимать, что ядерное оружие вряд ли исчезнет с лица земли, по крайней мере в обозримом будущем. Поэтому не исчезнут возможность и угроза его применения, а следовательно, и тот естественный страх, который оно вызывает. Таким образом, ядерное сдерживание, основанное на взаимном устрашении, также никуда не исчезнет.

В то же время мы наблюдаем своеобразный парадокс. Ядерный фактор, который долгое время приводил к конфронтации, к ухудшению отношений, к подозрительности и недоверию, сегодня работает в прямо противоположном направлении. И в первую очередь не только в отношениях между странами-членами «ядерного клуба», но и между странами, стремящимися и де-факто, и де-юре в этот клуб попасть.

Угрозы и опасности существуют до тех пор, пока и отдельный человек, и страна, и человечество в целом их ощущают и боятся. Страх – очень сильное и опасное чувство, которое только усугубляется незнанием или непониманием происходящих вокруг процессов.

Пока в том или ином процессе или системе вооружений мы чувствуем угрозу себе, хотя бы потенциальную, мы ее опасаемся. Поэтому даже оборонительное оружие, тем более такое, которое не только обеспечивает защиту обладающего им государства от внешнего нападения, но и определенную «безнаказанность» в случае тех или иных действий, не может не вызывать вполне естественных опасений.

Слишком многое здесь зависит от субъективных факторов, от конкретных лидеров государств и их взаимоотношений. Как справедливо заметил бывший министр обороны США Р. Макнамара, «ни один хорошо информированный, хладнокровно мыслящий по-

литический или военный руководитель, скорее всего, не прибегнет первым к ядерному оружию. Но политические и военные руководители в моменты острых кризисов не являются ни хорошо информированными, ни хладнокровно мыслящими».

Таким образом, лучше всего не доводить до подобных конфликтов. Наилучший способ для этого – переговоры, диалог, разъяснение партнерам своей позиции и стремление понять чужую. А наличие конкретных, юридически обязывающих договоренностей – своеобразная гарантия предотвращения многих опасностей и угроз.

В то же время любой договор, родившийся в результате сложных переговоров, не может не быть взаимным компромиссом. Так что вполне естественно, что в Договоре о СНП не удалось отразить все возможные вопросы, которые имеют отношение к стратегической стабильности и которые уже длительное время обсуждаются в российском обществе. Это, например, вопросы космического оружия, противолодочной деятельности, высокоточного оружия и некоторые другие. Однако все эти вопросы находятся в нашем поле зрения, и диалог по ним будет продолжаться, в частности в рамках создаваемой сторонами Консультативной группы по вопросам стратегической безопасности во главе с министрами иностранных дел и обороны, о чем говорится в Декларации о новых стратегических отношениях.

Одним из наиболее важных аспектов этого Договора является то, что он по своей сути представляет новый тип договора, договора «эпохи после окончания холодной войны».

В процессе российско-американских переговоров была фактически выработана новая модель переговорного процесса, новые принципы переговорной деятельности, которые могут послужить примером и основой для формирования отношений России с другими государствами, в первую очередь – с ядерными. Эта модель направлена на решение в конкретные сроки конкретной задачи, поставленной политическим руководством, не отягчена зашоренностью взглядов, взаимным недоверием и устаревшими подходами.

Ориентируясь на отход от принципов холодной войны, мы не стремились к какому бы то ни было «торгу» и увязыванию принятия партнерами по переговорам наших позиций в одной сфере отношений с уступками в другой, а строили свои подходы на уважении позиций друг друга. Учитывая многолетний опыт переговоров в области сокращения СНВ, мы прекрасно понимали, что старая практика переговорного процесса, основанная на выдвигании сторонами заведомо завышенных требований с постепенным их снижением до уровня обоюдной приемлемости, если и приведет к положительному результату, то с большим трудом и за очень долгое время.

При этом, ясно осознавая, что достижение успеха в такой важной сфере позволит нам и в других вопросах значительно быстрее продвигаться вперед, мы твердо взяли курс на обязательное достижение положительного результата.

Мы ушли от принципа «количественного паритета» стратегических вооружений, поставив во главу угла новый качественный параметр мощи государства – стратегический наступательный потенциал, означающий средства, запасы, возможности, которые могут быть использованы для решения определенных стратегических задач.

Этот термин появился в названии Договора вследствие компромисса, достигнутого сторонами в ходе переговоров в процессе выработки единой концепции сокращений. Он объединяет, с точки зрения Договора СНП, и боезаряды, и носители, и все то, что определяет способность стратегических наступательных вооружений решать те или иные задачи. Конечно, этот термин дает возможность достаточно широкой и неоднозначной трактовки духа и буквы Договора. Но, с другой стороны, он дает и возможность каждой из стран показать и доказать свою приверженность радикальным и необратимым сокращениям стратегических вооружений. Таким образом, мы нашли взаимоприемлемый компромисс, дающий возможность продолжить процесс снижения ядерной угрозы, поскольку само название документа, в котором впервые появился термин «стратегические наступательные потенциалы», позволяет выделить общее в наших подходах, отнеся решение частных вопросов на более поздний срок, в ведение создаваемой Двухсторонней комиссии по выполнению Договора.

Ядерное оружие всегда являлось, является и останется стратегическим оружием. Стратегическим в том смысле, что с его помощью решаются стратегические задачи, задачи государственного уровня, достигаются цели войн в целом, обеспечивается стратегическая стабильность.

Поэтому особенностью Договора СНП является то, что он дает ответы на основные вопросы, связанные с перспективами развития стратегических вооружений, – определяет уровень и сроки дальнейшего сокращения ядерных сил сторон. При этом практически все механизмы сокращений СНВ и контроля над ними сохраняются в прежнем виде, в котором они записаны в Договоре СНВ-1. Это реальный Договор, обеспечивающий продолжение и преемственность процессов ограничения стратегических наступательных вооружений.

В то же время его формат, отличающийся от форматов предыдущих договоров СНВ-1 и СНВ-2, определяется современным состоянием отношений России и США и военно-политической обстановки в мире в целом, а также всей историей развития переговорного процесса в данной области, начавшегося 30 лет назад с «Временного соглашения между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений» (Договора ОСВ-1) и остановившего количественное наращивание СНВ сторон уровнем, достигнутым на 1 июля 1972 г. Затем были другие соглашения и договоры – ОСВ-2, СНВ-1, СНВ-2, которые позволили нам значительно снизить уровень ядерного противостояния. За эти годы мы прошли большой путь, связанный не только с разработкой механизмов и процедур сокращений, но и с осознанием роли и места ядерного оружия в наших отношениях, в обеспечении стратегической стабильности в мире. Правда, были и потери: Договор СНВ-2, который, на мой взгляд, стал и в России, и в США предметом политического торга, за девять лет после подписания оброс кучей условий и требований и тихо скончался под грузом осознания его ненужности для обоих государств. Таким образом, новый формат договора является естественным следствием пройденного нами пути, а также современного состояния отношений России и США и нашего понимания путей дальнейших сокращений ядерного оружия.

Что же касается отсутствия конкретных количественных показателей и этапности промежуточных сокращений, то, с учетом сегодняшних реалий, это является, по нашему мнению, не недостатком, а достоинством документа. Такое положение позволяет обеим странам выбирать оптимальные для них, в первую очередь с экономической точки зрения, варианты сокращений. Подобный подход, на наш взгляд, очень важен не только с точки зрения данного Договора, но и в плане всего процесса сокращения и ограничения вооружений, который, я надеюсь, обе наши страны искренне хотят продолжать и углублять. Тем более, что позиции руководителей наших стран дают для этого все основания.

Очень важно также, что новый Договор о СНП позволяет нам сокращать свои стратегические ядерные силы до уровня минимальной достаточности, без опасений за свою безопасность. Президент России В.В. Путин неоднократно заявлял о готовности нашей страны сократить свой ядерный арсенал до уровня гораздо меньшего, чем предусмотрено в подписанном Договоре, – до 1500 боезарядов и даже ниже. Полагаю, что сегодня, а также и в перспективе этого вполне достаточно для обеспечения нашей национальной безопасности. Такой уровень укладывается в то самое понятие минимальной достаточности, о котором в последнее время так много говорится. Надеюсь, что эта позиция России будет понята, одобрена и поддержана мировым сообществом.

И, наконец, одним из главных последствий заключения этого Договора является то, что мы сегодня имеем возможность продолжать диалог не только по стратегическим наступательным, но и по оборонительным вооружениям с учетом их взаимосвязи и взаимовлияния. Такой диалог необходимо вести не только по вопросам определения дальнейших направлений снижения ядерной угрозы в мире, сокращения ядерных сил, но и по проблемным вопросам противоракетной обороны. При этом мы полагаем, что к обсуждению этих вопросов необходимо привлечь и другие страны, в том числе европейские страны НАТО.

Приглашаем вас в Клуб Триалог

Основанный в 2000 г., Клуб *Триалог* объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Цель Клуба – оперативно и квалифицированно знакомить его членов с широким спектром позиций и мнений по актуальным вопросам международной безопасности.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на периодические (журнал *Ядерный Контроль/Индекс безопасности* на русском и английском языках) и электронные (*Вопросы Безопасности*, *Arms Control & Security Letters* и *Ядерный Контроль: Информация*) издания ПИР-Центра;
- **монографиями и докладами** серии Библиотека ПИР-Центра;
- **доступом** к информационным ресурсам Центра и специально созданным для членов Клуба разделам в сети Интернет (<http://www.trialogue.ru> и <http://www.pircenter.ru/rus/club>);
- **приглашениями** на ежеквартальные заседания Клуба и заседания Экспертно-консультативного совета Центра (4 раза в год).

С докладами на заседаниях Клуба выступают ведущие государственные и неправительственные эксперты из России и зарубежных стран. Докладчиками на последних встречах Клуба *Триалог* стали:

- **Косачев К.И.**, председатель Комитета по международным делам ГД ФС РФ;
- **Спасский Н.Н.**, заместитель секретаря Совета безопасности РФ;
- **Шафеи Голямреза**, посол Исламской Республики Иран в РФ (2001–2005 гг.);
- **Антипов С.В.**, заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии;
- **Антонов А.И.**, директор Департамента по вопросам безопасности разоружения МИД РФ;
- **Нанн Сэм**, сенатор США (1972–1996 гг.).

Клуб Триалог – это практическая и эффективная помощь компаниям в продвижении и развитии их бизнеса, трибуна для представления национальной позиции по актуальным вопросам современности дипломатам и эксклюзивный источник информации для журналистов.

Клуб Триалог объединяет российские и зарубежные компании с суммарным годовым оборотом более 20 млрд долл. и персоналом более 100 тыс. человек. Среди представителей бизнеса, являющихся членами Клуба *Триалог*, в частности такие компании, как *Bechtel* и *Washington Group Int.*

Членом Клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб Триалог следует обращаться по тел.: +7-495-764-9896 или электронной почте: info@trialogue.ru

А

Абаева Анна

Россия и страны Скандинавии – расширение программы Глобального партнерства. № 1, весна 2004, с. 107

Адамов Евгений

Осуществление российской инициативы позволит решить проблемы безопасности и снизить угрозу распространения. № 1, январь–февраль 2001, с. 4

Айнхорн Роберт

Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы. № 4, июль–август 2002, с. 34 (в соавторстве с *Гэри Сеймуром*)

«Ядерное сближение» Индии и США: за и против. № 4, зима 2005, с. 75

Акчури Ильдар

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. № 13, январь 1996, с. 15 (в соавторстве с *Валентином Захаровым, Андреем Свиридовым*)

Алексеев Андрей

Россия и Пакистан имеют общие интересы. № 1, зима 2006, с. 75

Алимов Анатолий

Военно-промышленный потенциал Ирана: некоторые оценки. № 3, май 2001, с. 41

Аллио-Мари Мишель

Поиск адекватных ответов на угрозу терроризма может потребовать ограничения личных свобод. № 4, зима 2005, с. 17

Андрюшин Игорь

Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2, лето 2005, с. 27 (в соавторстве с *Виктором Михайловым, Юрием Трутневым, Александром Чернышевым*)

Анин Анатолий

Глобальное партнерство на распутье. № 4, зима 2003, с. 15

ДНЯО и концепция НАТО по «совместному управлению» ядерным оружием. № 1, весна 2004, с. 73

Антипов Сергей

«Утилизация АПЛ: финишной ленточки пока не пересек никто». № 4, зима 2003, с. 9

Антонов Евгений

Угроза террористического акта с использованием оружия массового уничтожения из Чечни. № 2, март–апрель 2001, с. 55

Арбатов Алексей

«Ратифицировать СНВ-2 можно лишь после подписания рамочного соглашения по СНВ-3». № 30–31, июнь–июль 1997, с. 8 (в соавторстве со *Львом Рохлиным*)

Арбатова Надежда

Расширение НАТО: как обойти Россию? № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 55

Арбекова Елена

Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? № 1, зима 2006, с. 105 (в соавторстве с *Андреем Фроловым*)

Атурин Михаил

Деятельность по обеспечению физической защиты, учета и контроля радиоактивных материалов на объектах морского транспорта. № 4, зима 2004, с. 117 (в соавторстве с *Валерием Ярошем*)

Ахтамзян Ильдар

На пути к ядерной анархии? Недостаточная безопасность оружейных расщепляющихся материалов в России и СНГ. № 1, январь–февраль 1999, с. 88

Б

Бадрак Валентин

Украинско-российское ВТС: взгляд из Украины. № 3, осень 2004, с. 109

Баландина Людмила

Позиции пятнадцати государств бывшего Советского Союза накануне Конференции по ДНЯО. № 5, май 1995, с. 1

Балуджи Гейдар Али

О ядерном выборе Ирана. № 4, зима 2003, с. 51

Балуевский Юрий

«Договор СНП отвечает интересам России и сегодня, и в перспективе». № 1, весна 2003, с. 9

Ядерное сдерживание и сокращение стратегических наступательных потенциалов. № 1, весна 2004, с. 31

Банн Джордж

Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? № 3, март 1995, с. 2; № 4, апрель

1995, с. 2 (в соавторстве с Роландом Тимербаевым, Леонидом Джейсоном)

Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора. № 3, осень 2005, с. 31 (в соавторстве с Роландом Тимербаевым)

Банн Мэтью

Администрация Буша и политика нераспространения: скептики у власти. № 3, май–июнь 2001, с. 20

Барабанов Михаил

Перспективы атомного подводного судостроения в XXI веке. № 2, лето 2004, с. 133

Атомное надводное судостроение в начале XXI века. № 1, весна 2005, с. 141

Басрур Раджеш

К вопросу о ядерной доктрине Индии. № 1, весна 2005, с. 41

Батурин Юрий

Обращение к читателям. № 1, январь 1995, с. 1
Ядерная безопасность до и после московской встречи в верхах. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 10

Белобородова Наталья

Глобальное партнерство в российско-японских отношениях. № 3, осень 2003, с. 139

Белова Людмила

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 15; № 22, октябрь 1996, с. 14 (в соавторстве с Олегом Дубенсковым, Алексеем Кочкиным)

Белоус Владимир

Тактическое ядерное оружие в новых геополитических условиях. № 14, февраль 1996, с. 2

Будет ли ратифицирован договор СНВ-2? № 18–19, июнь–июль 1996, с. 31

Ракетно-ядерная программа Северной Кореи. № 25, январь 1997, с. 5

Может ли Япония стать ракетно-ядерной державой? № 26, февраль 1997, с. 20

Концепция ядерного сдерживания и договор СНВ-3. № 2, март–апрель 1998, с. 44

Характеристики и задачи современного нейтронного оружия. № 3, май–июнь 1999, с. 61

Угроза использования ЭМИ-оружия в военных и террористических целях. № 1, весна 2005, с. 133

Белоусов Владимир

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний: проблемы, смежные области и реальнос-

ти. № 7, июль 1995, с. 2 (в соавторстве с Юрием Силкиным)

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. № 15, март 1996, с. 14 (в соавторстве с Владимиром Лоборевым, Иветтой Быстровой)

Беляева Марина

О некоторых актуальных проблемах экспортно-го контроля в ядерной области. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 41

Бенджамин-Альварado Джонатан

Демонизация Кубы: что делать? № 3, май–июнь 2000, с. 58

Бердыев Марат

Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России. № 3, осень 2005, с. 69 (в соавторстве с Марией Прохоровой)

Бертч Гэри

Запад, экспортный контроль и Россия. № 1, январь 1995, с. 18

Бликс Ханс

МАГАТЭ и ядерная энергетика: на пороге нового века. № 22, октябрь 1996, с. 3

Сегодня я вижу три ключевые проблемы нераспространения. № 4, зима 2004, с. 173

Богдан Валерий

«Атомная энергетика для России – это единственный способ перестать быть сырьевым придатком». № 8, август 1995, с. 8

Использование плутония в России. № 11, ноябрь 1995, с. 13 (в соавторстве с Виктором Муроговым, Владимиром Каграманяном, Михаилом Трояновым)

Болсуновский Александр

Кто поспорит с президентом? № 1, январь 1995, с. 16

Проблемы сохранности ядерных материалов на предприятиях России. № 9, сентябрь 1995, с. 16 (в соавторстве с Валерием Меньщиковым)

Пути использования ядерных материалов в России после демонтажа боеголовок. № 24, декабрь 1996, с. 2

Об интервью Евгения Мишина и о проблеме сохранности ядерных материалов. № 6, ноябрь–декабрь, с. 70

Болтон Джон

«Инициатива по безопасности в области распространения – не формальная организация, а комплекс мер». № 3, осень 2004, с. 15

Борисенко Андрей

Переговоры по тактическому ядерному оружию: проблемы и перспективы. № 2, март–апрель 2002, с. 41 (в соавторстве с Леонидом Чуменко)

Борисов Тенгиз

Захоронение отравляющих веществ на дне Балтийского и Северного морей после Второй мировой войны. № 3, май–июнь 2002, с. 75 (в соавторстве со Светланой Ковалевой)

Брезкун Сергей

Ядерное равновесие и стабильность в современном мире. № 4, июль–август 2000, с. 40

Бухарин Олег

Интеграция военного и гражданского ядерных топливных циклов в России. № 9, сентябрь 1995, с. 10

Проблемы ядерного терроризма. № 16, март 1996, с. 2

Консолидация ядерных оружейных комплексов США и России после окончания холодной войны. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 43

Эффективность физической защиты: уроки специальных программ Комиссии по ядерному регулированию США. № 2, март–апрель 2000, с. 67

Быстрова Иветта

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. № 15, март 1996, с. 14 (в соавторстве с Владимиром Лоборевым, Владимиром Белоусовым)

В**Валынкин Игорь**

«Мы сделаем все, чтобы новоземельское ЧП не повторилось». № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 42

Васильев Владимир

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. № 2, март–апрель 2002, с. 48 (в соавторстве с Василием Латой, Владимиром Мальцевым)

Велихов Евгений

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

Верховцев Владимир

Безопасность ядерного оружия – приоритет России на долгосрочную перспективу. № 1, весна 2005, с. 29

Виноградов Михаил

О необходимости ограничения работ по модернизации существующих ядерных вооружений и при разработке новых ядерных боеприпасов. № 2, март–апрель 2000, с. 34

Володин Юрий

К вопросу об укреплении режима нераспространения ядерного оружия. № 25, январь 1997, с. 2 (в соавторстве с Александром Санинным)

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 36, декабрь 1997, с. 17 (в соавторстве с Радием Илькаевым, Геннадием Пшакиным, Александром Румянцевым, Николаем Черепановым)

Волошин Николай

«Подкритические испытания – важная составляющая проверки». № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 29

Вольфсон Зеев

Об интервью Валентина Евстигнеева: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики». № 3, май–июнь 2000, с. 81

Вольфстал Джон

Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы. № 3, май–июнь 2002, с. 4 (в соавторстве с Роуз Геттемюллер, Роландом Тимербаевым, Юрием Федоровым)

Воробьев Анатолий

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

Воронов Виктор

СНВ-3: проблемы равной безопасности (о рамочных соглашениях к будущему договору). № 3, май–июнь 2000, с. 62

Г**Галака Сергей**

Программа Нанна–Лугара на Украине. № 5, май–июнь 2000, с. 51 (в соавторстве с Владимиром Чумаком)

Гареев Махмут

Так на кого же нацелены ракеты? № 1, весна 2005, с. 183

Гвоздева Светлана

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции ПИР-Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика»). № 3, май–июнь 1999, с. 13 (в соавторстве с Владимиром Мисюченко, Владимиром Орловым)

Герасим Михаил

Новый вектор сотрудничества России и США в области нераспространения: «операция Винча». № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 70

Геттемюллер Роуз

Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы. № 3, май–июнь 2002, с. 4 (в соавторстве с *Джоном Вольфсталом, Роландом Тимербаевым, Юрием Федоровым*)

Голдблат Йозеф

Необходимо отменить статью о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. № 4, зима 2005, с. 155

Голоскоков Игорь

Реформирование войск МВД по охране ядерных объектов России. № 4, зима 2003, с. 39

Голотюк Юрий

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с *8 авторами*)

Голубов Борис

Экологические последствия подземных ядерных взрывов. № 10, октябрь 1995, с. 14 (в соавторстве с *Валерием Меньщиковым*)

Гор Альберт

Российско-американское сотрудничество: «В ближайшем будущем ожидаем прогресса». № 24, декабрь 1996, с. 5 (в соавторстве с *Виктором Черномырдиным*)

Гордиенко Андрей

Возможности ратификации Договора СНВ-2 нынешней осенью: предпосылки и препятствия. № 4, июль–август 1998, с. 5

Горностаев Геннадий

Россия и мировой рынок оружия. № 4, июль–август 1998, с. 43

Горьковский Евгений

Образование в области разоружения: требуется активизация усилий. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 66

Гребенщиков Андрей

Проблема северокорейского «вызова»: взгляд из России. № 2, лето 2004, с. 105

Григорьев Александр

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 23, ноябрь 1996, с. 12 (в соавторстве с *Владимиром Сухоручкиным, Владимиром Шмелевым, Александром Румянцевым, Марком Сажневым*)

Д**Дав Элисон**

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-Морском флоте России. № 1, январь–февраль 1999, с. 83 (в соавторстве с *Гарри Форендом, Полом Рексротом, Владимиром Шмелевым, Владимиром Сухоручкиным, Александром Румянцевым*)

Данапала Джаянта

Теперь мы должны сделать весь мир безъядерной зоной. № 6, июнь 1995, с. 14

Дворкин Владимир

Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах *третьего* мира в период до 2015 года. № 1, январь–февраль 2002, с. 43

О предварительных уроках войны в Ираке. № 2, лето 2003, с. 125

О сотрудничестве России, США и Европы в создании ПРО. № 4, зима 2004, с. 43

Детинев Александр

Механизм выработки и принятия решений по вопросам контроля над вооружениями в СССР. № 1, январь–февраль 2000, с. 64 (в соавторстве с *Александром Савельевым*)

Джонс Майкл

Об испытаниях систем противоракетной обороны в Тихом океане. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 57

Джонс Скотт

Система ликвидации избыточных вооружений США: недооцененная угроза распространения. № 2, март–апрель 1999, с. 54

Джонсон Лок

Стратегическая разведка и распространение ядерного оружия. № 8, август 1995, с. 18

Диас-Баларт Фидель Кастро

Ядерный путь Кубы. № 4, июль–август 2001, с. 57

Длужневский Борис

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. № 3, март 1995, с. 12 (в соавторстве с *Виктором Мизиным, Евгением Шаровым*)

Дольник Адам

Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения. № 4, июль–август 2001, с. 4

Дуарте Серхио

«Как можно говорить о развитии атомной энергетики и при этом накладывать ограничения на это развитие? – вот дилемма, стоящая перед участниками ДНЯО». № 1, весна 2005, с. 13

Дубенсков Олег

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 15; № 22, октябрь, с. 14 (в соавторстве с Людмилой Беловой, Алексеем Кочкиным)

Дьяков Анатолий

Сокращение ядерных вооружений и вопросы транспарентности. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 37

Дьяченко Владимир

Оружие нелетального воздействия. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 58 (в соавторстве с Виталием Цыгичко)

Дьяченко Олег

Правовое регулирование экспорта обычного вооружения и военной техники в Российской Федерации. № 1, январь–февраль 1999, с. 57

Е**Евстафьев Геннадий**

Девять вопросов о ядерном нераспространении. № 1, январь 1995, с. 12

Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается. № 6, июнь 1995, с. 18

Экспортный контроль в России: наивно ожидать простых решений. № 3, май–июнь 1999, с. 8

Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски. № 1, весна 2004, с. 65

Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. № 3, осень 2004, с. 77 (в соавторстве с Михаилом Павлюшенко)

Полвека в авиации. Записки академика. № 3, осень 2004, с. 155

Разоружение Ирака. № 1, весна 2005, с. 177

Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности. № 2, лето 2005, с. 55

Америка теряет свои «вулканы». № 4, зима 2005, с. 143

Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. № 1, зима 2006, с. 45

Евстафьев Дмитрий

Ядерный фактор и региональные балансы сил. № 10, октябрь 1995, с. 8

Новое в ядерной стратегии США: Ядерное сдерживание на региональном уровне? № 11, ноябрь 1995, с. 18 (в соавторстве с Евгением Кузнецовым)

Неядерное сдерживание в постсоветскую эпоху. № 22, октябрь 1996, с. 21

О глобализации режима нераспространения ядерного оружия. № 27, март 1997, с. 2

Обновление российской власти и проблемы контроля над вооружениями. № 2, март–апрель 2000, с. 5 (в соавторстве с Дмитрием Ковчегиним)

Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные сценарии развития. № 2, лето 2003, с. 131

Наследство Средмаша во взаимоотношениях Москвы и регионов в начале 1990-х годов. № 4, зима 2004, с. 147

Евстигнеев Валентин

«Штамм Эболы в Россию привезли разведчики». № 4, июль–август 1999, с. 15

Егоров Николай

«Вопросы хранения и утилизации плутония еще ждут своего решения». № 26, февраль 1997, с. 9

Ерастов Виктор

«Ядерные злоумышленники в Челябинской области могли нанести серьезный вред государству». № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 40

Ермаков Владимир

Эволюция экспортно-контрольного законодательства США. № 4, июль–август 2001, с. 47 (в соавторстве с Евгением Зведре)

Ершова Ксения

Студенты ведут «переговоры» по заключению Договора СНВ-3. № 17, май 1996, с. 16 (в соавторстве со Стивеном Хиршем)

Есин Виктор

«Ядерное оружие будет применено тогда, когда в результате агрессии встанет вопрос: быть или не быть России». № 2, март–апрель 2000, с. 29

О военной реформе в Российской Федерации. № 3, май–июнь 2002, с. 66

Ядерное сдерживание в стратегическом диалоге между Россией и США. № 1, весна 2003, с. 131

Пути противодействия международному терроризму. № 4, зима 2003, с. 89

А был ли «ядерный чемоданчик»? № 2, лето 2005, с. 67

Ефимов Андрей

Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных поставщиков. № 3, май–июнь 2000, с. 54

Ё

Ёсинори Такэда

Северокорейский ядерный кризис и международные отношения в Северо-Восточной Азии. № 1, весна 2005, с. 117

Ж

Жантикин Тимур

Государственная система контроля ядерных материалов в Республике Казахстан. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 36 (в соавторстве с *Владимиром Школьником*)

З

Заборский Виктор

Ядерная энергетика Украины: проблемы и перспективы. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 67

Заварзин Виктор

«Военное присутствие России в Центральной Азии будет способствовать стабилизации региона». № 1, зима 2006, с. 21

Загидуллин Сергей

«Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы». № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 40

Загорский Андрей

Модели европейской безопасности. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 24

Захаров Валентин

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. № 13, январь 1996, с. 15 (в соавторстве с *Ильдаром Акчуриным*, *Андреем Свиридовым*)

Захаров Владимир

О мотивации военного строительства в России. № 2, март–апрель 1999, с. 67

Зведре Евгений

Российско-американский диалог по нераспространению: иранский фактор и взаимодействие в экспортном контроле. № 3, май–июнь 2000, с. 4

Эволюция экспортно-контрольного законодательства США. № 4, июль–август 2001, с. 47 (в соавторстве с *Владимиром Ермаковым*)

Становление системы экспортного контроля в России. Участие России в международном сотрудничестве в области нераспространения и экспортного контроля. № 1, январь–февраль 2001, с. 32

Глобальная система экспортного контроля и международный кодекс поведения. № 1, весна 2003, с. 155

Зеленцов Сергей

Ядерный арсенал должен быть в одних руках. № 17, май 1996, с. 20

Зобов Андрей

Новая эра в ядерной политике России? № 8, август 1995, с. 12 (в соавторстве с *Леонардом Спектором*)

Северокорейская ядерная программа. Безопасность, стратегия и новый взгляд из России. № 3, май–июнь 2000, с. 84

Вооруженные силы Ирана на переходном этапе. Обычные угрозы и оружие массового уничтожения. № 4, июль–август 2001, с. 77

Партнеры по необходимости. Стратегические взаимоотношения России и Ирана. № 1, январь–февраль 2002, с. 84

Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. № 3, осень 2004, с. 157

И

Иванов Александр

Некоторые практические вопросы выполнения Россией обязательств по Конвенциям о запрещении химического и биологического оружия. № 2, март–апрель 1998, с. 74

Некоторые вопросы создания, характеристик и перспектив нелетального оружия. № 3, май–июнь 1998, с. 74

Ижак Алексей

Циклы расширения НАТО. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 43 (в соавторстве с *Анатолием Шевцовым*)

Измайлов Александр

Взаимосвязь и вопросы интеграции системы физической защиты и системы учета и контроля ядерных материалов. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 66

Илькаев Радий

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 36, декабрь 1997, с. 17 (в соавторстве с *Юрием Володиным*, *Геннадием Пшакиным*, *Александром Румянцевым*, *Николаем Черепановым*)

Илюхин Виктор

Государственная Дума о ратификации СНВ-2. № 29, май 1997, с. 2 (в соавторстве с *Владимиром Лукиным*)

Й

Йорыш Абрам

Об изменении норм уголовного права, регулирующих использование атомной энергии. № 3, май–июнь 1999, с. 51

К

Каграманян Владимир

Использование плутония в России. № 11, ноябрь 1995, с. 13 (в соавторстве с Валерием Богданом, Виктором Муруговым, Михаилом Трояновым)

Калинин Ремос

Первая атомная подводная лодка на Дальнем Востоке. № 1, весна 2004, с. 165

Калинина Наталья

Нормативная правовая база Российской Федерации в области химического разоружения. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 50

Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от действий России. № 1, весна 2003, с. 89

Калядин Александр

«Семь опор» ядерного нераспространения: вклад и перспективы России. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 16

Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. №3, май-июнь 1999, с. 82

Россия перед лицом дефолта по обязательствам в отношении КХО. № 3, май–июнь 1999, с. 54

Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР. № 2, март–апрель 2001, с. 48

Последний шанс? (По поводу продления общего срока уничтожения запасов химического оружия в РФ на пять лет). № 2, март–апрель 2002, с. 28

Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения. № 3, осень 2003, с. 49

Станет ли ИБОР действенным инструментом политики контрраспространения? № 1, весна 2005, с. 65

Камилов Абдулазиз

«Создание зоны, свободной от ядерного оружия – приоритет внешнеполитической деятельности Узбекистана». № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 12

Кармазин Евгений

Некоторые аспекты международно-правового ограничения противолодочной деятельности государств на современном этапе. № 3,

май–июнь 2002, с. 31 (в соавторстве с Василием Латой)

Кенжетаев Марат

ВТС России со странами Ближнего и Среднего Востока. № 1, весна 2004, с. 131

Кириенко Сергей

«Россия выполняет обязательства по уничтожению своих арсеналов химического оружия». № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 4.

Кириллин Михаил

«Несколько американских фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, связаны с иранцами». № 2, март–апрель 1998, с. 37

Кириллов Юрий

«Возможно, пора выдвинуть идею договора о гарантиях ядерного сдерживания». № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 31

Кириченко Элина

Система экспортного контроля России в целях нераспространения оружия массового уничтожения. № 5, май 1995, с. 15

Национальная система экспортного контроля США и России: сравнительный анализ. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 74

Ракетный режим экспортного контроля: вызовы и вопросы, ждущие ответов. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 52

Передача технологий и экспортный контроль в век глобализации. № 3, осень 2003, с. 127

«Серые зоны» распространения в Закавказье. № 4, зима 2004, с. 59 (в соавторстве с Даниилом Кобяковым, Аллой Языковой)

Трансформация системы экспортного контроля в России. № 4, зима 2004, с. 125 (в соавторстве с Андреем Фроловым)

де Китспоттер Винсен

Большая игра в Центральной Азии. № 1, весна 2005, с. 81

Киселев Геннадий

О статье Алексея Яблокова «Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома». № 1, январь–февраль 1998, с. 77

Кисляк Сергей

«Россия выступила против того, чтобы расколоть Конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных». № 6, июнь 1995, с. 16

«Иран: ситуация стала понятнее, но не все вопросы сняты». № 2, лето 2005, с. 9

Кисляк Юлия

Влияние процессов развития интернет-технологий на геополитические интересы государ-

ства. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 30 (в соавторстве с *Алексеем Соколовым*)

де Клерк Пит

Деятельность МАГАТЭ в свете решений Конференции по рассмотрению действия ДНЯО. № 1, январь–февраль 2001, с. 61

Клименко Владимир

Новый взгляд на использование ядерно-взрывной технологии в мирных целях. № 4, апрель 1995, с. 21

Кобяков Даниил

Рожденные атомной эрой. № 2, лето 2004, с. 159

«Серые зоны» распространения в Закавказье. № 4, зима 2004, с. 59 (в соавторстве с *Элиной Кириченко, Аллой Язьковой*)

Укрощение ядра: Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. № 4, зима 2004, с. 169

Программа возврата топлива исследовательских реакторов советского производства: время «собирать камни». № 1, зима 2006, с. 143 (в соавторстве с *Сергеем Пановым*)

Ковалева Светлана

Радиоактивная угроза из-под воды: как она возникла. № 2, март–апрель 2001, с. 71 (в соавторстве с *Тенгизом Борисовым*)

Захоронение отравляющих веществ на дне Балтийского и Северного морей после Второй мировой войны. № 3, май–июнь 2002, с. 75 (в соавторстве с *Тенгизом Борисовым*)

«Я даже для одной бомбы не вижу применения». Об академике Льве Феокистове. № 1, весна 2003, с. 165

Рожденная атомным веком. № 1, весна 2003, с. 187

Ковчегин Дмитрий

Обновление российской власти и проблемы контроля над вооружениями. № 2, март–апрель 2000, с. 5 (в соавторстве с *Дмитрием Евстафьевым*)

Об инициативе президента Путина на Саммите тысячелетия ООН. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 62 (в соавторстве с *Роландом Тимербаевым*)

Реструктуризация Минатома: проблемы и перспективы. № 3, май–июнь 2001, с. 53

ИНПРО: новый подход к ядерной энергетике будущего. № 1, январь–февраль 2002, с. 56

Решения по глобальной безопасности на саммите в Кананаскисе. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 4 (в соавторстве с *Виталием Федченко*)

Налогообложение средств, выделяемых в рамках российско-американского сотрудничества

в области нераспространения. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 58

Международный рынок ОЯТ: есть ли у России перспективы? № 2, лето 2003, с. 69

Переработка ОЯТ в контексте реализации программы Глобального партнерства. № 2, лето 2005, с. 105

Кожин Вячеслав

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с *9 авторами*)

Козлов Виктор

Перспективы российского атомного экспорта. № 3, осень 2003, с. 119

Перспективы российско-индийского сотрудничества в ядерной сфере. № 3, осень 2004, с. 37

Козлов Михаил

Режим контроля над ракетной технологией: структура и функционирование. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 20

Козюлин Вадим

Зачем России вооружать Пакистан? № 3, май–июнь 1998, с. 51

По поводу возможной активизации реэспорта российских вооружений. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 43

Экспортный потенциал наземно-космической обороны – скрытое оружие России. № 1, январь–февраль 2000, с. 15

Россия–Сирия: военно-технический торг. № 3, май–июнь 2000, с. 66

Сирийское ракетное устрашение – последний парад наступает? № 1, январь–февраль 2001, с. 67

ВТС: российско-израильское противостояние. № 1, весна 2003, с. 17

Зеленая «Иголочка», белые ниточки, или как сотрудничество крупнейших спецслужб мира помогло разоблачить международного террориста. № 4, зима 2005, с. 119 (в соавторстве с *Анастасией Лагутой*)

Россия и проблема бесконтрольного распространения легкого и стрелкового оружия. № 1, зима 2006, с. 157 (в соавторстве с *Анастасией Лагутой*)

Кокеев Михаил

Роль ООН в системе регулирования вооружения. № 1, январь–февраль 1998, с. 27

Колтунов Виктор

«Договор по ПРО не должен быть подорван в ходе создания систем нестратегической ПРО». № 36, декабрь 1997, с. 2

О статье Анатолия Шевцова «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?» № 4, июль–август 2000, с. 78 (в соавторстве с Геннадием Хромовым)

Коновалов Виталий

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

Кортунов Сергей

Российско-американское взаимодействие в контексте «контрраспространения». № 10, октябрь 1995, с. 1

Будущее ядерного разоружения. № 17, май 1996, с. 9

Российско-американское партнерство и договор по ПРО. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 2

Парадоксы ядерного сдерживания. № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 14

Косачев Константин

«Россия не должна замыкаться на выстраивании взаимосвязей исключительно с сегодняшними центрами силы». № 3, осень 2005, с. 11

Котлов Владислав

Сегодня России надо продавать все, что покупают. № 1, январь–февраль 1998, с. 77

Кочетков Лев

К истории создания первой АЭС в СССР. № 2, лето 2004, с. 155

Кочкин Алексей

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 15; № 22, октябрь 1996, с. 14 (в соавторстве с Людмилой Беловой, Олегом Дубенсковым)

Кравченко Николай

«Лишь 25 процентов пунктов пропуска на границе оборудованы специальными приборами для пресечения ядерной контрабанды». № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 8

Краснов Алексей

Иранская тема в российско-американском диалоге по ракетному нераспространению. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 56

Кудакаев Александр

Обзор современной военно-биологической программы США и интересы России. № 27, март 1997, с. 20

Кудрявцев Евгений

Международные проекты по утилизации оружейного плутония. Результаты и перспективы. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 27

Кузнецов Евгений

Новое в ядерной стратегии США: Ядерное сдерживание на региональном уровне? № 11, ноябрь 1995, с. 18 (в соавторстве с Дмитрием Евстафьевым)

Кулик Михаил

Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте. № 2, февраль 1995, с. 12

Андреева губа: раскрыто еще одно ядерное хищение. Версия следствия. № 11, ноябрь 1995, с. 2

Куприянова Ирина

Оценка эффективности американских программ в области учета, контроля и физической защиты ядерных материалов в России. № 2, март–апрель 2002, с. 56

Культура безопасности ядерных объектов: критерии оценки и способы ее повышения. № 2, лето 2004, с. 45

Международный форум «Молодежь и плутониевая проблема». № 4, июль–август 1998, с. 80

Кутнаева Нурия

Перспективы заключения Договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. № 1, зима 2006, с. 59

Л**Лагута Анастасия**

Зеленая «Иголочка», белые ниточки, или как сотрудничество крупнейших спецслужб мира помогло разоблачить международного террориста. № 4, зима 2005, с. 119 (в соавторстве с Вадимом Козюлиным)

Россия и проблема бесконтрольного распространения легкого и стрелкового оружия. № 1, зима 2006, с. 157 (в соавторстве с Вадимом Козюлиным)

Ладыгин Федор

О характере современных внешних вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 72

Лата Василий

Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регули-

рования военно-космической деятельности. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 19 (в соавторстве с *Владимиром Мальцевым*)

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. № 2, март–апрель 2002, с. 48 (в соавторстве с *Владимиром Васильевым*, *Владимиром Мальцевым*)

Некоторые аспекты международно-правового ограничения противолодочной деятельности государств на современном этапе. № 3, май–июнь 2002, с. 31 (в соавторстве с *Евгением Кармазиным*)

Иран: ракетно-ядерная загадка для России. № 2, лето 2003, с. 39 (в соавторстве с *Антоном Хлопковым*)

Геополитические аспекты строительства СЯС в интересах укрепления военной безопасности России. № 3, осень 2003, с. 59

Роль человеческого фактора в обеспечении ядерной безопасности. № 4, зима 2003, с. 81

Стратегические ядерные силы и обеспечение военной безопасности государства. № 4, зима 2003, с. 109

Лебедев Валерий

«Нам нужно найти какой-то оптимум в деле утилизации АПЛ». № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 25

Лебедев Михаил

Распространение ядерного оружия: спор продолжается. № 4, зима 2003, с. 153

Леонард Джеймс

«Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия?» № 3, март 1995, с. 2 (в соавторстве с *Джорджем Банном*, *Роландом Тимербаевым*)

Литаврин Петр

Проблемы ракетного распространения в Азии. № 3, май–июнь 1998, с. 5

Распространение легкого и стрелкового оружия: о позиции России. № 4, июль–август 1999, с. 76

Литвинов Борис

Об определении назначения ядерного взрыва. № 36, декабрь 1997, с. 11 (совместно с *Владимиром Лоборевым*)

Литовкин Дмитрий

К вопросу о создании Объединенного главного командования СЯС. № 2, март–апрель 1999, с. 39

Индийская программа развития атомного подводного флота: сотрудничество с Россией. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 4

Морская доктрина России не рассматривает проблемы списанных атомных подводных лодок. № 1, январь–февраль 2000, с. 12

Личаев Виктор

Проблема бесхозных радиоактивных источников: пути решения. № 2, лето 2003, с. 139

Ливийский выбор: последствия для глобального контрраспространения ОМУ. № 1, весна 2004, с. 97

Личидов Виталий

Контрраспространение: оценка политики и планов США. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 61 (в соавторстве с *Владимиром Новиковым*)

Ло Бобо

Российская политика в Восточной Азии: эволюция и преемственность. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 38

Лоборев Владимир

Об определении назначения ядерного взрыва. № 36, декабрь 1997, с. 10

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. № 15, март 1996, с. 14 (в соавторстве с *Владимиром Белоусовым*, *Иветтой Быстровой*)

Логутова Надежда

О новых инициативах в области контроля над ядерными материалами и технологиями. № 4, зима 2005, с. 99

Перспективы реализации многосторонних подходов к ядерному топливному циклу. № 1, зима 2006, с. 87

Лукин Владимир

Государственная Дума о ратификации СНВ-2. № 29, май 1997, с. 2 (в соавторстве с *Виктором Илюхиным*)

Лучин Анатолий

О деятельности Международной организации развития энергетики Корейского полуострова (КЕДО). № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 53

Ядерное будущее Мьянмы. № 1, весна 2003, с. 143 (в соавторстве с *Виталием Федченко*)

М

Макафей Чарльз

Двигается ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? № 4, зима 2004, с. 43 (в соавторстве с *Яной Фельдман*)

Макиенко Константин

Переговоры, контракты и трансферты вооружения и военной техники из России и стран

СНГ в ноябре 1996 – декабре 1997 гг. № 1, январь–февраль 1998, с. 70

Перспективы российского присутствия на рынках вооружения и военной техники стран Южной Азии. № 2, март–апрель 1998, с. 63

Украина и Белоруссия на рынке вооружений: 1996–1999. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 75

Маклеллан Ник

Тихоокеанский регион в ядерный век: история, проблемы, перспективы. № 1, январь–февраль 2002, с. 65

Малкин Семен

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

Мальшев Андрей

«Международный рынок ОЯТ имеет тенденцию к сокращению». № 2, лето 2004, с. 11

Мальцев Владимир

Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 19 (в соавторстве с Василием Латой)

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. № 2, март–апрель 2002, с. 48 (в соавторстве с Владимиром Васильевым, Василием Латой)

Мамедов Георгий

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 8 авторами)

Манилов Валерий

«Россия сделает максимум возможного, чтобы Договор о нераспространении был продлен бессрочно». № 4, апрель 1995, с. 10

Маншайя Харбир

Индия перед окончательным выбором: быть или не быть ядерным государством? № 4, апрель 1995, с. 18

Маргелов Михаил

«Национальные интересы России и США не противоречат друг другу». № 2, лето 2003, с. 11

Мартынюк Раиса

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. № 2, лето 2002, с. 36 (в соавторстве с Сергеем Нетесовым, Львом Сандахчиевым)

Маслин Евгений

«Пока что ни один ядерный боеприпас в России не пропал и не был похищен». № 5, май 1995, с. 9

ДВЗЯИ и поддержание безопасности ядерного оружия. № 3, май–июнь 1999, с. 75

Безопасность ядерных арсеналов Российской Федерации. № 4, зима 2004, с. 17

Махиджани Аржун

ДВЗЯИ и «ядерная пятерка»: проблемы остаются. № 22, октябрь 1996, с. 19

Маэрли Мортен Бремер

Совместное с США укрепление системы безопасности на Военно-Морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры. № 4, июль–август 2002, с. 72

Медведев Владимир

Некоторые аспекты обеспечения Россией ядерного сдерживания в предстоящем десятилетии. № 1, январь–февраль 1999, с. 48

Уроки Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. № 4, июль–август 2000, с. 65

Мельникова Инна

Последствия Косовского кризиса не скажутся на российско-американском сотрудничестве по снижению ядерной угрозы. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 33

Меньщиков Валерий

Вокруг ситуации с хранением плутония и обогащенного урана в Томске-7. № 2, февраль 1995, с. 2

Проблемы сохранности ядерных материалов на предприятиях России. № 9, сентябрь 1995, с. 16 (в соавторстве с Александром Болсуновским)

Экологические последствия подземных взрывов. № 10, октябрь 1995, с. 14 (в соавторстве с Борисом Голубовым)

Отработавшее ядерное топливо: масштабы и основные проблемы. № 29, май 1997, с. 19

Отработавшее ядерное топливо в атомном флоте России. № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 31

Мизин Виктор

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. № 3, март 1995, с. 12 (в соавторстве с Борисом Длужневским, Евгением Шаровым)

Мисюченко Владимир

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции)

ПИР-Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика». № 3, май–июнь 1999, с. 13 (в соавторстве со Светланой Гвоздевой, Владимиром Орловым)

Михайлов Виктор

Учет и контроль ядерных материалов: взгляд главы Минатома. № 2, февраль 1995, с. 9

«Демонтаж одного ядерного боезаряда обходится России в 10–15 тысяч долларов». № 17, май 1996, с. 2

«В области учета, контроля и физзащиты ядерных материалов мы приходим к той схеме, которая эффективно работала в Союзе». № 28, апрель 1997, с. 14

О некоторых результатах девятой комиссии Гора–Черномырдина. № 30–31, июнь–июль, с. 25

К стратегической стабильности – через баланс силы и транспарентности. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 63

Минатом и международное сотрудничество. № 2, март–апрель 1999, с. 62

Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2, лето 2005, с. 27 (в соавторстве с Игорем Андрушиным, Юрием Трутневым, Александром Чернышевым)

Мишин Евгений

Публикации о плохой охране ядерных материалов на флоте справедливы. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 25

Младицео Стивен

«У российских и американских ядерных городов больше общего, чем различий». № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 80

Мурогов Виктор

«Предлагаю создать в России ядерные острова». № 7, июль 1995, с. 10

«Атомная энергетика для России – это единственный способ перестать быть сырьевым придатком». № 8, август 1995, с. 8

Использование плутония в России. № 11, ноябрь 1995, с. 13 (в соавторстве с Валерием Богданом, Владимиром Каграманяном, Михаилом Трояновым)

«Назрела необходимость создать международный фонд ядерного разоружения». № 5, сентябрь–октябрь 1998, с. 5.

Ядерные технологии – гарант стабильности развития России. № 2, лето 2005, с. 75 (в соавторстве с Николаем Пономаревым–Степным)

«Россия обречена на развитие ядерной энергетике». № 3, осень 2005, с. 21

Мурсалиев Азер

Россия и энергетические потоки на Евразийском континенте. № 1, зима 2006, с. 125

Мыцыков Александр

Ядерные хищения и ядерная безопасность: что говорят документы Генеральной прокуратуры. № 9, сентябрь 1995, с. 2

Мюллер Харальд

Транспарентность в сфере ядерных вооружений: возрождение идеи реестра ядерных вооружений. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 31

Европа и планы США в области НПРО: почти неразрешимая дилемма. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 42

Н

Назаркин Юрий

Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 65

Гражданский контроль над Вооруженными силами в России: история и перспективы. № 3, осень 2005, с. 113

Нанн Сэм

Как избежать апокалипсиса? № 4, июль–август 2001, с. 37

«Соединенные Штаты и Россия должны взять на себя инициативу в создании глобальной коалиции против терроризма». № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 23

«Энергетическая безопасность предусматривает безопасность в ядерной сфере». № 4, зима 2005, с. 3.

Нетесов Сергей

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. № 2, март–апрель 2002, с. 36 (в соавторстве с Раисой Мартынюк, Львом Сандахчиевым)

Никитин Александр

«Меня могут и посадить, но я уверен, что невиновен». № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 12

Никифоров Никита

К вопросу о правилах организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов. № 1, январь–февраль 1999, с. 43

Системный подход к обеспечению безопасности ядерных объектов. № 1, январь–февраль 2001, с. 46

Николайчук Игорь

Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики. № 4, июль–август 1999, с. 57

Никонов Дмитрий

Реструктуризация и сокращение военного ядерного комплекса США. № 2, март–апрель 2000, с. 57 (в соавторстве с Игорем Хрипуновым)

Новиков Владимир

Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 49

Политика США и судьба режима ядерного нераспространения. № 2, лето 2003, с. 17 (в соавторстве с Виталием Личидовым)

Утечка ядерных технологий из Пакистана. № 2, лето 2004, с. 95

Норка Сергей

Геополитические сценарии для Ближнего Востока. № 4, зима 2004, с. 81

О**Обухов Алексей**

Взаимное гарантированное уничтожение: возможна ли альтернатива? № 1, весна 2005, с. 103

Эдвард Теллер. Мемуары. Путешествие в науку и политику в XX веке. № 3, осень 2003, с. 165

Деидеологизированная дипломатия: опыт советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений. № 3, осень 2005, с. 145

Орлов Александр

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 8 авторами)

Орлов Владимир

Открытость информации по принципу «меньше знаешь – крепче спишь». № 4, апрель 1995, с. 6

ДНЯО продлен бессрочно. Кто выиграл? № 6, июнь 1995, с. 2

Как продлевали Договор о нераспространении. Дневник ДНЯО. № 6, июнь 1995, с. 4; № 7, июль 1995, с. 21; № 9, с. 21; № 10, с. 21

«Ядерный саммит» в Москве: подводя итоги. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 1

Позиции отдельных государств по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. № 27, март 1997, с. 8

Быть или не быть ратификации СНВ-2 – зависит от президента. № 2, март–апрель 1998, с. 3

Уроки «дела о гироскопах». № 2, март–апрель 1998, с. 4 (в соавторстве с Анной Откиной)

О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения: заметки с конференции. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 44

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции ПИР–Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика»). № 3, май–июнь 1999, с. 13 (в соавторстве с Владимиром Мисюченко, Светланой Гвоздевой)

ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые. № 4, июль–август 2000, с. 4 (в соавторстве с Роландом Тимербаевым)

Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 4 (в соавторстве с Роландом Тимербаевым)

ООН дает зеленый свет программам образования в области нераспространения. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 66

Иранская ядерная программа вызывает серьезные вопросы. № 3, осень 2004, с. 105

Из тени в свет... или на чистую воду. № 2, лето 2005, с. 141

Запах страха, запах пыли... № 3, осень 2005, с. 157

Откина Анна

Место России в урегулировании ситуации вокруг Ирака и пути контроля над российским критическим экспортом в Ирак. № 1, январь–февраль 1998, с. 4 (в соавторстве с Иваном Сафранчуком)

Уроки «дела о гироскопах». № 2, март–апрель 1998, с. 4 (в соавторстве с Владимиром Орловым)

П**Павлюшенко Михаил**

Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. № 3, осень 2004, с. 77 (в соавторстве с Геннадием Евстафьевым)

Пак Зиновий

«Российское агентство по боеприпасам обладает новейшими технологиями утилизации химического оружия». № 2, март–апрель 2001, с. 19

Панов Сергей

Программа возврата топлива исследовательских реакторов советского производства: время «собирать камни». № 1, зима 2006, с. 143 (в соавторстве с Даниилом Кобяковым)

Пархалина Татьяна

Отношения Россия – НАТО: изменение стратегии или тактический маневр? № 1, январь–февраль 2002, с. 34

Петров Станислав

«Технологии по уничтожению химического оружия выбраны. Приступаем к созданию пилотных установок». № 13, январь 1996, с. 2

«Мы выполним свои обязательства перед международным сообществом». № 2, март–апрель 1999, с. 42

Пионтовский Андрей

Кризис институтов международной безопасности в свете иракского конфликта. № 2, лето 2003, с. 121

Подайте на пару боеголовок. № 4, зима 2005, с. 153

Подвиг Павел

Сможет ли Россия сохранить Договор по ПРО? № 23, ноябрь 1996, с. 2

Есть ли будущее у договора по ПРО? № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 4

Противоракетная оборона после Договора по ПРО. № 1, весна 2005, с. 51

Подгорных Юрий

Нестратегическая европейская ПРО: возможные концепции построения. № 2, лето 2003, с. 91 (в соавторстве с Евгением Сиротининым)

Поликанов Дмитрий

К вопросу о будущем Договора Пелиндаба. № 1, январь–февраль 2000, с. 22

Нелегальная торговля вооружениями в Африке и механизмы ее ограничения. № 4, июль–август 2000, с. 45

Понамарев Сергей

Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте «проблемы воссоединения». № 4, зима 2005, с. 21

Особый статус Тайваня в режиме нераспространения. Пример для «серых зон»? № 1, зима 2006, с. 117

Пономарев-Степной Николай

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № 16, апрель 1996, с. 2 (в соавторстве с Александром Румянцевым, Владимиром Сухоручкиным, Владимиром Шмелевым)

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

О возможностях и путях осуществления инициативы президента Российской Федерации. № 2, март–апрель 2001, с. 43

Попов Роман

Роль американского бизнеса в реализации программ Совместного уменьшения угрозы. № 2, лето 2004, с. 21.

Поттер Уильям

Оценивая опасность ядерных хищений из государств бывшего Советского Союза. № 13, январь 1996, с. 10

Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации. № 4, июль–август 2000, с. 31 (в соавторстве с Николаем Соковым)

Многоликий ядерный терроризм. № 1, весна 2003, с. 71 (в соавторстве с Николасом Флоркином)

Конференция по рассмотрению ДНЯО: в поисках консенсуса. № 3, осень 2005, с. 95

Правиц Ян

Зона, свободная от ядерного оружия, от Черного до Балтийского моря. № 23, ноябрь 1996, с. 15; № 24, декабрь 1996, с. 9

Прохорова Мария

Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России. № 3, осень 2005, с. 69 (в соавторстве с Маратом Бердыевым)

Пушкарев Вячеслав

Укрепление и развитие гарантий МАГАТЭ. № 2, лето 2003, с. 57

Пфиртер Рохелио

Запрещение химического оружия: укрепление международной безопасности. № 3, осень 2004, с. 21

Пшакин Геннадий

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж? № 36, декабрь 1997, с. 17 (в соавторстве с Юрием Володиным, Радием Ильяевым, Александром Румянцевым, Николаем Черепановым)

Пядушкин Максим

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 9 авторами)

Р**Рабодзей Александр**

Угроза биологического терроризма: роль средств массовой информации. № 3, осень 2005, с. 87

Рапота Григорий

«Всеми вопросами регулирования ВТС должен заниматься Минторг». № 3, май–июль 2000, с. 40

Рейтор Константин

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 9 авторами)

Рексрот Пол

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-Морском флоте России. № 1, январь–февраль 1999, с. 83 (в соавторстве с Гарри Форехендом, Александром Румянцевым, Элисон Дав, Владимиром Шмелевым, Владимиром Сухоручкиным)

Решетников Сергей

Об участии России в деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ и перспективах вступления Договора в силу. № 3, май–июнь 1999, с. 72

Робертс Брэд

В информации о биологическом оружии темных пятен больше, чем достоверной информации. № 4, апрель 1995, с. 13

Рогозин Дмитрий

«Протокольными нотами мировая история не пишется». № 3, осень 2003, с. 9

Родионов Станислав

Что может способствовать ядерному распространению? № 24, декабрь 1996, с. 14

Рожков Олег

Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. № 4, июль–август 2001, с. 25 (в соавторстве с Виктором Слипченко)

Рохлин Лев

«Ратифицировать СНВ-2 можно лишь после подписания рамочного соглашения по СНВ-3». № 30–31, июнь–июль 1997, с. 8 (в соавторстве с Алексеем Арбатовым)

Рукшин Александр

Вооруженные силы РФ в условиях новых вызовов и угроз. № 2, лето 2005, с. 15

Румянцев Александр Николаевич

Государственная система учета и контроля ядерных материалов и радиоактивных веществ в России. № 15, март 1996, с. 10

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № 16, апрель 1996, с. 2 (в соавторстве с Николаем Пономаревым-Степным, Александром

Румянцевым, Владимиром Сухоручкиным, Владимиром Шмелевым)

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 23, ноябрь 1996, с. 12 (в соавторстве с Владимиром Сухоручкиным, Владимиром Шмелевым, Александром Григорьевым, Марком Сажневым)

Ядерная энциклопедия. № 30–31, август–сентябрь 1997, с. 45 (в соавторстве с Роландом Тиммербаевым).

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 36, декабрь 1997, с. 17 (в соавторстве с Радием Ильяевым, Геннадием Пшакиным, Юрием Володиным, Николаем Черепановым)

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-Морском флоте России. № 1, январь–февраль 1999, с. 83 (в соавторстве с Гарри Форехендом, Полом Рексротом, Элисон Дав, Владимиром Шмелевым, Владимиром Сухоручкиным)

Румянцев Александр Юрьевич

«Вопросы ядерной безопасности – под неослабным контролем высшего руководства страны». № 2, март–апрель 2002, с. 27

«Атомная отрасль является одним из крупнейших национальных экспортеров». № 1, весна 2004, с. 15

Рыбальченко Игорь

Контроль за нераспространением химического оружия: международный межлабораторный квалификационный эксперимент. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 56

Рыбаченков Владимир

О международном сотрудничестве России в области утилизации избыточного оружейного плутония. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 51

К вопросу о ввозе зарубежного отработавшего ядерного топлива в Россию. № 4, июль–август 2001, с. 43

Рязанцев Евгений

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

С**Савельев Александр**

Механизм выработки и принятия решений по вопросам контроля над вооружениями в СССР. № 1, январь–февраль 2000, с. 64 (в соавторстве с Николаем Детиновым)

США пересматривают свою стратегию ядерного сдерживания? № 2, март–апрель 2002, с. 4

Новый смысл взаимного ядерного сдерживания. № 1, весна 2003, с. 123

К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности Российской Федерации в XXI веке. № 3, осень 2005, с. 45

Политика безопасности, международные отношения и современные технологии: необходима ликвидация разрыва в сфере образования. №1, весна 2006, с. 179

Сажнев Марк

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 23, ноябрь 1996, с. 12 (в соавторстве с Владимиром Сухоручкиным, Владимиром Шмелевым, Александром Григорьевым, Александром Румянцевым)

Сандахчиев Лев

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. № 2, март–апрель 2002, с. 36 (в соавторстве с Раисой Мартынюк, Сергеем Нетесовым)

Санин Александр

К вопросу об укреплении режима нераспространения ядерного оружия. № 25, январь 1997, с. 2 (в соавторстве с Юрием Володиным)

Сартори Андрей

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непротребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

Сатановский Евгений

Мир после иракской войны. № 3, осень 2003, с. 87

Центры силы: прогноз геополитической ситуации после иракской войны. № 1, весна 2004, с. 37

Сафранчук Иван

Ядерное оружие после холодной войны: нужно ли оно миру и России? № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 23

Место России в урегулировании ситуации вокруг Ирака и пути контроля над российским критическим экспортом в Ирак. № 1, январь–февраль 1998, с. 4 (в соавторстве с Анной Откиной)

Ядерное оружие как внешнеполитический ресурс: поиски критерия адекватности. № 2, март–апрель 1998, с. 53

О перспективах ратификации Договора СНВ-2. № 3, май–июнь 1998, с. 39

Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России. № 4, июль–август 1999, с. 40

Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. №5, сентябрь–октябрь 1999, с. 84

Ценности ядерного нераспространения разделяет 75% россиян. № 1, январь–февраль 2000, с. 4

Стратегическое ядерное вооружение России. № 1, январь–февраль 2000, с. 83

Свиридов Андрей

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. № 13, январь 1996, с. 15 (в соавторстве с Ильдаром Акчуриным, Валентином Захаровым)

Сеймур Гэри

Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы. № 4, июль–август 2002, с. 34 (в соавторстве с Робертом Айнхорном)

Семин Валерий

О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 61

Сергеев Игорь

На пути к стратегической стабильности. № 1, весна 2004, с. 25

«Дестабилизирующие процессы могут усилиться, если не противодействовать распространению ядерного оружия». № 3, май–июнь 2001, с. 16

Серебряков Иван

Договор по ПРО: анализ американской позиции. № 29, май 1997, с. 11

Сиддика-Ага Аиша

Перспективы диалога по проблемам безопасности между Россией, СНГ и Пакистаном. № 3, май–июнь 1998, с. 44

Силкин Юрий

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний: проблемы, смежные области и реальность. № 7, июль 1995, с. 2 (в соавторстве с Владимиром Белоусовым)

Сиротинин Евгений

Нестратегическая европейская ПРО: возможные концепции построения. № 2, март–апрель 2003, с. 91 (в соавторстве с Юрием Подгорных)

Слипченко Виктор

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний – четыре года спустя. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 59

Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. № 4, июль–август 2001, с. 25 (в соавторстве с Олегом Рожковым)

Инспекции на месте в ДВЗЯИ и других соглашениях в области разоружения и укрепления безопасности: проблемы, решения, перспективы. № 3, осень 2004, с. 47 (в соавторстве с Виталием Щукиным)

Смирнов Юрий

Первый шаг к взаиморазумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний). № 1, январь 2001, с. 73 (в соавторстве с Роландом Тимербаевым)

Смирнов Михаил

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 8 авторами)

Смит Харольд

«Уверен, что средства, выделенные по плану Нанна–Лугара, тратятся по назначению». № 2, февраль 1995, с. 17

Помощь в уничтожении химического оружия России: на критическом рубеже. № 2, март–апрель 1999, с. 4

Соков Николай

Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? № 26, февраль 1997, с. 12

О мобильных РК «Тополь». № 30–31, июнь–июль 1998, с. 44

Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. № 1, январь–февраль 1998, с. 46

Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации. № 4, июль–август 2000, с. 31 (в соавторстве с Уильямом Поттером)

Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? № 3, осень 2003, с. 71

Перспектива ядерной политики США после администрации Джорджа Буша. № 3, осень 2005, с. 57

Соколов Алексей

Влияние процессов развития интернет-технологий на геополитические интересы государства. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 30 (в соавторстве с Юлией Кисляк)

Соломонов Юрий

«Время диалога с США по вопросу о ПРО еще не ушло». № 4, июль–август 1999, с. 4

Сорока Екатерина

«Незаконные сети» Тегерана: уроки истории. № 1, зима 2006, с. 169 (в соавторстве с Антоном Хлопковым)

Спасский Николай

«Вопросы борьбы с терроризмом займут центральное место в новой Концепции национальной безопасности России». № 1, весна 2005, с. 23

«Долгосрочные и глубочайшие изменения в мировом политическом балансе сил – вот самый серьезный вызов национальной безопасности на сегодняшний день». № 1, зима 2006, с. 13

Спектор Леонард

Новая эра в ядерной политике России? № 8, август 1995, с. 12 (в соавторстве с Андреем Зобовым)

Степанова Екатерина

Незаконный оборот наркотиков в Афганистане и Центральной Азии в контексте антитеррористической кампании. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 36

Супотаева Ольга

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

Суриков Антон

Россия должна попытаться привязать к себе Иран. № 7, июль 1995, с. 13 (в соавторстве с Игорем Сутягиным)

Ядерный чемоданчик с тройным дном. № 8, август 1995, с. 15

Как развивать российские стратегические ядерные силы? № 12, декабрь 1995, с. 12

СНВ-2: противоречия остаются. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 36

Сутягин Игорь

Россия должна попытаться привязать к себе Иран. № 7, июль 1995, с. 13 (в соавторстве с Антоном Суриковым)

Сухоручкин Владимир

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № 16, апрель 1996, с. 2 (в соавторстве с Николаем Пономаревым-Степным, Александром Румянцевым, Марком Сажневым, Владимиром Шмелевым)

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-Морском флоте России. № 1, январь–февраль 1999, с. 83 (в соавторстве с *Гарри Форенхеном, Полом Рексротом, Элисон Дав, Владимиром Шмелевым, Александром Румянцевым*)

Сюткин Павел

«Уничтожение химического оружия будет стоить России 25 триллионов рублей». № 9, сентябрь 1995, с. 7

Т

Таипова Гузэль

Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 26 (в соавторстве с *Владимиром Чумаком*)

О юридическом статусе Каспия. № 4, июль–август 1999, с. 49

Терехов Игорь

Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. № 4, июль–август 1998, с. 56 (в соавторстве с *Андреем Титаренко, Виталием Цымбалом*)

Тимербаев Роланд

ДНЯО: для России и мира его надо сохранить надолго. № 1, январь 1995, с. 4

«Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия?» № 3, март 1995, с. 2 (в соавторстве с *Джорджем Банном, Джемсом Леонардом*)

Как идет подготовка к продлению ДНЯО. Репортаж из Нью-Йорка с 4-й сессии. № 3, март 1995, с. 10

ДНЯО продлен бессрочно. Что дальше? № 9, сентябрь 1995, с. 19

Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? № 12, декабрь 1995, с. 7

Как идет выполнение ДНЯО (к сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия). № 26, февраль 1997, с. 2

Ядерные вооружения и безопасность России. № 28, апрель 1997, с. 22

Международное агентство по атомной энергии и его деятельность в области контроля и регулирования (к 40-летию Международного атомного агентства). № 30–31, август–сентябрь 1997, с. 3

Ядерная энциклопедия. № 30–31, август–сентябрь 1997, с. 45 (в соавторстве с *Александром Румянцевым*).

Будущее политики США по ядерному оружию. № 32–33, октябрь–ноябрь 1997, с. 45

Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и контролю над ней. № 1, январь–февраль 1998, с. 62

Россия и безопасность 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. № 1, январь–февраль 1998, с. 80

Как СССР помогал Китаю создавать ядерную бомбу. № 3, май–июнь 1998, с. 76

Как разрабатывалась система гарантий МАГАТЭ: политические аспекты (1959–1965). № 4, июль–август 1998, с. 67

К истории разработки контрольных положений ДНЯО (политические аспекты). № 5, сентябрь–октябрь 1998, с. 67

К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений (о переговорах о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия). № 1, январь–февраль 1999, с. 4

О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ. № 3, май–июнь 1999, с. 67

Израиль и бомба. № 4, июль–август 1999, с. 84

А.А. Громыко и проблема ядерного нераспространения. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 81

ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые. № 4, июль–август 2000, с. 4 (в соавторстве с *Владимиром Орловым*)

Индийская ядерная бомба. Влияние на глобальное распространение. № 4, июль–август 2000, с. 82

Об инициативе президента Путина на Саммите тысячелетия ООН. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 62 (в соавторстве с *Дмитрием Ковчегиним*)

Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний). № 1, январь–февраль 2001, с. 73 (в соавторстве с *Юрием Смирновым*)

Состояние и перспективы ядерного нераспространения. № 2, март–апрель 2001, с. 24

Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 4 (в соавторстве с *Владимиром Орловым*)

Важный, но недостаточный шаг. К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 г. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 4 (в соавторстве с *Юрием Федоровым*)

Индия: восходящая звезда. № 2, март–апрель 2002, с. 73

Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ. № 3, май–июнь 2002, с. 84

Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции. № 4, июль–август 2002, с. 51

Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 68

Непроложенным курсом. № 1, весна 2003, с. 183

Смертоносные арсеналы. № 2, лето 2003, с. 161

Ближний Восток и атомная проблема. № 3, осень 2003, с. 15

О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. № 3, осень 2003, с. 101

О роли ООН в сегодняшнем мире. № 4, зима 2003, с. 25

Третий – заморозить. № 4, зима 2003, с. 151

Контроль над вооружениями. Йозеф Гольдблат. Новый справочник о переговорах и соглашениях. № 1, весна 2004, с. 173

О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года. № 3, осень 2004, с. 101

Уроки четвертой Обзорной конференции по ДНЯО 1990 года. № 1, весна 2005, с. 171

Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него. № 2, лето 2005, с. 121

Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора. № 3, осень 2005, с. 31 (в соавторстве с Джорджем Банном)

О ядерном потенциале и ядерной политике Китая. № 4, зима 2005, с. 83

О соглашениях между СССР и США 1971 года о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. № 4, зима 2005, с. 131

Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции. № 1, зима 2006, с. 29

Титаренко Андрей

Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. № 4, июль–август 1998, с. 56 (в соавторстве с Игорем Тереховым, Виталием Цымбалом)

Токарев Александр

Изменения в системе экспортного контроля происходят не в сторону упрощения документов. № 1, январь–февраль 1999, с. 86

Токтомушев Айбек

Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма. № 2, лето 2005, с. 81

Толянский Георгий

Жизнь академика А. И. Лейпунского: малоизвестные страницы. № 3, осень 2004, с. 147

Томас Тимоти

Китайская теория и практика ведения информационной войны. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 33

Троянов Михаил

Использование плутония в России. № 11, ноябрь 1995, с. 13 (в соавторстве с Виктором Муроговым, Владимиром Каграманяном, Валерием Богданом)

Трутнев Юрий

Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2, лето 2005, с. 27 (в соавторстве с Игорем Андриусиным, Виктором Михайловым, Александром Чернышевым)

Тузмухамедов Бахтияр

Российские военнослужащие в совместных операциях под международной эгидой: конституционно-правовые процедуры и практика. № 4, зима 2003, с. 117

Тузовская Наталья

Россия и НАТО: новое качество отношений? № 2, лето 2004, с. 73

У

Успенский Николай

Экспортный контроль – один из ключевых элементов национальной безопасности. № 3, май–июнь 1999, с. 5

Ф

Фабричников Илья

Контрраспространение: хорошо забытое старое. № 4, зима 2003, с. 157 (в соавторстве с Андреем Фроловым)

Ядерные грезы Бразилии. № 4, зима 2003, с. 95

Федоров Александр

Терроризм и международная информационная безопасность. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 24

Международная информационная безопасность: арена соперничества или путь сотрудничества? № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 25

Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие. № 3, осень 2003, с. 109

Информационная безопасность и глобализация. № 3, осень 2005, с. 79

Федоров Юрий

СНВ-2 и расширение НАТО. № 8, август 1995, с. 12

Ядерная безопасность: взгляды из министерства обороны. № 12, декабрь 1995, с. 2

Перспективы и противоречия российского ядерного сдерживания. № 14, февраль 1996, с. 10

Расширение НАТО и «модернизация» Договора ОБСЕ. № 28, апрель 1997, с. 2

Каспий: периферия или новый центр мировой политики? № 4, июль–август 1999, с. 26

ПРО: политические хитросплетения, технические проблемы и встречи на высшем уровне. № 3, май–июнь 2001, с. 4

Важный, но недостаточный шаг. К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 г. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 4 (в соавторстве с Роландом Тимербаевым)

Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы. № 3, май–июнь 2002, с. 4 (в соавторстве с Джоном Вольфсталом, Роуз Геттемюллер, Роландом Тимербаевым)

Российско-американские отношения, перспективы партнерства. № 1, январь–февраль 2002, с. 4

Periculum est in mora. № 3, май–июнь 2002, с. 6

Новая парадигма российско-американских отношений. № 4, июль–август 2002, с. 4

Требуется ли реформа внешней политики России? № 2, лето 2004, с. 57

Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России. № 4, зима 2004, с. 101

Корейский ядерный кризис и Россия. № 4, зима 2005, с. 41

Федченко Виталий

О некоторых аспектах российско-индийского сотрудничества в области мирной ядерной энергетики. № 3, май–июнь 2001, с. 61

АЭС в Куданкуламе и будущее российско-индийской ядерной торговли. № 1, январь–февраль 2002, с. 52

Решения по глобальной безопасности на саммите в Кананаскисе. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 4 (в соавторстве с Дмитрием Ковчегиним)

Ядерное будущее Мьянмы. № 1, весна 2003, с. 143 (в соавторстве с Анатолием Лучиним)

Фельдман Яна

Двигается ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? № 4, зима 2004, с. 43 (в соавторстве с Чарльзом Макафеем)

Филин Евгений

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86 (в соавторстве с 9 авторами)

Филонов Николай

Ядерная безопасность и Госатомнадзор. № 17, май 1996, с. 18

Фишер Дэвид

Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову. № 6, июнь 1995, с. 20

Африка: еще одна безъядерная зона. № 16, апрель 1996, с. 12

Флоркин Николас

Многоликий ядерный терроризм. № 1, весна 2003, с. 71 (в соавторстве с Уильямом Поттером)

Форехенд Гарри

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-морском флоте России. № 1, январь–февраль 1999, с. 83 (в соавторстве с Полом Рексротом, Элисон Дав, Владимиром Шмелевым, Владимиром Сухоручкиным, Александром Румянцевым)

Фролов Андрей

Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом. № 2, лето 2003, с. 101

Россия и Франция в зеркале Глобального партнерства. № 2, лето 2003, с. 147

Контрраспространение: хорошо забытое старое. № 4, зима 2003, с. 157 (в соавторстве с Ильей Фабричниковым)

Трансформация системы экспортного контроля в России. № 4, зима 2004, с. 125 (в соавторстве с Элиной Кириченко)

Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам. № 2, март–апрель 2005, с. 39

Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? № 1, зима 2006, с. 105 (в соавторстве с Еленой Арбековой)

Х

Хан Масуд

Результаты Обзорной конференции по ДНЯО и ядерная политика Пакистана. № 3, осень 2005, с. 105

Хирш Стивен

Студенты ведут «переговоры» по заключению договора СНВ-3. № 17, май 1996, с. 16 (в соавторстве с Ксенией Ершовой)

Хлебников Владимир

Дополнительному протоколу к соглашению между государствами и МАГАТЭ о применении гарантий – пять лет. № 4, июль–август 2002, с. 57

Роль МАГАТЭ в решении актуальных проблем нераспространения ядерного оружия. № 1, весна 2004, с. 81

Хлопков Антон

Образование в области разоружения и нераспространения: время действовать. № 4, июль–август 2002, с. 60

Иран: ракетно-ядерная загадка для России. № 2, лето 2003, с. 39 (в соавторстве с *Василием Латой*)

«Нелегальные сети» Тегерана: уроки истории. № 1, зима 2006, с. 169 (в соавторстве с *Екатериной Сорокой*)

Хрипунов Игорь

Усилиям по ядерному нераспространению – более широкий контекст. № 25, январь 1997, с. 17

Реструктуризация и сокращение военного ядерного комплекса США. № 2, март–апрель 2000, с. 57 (в соавторстве с *Дмитрием Никоновым*)

Хромов Геннадий

Ракетное нераспространение и государственные интересы РФ. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 20

О некоторых проблемах ракетного распространения на современном этапе. № 1, январь–февраль 1998, с. 38

Взгляд на политику Индии в области ракетного и ядерного нераспространения. № 5, сентябрь–октябрь 1998, с. 53

О статье Анатолия Шевцова «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?» № 4, июль–август 2000, с. 78 (в соавторстве с *Виктором Колтуновым*)

Ц**Цыгичко Виталий**

Оружие нелетального воздействия. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 58 (в соавторстве с *Владимиром Дьяченко*)

Цымбал Виталий

Возрастание стратегической роли высокоинтеллектуального оружия и проблемы контроля за его развитием и распространением. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 39

Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. № 4, июль–август 1998, с. 56 (в соавторстве с *Игорем Тереховым, Андреем Титаренко*)

Ч**Чебан Валерий**

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 8 авторами)

Чен Янпинг

Интересы Китая в космосе и контроль за ракетными технологиями. № 4, апрель 1995, с. 16

Черепанов Николай

На таможне нет реального контроля радиоактивных материалов. № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 29

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 36, декабрь 1997, с. 17 (в соавторстве с *Юрием Володиным, Радием Ильяевым, Геннадием Пшакиным, Александром Румянцевым*)

Чернов Олег

«Глобализация мирового развития заставляет Россию воспринимать новые ракетные угрозы особенно серьезно». № 1, январь–февраль 2001, с. 26

Черномырдин Виктор

Российско-американское сотрудничество: «В ближайшем будущем ожидаем прогресс». № 24, декабрь 1996, с. 5 (в соавторстве с *Альбертом Гором*)

Черных Сергей

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 8 авторами)

Чернышев Александр

Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2, лето 2005, с. 27 (в соавторстве с *Игорем Андрюшиным, Виктором Михайловым, Юрием Трутневым*)

Чумак Владимир

Будет ли Европа безъядерной зоной? № 18–19, июнь–июль 1996, с. 27

Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 26 (в соавторстве с *Гузель Таиповой*)

Программа Нанна–Лугара на Украине. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 51 (в соавторстве с *Сергеем Галакой*)

Чуменко Леонид

Переговоры по тактическому ядерному оружию: проблемы и перспективы. № 2, март–апрель 2002, с. 41 (в соавторстве с *Андреем Борисенко*)

Ш

Шадрина Екатерина

Вторая линия защиты: результаты международного сотрудничества в зоне действия Астраханской таможни. № 3, осень 2005, с. 127

Шапер Аннетт

Планы строительства немецкого исследовательского реактора и усилия по прекращению мирного использования высокообогащенного урана. № 22, октябрь 1996, с. 10

О статье Игоря Николаичука «Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики». № 4, июль–август 2000, с. 76

Шарапов Эдуард

Герой России. № 3, осень 2003, с. 157 (в соавторстве с Борисом Юриновым)

Шаров Вячеслав

Гонка биологических вооружений не окончена? № 3, март 1995, с. 18

Чеченский конфликт и региональная угроза ядерного терроризма. № 15, март 1996, с. 3.

Биологический терроризм – угроза реальная, готовы ли мы к ней? № 3, май–июнь 2000, с. 81

Шаров Евгений

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. № 3, март 1995, с. 12 (в соавторстве с Борисом Длужневским, Виктором Мизиным)

В Щучьем есть резервы для выполнения программы УХО. № 4, июль–август 2001, с. 74–76

Шафеи Голамреза

«Углубление отношений с Россией не тактический прием, а осознанное желание». № 4, зима 2004, с. 11

Шевцов Анатолий

Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора? № 3, май–июнь 2000, с. 45

Циклы расширения НАТО. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 43 (в соавторстве с Алексеем Ижаком)

Шилдс Джон

Программа Нанна–Лугара: отношения между США и странами-получателями помощи. № 16, апрель 1996, с. 17

Шилин Александр

О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года. № 3, осень 2004, с. 101 (в соавторстве с Роландом Тимербаевым)

Шитиков Алексей

Новые направления программы Глобального партнерства. № 1, весна 2005, с. 159

Шишкин Альберт

«Есть запросы ряда европейских стран о поставках высокообогащенного урана из России». № 23, ноябрь 1996, с. 9

Шкляр Александр

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 (в соавторстве с 8 авторами)

Школьник Владимир

Государственная система контроля ядерных материалов в Республике Казахстан. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 36 (в соавторстве с Тимуром Жантикиным)

Школьник Екатерина

Учет и контроль радиоактивных материалов в Ярославской области. № 17, май 1996, с. 21

Шмелев Владимир

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № 16, апрель 1996, с. 2 (в соавторстве с Николаем Пономаревым-Степным, Александром Румянцевым, Владимиром Сухоручкиным)

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 23, ноябрь 1996, с. 12 (в соавторстве с Владимиром Сухоручкиным, Александром Румянцевым, Александром Григорьевым, Марком Сажневым)

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-Морском флоте России. № 1, январь–февраль 1999, с. 83 (в соавторстве с Гарри Форехендом, Полом Рексротом, Элисон Дав, Владимиром Сухоручкиным, Александром Румянцевым)

Шубин Михаил

«Сотрудничество Минатома и регионов – в общих интересах». № 1, январь–февраль 2002, с. 30

Шувалова Анна

Сотрудничество между Россией и Великобританией в рамках программы Глобального партнерства. № 3, осень 2004, с. 125

Шустов Владимир

Совещание экспертов по изучению возможностей обнаружения нарушений соглашения о приостановке ядерных испытаний (Женева, 1 июля – 21 августа 1958 года). № 2, март–апрель 2002, с. 64

Щ

Щукин Виталий

Инспекции на месте в ДВЗЯИ и других соглашениях в области разоружения и укрепления безопасности: проблемы, решения, перспективы. № 3, осень 2004, с. 47 (в соавторстве с Виктором Слипченко)

Э

Эггерт Константин

НАТО, Россия и угрозы нового века. № 3, осень 2003, с. 95

Эльбарадей Мохамед

«Режим ядерного нераспространения переживает трудные времена». № 1, весна 2004, с. 11

Ю

Юдин Юрий

Технические аспекты ядерной программы КНДР. № 1, зима 2006, с. 129

Юрасов Николай

О модернизации заправочных судов и хранилищ наземного базирования ВМФ России. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 66

Юринов Борис

Герой России. № 3, осень 2003, с. 157 (в соавторстве с Эдуардом Шараповым)

Юрченко Валентин

О распространении химического и биологического оружия в странах Ближнего Востока и Северной Африки. № 1, весна 2005, с. 149

Я

Яблоков Алексей

Некоторые вопросы по поводу атомной сделки с Ираном. № 5, май 1995, с. 20

Экологическая информация и секретность: как преодолеть противоречия? № 25, январь 1997, с. 19

Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 44

«Ошибка, но не моя». № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 71

Якимов Сергей

Система экспортного контроля в Российской Федерации. № 1, весна 2003, с. 151

Яковенко Александр

Политика, новые технологии и XXI век. № 2, март–апрель 1998, с. 46

О компьютерной проблеме 2000 года. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 4.

Международно-правовые аспекты использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. № 2, март–апрель 2000, с. 43

Яковлев Виталий

Первые шаги по сокращению тактического ядерного оружия в России. № 1, февраль–январь 2002, с. 79

Яковлев Владимир

«Первые шахтные *Тополь-М* будут развернуты в конце этого года». № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 4

«РВСН – это, прежде всего, щит государства». № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 4

Ярош Валерий

Деятельность по обеспечению физической защиты, учета и контроля радиоактивных материалов на объектах морского транспорта. № 4, зима 2004, с. 117 (в соавторстве с Михаилом Атуриным)

А

А.А. Громыко и проблема ядерного нераспространения. Роланд **Тимербаев**. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 81

А был ли «ядерный чемоданчик»? Виктор **Есин**. № 2, лето 2005, с. 67

Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России. Юрий **Федоров**. № 4, зима 2004, с. 101

Администрация Буша и политика нераспространения: скептики у власти. Мэтью **Банн**. № 3, май–июнь 2001, с. 20

Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации: идем в ногу со временем? (редакционная статья). № 4, зима 2003, с. 7

Америка теряет свои «вулканы». Геннадий **Евстафьев**. № 4, зима 2005, с. 143

Андреева губа: раскрыто еще одно ядерное хищение. Версия следствия. Михаил **Кулик**. № 11, ноябрь 1995, с. 2

Атомная отрасль является одним из крупнейших национальных экспортеров. Александр **Румянцев**. № 1, весна 2004, с. 15

Атомная энергетика для России – это единственный способ перестать быть сырьевым придатком. Валерий **Богдан**, Михаил **Троянов**, Виктор **Мурогов**. № 8, август 1995, с. 8

Атомное надводное судостроение в начале XXI века. Михаил **Барабанов**. № 1, весна 2005, с. 141

Африка: еще одна безъядерная зона. Дэвид **Фишер**. № 16, апрель 1996, с. 12

АЭС в Куданкуламе и будущее российско-индийской ядерной торговли. Виталий **Федченко**. № 1, январь–февраль 2002, с. 52

Б

Безопасность ядерного оружия – приоритет России на долгосрочную перспективу. Владимир **Верховцев**. № 1, весна 2005, с. 29

Безопасность ядерных арсеналов Российской Федерации. Евгений **Маслин**. № 4, зима 2004, с. 17

Безъядерные зоны: промежуточный вариант (редакционная статья). № 12, декабрь 1995, с. 6

Безъядерный аргумент Минска (редакционная статья). № 24, декабрь 1996, с. 6

Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. Геннадий **Евстафьев**, Михаил **Павлюшенко**. № 3, осень 2004, с. 77

Биобезопасность и контроль над распространением биологических материалов: перспективы международного сотрудничества (круглый стол). № 4, зима 2005, с. 63

Биологический терроризм – угроза реальная, готовы ли мы к ней? Вячеслав **Шаров**. № 3, май–июнь 2000, с. 81

Ближний Восток и атомная проблема. Роланд **Тимербаев**. № 3, осень 2003, с. 15

Большая игра в Центральной Азии. Винсен **де Китспоттер**. № 1, весна 2005, с. 81

Будет ли Европа безъядерной зоной? Владимир **Чумак**. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 27

Будет ли ратифицирован договор СНВ-2? Владимир **Белоус**. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 31

Будущее политики США по ядерному оружию. Роланд **Тимербаев**. № 32–33, октябрь–ноябрь 1997, с. 45

Будущее ядерного разоружения. Сергей **Кортунов**. № 17, май 1996, с. 9

Быть или не быть ратификации СНВ-2 – зависит от президента. Владимир **Орлов**. № 2, март–апрель 1998, с. 3

В

В информации о биологическом оружии темных пятен больше, чем достоверной информации. Брэд **Робертс**. № 4, апрель 1995, с. 13

В области учета, контроля и физзащиты ядерных материалов мы приходим к той схеме, которая эффективно работала в Союзе. Виктор **Михайлов**. № 28, апрель 1997, с. 14

В Щучьем есть резервы для выполнения программы УХО. Евгений **Шаров**. № 4, июль–август 2001, с. 74–76

Важный, но недостаточный шаг. К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 года. Роланд **Тимербаев**, Юрий **Федоров**. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 4

Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. Олег **Рождков**, Виктор **Слипченко**. № 4, июль–август 2001, с. 25

Взаимное гарантированное уничтожение: возможна ли альтернатива? Алексей **Обухов**. № 1, весна 2005, с. 103

Взаимосвязь и вопросы интеграции системы физической защиты и системы учета и контроля ядерных материалов. Александр **Измайлов**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 66

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового

уничтожения. Владимир **Белоусов**, Владимир **Лоборев**, Иветта **Быстрова**. № 15, март 1996, с. 14

Взгляд на политику Индии в области ракетного и ядерного нераспространения. Геннадий **Хромов**. № 5, сентябрь–октябрь 1998, с. 53

Влияние процессов развития интернет-технологий на геополитические интересы государства. Юлия **Кисляк**, Алексей **Соколов**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 30

Внешняя политика России: от реактивной к наступательной (редакционная статья). № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 3

Военная реформа – есть планы, нет цели (редакционная статья). № 1, январь–февраль 2001, с. 3

Военное присутствие России в Центральной Азии будет способствовать стабилизации региона. Виктор **Заварзин**. № 1, зима 2006, с. 21

Военно-промышленный потенциал Ирана: некоторые оценки. Анатолий **Алимов**. № 3, май 2001, с. 41

Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? Гузель **Таипова**, Владимир **Чумак**. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 26

Возможно, пора выдвинуть идею договора о гарантиях ядерного сдерживания. Юрий **Кириллов**. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 31

Возможности ратификации Договора СНВ-2 нынешней осенью: предпосылки и препятствия. Андрей **Гордиенко**. № 4, июль–август 1998, с. 5

Возрастание стратегической роли высокоинтеллектуального оружия и проблемы контроля за его развитием и распространением. Виталий **Цымбал**. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 39

Вокруг ситуации с хранением плутония и обогащенного урана в Томске-7. Валерий **Меньщиков**. № 2, февраль 1995, с. 2

Вооруженные силы Ирана на переходном этапе. Обычные угрозы и оружие массового уничтожения. Андрей **Зобов**. № 4, июль–август 2001, с. 77

Вооруженные силы РФ в условиях новых вызовов и угроз. Александр **Рукшин**. № 2, лето 2005, с. 15

Вопросы борьбы с терроризмом займут центральное место в новой Концепции национальной безопасности России. Николай **Спаский**. № 1, весна 2005, с. 23

Вопросы хранения и утилизации плутония еще ждут своего решения. Николай **Егоров**. № 26, февраль 1997, с. 9

Вопросы ядерной безопасности – под неослабным контролем высшего руководства

страны. Александр **Румянцев**. № 2, март–апрель 2002, с. 27

Время диалога с США по вопросу о ПРО еще не ушло. Юрий **Соломонов**. № 4, июль–август 1999, с. 4

Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности. Владимир **Орлов**, Роланд **Тимербаев**. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 4

Время переосмыслить подходы к «войне с терроризмом» (редакционная статья). № 3, осень 2005, с. 7

Всеми вопросами регулирования ВТС должен заниматься Минторг. **Рапота** Григорий. № 3, май–июль 2000, с. 40

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний: проблемы, смежные области и реальность. Владимир **Белоусов**, Юрий **Силкин**. № 7, июль 1995, с. 2

Встреча «восьмерки» в Москве и интересы России (редакционная статья). № 16, апрель 1996, с. 6

Вторая линия защиты: результаты международного сотрудничества в зоне действия Астраханской таможни. Екатерина **Шадрина**. № 3, осень 2005, с. 127

ВТС России со странами Ближнего и Среднего Востока. Марат **Кенжетаяев**. № 1, весна 2004, с. 131

ВТС: российско-израильское противостояние. Вадим **Козюлин**. № 1, весна 2003, с. 17

Вызов супертерроризма (редакционная статья). № 1, весна 2003, с. 7

Выступление директора Центра ПИР Владимира Орлова на Специальном заседании (заявления неправительственных организаций) Конференции по продлению ДНЯО. (редакционная статья) № 6, июнь 1995, с. 3

Г

Геополитические аспекты строительства СЯС в интересах укрепления военной безопасности России. Василий **Лата**. № 3, осень 2003, с. 59

Геополитические сценарии для Ближнего Востока. Сергей **Норка**. № 4, зима 2004, с. 81

Герой России. Эдуард **Шарапов**, Борис **Юринов**. № 3, осень 2003, с. 157

Глобализация мирового развития заставляет Россию воспринимать новые ракетные угрозы особенно серьезно. Олег **Чернов**. № 1, январь–февраль 2001, с. 26

Глобальная система экспортного контроля и международный кодекс поведения. Евгений **Зведе**. № 1, весна 2003, с. 155

Глобальное партнерство в российско-японских отношениях. Наталья **Белобородова**. № 3, осень 2003, с. 139

Глобальное партнерство на распутье. Анатолий **Анин**. № 4, зима 2003, с. 15

Глобальное партнерство: сказка о потерянном времени? (редакционная статья). № 3, осень 2004, с. 11

Гонка биологических вооружений не окончена? Вячеслав **Шаров**. № 3, март 1995, с. 18

Государственная Дума и контроль над вооружениями (редакционная статья). № 14, февраль 1996, с. 8

Государственная Дума о ратификации СНВ-2. Виктор **Илюхин**, Владимир **Лукин**. № 29, май 1997, с. 2

Государственная система контроля ядерных материалов в Республике Казахстан. Тимур **Жантикин**, Владимир **Школьник**. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 36

Государственная система учета и контроля ядерных материалов и радиоактивных веществ в России. Александр **Румянцев**. № 15, март 1996, с. 10

Гражданский контроль над Вооруженными силами в России: история и перспективы. Юрий **Назаркин**. № 3, осень 2005, с. 113

Группа высокого уровня свое дело сделала – «процесс пошел» (редакционная статья). № 1, весна 2005, с. 9

Д

ДВЗЯИ и «ядерная пятерка»: проблемы остаются. Аржун **Махиджани**. № 22, октябрь 1996, с. 19

ДВЗЯИ и поддержание безопасности ядерного оружия. Евгений **Маслин**. № 3, май–июнь 1999, с. 75

Двигается ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? Чарльз **Макафей**, Яна **Фельдман**. № 4, зима 2004, с. 43

Девять вопросов о ядерном нераспространении. Геннадий **Евстафьев**. № 1, январь 1995, с. 12

Деидеологизированная дипломатия: опыт советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Алексей **Обухов**. № 3, осень 2005, с. 145

Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ. Роланд **Тимербаев**. № 3, май–июнь 2002, с. 84

Демонизация Кубы: что делать? Джонатан **Бенджамин-Альварардо**. № 3, май–июнь 2000, с. 58

Демонтаж одного ядерного боезаряда обходится России в 10–15 тысяч долларов. Виктор **Михайлов**. № 17, май 1996, с. 2

Дестабилизирующие процессы могут усилиться, если не противодействовать распространению ядерного оружия. Игорь **Сергеев**. № 3, май–июнь 2001, с. 16

Десять лет спустя: десять результатов, десять задач (редакционная статья). № 2, лето 2004, с. 9

Деятельность МАГАТЭ в свете решений Конференции по рассмотрению действия ДНЯО. Пит **де Клерк**. № 1, январь–февраль 2001, с. 61

Деятельность по обеспечению физической защиты, учета и контроля радиоактивных материалов на объектах морского транспорта. Михаил **Атурин**, Валерий **Ярош**. № 4, зима 2004, с. 117

Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается. Геннадий **Евстафьев**. № 6, июнь 1995, с. 18

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. Александр Николаевич **Румянцев**, Владимир **Сухоручкин**, Владимир **Шмелев**, Александр **Григорьев**, Марк **Сажнев**. № 23, ноябрь 1996, с. 12

ДНЯО и концепция НАТО по «совместному управлению» ядерным оружием. Анатолий **Анин**. № 1, весна 2004, с. 73

ДНЯО продлен бессрочно. Кто выиграл? Владимир **Орлов**. № 6, июнь 1995, с. 2

ДНЯО продлен бессрочно. Что дальше? Роланд **Тимербаев**. № 9, сентябрь 1995, с. 19

ДНЯО: для России и мира его надо сохранить надолго. Роланд **Тимербаев**. № 1, январь 1995, с. 4

ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые. Владимир **Орлов**, Роланд **Тимербаев**. № 4, июль–август 2000, с. 4

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний – четыре года спустя. Виктор **Слипченко**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 59

Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Юрий **Назаркин**. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 65

Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора? Анатолий **Шевцов**. № 3, май–июнь 2000, с. 45

Договор по ПРО не должен быть подорван в ходе создания систем нестратегической ПРО. Виктор **Колтунов**. № 36, декабрь 1997, с. 2

Договор по ПРО: анализ американской позиции. Иван **Серебряков**. № 29, май 1997, с. 11

Договор СНП отвечает интересам России и сегодня, и в перспективе. Юрий **Балуевский**. № 1, весна 2003, с. 9

Долгосрочные и глубочайшие изменения в мировом политическом балансе сил – вот самый серьезный вызов национальной безопасности на сегодняшний день. Николай **Спасский**. № 1, зима 2006, с. 13

Дополнительному протоколу к соглашению между государствами и МАГАТЭ о применении гарантий – пять лет. Владимир **Хлебников**. № 4, июль–август 2002, с. 57

Е

Европа и планы США в области НПРО: почти неразрешимая дилемма. Харальд **Мюллер**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 42

Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Иван **Сафранчук**. №5, сентябрь–октябрь 1999, с. 84

Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Андрей **Зобов**. № 3, осень 2004, с. 157

Есть запросы ряда европейских стран о поставках высокообогащенного урана из России. Альберт **Шишкин**. № 23, ноябрь 1996, с. 9

Есть ли будущее у договора по ПРО? Павел **Подвиг**. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 4

Ж

Жизнь академика А. И. Лейпунского: малоизвестные страницы. Георгий **Толянский**. № 3, осень 2004, с. 147

З

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции ПИР-Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика»). Светлана **Гвоздева**, Владимир **Мисюченко**, Владимир **Орлов**. № 3, май–июнь 1999, с. 13

Запад, экспортный контроль и Россия. Гэри **Бертч**. № 1, январь 1995, с. 18

Запах страха, запах пыли... Владимир **Орлов**. № 3, осень 2005, с. 157

Запрещение химического оружия: укрепление международной безопасности. Рохелио **Пфиртер**. № 3, осень 2004, с. 21

Запрещение ядерных испытаний. Россия демонстрирует по-настоящему независимый, достойный подход (редакционная статья). № 11, ноябрь 1995, с. 6

Захоронение отравляющих веществ на дне Балтийского и Северного морей после Второй мировой войны. Тенгиз **Борисов**, Светлана **Ковалева**. № 3, май–июнь 2002, с. 75

Зачем России вооружать Пакистан? Вадим **Козюлин**. № 3, май–июнь 1998, с. 51

Зеленая «Иголочка», белые ниточки, или как сотрудничество крупнейших спецслужб мира помогло разоблачить международного террориста. Вадим **Козюлин**, Анастасия **Лагута**. № 4, зима 2005, с. 119

Зона, свободная от ядерного оружия, от Черного до Балтийского моря. Ян **Правиц**. № 23, ноябрь 1996, с. 15; № 24, декабрь 1996, с. 9

И

Идея стратегического треугольника в Азии – плод внешнеполитических иллюзий (редакционная статья). № 2, март–апрель 1999, с. 3

Из тени в свет... или на чистую воду. Владимир **Орлов**. № 2, лето 2005, с. 141

Изменения в системе экспортного контроля происходят не в сторону упрощения документов. Александр **Токарев**. № 1, январь–февраль, с. 86

Израиль и бомба. Роланд **Тимербаев**. № 4, июль–август 1999, с. 84

Индийская программа развития атомного подводного флота: сотрудничество с Россией. Дмитрий **Литовкин**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 4

Индийская ядерная бомба. Влияние на глобальное распространение. Роланд **Тимербаев**. № 4, июль–август 2000, с. 82

Индия: восходящая звезда. Роланд **Тимербаев**. № 2, март–апрель 2002, с. 73

Индия перед окончательным выбором: быть или не быть ядерным государством? Харбир **Маншайя**. № 4, апрель 1995, с. 18

Инициатива по безопасности в области распространения – не формальная организация, а комплекс мер. Джон **Болтон**. № 3, осень 2004, с. 15

Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России. Марат **Бердыев**, Мария **Прохорова**. № 3, осень 2005, с. 69

ИНПРО: новый подход к ядерной энергетике будущего. Дмитрий **Ковчегин**. № 1, январь–февраль 2002, с. 56

Инспекции на месте в ДВЗЯИ и других соглашениях в области разоружения и укрепления безопасности: проблемы, решения, перспективы. Виктор **Слипченко**, Виталий **Щукин**. № 3, осень 2004, с. 47

Интеграция военного и гражданского ядерных топливных циклов в России. Олег **Бухарин**. № 9, сентябрь 1995, с. 10

Интересы Китая в космосе и контроль за ракетными технологиями. Янпинг **Чен**. № 4, апрель 1995, с. 16

Информационная безопасность и глобализация. Александр **Федоров**. № 3, осень 2005, с. 79

Иран: ракетно-ядерная загадка для России. Василий **Лата**, Антон **Хлопков**. № 2, лето 2003, с. 39

Иран: ситуация стала понятнее, но не все вопросы сняты. Сергей **Кисляк**. № 2, лето 2005, с. 9

Иранская тема в российско-американском диалоге по ракетному нераспространению. Алексей **Краснов**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 56

Иранская ядерная программа вызывает серьезные вопросы. Владимир **Орлов**. № 3, осень 2004, с. 105

Искушение экспортом (редакционная статья). № 26, февраль 1997, с. 6

Использование плутония в России. Валерий **Богдан**, Виктор **Мурогов**, Владимир **Каграманян**, Михаил **Троянов**. № 11, ноябрь 1995, с. 13

Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? Елена **Арбекова**, Андрей **Фролов**. № 1, зима 2006, с. 105

К

К вопросу о будущем Договора Пелиндаба. Дмитрий **Поликанов**. № 1, январь–февраль 2000, с. 22

К вопросу о ввозе зарубежного отработавшего ядерного топлива в Россию. Владимир **Рыбаченков**. № 4, июль–август 2001, с. 43

К вопросу о правилах организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов. Никита **Никифоров**. № 1, январь–февраль 1999, с. 43

К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности Российской Федерации в XXI веке. Александр **Савельев**. № 3, осень 2005, с. 45

К вопросу о создании Объединенного главного командования СЯС. Дмитрий **Литовкин**. № 2, март–апрель 1999, с. 39

К вопросу о ядерной доктрине Индии. Раджеш **Басрур**. № 1, весна 2005, с. 41

К вопросу об укреплении режима нераспространения ядерного оружия. Юрий **Володин**, Александр **Санин**. № 25, январь 1997, с. 2

К истории разработки контрольных положений ДНЯО (политические аспекты). Роланд **Тимербаев**. № 5, сентябрь–октябрь 1998, с. 67

К истории создания первой АЭС в СССР. Лев **Кочетков**. № 2, лето 2004, с. 155

К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений (о переговорах о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия). Роланд **Тимербаев**. № 1, январь–февраль 1999, с. 4

К стратегической стабильности – через баланс силы и транспарентности. Виктор **Михайлов**. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 63

Как идет выполнение ДНЯО (к сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия). Роланд **Тимербаев**. № 26, февраль 1997, с. 2

Как идет подготовка к продлению ДНЯО. Репортаж из Нью-Йорка с 4-й сессии. Роланд **Тимербаев**. № 3, март 1995, с. 10

Как избежать апокалипсиса. Сэм **Нанн**. № 4, июль–август 2001, с. 37

Как можно говорить о развитии атомной энергетики и при этом накладывать ограничения на это развитие? – вот дилемма, стоящая перед участниками ДНЯО. Серхио **Дуарте**. № 1, весна 2005, с. 13

Как продлевали Договор о нераспространении. Дневник ДНЯО. Владимир **Орлов**. № 6, июнь 1995, с. 4; № 7, июль 1995, с. 21; № 9, с. 21; № 10, с. 21

Как развивать российские стратегические ядерные силы? Антон **Суриков**. № 12, декабрь 1995, с. 12

Как разрабатывалась система гарантий МАГАТЭ: политические аспекты (1959–1965). Роланд **Тимербаев**. № 4, июль–август 1998, с. 67

Как СССР помогал Китаю создавать ядерную бомбу. Роланд **Тимербаев**. № 3, май–июнь 1998, с. 76

Каспий: периферия или новый центр мировой политики? Юрий **Федоров**. № 4, июль–август 1999, с. 26

Кельнское совместное заявление: прорыв или свидетельство отсутствия повестки дня? (редакционная статья). № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 3

Китайская теория и практика ведения информационной войны. Тимоти **Томас**. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 33

Консолидация ядерных оружейных комплексов США и России после окончания холодной войны. Олег **Бухарин**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 43

Контроль за нераспространением химического оружия: международный межлабораторный квалификационный эксперимент. Игорь **Рыбальченко**. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 56

Контроль над вооружениями. Йозеф Гольд-блат. Новый справочник о переговорах и соглашениях. Роланд **Тимербаев**. № 1, весна 2004, с. 173

Контрраспространение: ответ на новые вызовы? (круглый стол). № 2, лето 2004, с. 81

Контрраспространение: оценка политики и планов США. Виталий **Личидов**, Владимир **Новиков**. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 61

Контрраспространение: хорошо забытое старое. Илья **Фабричников**, Андрей **Фролов**. № 4, зима 2003, с. 157

Контртеррористическая операция или третья мировая война? (редакционная статья). № 4, июль–август 2001, с. 3

Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции. Роланд **Тимербаев**. № 4, июль–август 2002, с. 51

Конференция по распространению ДНЯО: распустье, не тупик (редакционная статья). № 2, март–апрель 2000, с. 3

Конференция по рассмотрению ДНЯО: в поисках консенсуса. Уильям **Поттер**. № 3, осень 2005, с. 95

Концепция ядерного сдерживания и договор. Владимир **Белоус**. СНВ-3, № 2, март–апрель 1998, с. 44

Корейский ядерный кризис и Россия. Юрий **Федоров**. № 4, зима 2005, с. 41

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. Людмила **Белова**, Олег **Дубенсков**, Алексей **Кочкин**. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 15; № 22, октябрь 1996, с. 14

Кризис институтов международной безопасности в свете иракского конфликта. Андрей **Пинтовский**. № 2, лето 2003, с. 121

Кто поспорит с президентом? Александр **Болсуновский**. № 1, январь 1995, с. 16

Культура безопасности ядерных объектов: критерии оценки и способы ее повышения. Ирина **Куприянова**. № 2, лето 2004, с. 45

Л

Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией. Роланд **Тимербаев**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 68

Ливийский выбор: последствия для глобального контрраспространения ОМУ. Виктор **Личаев**. № 1, весна 2004, с. 97

Лишь 25 процентов пунктов пропуска на границе оборудованы специальными приборами для пресечения ядерной контрабанды. Николай **Кравченко**. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 8

М

МАГАТЭ и ядерная энергетика: на пороге нового века. Ханс **Бликс**. № 22, октябрь 1996, с. 3

Майские встречи на высшем уровне: время собирать камни (редакционная статья). № 4, июль–август 2002, с. 3

Международная безопасность после Договора по ПРО (редакционная статья). № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 3

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. Николай **Пономарев-Степной**, Александр **Румянцев**, Владимир **Сухоручкин**, Владимир **Шмелев**. № 16, апрель 1996, с. 2

Международная информационная безопасность: арена соперничества или путь сотрудничества? Александр **Федоров**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 25

Международное агентство по атомной энергии и его деятельность в области контроля и регулирования (к 40-летию Международного атомного агентства). Роланд **Тимербаев**. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 3

Международно-правовые аспекты использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. Александр **Яковенко**. № 2, март–апрель 2000, с. 43

Международные проекты по утилизации оружейного плутония. Результаты и перспективы. Евгений **Кудрявцев**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 27

Международные режимы нераспространения: терапевты справятся лучше хирургов (редакционная статья). № 2, лето 2003, с. 9

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. Раиса **Мартынюк**, Сергей **Нетесов**, Лев **Сандахчиев**. № 2, лето 2002, с. 36

Международный рынок ОЯТ: есть ли у России перспективы? Дмитрий **Ковчегин**. № 2, лето 2003, с. 69

Международный рынок ОЯТ имеет тенденцию к сокращению. Андрей **Малышев**. № 2, лето 2004, с. 11

Международный терроризм с использованием оружия массового уничтожения: миф или реальность? (круглый стол). № 4, зима 2003, с. 61

Меня могут и посадить, но я уверен, что невиновен. Александр **Никитин**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 12

Место России в урегулировании ситуации вокруг Ирака и пути контроля над российским критическим экспортом в Ирак. Анна **Откина**, Иван **Сафранчук**. № 1, январь–февраль 1998, с. 4

Механизм выработки и принятия решений по вопросам контроля над вооружениями в СССР. Александр **Детинов**, Александр **Савельев**. № 1, январь–февраль 2000, с. 64

Минатом и международное сотрудничество. Виктор **Михайлов**. № 2, март–апрель 1999, с. 62

Мир после иракской войны. Евгений **Сатановский**. № 3, осень 2003, с. 87

Мировое сообщество должно выступить единым фронтом против новой волны терроризма (редакционная статья). № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 3

Многоликий ядерный терроризм. Уильям **Поттер**, Николас **Флоркин**. № 1, весна 2003, с. 71

Могут ли пересечься интересы безопасности с потребностями в открытости? (редакционная статья). № 13, январь 1996, с. 6

Модели европейской безопасности. Андрей **Загорский**. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 24

Может ли Япония стать ракетно-ядерной державой? Владимир **Белоус**. № 26, февраль 1997, с. 20

Морская доктрина России не рассматривает проблемы списанных атомных подводных лодок. Дмитрий **Литовкин**. № 1, январь–февраль 2000, с. 12

Мы выполним свои обязательства перед международным сообществом. Станислав **Петров**. № 2, март–апрель 1999, с. 42

Мы сделаем все, чтобы новоземельское ЧП не повторилось. Игорь **Валынкин**. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 42

Н

На пути к стратегической стабильности. Игорь **Сергеев**. № 1, весна 2004, с. 25

На пути к ядерной анархии? Недостаточная безопасность оружейных расщепляющихся материалов в России и СНГ. Ильдар **Ахтамзян**. № 1, январь–февраль 1999, с. 88

На таможене нет реального контроля радиоактивных материалов. Николай **Черепанов**. № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 29

Назрела необходимость создать международный фонд ядерного разоружения. Виктор **Мурогов**. № 5, сентябрь–октябрь 1998, с. 5.

Налогообложение средств, выделяемых в рамках российско-американского сотрудничества в области нераспространения. Дмитрий **Ковчегин**. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 58

Нам нужно найти какой-то *оптимум* в деле утилизации АПЛ. Валерий **Лебедев**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 25

Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регули-

рования военно-космической деятельности. Василий **Лата**, Владимир **Мальцев**. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 19

Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? Роланд **Тимербаев**. № 12, декабрь 1995, с. 7

Наследство Средмаша во взаимоотношениях Москвы и регионов в начале 1990-х годов. Дмитрий **Евстафьев**. № 4, зима 2004, с. 147

НАТО, Россия и угрозы нового века. Константин **Эггерт**. № 3, осень 2003, с. 95

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. Владимир **Васильев**, Василий **Лата**, Владимир **Мальцев**. № 2, март–апрель 2002, с. 48

Национальная система экспортного контроля США и России: сравнительный анализ. Элина **Кириченко**. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 74

Национальные интересы России и США не противостоят друг другу. Михаил **Маргелов**. № 2, лето 2003, с. 11

Незаконный оборот наркотиков в Афганистане и Центральной Азии в контексте антитеррористической кампании. Екатерина **Степанова**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 36

Некоторые аспекты международно-правового ограничения противолодочной деятельности государств на современном этапе. Евгений **Кармазин**, Василий **Лата**. № 3, май–июнь 2002, с. 31

Некоторые аспекты обеспечения России ядерного сдерживания в предстоящем десятилетии. Владимир **Медведев**. № 1, январь–февраль 1999, с. 48

Некоторые вопросы по поводу атомной сделки с Ираном. Алексей **Яблоков**. № 5, май 1995, с. 20

Некоторые вопросы создания, характеристик и перспектив нелетального оружия. Александр **Иванов**. № 3, май–июнь 1998, с. 74

Некоторые практические вопросы выполнения Россией обязательств по Конвенциям о запрещении химического и биологического оружия. Александр **Иванов**. № 2, март–апрель 1998, с. 74

Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте. Михаил **Кулик**. № 2, февраль 1995, с. 12

Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Геннадий **Евстафьев**. № 1, зима 2006, с. 45

Незаконная торговля вооружениями в Африке и механизмы ее ограничения. Дмитрий **Поликанов**. № 4, июль–август 2000, с. 45

«Незаконные сети» Тегерана: уроки истории. Антон **Хлопков**, Екатерина **Сорока**. № 1, зима 2006, с. 169

Необходимо отделить статью о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. Йозеф **Голдблат**. № 4, зима 2005, с. 155

Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы. Роберт **Айнхорн**, Сеймур **Гэри**. № 4, июль–август 2002, с. 34

Необычная война (редакционная статья). № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 3

Непроложенным курсом. Роланд **Тимербаев**. № 1, весна 2003, с. 183

Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски. Геннадий **Евстафьев**. № 1, весна 2004, с. 65

Нераспространение: игра без правил? (редакционная статья). № 4, июль–август 1999, с. 3

Несколько американских фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, связаны с иранцами. Михаил **Кириллин**. № 2, март–апрель 1998, с. 37

Нестратегическая европейская ПРО: возможные концепции построения. Юрий **Подгорных**, Евгений **Сиротинин**. № 2, лето 2003, с. 91

Неядерное сдерживание в постсоветскую эпоху. Дмитрий **Евстафьев**. № 22, октябрь 1996, с. 21

Новая парадигма российско-американских отношений. Юрий **Федоров**. № 4, июль–август 2002, с. 4

Новая эра в ядерной политике России? Андрей **Зобов**, Леонард **Спектор**. № 8, август 1995, с. 12

Новое в ядерной стратегии США: Ядерное сдерживание на региональном уровне? Дмитрий **Евстафьев**, Евгений **Кузнецов**. № 11, ноябрь 1995, с. 18

Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных поставщиков. Андрей **Ефимов**. № 3, май–июнь 2000, с. 54

Новые грани атомной энергетики в свете председательства России в «Большой восьмерке» (редакционная статья). № 1, весна 2006, с. 9

Новые направления программы Глобального партнерства. Алексей **Шитиков**. № 1, весна 2005, с. 159

Новые соглашения по сокращению вооружений должны быть просчитаны на несколько ходов вперед (редакционная статья). № 3, май–июнь 2000, с. 3

Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы. Джон **Вольфстал**, Роуз **Геттемюллер**, Роланд

Тимербаев, Юрий **Федоров**. № 3, май–июнь 2002, с. 4

Новый вектор сотрудничества России и США в области нераспространения: «операция Винча». Михаил **Герасим**. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 70

Новый взгляд на использование ядерно-взрывной технологии в мирных целях. Владимир **Клименко**. № 4, апрель 1995, с. 21

Новый смысл взаимного ядерного сдерживания. Александр **Савельев**. № 1, весна 2003, с. 123

Нормативная правовая база Российской Федерации в области химического разоружения. Наталья **Калинина**. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 50

О

О военной реформе в Российской Федерации. Виктор **Есин**. № 3, май–июнь 2002, с. 66

О возможностях и путях осуществления инициативы президента Российской Федерации. Николай **Пономарев-Степной**. № 2, март–апрель 2001, с. 43

О глобализации режима нераспространения ядерного оружия. Дмитрий **Евстафьев**. № 27, март 1997, с. 2

О деятельности Международной организации развития энергетики Корейского полуострова (КЕДО). Анатолий **Лучин**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 53

О компьютерной проблеме 2000 года. Александр **Яковенко**. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 4.

О международном сотрудничестве России в области утилизации избыточного оружейного плутония. Владимир **Рыбаченков**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 51

О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения. Валерий **Семин**. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 61

О мобильных РК «Тополь». Николай **Соков**. № 30–31, июнь–июль 1998, с. 44

О модернизации заправочных судов и хранилищ наземного базирования ВМФ России. Николай **Юрасов**. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 66

О мотивации военного строительства в России. Владимир **Захаров**. № 2, март–апрель 1999, с. 67

О некоторых актуальных проблемах экспортного контроля в ядерной области. Марина **Беляева**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 41

О некоторых аспектах российско-индийского сотрудничества в области мирной ядерной

- энергетики. Виталий **Федченко**. № 3, май–июнь 2001, с. 61
- О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения: заметки с конференции. Владимир **Орлов**. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 44
- О некоторых проблемах ракетного распространения на современном этапе. Геннадий **Хромов**. № 1, январь–февраль 1998, с. 38
- О некоторых результатах девятой комиссии Гора–Черномырдина. Виктор **Михайлов**. № 30–31, июнь–июль, с. 25
- О необходимости ограничения работ по модернизации существующих ядерных вооружений и при разработке новых ядерных боеприпасов. Михаил **Виноградов**. № 2, март–апрель 2000, с. 34
- О новых инициативах в области контроля над ядерными материалами и технологиями. Надежда **Логугова**. № 4, зима 2005, с. 99
- О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-Морском флоте России. Элисон **Дав**, Гарри **Форехенд**, Пол **Рексрот**, Владимир **Шмелев**, Владимир **Сухоручкин**, Александр **Румянцев**. № 1, январь–февраль 1999, с. 83
- О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ. Роланд **Тимербаев**. № 3, май–июнь 1999, с. 67
- О перспективах ратификации Договора СНВ-2. Иван **Сафранчук**. № 3, май–июнь 1998, с. 39
- О предварительных уроках войны в Ираке. Владимир **Дворкин**. № 2, лето 2003, с. 125
- О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года. Роланд **Тимербаев**. № 3, осень 2004, с. 101
- О распространении химического и биологического оружия в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Валентин **Юрченко**. № 1, весна 2005, с. 149
- О роли ООН в сегодняшнем мире. Роланд **Тимербаев**. № 4, зима 200, с. 25
- О соглашениях между СССР и США 1971 года о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. Роланд **Тимербаев**. № 4, зима 2005, с. 131
- О сотрудничестве России, США и Европы в создании ПРО. Владимир **Дворкин**. № 4, зима 2004, с. 43
- О статье Алексея Яблокова «Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома». Геннадий **Киселев**. № 1, январь–февраль 1998, с. 77
- О статье Анатолия Шевцова «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?» Виктор **Колтунов**, Геннадий **Хромов**. № 4, июль–август 2000, с. 78
- О статье Игоря Николаичука «Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики». Аннетт **Шапер**. № 4, июль–август 2000, с. 76
- О характере современных внешних вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России. Федор **Ладыгин**. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 72
- О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. Роланд **Тимербаев**. № 3, осень 2003, с. 101
- О юридическом статусе Каспия. Гузель **Таипова**. № 4, июль–август 1999, с. 49
- О ядерном выборе Ирана. Гейдар Али **Балуджи**. № 4, зима 2003, с. 51
- О ядерном потенциале и ядерной политике Китая. Роланд **Тимербаев**. № 4, зима 2005, с. 83
- Об изменении норм уголовного права, регулирующих использование атомной энергии. Абрам **Иорыш**. № 3, май–июнь 1999, с. 51
- Об инициативе президента Путина на Саммите тысячелетия ООН. Дмитрий **Ковчегин**, Роланд **Тимербаев**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 62
- Об интервью Валентина Евстигнеева: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики». Зеев **Вольфсон**. № 3, май–июнь 2000, с. 81
- Об интервью Евгения Мишина и о проблеме сохранности ядерных материалов. Александр **Болсуновский**. № 6, ноябрь–декабрь, с. 70
- Об испытаниях систем противоракетной обороны в Тихом океане. Майкл **Джонс**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 57
- Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома. Алексей **Яблоков**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 44
- Об определении назначения ядерного взрыва. Борис **Литвинов**, Владимир **Лоборев**. № 36, декабрь 1997, с. 10
- Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и контролю над ней. Роланд **Тимербаев**. № 1, январь–февраль 1998, с. 62
- Об участии России в деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ и перспективах вступления Договора в силу. Сергей **Решетников**. № 3, май–июнь 1999, с. 72
- Обзор современной военно-биологической программы США и интересы России. Александр **Кудакаев**. № 27, март 1997, с. 20
- Обновление глобальной системы экспортного контроля: с Россией или без нее? (редакционная статья) № 1, январь–февраль 1999, с. 3

Обновление российской власти и проблемы контроля над вооружениями. Дмитрий **Евстафьев**, Дмитрий **Ковчегин**. № 2, март–апрель 2000, с. 5

Обострение российско-американских отношений: корни не в Косово, а гораздо глубже (редакционная статья). № 3, май–июнь 1999, с. 3

Образование в области разоружения и нераспространения: время действовать. Антон **Хлопков**. № 4, июль–август 2002, с. 60

Образование в области разоружения: требуется активизация усилий. Евгений **Горьковский**. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 66

Обращение к читателям. Юрий **Батулин**. № 1, январь 1995, с. 1

ООН дает зеленый свет программам образования в области нераспространения. Владимир **Орлов**. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 66

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. Радий **Илькаев**, Юрий **Володин**, Геннадий **Пшакин**, Александр **Румянцев**, Николай **Черепанов**. № 36, декабрь 1997, с. 17

Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие. Александр **Федоров**. № 3, осень 2003, с. 109

Оружие нелетального воздействия. Владимир **Дьяченко**, Виталий **Цыгичко**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 58

Особый статус Тайваня в режиме нераспространения. Пример для «серых зон»? Сергей **Понамарев**. № 1, зима 2006, с. 117

Осуществление российской инициативы позволит решить проблемы безопасности и снизить угрозу распространения. Евгений **Адамов**. № 1, январь–февраль 2001, с. 4

Открытость информации по принципу «меньше знаешь – крепче спишь» (редакционная статья). № 4, апрель 1995, с. 6

Отношения Россия – НАТО: изменение стратегии или тактический маневр? Татьяна **Пархалина**. № 1, январь–февраль 2002, с. 34

Отработавшее ядерное топливо в атомном флоте России. Валерий **Меньщиков**. № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 31

Оценивая опасность ядерных хищений из государств бывшего Советского Союза. Уильям **Поттер**. № 13, январь 1996, с. 10

Оценка эффективности американских программ в области учета, контроля и физической защиты ядерных материалов в России. Ирина **Куприянова**. № 2, март–апрель 2002, с. 56

Ошибка, но не моя. Алексей **Яблоков**. № 6, ноябрь–декабрь 1998, с. 71

П

Парадоксы ядерного сдерживания. Сергей **Кортунов**. № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 14

Партнеры по необходимости. Стратегические взаимоотношения России и Ирана. Андрей **Зобов**. № 1, январь–февраль 2002, с. 84

Первая атомная подводная лодка на Дальнем Востоке. Ремос **Калинин**. № 1, весна 2004, с. 165

Первые шаги по сокращению тактического ядерного оружия в России. Виталий **Яковлев**. № 1, февраль–январь 2002, с. 79

Первые шахтные *Тополь-М* будут развернуты в конце этого года. Владимир **Яковлев**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 4

Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики. Игорь **Николайчук**. № 4, июль–август 1999, с. 57

Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний). Юрий **Смирнов**, Роланд **Тимербаев**. № 1, январь–февраль 2001, с. 73

Переговоры по тактическому ядерному оружию: проблемы и перспективы. Андрей **Борисенко**, Леонид **Чуменко**. № 2, март–апрель 2002, с. 41

Переговоры, контракты и трансферты вооружения и военной техники из России и стран СНГ в ноябре 1996 – декабре 1997 гг. Константин **Макиенко**. № 1, январь–февраль 1998, с. 70

Передача технологий и экспортный контроль в век глобализации. Элина **Кириченко**. № 3, осень 2003, с. 127

Переработка ОЯТ в контексте реализации программы Глобального партнерства. Дмитрий **Ковчегин**. № 2, лето 2005, с. 105

Перспектива ядерной политики США после администрации Джорджа Буша. Николай **Соков**. № 3, осень 2005, с. 57

Перспективы атомного подводного судостроения в XXI веке. Михаил **Барабанов**. № 2, лето 2004, с. 133

Перспективы диалога по проблемам безопасности между Россией, СНГ и Пакистаном. Аиша **Сиддика-Ага**. № 3, май–июнь 1998, с. 44

Перспективы заключения Договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Нурия **Кутнаева**. № 1, зима 2006, с. 59

Перспективы и противоречия российского ядерного сдерживания. Юрий **Федоров**. № 14, февраль 1996, с. 10

Перспективы реализации многосторонних подходов к ядерному топливному циклу. Надежда **Логугова**. № 1, зима 2006, с. 87

- Перспективы российского атомного экспорта. Виктор **Козлов**. № 3, осень 2003, с. 119
- Перспективы российского присутствия на рынках вооружения и военной техники стран Южной Азии. Константин **Макиенко**. № 2, март–апрель 1998, с. 63
- Перспективы российско-индийского сотрудничества в ядерной сфере. Виктор **Козлов**. № 3, осень 2004, с. 37
- Петербургская «восьмерка»: где сила, где слава (редакционная статья). № 4, зима 2005, с. 9
- Планы строительства немецкого исследовательского реактора и усилия по прекращению мирного использования высокообогащенного урана. Аннетта **Шапер**. № 22, октябрь 1996, с. 10
- По поводу возможной активизации реэкспорта российских вооружений. Вадим **Козюлин**. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 43
- Подайте на пару боеголовок. Андрей **Пионтовский**. № 4, зима 2005, с. 153
- Подкритические испытания – важная составляющая проверки. Николай **Волошин**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 29
- Подписание ДВЗЯИ: шаг в правильном направлении (редакционная статья). № 22, октябрь 1996, с. 1
- Позиции отдельных государств по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. Владимир **Орлов**. № 27, март 1997, с. 8
- Поиск адекватных ответов на угрозу терроризма может потребовать ограничения личных свобод. Мишель **Аллио-Мари**. № 4, зима 2005, с. 17
- Пока что ни один ядерный боеприпас в России не пропал и не был похищен. Евгений **Маслин**. № 5, май 1995, с. 9
- Полвека в авиации. Записки академика. Геннадий **Евстафьев**. № 3, осень 2004, с. 155
- Политика безопасности, международные отношения и современные технологии: необходима ликвидация разрыва в сфере образования. Александр **Савельев**. № 1, весна 2006, с. 179
- Политика США и судьба режима ядерного нераспространения. Владимир **Новиков**, Виталий **Личидов**. № 2, лето 2003, с. 17
- Политика, новые технологии и XXI век. Александр **Яковенко**. № 2, март–апрель 1998, с. 46
- Помощь в уничтожении химического оружия России: на критическом рубеже. Харольд **Смит**. № 2, март–апрель 1999, с. 4
- После Похрана (редакционная статья). № 3, май–июнь 1998, с. 3
- После Хельсинки (редакционная статья). № 29, май 1997, с. 7
- После Эвиана: сделать так, чтобы документы саммита не стали водой (редакционная статья). № 3, осень 2003, с. 7
- Последний шанс? (По поводу продления общего срока уничтожения запасов химического оружия в РФ на пять лет). Александр **Калядин**. № 2, март–апрель 2002, с. 28
- Последствия Косовского кризиса не скажутся на российско-американском сотрудничестве по снижению ядерной угрозы. Инна **Мельникова**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 33
- Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову. Дэвид **Фишер**. № 6, июнь 1995, с. 20
- Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора. Джордж **Банн**, Роланд **Тимербаев**. № 3, осень 2005, с. 31
- Правовое регулирование экспорта обычного вооружения и военной техники в Российской Федерации. Олег **Дьяченко**. № 1, январь–февраль 1999, с. 57
- Предлагаю создать в России ядерные острова. Виктор **Мурогов**. № 7, июль 1995, с. 10
- Призрак ядерной войны бродит по Южной Азии (редакционная статья). № 1, январь–февраль 2002, с. 3
- ПРО: политические хитросплетения, технические проблемы и встречи на высшем уровне. Юрий **Федоров**. № 3, май–июнь 2001, с. 4
- Проблема бесхозных радиоактивных источников: пути решения. Виктор **Личаев**. № 2, лето 2003, с. 139
- Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР. Александр **Калядин**. № 2, март–апрель 2001, с. 48
- Проблема северокорейского «вызова»: взгляд из России. Андрей **Гребенщиков**. № 2, лето 2004, с. 105
- Проблемы ракетного распространения в Азии. Петр **Литаврин**. № 3, май–июнь 1998, с. 5
- Проблемы сохранности ядерных материалов на предприятиях России. Александр **Болсуновский**, Валерий **Меньщиков**. № 9, сентябрь 1995, с. 16
- Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. Игорь **Терехов**, Андрей **Титаренко**, Виталий **Цымбал**. № 4, июль–август 1998, с. 56
- Проблемы ядерного терроризма. Олег **Бухарин**. № 16, март 1996, с. 2
- Программа возврата топлива исследовательских реакторов советского производства: время «собирать камни». **Кобяков** Даниил, Сергей **Панов**. № 1, зима 2006, с. 143

Программа Нанна–Лугара на Украине. Сергей **Галака**, Владимир **Чумак**. № 5, май–июнь 2000, с. 51

Программа Нанна–Лугара: отношения между США и странами-получателями помощи. Джон **Шилдс**. № 16, апрель 1996, с. 17

Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам. Андрей **Фролов**. № 2, март–апрель 2005, с. 39

Продление договора: небессрочное и безусловное? (редакционная статья). № 3, март 1995, с. 6.

Противоракетная оборона после Договора по ПРО. Павел **Подвиг**. № 1, весна 2005, с. 51

Протокольными нотами мировая история не пишется. Дмитрий **Рогозин**. № 3, осень 2003, с. 9

Публикации о плохой охране ядерных материалов на флоте справедливы. Евгений **Мишин**. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 25

Пути использования ядерных материалов в России после демонтажа боеголовок. Александр **Болсуновский**. № 24, декабрь 1996, с. 2

Пути противодействия международному терроризму. Виктор **Есин**. № 4, зима 2003, с. 89

Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом. Андрей **Фролов**. № 2, лето 2003, с. 101

Р

Радиоактивная угроза из-под воды: как она возникла. Светлана **Ковалева**, Тенгиз **Борисов**. № 2, март–апрель 2001, с. 71

Разоружение Ирака. Геннадий **Евстафьев**. № 1, весна 2005, с. 177

Ракетное нераспространение и государственные интересы РФ. Геннадий **Хромов**. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 20

Ракетно-ядерная программа Северной Кореи. Владимир **Белоус**. № 25, январь 1997, с. 5

Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана. Владимир **Новиков**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 49

Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте «Проблемы воссоединения». Сергей **Понамарев**. № 4, зима 2005, с. 21

Ракетный режим экспортного контроля: вызовы и вопросы, ждущие ответов. Элина **Кириченко**. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 52

Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности. Геннадий **Евстафьев**. № 2, лето 2005, с. 55

Распространение легкого и стрелкового оружия: о позиции России. Петр **Литаврин**. № 4, июль–август 1999, с. 76

Распространение ядерного оружия: спор продолжается. Михаил **Лебедев**. № 4, зима 2003, с. 153

Расширение НАТО и «модернизация» Договора ОБСЕ. Юрий **Федоров**. № 28, апрель 1997, с. 2

Расширение НАТО: как обойти Россию? Надежда **Арбатова**. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 55

Расширение экспорта и контроля за ним. Гэри **Берч**. № 24, декабрь 1996, с. 19

Ратифицировать СНВ-2 можно лишь после подписания рамочного соглашения по СНВ-3. Алексей **Арбатов**, Лев **Рохлин**. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 8

РВСН – это, прежде всего, щит государства. Владимир **Яковлев**. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 4

Режим контроля над ракетной технологией: структура и функционирование. Михаил **Козлов**. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 20

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. Борис **Длужневский**, Виктор **Мизин**, Евгений **Шаров**. № 3, март 1995, с. 12

Режим ядерного нераспространения переживает трудные времена. Мохамед **Эльбаррадей**. № 1, весна 2004, с. 11

Результаты Обзорной конференции по ДНЯО и ядерная политика Пакистана. Масуд **Хан**. № 3, осень 2005, с. 105

Реструктуризация и сокращение военного ядерного комплекса США. Дмитрий **Никонов**, Игорь **Хрипунов**. № 2, март–апрель 2000, с. 57

Реструктуризация Минатома: проблемы и перспективы. Дмитрий **Ковчегин**. № 3, май–июнь 2001, с. 53

Реформирование войск МВД по охране ядерных объектов России. Игорь **Голоскоков**. № 4, зима 2003, с. 39

Решения по глобальной безопасности на саммите в Кананаскисе. Дмитрий **Ковчегин**, Виталий **Федченко**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 4

Рожденная атомным веком. Светлана **Ковалева**. № 1, весна 2003, с. 187

Рожденные атомной эрой. Даниил **Кобяков**. № 2, лето 2004, с. 159

Роль американского бизнеса в реализации программ Совместного уменьшения угрозы. Роман **Попов**. № 2, лето 2004, с. 21.

Роль МАГАТЭ в решении актуальных проблем нераспространения ядерного оружия. Владимир **Хлебников**. № 1, весна 2004, с. 81

Роль ООН в системе регулирования вооружения. Михаил **Кокеев**. № 1, январь–февраль 1998, с. 27

Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения. Александр **Калядин**. № 3, осень 2003, с. 49

- Роль человеческого фактора в обеспечении ядерной безопасности. Василий **Лата**. № 4, зима 2003, с. 81
- Российская инициатива по ПРО: технологически подкрепленное решение или дипломатическая уловка? (редакционная статья). № 4, июль–август 2000, с. 3
- Российская политика в Восточной Азии: эволюция и преемственность. Бобо **Ло**. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 38
- Российские военнослужащие в совместных операциях под международной эгидой: конституционно-правовые процедуры и практика. Бахтияр **Тузмухамедов**. № 4, зима 2003, с. 117
- Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы. Сергей **Загидуллин**. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 40
- Российско-американская ядерная коммерция: один шаг вперед, другой – в сторону. (редакционная статья). № 23, ноябрь 1996, с. 6.
- Российско-американские отношения: перспективы партнерства. Юрий **Федоров**. № 1, январь–февраль 2002, с. 4
- Российско-американские отношения: теперь игра без форы (редакционная статья). № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 3
- Российско-американский диалог по нераспространению и контролю над вооружениями необходимо активизировать (редакционная статья). № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 5
- Российско-американский диалог по нераспространению: иранский фактор и взаимодействие в экспортном контроле. Евгений **Зведе**. № 3, май–июнь 2000, с. 4
- Российско-американское взаимодействие в контексте «контрраспространения». Сергей **Кортунов**. № 10, октябрь 1995, с. 1
- Российско-американское партнерство и Договор по ПРО. Сергей **Кортунов**. № 30–31, июнь–июль 1997, с. 2
- Российско-американское сотрудничество: «В ближайшем будущем ожидаем прогресс». Альберт **Гор**, Виктор **Черномырдин**. № 24, декабрь 1996, с. 5
- Российское агентство по боеприпасам обладает новейшими технологиями утилизации химического оружия. Зиновий **Пак**. № 2, март–апрель 2001, с. 19
- Российско-иранский ядерный контракт по-прежнему остается в центре внимания специалистов (редакционная статья). № 8, август 1995, с. 6
- Россия выполняет обязательства по уничтожению своих арсеналов химического оружия. Сергей **Кириенко**. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 4.
- Россия выступила против того, чтобы расколоть конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных. Сергей **Кисляк**. № 6, июнь 1995, с. 16
- Россия должна попытаться привязать к себе Иран. Антон **Суриков**, Игорь **Сутягин**. № 7, июль 1995, с. 13
- Россия и безопасность 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. Роланд **Тимербаев**. № 1, январь–февраль 1998, с. 80
- Россия и мировой рынок оружия. Геннадий **Гордиенко**. № 4, июль–август 1998, с. 43
- Россия и НАТО: новое качество отношений? Наталья **Тузовская**. № 2, лето 2004, с. 73
- Россия и Пакистан имеют общие интересы. Андрей **Алексеев**. № 1, зима 2006, с. 75
- Россия и проблема бесконтрольного распространения легкого и стрелкового оружия. Вадим **Козюлин**, Анастасия **Лагута**. № 1, зима 2000, с. 157
- Россия и страны Скандинавии – расширение программы Глобального партнерства. Анна **Абаева**. № 1, весна 2004, с. 107
- Россия и Франция в зеркале Глобального партнерства. Андрей **Фролов**. № 2, лето 2003, с. 147
- Россия и энергетические потоки на Евразийском континенте. Азер **Мурсалиев**. № 1, зима 2006, с. 125
- Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. Александр **Калядин**. № 3, май–июнь 1999, с. 82
- Россия не должна замыкаться на выстраивании взаимосвязей исключительно с сегодняшними центрами силы. Константин **Косачев**. № 3, осень 2005, с. 11
- Россия обречена на развитие ядерной энергетики. Виктор **Мурогов**. № 3, осень, 2005, с. 21
- Россия перед лицом дефолта по обязательствам в отношении КХО. Александр **Калядин**. № 3, май–июнь 1999, с. 54
- Россия потерпела поражение в «ядерных дебатах» с НАТО (редакционная статья). № 30–31, июнь–июль 1997, с. 15
- Россия предотвращает нарушения экспортно-контрольного режима (редакционная статья). № 36, декабрь 1997, с. 9
- Россия сделает максимум возможного, чтобы Договор о нераспространении был продлен бессрочно. Валерий **Манилов**. № 4, апрель 1995, с. 10
- Россия–Сирия: военно-технический торг. Вадим **Козюлин**. № 3, май–июнь 2000, с. 66

С

С трудом лечим тротильный терроризм, есть ли вакцина от ОМУ-терроризма? (редакционная статья). № 4, зима 2004, с. 7

С унижением работников ЗАТО должно быть покончено (редакционная статья). № 5, сентябрь–октябрь 1998, с. 3

Северокорейская ядерная программа. Безопасность, стратегия и новый взгляд из России. Андрей **Зобов**. № 3, май–июнь 2000, с. 84

Северокорейский ядерный кризис и международные отношения в Северо-Восточной Азии. Такаэда **Ёсинори**. № 1, весна 2005, с. 117

Сегодня России надо продавать все, что покупают. Владислав **Котлов**. № 1, январь–февраль, 1998, с. 77

Сегодня я вижу три ключевые проблемы нераспространения. Ханс **Бликс**. № 4, зима 2004, с. 173

«Семь опор» ядерного нераспространения: вклад и перспективы России. Александр **Калядин**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 16

«Серые зоны» распространения в Закавказье. Даниил **Кобяков**, Элина **Кириченко**, Алла **Язькова**. № 4, зима 2004, с. 59

Сирийское ракетное устрание – последний парад наступает? Вадим **Козюлин**. № 1, январь–февраль 2001, с. 67

Система ликвидации избыточных вооружений США: недооцененная угроза распространения. Скотт **Джонс**. № 2, март–апрель 1999, с. 54

Система экспортного контроля в Российской Федерации. Сергей **Якимов**. № 1, весна 2003, с. 151

Система экспортного контроля России в целях нераспространения оружия массового уничтожения. Элина **Кириченко**. № 5, май 1995, с. 15

Системный подход к обеспечению безопасности ядерных объектов. Никита **Никифоров**. № 1, январь–февраль 2001, с. 46

Смертоносные арсеналы. Роланд **Тимербаев**. № 2, лето 2003, с. 161

Сможет ли Россия сохранить Договор по ПРО? Павел **Подвиг**. № 23, ноябрь 1996, с. 2

СНВ-2 и расширение НАТО. Юрий **Федоров**. № 8, август 1995, с. 12

СНВ-2: противоречия остаются. Антон **Суриков**. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 36

СНВ-3: проблемы равной безопасности (о рамочных соглашениях к будущему договору). Виктор **Воронов**. № 3, май–июнь 2000, с. 62

Совещание экспертов по изучению возможностей обнаружения нарушений соглашения о приостановке ядерных испытаний (Женева, 1

июля – 21 августа 1958 года). Владимир **Шустов**. № 2, март–апрель 2002, с. 64

Совместное с США укрепление систем безопасности на Военно-Морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры. Мортен Бремер **Маэрли**. № 4, июль–август 2002, с. 72

Совместные действия в ответ на угрозу общей безопасности (редакционная статья). № 2, март–апрель, с. 3

Соединенные Штаты и Россия должны взять на себя инициативу в создании глобальной коалиции против терроризма. Сэм **Нанн**. № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 23

Создание зоны, свободной от ядерного оружия, – приоритет внешнеполитической деятельности Узбекистана. Абулазиз **Камилов**. № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 12

Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России. Иван **Сафранчук**. № 4, июль–август 1999, с. 40

Создание международного фонда ядерного разоружения – приоритет сегодняшнего дня (редакционная статья). № 4, июль–август 1998, с. 3

Сокращение ядерных вооружений и вопросы транспарентности. Анатолий **Дьяков**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 37

Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах *третьего мира* в период до 2015 года. Владимир **Дворкин**. № 1, январь–февраль 2002, с. 43

Состояние и перспективы ядерного нераспространения. Роланд **Тимербаев**. № 2, март–апрель 2001, с. 24

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. Ильдар **Акчурин**, Валентин **Захаров**, Андрей **Свиридов**. № 13, январь 1996, с. 15

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. Валентин **Захаров**, Ильдар **Акчурин**, Андрей **Свиридов**. № 13, январь 1996, с. 15

Сотрудничество между Россией и Великобританией в рамках программы Глобального партнерства. Анна **Шувалова**. № 3, осень 2004, с. 125

Сотрудничество Минатома и регионов – в общих интересах. Михаил **Шубин**. № 1, январь–февраль 2002, с. 30

Станет ли ИБОР действенным инструментом политики контрраспространения? Александр **Калядин**. № 1, весна 2005, с. 65

Станет ли иранский атом персидским ковром для России? (редакционная статья). № 2, лето 2005, с. 7

Становление системы экспортного контроля в России. Участие России в международном со-

трудности в области нераспространения и экспортного контроля. Евгений **Зведе**. № 1, январь–февраль 2001, с. 32

Стратегическая разведка и распространение ядерного оружия. Лок **Джонсон**. № 8, август 1995, с. 18

Стратегическая стабильность XXI века (редакционная статья). № 3, май–июнь 2001, с. 3

Стратегические ядерные силы и обеспечение военной безопасности государства. Василий **Лата**. № 4, зима 2003, с. 109

Стратегическое ядерное вооружение России. Иван **Сафранчук**. № 1, январь–февраль 2000, с. 83

Студенты ведут «переговоры» по заключению Договора СНВ-3. Ксения **Ершова**, Стивен **Хирш**. № 17, май 1996, с. 16

США – Китай: новая основная линия мировых противоречий (редакционная статья). № 2, март–апрель 2001, с. 3

США пересматривают свою стратегию ядерного сдерживания? Александр **Савельев**. № 2, март–апрель 2002, с. 4

Т

Так на кого же нацелены ракеты? Махмут **Гареев**. № 1, весна 2005, с. 183

Тактическое ядерное оружие в новых геополитических условиях. Владимир **Белоус**. № 14, февраль 1996, с. 2

Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? Николай **Соков**. № 26, февраль 1997, с. 12

Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации. Уильям **Поттер**, Николай **Соков**. № 4, июль–август 2000, с. 31

Теперь мы должны сделать весь мир безъядерной зоной. Джаянта **Данапала**. № 6, июнь 1995, с. 14

Терроризм и международная информационная безопасность. Александр **Федоров**. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 24

Технические аспекты ядерной программы КНДР. Юрий **Юдин**. № 1, зима 2006, с. 129

Технологии по уничтожению химического оружия выбраны. Приступаем к созданию пилотных установок. Станислав **Петров**. № 13, январь 1996, с. 2

Тихоокеанский регион в ядерный век: история, проблемы, перспективы. Ник **Маклеллан**. № 1, январь–февраль 2002, с. 65

Транспарентность в сфере ядерных вооружений: возрождение идеи реестра ядерных во-

оружий. Харальд **Мюллер**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 31

Трансформация понятия национальной безопасности в информационную эпоху. (круглый стол) № 3, осень 2004, с. 83

Трансформация системы экспортного контроля в России. Элина **Кириченко**, Андрей **Фролов**. № 4, зима 2004, с. 125

Требуется ли реформа внешней политики России? Юрий **Федоров**. № 2, лето 2004, с. 57

Тритий – заморозить. Роланд **Тимербаев**. № 4, зима 2003, с. 151

У

У российских и американских ядерных городов больше общего, чем различий. Стивен **Младино**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 80

Уверен, что средства, выделенные по плану Нанна–Лугара, тратятся по назначению. Гарольд **Смит**. № 2, февраль 1995, с. 17

Углубление отношений с Россией не тактический прием, а осознанное желание. Голамреза **Шафеи**. № 4, зима 2004, с. 11

Угроза биологического терроризма: роль средств массовой информации. Александр **Рабодзей**. № 3, осень 2005, с. 87

Угроза использования ЭМИ-оружия в военных и террористических целях. Владимир **Белоус**. № 1, весна 2005, с. 133

Угроза террористического акта с использованием оружия массового уничтожения из Чечни. Евгений **Антонов**. № 2, март–апрель 2001, с. 55

Украина и Белоруссия на рынке вооружений: 1996–1999. Константин **Макиенко**. № 6, ноябрь–декабрь 2000, с. 75

Украинско-российское ВТС: взгляд из Украины. Валентин **Бадрак**. № 3, осень 2004, с. 109

Укрепление и развитие гарантий МАГАТЭ. Вячеслав **Пушкарев**. № 2, лето 2003, с. 57

Укрощение ядра: Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Даниил **Кобяков**. № 4, зима 2004, с. 169

Уничтожение химического оружия будет стоить России 25 триллионов рублей. Павел **Сюткин**. № 9, сентябрь 1995, с. 7

Уроки «дела о гироскопах». Владимир **Орлов**, Анна **Откина**. № 2, март–апрель 1998, с. 4

Уроки Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Владимир **Медведев**. № 4, июль–август 2000, с. 65

Уроки четвертой Обзорной конференции по ДНЯО 1990 года. Роланд **Тимербаев**. № 1, весна 2005, с. 171

Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения. Адам **Дольник**. № 4, июль–август 2001, с. 4

Усилиям по ядерному нераспространению – более широкий контекст. Игорь **Хрипунов**. № 25, январь 1997, с. 17

Утечка ядерных технологий из Пакистана. Владимир **Новиков**. № 2, лето 2004, с. 95

Утилизация АПЛ: финишной ленточки пока не пересек никто. Сергей **Антипов**. № 4, зима 2003, с. 9

Учет и контроль радиоактивных материалов в Ярославской области. Екатерина **Школьник**. № 17, май 1996, с. 21

Учет и контроль ядерных материалов: взгляд главы Минатома. Виктор **Михайлов**. № 2, февраль 1995, с. 9

Ф

Физзащита ядерных материалов продолжает оставаться «головной болью» руководства России (редакционная статья). № 32–33, август–сентябрь 1997, с. 7

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. Евгений **Велихов**, Анатолий **Воробьев**, Вячеслав **Кожин**, Виталий **Коновалов**, Семен **Малкин**, Николай **Пономарев-Степной**, Евгений **Рязанцев**, Андрей **Сартори**, Ольга **Супотаева**, Евгений **Филин**. № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 86

Х

Характеристики и задачи современного нейтронного оружия. Владимир **Белоус**. № 3, май–июнь 1999, с. 61

Химическое оружие: уничтожать или создавать? (редакционная статья). № 15, март 1996, с. 6

Хорошие новости с саммита «восьмерки» (редакционная статья). № 5, сентябрь–октябрь 2002, с. 3

Ц

Ценности ядерного нераспространения разделяет 75% россиян. Иван **Сафранчук**. № 1, январь–февраль 2000, с. 4

Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма. Айбек **Токтомушев**. № 2, лето 2005, с. 81

Центры силы: прогноз геополитической ситуации после иракской войны. Евгений **Сатановский**. № 1, весна 2004, с. 37

Циклы расширения НАТО. Алексей **Ижак**, Анатолий **Шевцов**. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 43

Ч

Черные дыры – отсюда происходит угроза режимам нераспространения (редакционная статья). № 3, май–июнь 2002, с. 3

Чеченский конфликт и региональная угроза ядерного терроризма. Вячеслав **Шаров**. № 15, март 1996, с. 3.

Что делать? К избранию нового состава Государственной Думы (редакционная статья). № 1, январь–февраль 2000, с. 3

Что может способствовать ядерному распространению? Станислав **Родионов**. № 24, декабрь 1996, с. 14

Что означает явка с повинной полковника Кадаffi (редакционная статья). № 1, весна 2004, с. 7

Ш

Штамм Эболы в Россию привезли разведчики. Валентин **Евстигнеев**. № 4, июль–август 1999, с. 15

Э

Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции. Роланд **Тимербаев**. № 1, зима 2006, с. 29

Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. Николай **Соков**. № 1, январь–февраль 1998, с. 46

Эволюция экспортно-контрольного законодательства США. Владимир **Ермаков**, Евгений **Зведе**. № 4, июль–август 2001, с. 47

Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? Николай **Соков**. № 3, осень 2003, с. 71

Эдвард Теллер. Мемуары. Путешествие в науку и политику в XX веке. Алексей **Обухов**. № 3, осень 2003, с. 165

Экологическая информация и секретность: как преодолеть противоречия? Алексей **Яблоков**. № 25, январь 1997, с. 19

Экологические последствия подземных взрывов. Валерий **Меньшиков**, Борис **Голубов**. № 10, октябрь 1995, с. 14

Экспортный контроль – один из ключевых элементов национальной безопасности. Николай **Успенский**. № 3, май–июнь 1999, с. 5

Экспортный контроль в России: наивно ожидать простых решений. Геннадий **Евстафьев**. № 3, май–июнь 1999, с. 8

Экспортный контроль: приказано выжить. (редакционная статья) № 25, январь 1997, с. 6

Экспортный потенциал наземно-космической обороны – скрытое оружие России. Вадим **Козюлин**. № 1, январь–февраль 2000, с. 15

Энергетическая безопасность предусматривает безопасность в ядерной сфере. Сэм **Нанн**. № 4, зима 2005, с. 3.

Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от действий России. Наталья **Калинина**. № 1, весна 2003, с. 89

Эффективность физической защиты: уроки специальных программ Комиссии по ядерному регулированию США. Олег **Бухарин**. № 2, март–апрель 2000, с. 67

Ю

Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него. Роланд **Тимербаев**. № 2, лето 2005, с. 121

Я

Я даже для одной бомбы не вижу применения. Об академике Льве Феокистова. Светлана **Ковалева**. № 1, весна 2003, с. 165

Ядерная безопасность до и после московской встречи в верхах. Юрий **Батури**н. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 10

Ядерная безопасность и Госатомнадзор. Николай **Филонов**. № 17, май 1996, с. 18

Ядерная безопасность: взгляды из Министерства обороны. Юрий **Федоров**. № 12, декабрь 1995, с. 2

Ядерная энергетика Украины: проблемы и перспективы. Виктор **Заборский**. № 5, сентябрь–октябрь 1999, с. 67

Ядерная энциклопедия. Александр **Румянцев**, Роланд **Тимербаев**. № 30–31, август–сентябрь 1997, с. 45

Ядерное будущее Мьянмы. Анатолий **Лучин**, Виталий **Федченко**. № 1, весна 2003, с. 143

Ядерное оружие будет применено тогда, когда в результате агрессии встанет вопрос: быть или не быть России? Виктор **Есин**. № 2, март–апрель 2000, с. 29

Ядерное оружие как внешнеполитический ресурс: поиски критерия адекватности. Иван **Сафранчук**. № 2, март–апрель 1998, с. 53

Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. Игорь **Андрюшин**, Виктор **Михайлов**, Юрий **Трутнев**, Александр **Чернышев**. № 2, лето 2005, с. 27

Ядерное оружие после холодной войны: нужно ли оно миру и России? Иван **Сафранчук**. № 34–35, октябрь–ноябрь 1997, с. 23

Ядерное равновесие и стабильность в современном мире. Сергей **Брезкун**. № 4, июль–август 2000, с. 40

Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств

по Договору о нераспространении ядерного оружия? Джеймс **Леонард**, Джордж **Банн**, Роланд **Тимербаев**. № 3, март 1995, с. 2; № 3, март 1995, с. 2

Ядерное сближение Индии и США: за и против. Роберт **Айнхорн**. № 4, зима 2005, с. 75

Ядерное сдерживание в стратегическом диалоге между Россией и США. Виктор **Есин**. № 1, весна 2003, с. 131

Ядерное сдерживание и сокращение стратегических наступательных потенциалов. Юрий **Балуевский**. № 1, весна 2004, с. 31

Ядерные вооружения и безопасность России. Роланд **Тимербаев**. № 28, апрель 1997, с. 22

Ядерные «утки»: Qui prodest? (редакционная статья). № 1, январь 1995, с. 8

Ядерные грезы Бразилии. Илья **Фабричников**. № 4, зима 2003, с. 95

Ядерные злоумышленники в Челябинской области могли нанести серьезный вред государству. Виктор **Ерастов**. № 6, ноябрь–декабрь 1999, с. 40

Ядерные технологии – гарант стабильности развития России. Виктор **Мурогов**, Николай **Пономарев-Степной**. № 2, лето 2005, с. 75

Ядерные хищения и ядерная безопасность: что говорят документы Генеральной прокуратуры. Александр **Мыцыков**. № 9, сентябрь 1995, с. 2

Ядерный арсенал должен быть в одних руках. Сергей **Зеленцов**. № 17, май 1996, с. 20

Ядерный Контроль расширяется (редакционная статья). № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 3

Ядерный Контроль становится российским журналом международной безопасности (редакционная статья). № 1, январь–февраль 1998, с. 3

Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные сценарии развития. Дмитрий **Евстафьев**. № 2, лето 2003, с. 131

Ядерный путь Кубы. Фидель Кастро **Диас-Баларт**. № 4, июль–август 2001, с. 57

Ядерный саммит в Москве: подводя итоги. Владимир **Орлов**. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 1

Ядерный терроризм: проблема, которая скоро встанет на повестке дня (редакционная статья). № 2, февраль 1995, с. 6.

Ядерный фактор и региональные балансы сил. Дмитрий **Евстафьев**. № 10, октябрь 1995, с. 8

Ядерный чемоданчик с тройным дном. Антон **Суриков**. № 8, август 1995, с. 15

Periculum est in mora. Юрий **Федоров**. № 3, май–июнь 2002, с. 6

[Опубликована в № 6 (6), июнь 1995]

В статье «Некоторые вопросы по поводу атомной сделки с Ираном» (ЯК №5, 1995, с. 20–21) уважаемый профессор А.В. Яблоков утверждает: «МАГАТЭ по своей природе не способно остановить распространение ядерного оружия. [...] Несмотря на так называемый «контроль» МАГАТЭ, ядерное оружие было создано, по крайней мере, в Израиле, Пакистане, Индии, ЮАР, Северной Корее. Не МАГАТЭ, а США затормозили ядерные программы Южной Кореи и Тайваня. [...] Говорить об эффективности МАГАТЭ в области нераспространения – это значит выдавать черное за белое». Профессор Яблоков прав в одном. Репутация гарантий МАГАТЭ была подвергнута серьезному испытанию в результате обнаружения иракской ядерной программы. Это был настоящий шок: Ирак – член ДНЯО, там проводятся инспекции, результат которых – полная неспособность обнаружить впечатляющую военно-ядерную программу. Одно из объяснений такой беспомощности – то, что до 1991 г. МАГАТЭ проводило инспекции лишь на объектах, которые заявлялись принимающей страной. Тем не менее МАГАТЭ смогло оправиться от шока и усвоить уроки Ирака. Этих уроков, по крайней мере, три.

Урок первый: более качественная разведка. МАГАТЭ должно располагать совершенной системой разведывательной информации, чтобы знать, какие объекты осматривать и где. Речь идет о собственном аппарате в рамках МАГАТЭ, который обрабатывал бы информацию, передаваемую из национальных разведслужб, а также собственную информацию, в том числе об экспорте ядерных материалов, потому что именно по движению ядерных материалов и материалов двойного применения между странами можно сделать достаточно определенные выводы. Но еще более важно иметь постоянный доступ к информации национальных разведслужб, которые в любом случае будут обладать более детальной и обширной информацией, чем спецподразделение в рамках МАГАТЭ. До иракских событий и на национальном, и на международном уровнях преобладало убеждение, что «разведка есть разведка» и она добывает информацию, которой не следует делиться с кем бы то ни было. Ирак это убеждение изменил. С 1991 г. администрация США стала передавать информацию ЦРУ для МАГАТЭ: на что именно прежде всего следует обратить внимание в Ираке. В результате именно под контролем и руководством МАГАТЭ весь иракский военно-ядерный комплекс был уничтожен, взорван. Ирак находится сейчас под продолжительным и очень жестким контролем инспекций МАГАТЭ. ООН также контролирует ситуацию с уничтожением программ Ирака в области химического, биологического оружия и ракет большой дальности.

Вопрос о создании *спецразведподразделения* в рамках МАГАТЭ неоднократно обсуждался Советом управляющих МАГАТЭ, куда входят представители 35 государств. Большинство управляющих высказали опасения, что такое подразделение могло бы стать своеобразным надгосударственным ответвлением ЦРУ, СВР или Моссад. Поэтому вопрос был снят с обсуждения Генеральным директором МАГАТЭ Х. Бликсом. Тем не менее Совет управляющих подтвердил право МАГАТЭ на получение специальной инфор-

мации от национальных разведслужб, в частности фотографий со спутников и т.п. Одновременно оговаривалось, что МАГАТЭ должно быть чрезвычайно аккуратно с получаемой таким образом информацией, ибо опасность тщательно спланированной дезинформации сейчас велика как никогда.

Урок второй: «*всеохватность инспекций*». Инспекторы МАГАТЭ должны направляться на любой объект, который по каким-либо причинам покажется им подозрительным.

Урок третий: «*тесная связь с Советом Безопасности ООН*». МАГАТЭ должно работать в более тесном контакте с СБ ООН в тех случаях, когда этого требуют обстоятельства. СБ ООН, как структура, эффективно принимающая решения, может способствовать успеху инспекций МАГАТЭ в *проблемных* странах и на *проблемных* объектах.

Все эти «уроки Ирака» были учтены МАГАТЭ в ходе его взаимоотношений с Северной Кореей, когда та решила выйти из ДНЯО. Кроме того, немаловажно и внедрение технических усовершенствований, позволяющих проводить мониторинг с высокой чувствительностью и высокой надежностью, когда порой достаточно образцов воздуха или речной воды, чтобы сделать выводы о стадии развития ядерной программы.

Как развивались отношения МАГАТЭ – Северная Корея? Поначалу северокорейцы представили МАГАТЭ 90 граммов плутония, сказав: «Вот все, что у нас есть, вот все, что мы когда-либо производили». Они утверждали также, что этот плутоний был наработан в ходе одной-единственной операции. МАГАТЭ провело мониторинг и пришло к выводу, что северокорейцы лгут. В то же время США передали МАГАТЭ фотографии, сделанные со спутников-шпионов, на которых были изображены два секретных завода, о которых северокорейцы ничего не заявляли МАГАТЭ. МАГАТЭ потребовало проведения специальной инспекции. Северокорейцы ответили: «*Нет*». Когда МАГАТЭ указало северокорейцам, что тем самым они нарушают соглашение о гарантиях МАГАТЭ, Пхеньян объявил, что выходит из ДНЯО. МАГАТЭ трижды докладывало ситуацию Совету Безопасности ООН. Несмотря на явные доказательства (включая развединформацию и результаты мониторинга), СБ повел себя недостаточно жестко, хотя причина здесь известна – китайское вето на любое жесткое решение в отношении КНДР. В тот момент чрезвычайно полезную роль сыграл экс-президент США Дж. Картер, который убедил северокорейцев начать переговоры с США. В результате США и КНДР договорились, что ядерная программа будет заморожена в ответ на поставку легководных реакторов, которые гораздо менее опасны в плане производства ядерных материалов, используемых в военных целях. Таким образом, энергетическая программа КНДР не была нарушена.

Северокорейский пример показывает, что МАГАТЭ значительно продвинулось в области распознавания подпольных ядерных производств. Конечно, профессор Яблоков прав, что от этого у МАГАТЭ не прибавилось возможностей физически заставить страны-нарушители отказаться от их планов. Действительно, у МАГАТЭ нет специальных военизированных подразделений. Тем не менее решение о вооруженном или ином силовом воздействии на страну-нарушителя может принять СБ ООН, который как раз наделен такими полномочиями в случае принятия решения большинством его членов и если существует согласие среди его постоянных членов. Вряд ли поэтому аргументы профессора Яблокова в отношении МАГАТЭ вполне состоятельны. Но еще менее они состоятельны в той части его статьи, где он прямо призывает Россию отказаться от контракта с Ираном.

Возьмем лишь некоторые факты:

Иран – участник ДНЯО. У нас нет никаких свидетельств того, что он хотя бы раз хоть в какой-то части нарушал положения ДНЯО. Иран, пусть с оговорками, выступил за бессрочное продление ДНЯО, не нарушив консенсуса (или, точнее, не выступил против принятия решения без голосования) на конференции в Нью-Йорке.

Иран – член МАГАТЭ. Вся его территория находится в рамках инспекций МАГАТЭ. Иран заявил: «МАГАТЭ может осмотреть любое место на нашей территории. Инспекции могут быть осуществлены и на тех объектах, о которых мы заявили, и на тех объектах, которые по какой-либо причине вызовут озабоченность МАГАТЭ. Ни в одном случае мы не будем

чинить инспекциям МАГАТЭ ни одного препятствия». И МАГАТЭ проводило такие инспекции дважды. Оба раза было осмотрено по три объекта, заявленных Ираном, и по три объекта, вызвавших озабоченность МАГАТЭ (вероятно, на основании информации, поступившей от ЦРУ). Оба раза инспекторы МАГАТЭ не обнаружили ничего – ровным счетом ничего, что бы вызвало хоть малейшие подозрения в нарушении Ираном его обязательств в рамках ДНЯО или гарантий МАГАТЭ. Я, в частности, получил подробную информацию о результатах второй инспекции от участвовавшего в ней сотрудника Французского агентства по контролю над ядерной деятельностью. Знаю его как специалиста высокого класса, убежден: он знает, о чем говорит.

Американцы признают, что сейчас у Ирана нет возможностей для создания ядерного оружия. Министр обороны США У. Перри признал, что «Ирану до создания бомбы еще надо пройти многолетний путь». Но американцы в то же время говорят, что не уверены в дальнейших намерениях и долгосрочных возможностях Ирана. Мы, говорят они, не понимаем, зачем Ирану развивать атомную энергетику при таких огромных запасах нефти и газа. Почему США не задали этого вопроса иранскому шаху, который в 1970-е гг. разработал программу атомной энергетики с созданием 23 АЭС? Разве тогда у Ирана было меньше разведанных запасов нефти и газа, чем сейчас? Американские, немецкие, французские компании соревновались за право осуществить эту грандиозную программу, но никто тогда не говорил о ее возможной военной трансформации. Что же изменилось с тех пор? Только одно: шах был свергнут, и пришедший к власти режим воспринимается в США как враждебный.

Американцы беспокоятся, что легководный реактор типа ВВЭР-1000, который Россия поставит по контракту Ирану, может способствовать в долгосрочной перспективе развитию иранской военно-ядерной программы. И при этом буквально умоляют установить у себя реактор точно такого же типа Северную Корею – страну, которая нарушила гарантии МАГАТЭ и собиралась выйти из ДНЯО (Иран никогда ничего подобного себе не позволял), говоря северокорейцам и всему миру, насколько легководный реактор безопасен с точки зрения ядерного нераспространения. Мы помним также, какому давлению подверглась ФРГ, когда собралась построить аналогичный реактор в Бушере – там, где теперь его будут строить русские.

Несмотря на беспокойство о том, что иранские специалисты «получат ядерные знания в Москве», хорошо известно, что в Иране уже имеется большое число высококлассных специалистов в ядерной физике – ученых, инженеров. Многие из них покинули Иран после прихода к власти Хомейни. Теперь иранские власти делают все возможное, чтобы убедить их вернуться на родину. Как бы то ни было, невозможно запретить обучение ядерной физике, помешать ему. Может быть, профессор Яблоков предложил бы запретить также изучение высшей математики и физики в иранских университетах? То обучение, которое иранские специалисты пройдут в Москве, позволит им более эффективно и надежно осуществлять обслуживание тех легководных реакторов, которые построит Россия, повысит их знания в области ядерной безопасности, но отнюдь не в области создания ядерных бомб!

Россия собирается поставить в Иран, насколько я понимаю, только легководные реакторы. Это сейчас наиболее распространенный тип реакторов в мире. МАГАТЭ осуществило около 200 инспекций подобных объектов, и вывод один: они без труда ставятся под гарантии МАГАТЭ и без труда инспектируются. Да, они зарабатывают некоторое количество плутония. Но это такой плутоний, который крайне неудобно использовать для создания ядерного оружия. Именно таков, кстати, и был мотив США, когда они убеждали Северную Корею перейти на легководный тип реактора. Недаром США продают именно такие реакторы по всему миру: в Японию, Южную Корею, ЮАР... Ни одна из боеголовок, когда-либо произведенных ядерной пятеркой и Израилем, не использует этот тип плутония, предпочитая, конечно, куда более качественный плутоний-239. Так что у меня нет сомнений в том, что МАГАТЭ сможет проконтролировать новые иранские ядерные объекты, и сделает это без проблем.

Другое дело, если бы Россия решила все-таки продать Ирану газовые центрифуги, или построить центрифужный завод по обогащению урана, или пойти на иной подобный

шаг. Тогда я сказал бы, что озабоченность США отчасти оправдана. Важно, что часть российско-иранского протокола по вопросу о центрифужном заводе аннулирована. Озабоченность США была бы оправдана также в случае, если бы Россия поставила Ирану иной, нежели легководный, тип реактора. Озабоченность не в той части, где речь идет об инспекциях МАГАТЭ, – инспекции все равно оставались бы эффективным инструментом, но в том, что касается самого плутония, – поставляя иной тип реактора, Россия, по сути, отдала бы в руки Ирану оружейный плутоний.

Попытки давления со стороны США отчасти объясняются политическими причинами. Одна из них – давление на администрацию Клинтона мощного израильского лобби. Многие в Израиле убеждены, что после уничтожения ядерных объектов в Ираке главным реальным врагом Израиля становится именно Иран. Поэтому израильское лобби в Вашингтоне запустило пропагандистскую машину, работающую против российско-иранской сделки. Каковы бы ни были другие причины столь активного неприятия администрацией Клинтона российско-иранского контракта, России следует выполнить свои обязательства перед Ираном.

В то же время, возможно, наиболее мудрой политикой со стороны России было бы обусловить выполнение контракта с Ираном рядом положений (схожих с теми, которые включены в соглашение между США и КНДР). Наиболее существенно следующее: отработанное ядерное топливо после извлечения из реактора следует вывозить обратно в Россию. Я понимаю, что российское законодательство пока что затрудняет этот процесс. Тем не менее мне представляется, что можно было бы объяснить депутатам Госдумы, насколько важно с точки зрения ядерного нераспространения забирать отработанное ядерное топливо с Бушерской АЭС. Можно было бы также напомнить депутатам Государственной Думы, что политика СССР «вывозить все отработанное ядерное топливо из стран с советскими реакторами, не оставляя ни грамма плутония», получала самую высокую оценку в мире с точки зрения соблюдения буквы и духа ДНЯО. То, что в последнее время Россия заявляет о своей готовности забирать отработанное ядерное топливо из Ирана, а сам Иран не возражает против этого, приводит к мысли, что и этот аргумент противников контракта отпал.

В конце мая 1994 г. в Мадриде состоялась встреча, участники которой, на вид довольно сомнительные личности, обсуждали вопросы торговли оружием из бывшего Советского Союза. Внимание собеседников неожиданно обратил на себя один господин, говоривший с едва заметным немецким акцентом. «Боевые вертолеты и осмий меня не интересуют, – заявил он, – я хочу получить плутоний и только плутоний». Большинству из присутствовавших слово «плутоний» ни о чем не говорило. Однако все обратили внимание на то, что один испанец, который и привел немца на встречу с торговцами оружием, представив его как «очень состоятельного человека», вновь и вновь выводил его на разговор об этом веществе. Через пару недель в мадридской гостинице «Новотель» состоялась повторная встреча с загадочным немцем. Он заявил, что ему необходимо получить образцы плутония-239. При этом вещество должно быть доставлено непременно в Германию, в Мюнхен. К середине июня на всем пространстве от Мадрида до Москвы пошли разговоры о том, что в Баварии существует некий богатый покупатель, который готов платить любые деньги, чтобы заполучить плутоний. Таким путем федеральная разведывательная служба ФРГ (БНД) начала сверхсекретную операцию «Гадес».

Непосредственными исполнителями первого этапа операции «Гадес» были агенты БНД в Испании Роберто и Рафаэль (иначе – Рафа). Роберто (настоящее имя – Петер), сыгравший роль «богатого немца», формально является владельцем небольшого сельскохозяйственного предприятия недалеко от Мадрида. Однако основное занятие этого давно осевшего в Испании немца – шпионаж, сочетаемый с криминальным бизнесом. Он долгое время работал на Федеральную угрозыск ФРГ (БКА), помогая вести наблюдение за дельцами наркобизнеса. По некоторым данным, Роберто-Петер не столько боролся с наркodelьцами, сколько продавал некоторым из них интересующую их полицейскую информацию. Так или иначе, но БКА от его услуг отказался, и он был передан в распоряжение мадридской резидентуры БНД и «посажен на оклад» в пять тысяч марок в месяц плюс премии за «успешную работу».

Что касается Рафы, этнического испанца, то ранее он поступил в военную разведку и был внедрен в среду торговцев наркотиками, проявив себя не многим лучше, чем Роберто. В результате он был переведен в «активный резерв» испанской полиции. Здесь-то его и завербовала БНД, причем в нарушение существующего запрета относительно вербовки агентов органов безопасности «дружественных стран». В досье на Рафу, хранящемся в штаб-квартире БНД в Пуллахе, записано, что предание огласке факта сотрудничества между ним и БНД «может вызвать скандал в немецко-испанских отношениях».

Непосредственный шеф Роберто и Рафы в Мадриде – доктор Петер Фишер-Хольдвег, формально занимает должность руководителя Политического отдела-2 в посольстве ФРГ в Испании, а в «свободное время» возглавляет резидентуру на Пиренейском полуострове. Его агентурный псевдоним в БНД – Эккерлин. Однако в Испании, в кругах нар-

кодельцов и контрабандистов оружием, он более известен под кличкой Эль-Гордо – «Толстяк».

По имеющейся информации, Толстяк работает на управление 11А БНД, которое располагается в строго засекреченном здании № 109 в Пуллахе, в окрестностях Мюнхена, курирует агентуру, оставшуюся с гэдээровских времен, и отвечает за борьбу с наркобизнесом и отмыванием грязных денег. Правда, успехи управления весьма относительны – за последние годы Германия превратилась в основную перевалочную базу наркотиков в Европе. По мнению некоторых экспертов, такое процветание криминальных дельцов во многом объясняется их прочными связями с рядом сотрудников управления 11А.

Другая сфера интересов этих людей – это контрабанда оружия в Хорватию. Здесь немалую роль, по некоторым предположениям, играет мюнхенский «Хюпо-банк», расположенный по адресу Театинерштрассе, 11 – шестой по значению финансовый институт ФРГ. Человеком, имевшим определенное отношение к ряду операций «Хюпо-банка» в Германии, называют некоего Седого – под такой кличкой в криминальных и разведывательных кругах Европы известен госминистр Б. Шмитбауэр. Седой курирует деятельность четырех федеральных спецслужб, включая БНД, и считается одной из ключевых фигур в операции «Гадес».

Непосредственными же исполнителями «Гадеса» стали 39-летний колумбиец Хустиниано Торрес Бенитес и 50-летний испанец Хулио Орос Эгиа. Причем использовали их вслепую. Торрес являлся полукриминальным бизнесменом мелкого калибра. Торговал удобрениями, цементом, шкурами животных, а иногда и вертолетами. Еще раньше он учился на онколога в Краснодаре. Однажды в Москве Торрес познакомился с Оросом. Вскоре они сделались партнерами по бизнесу. Как-то Орос рассказал колумбийцу, что, по поступившей из Испании информации, в Мюнхене появился человек, который помещался на плутонии. Далее, по версии БНД, Торрес вышел на некоего Константина. Тот якобы передал ему три грамма плутония-239. По показаниям Ороса, оба компаньона на поезде выехали из Москвы в Мюнхен. Вещество, по тем же данным, было спрятано в вагонную щель и успешно миновало все пограничные досмотры. По другой версии, наши герои получили в России вовсе не плутоний. Человек, назвавший себя Константином, подсунил им вполне безобидный порошок. Организовал же все некто по кличке Гансик, бывший сотрудник Штази. Интересно, что имя Гансика, в отличие от Рафы, Роберто и Толстяка, пока еще не замелькало в немецкой прессе. Ныне Гансик выдает себя за представителя нескольких немецких фирм, ведущих дела с Россией, и часто навещается в Москву, где, как говорят, привлек к себе пристальное внимание одной из российских спецслужб, подозревающей его в работе на БНД. Правда, ни в чем криминальном уличить Гансика не удалось.

В Мюнхене испанец и колумбиец остановились в номере 705 гостиницы «Альтано» на Арнульфштрассе, 12 и стали ждать покупателя «плутония». Агент Рафа, находившийся в Мадриде и заранее знавший о прибытии образца товара, поставил в известность об этом Толстяка. Тот передал информацию ответственному за проведение операции «Гадес» Рудольфу Вернеру и его шефу, начальнику управления Юргену Меркеру. У тех вдруг зародились сомнения в целесообразности проведения операции. Однако Толстяк настаивал и требовал выплатить Рафе солидное вознаграждение. Не меньшую настойчивость проявил и Гансик, прибывший из Москвы в Пуллах сразу же после отлета Торреса. Все решило вмешательство Седого, который приказал продолжить операцию.

В пятницу 22 июля в Мюнхен в сопровождении супруги прибыл Рафа. Он будет исполнять роль посредника между поставщиками и «покупателями» из БНД. В 20 часов в отеле «Эксельсиор» он встретился с Торресом и Оросом. В кармане у Рафы был миниатюрный микрофон – беседа записывалась. Рафа обещал, что на новую встречу через три дня вместе с ним явится «сам» покупатель. Им оказался сотрудник баварского угрозыска Вальтер Беден. С собой он привел переводчика по имени Адриан – сотрудника управления 11А БНД. Перед встречей обоих немного поднатаскали в ядерной проблематике, и они держатся перед малосведущими в плутонии продавцами в высшей степени уверенно. Весь разговор вновь записали на пленку. Затем появилась папка с расшифрованными записями с пометкой «Акция прослушивания».

Во время встречи Торрес предлагает Бедену купить у него до четырех килограммов плутония, которые, по его словам, находятся в России. Беден заявляет, что ему нужен только плутоний-239. Затем он забрал образец вещества и увез его в лабораторию в институте радиохимии в Гархине, которая установила, что вещество является оружейным плутонием-239 со степенью обогащения 87,7%. Правда, не ясно, какой именно образец подвергался анализу: тот, что был передан Бедену колумбийцем, или другой, подсунутый в последний момент умельцами из БНД.

На следующий день в 15 часов 19 минут продавцы и «покупатели» вновь встретились, на этот раз в гостинице «Кемпински». Торрес повел речь уже об 11 кг плутония, а Орос дополнил, что он звонил в Россию и получил на это согласие. Однако они потребовали гарантии оплаты, причем наличными. Бедену было даже предложено поехать с деньгами в Москву и самому забрать вещество. Но тот отказался. Уже вечером он передал Торресу и Оросу два конверта с 7 тыс. марок «на текущие расходы». Затем Беден показал им одно любопытное банковское письмо. «Дорогой г-н Беден, – говорилось в нем. – С учетом размера Вашего состояния и Вашей прекрасной репутации мы можем и готовы выдать Вам для оплаты деловых операций 276 млн долларов». Письмо это было предоставлено «Хюпо-банком». Впоследствии представители банка были вынуждены признать, что выдача письма была «секретной операцией». Известно о ней было лишь одному посвященному лицу в руководстве банка.

Убедившись в платежеспособности клиента, Торрес отправился в Москву добывать плутоний. Орос остался в Мюнхене. Оттуда он шлет колумбийцу факс: «Деньги в наличии. Вчера я был в банке». Операция «Гадес» подошла к своей кульминации. Согласно одной из версий, люди Гансика в Москве, выдававшие себя за продавцов плутония, уже подготовили и вручили колумбийцу черный чемоданчик фирмы «Делси», содержащий в металлической обшивке порошки, имитирующие ядерные вещества. Абсолютно идентичный чемодан, но уже содержащий 363,4 грамма настоящего плутония, изготовленного, очевидно, на германской установке «Вакерсдорф», и 201 грамм лития-6, был подготовлен в Мюнхене, чтобы в нужный момент скрытно заменить чемодан Торреса в зале выдачи багажа в аэропорту имени Франца-Иозефа Штрауса. Любопытна в этой связи откровенность Рафы. Когда один из сотрудников БНД, не знакомый до конца с деталями операции «Гадес», с тревогой спросил, не опасно ли транспортировать плутоний воздушным путем, Рафа безмятежно произнес: «Меня это не волнует». Действительно, что волноваться, если плутония на самолете и не должно было быть.

Торресу также было сообщено, что в полете его будет сопровождать «один русский, который получит деньги». Тот не преминул сообщить об этом Оросу, что, естественно, было записано немецкой службой прослушивания. Для убедительности баварский министр Томас Гоппель шлет заместителю министра РФ по атомной энергии В.А. Сидоренко приглашение прибыть в Мюнхен «для завершения работы по анализу безопасности российских АЭС». Причем с тем расчетом, чтобы Сидоренко летел тем же рейсом авиакомпании «Люфтганза» № 3369, что и Торрес. Впоследствии германская печать скажет, что Сидоренко – это и есть тот самый русский, о котором Торрес говорил Оросу. Интересно, что Гоппеля и Седого считают людьми германского министра обороны Ф. Рюэ, вотчиной которого является Бавария. О роли в операции «Гадес» этого человека, получившего весьма характерное прозвище Адольф, мы поговорим позднее.

Финальный акт спектакля был разыгран в мюнхенском аэропорту 10 августа 1994 г. Казалось, все спецслужбы Германии явились сюда, чтобы арестовать не ожидавшего такого приема Торреса. Операция по его задержанию была проведена как по нотам, сразу же после того как он получил, как ему казалось, свой багаж, который, однако, заботливые руки людей из БНД уже успели подменить. Вскоре арестовали и Ороса, а также некоего баска Бенгучеа.

Через три дня после арестов усилиями, как полагают, людей Адольфа и Седого была организована утечка информации в прессу. Эффект превзошел все ожидания. Газета «Бильд ам Зонтаг» была тревогу: «Ввезенного в ФРГ контрабандного плутония хватит, чтобы отравить всю питьевую воду». Журнал «Шпигель» посвятил этому событию за-

главную статью. Не отставала и иностранная печать. «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью «Плутоний на продажу».

Затем в дело была пущена «тяжелая артиллерия» – сам федеральный канцлер Г. Коль. В своем послании российскому президенту «друг Гельмут» попросил его принять все меры, чтобы «не допустить бесконтрольного перемещения по миру расщепляющихся материалов». В Москву оперативно был направлен Седой – для переговоров с тогдашним директором ФСК (ныне ФСБ. – *Ред.*) С.В. Степашиним о сотрудничестве в сфере борьбы с ядерной контрабандой. 22 августа 1994 г. он подписал со Степашиним меморандум о сотрудничестве спецслужб России и Германии. Позднее, оправдывая операцию «Гадес», Седой скажет, что эта история принесла «политический успех, поскольку она помогла договориться с русскими о сотрудничестве».

Однако в России зазвучали другие голоса. «В настоящее время в России не существует устойчивых преступных группировок, специализирующихся на хищении и перепродаже ядерных материалов», – заявил заместитель начальника ФСБ по обеспечению безопасности стратегических объектов генерал-лейтенант А.Л. Пушкаренко. По его словам, за последние четыре года ФСБ вскрыло 24 случая хищения и незаконного оборота ядерных материалов. Однако эти материалы оказались непригодными для изготовления ядерного оружия. Система охраны военных и ядерных объектов, на которых разрабатывается ядерное оружие, по мнению Пушкаренко, очень эффективна. Ввиду этого в ФСБ считают, что операция «Гадес» – наиболее яркий пример так называемого интрузивного вмешательства Запада, представляющего реальную угрозу нашей национальной безопасности, попытка обвинить Россию в том, что она фактически утратила контроль над своей ядерной отраслью и стала источником контрабандных ядерных материалов, поступающих на мировой черный рынок.

По словам Пушкаренко, в Германии хорошо известны оценки МАГАТЭ, согласно которым 95% публикаций об утечках ядерных материалов из России не соответствуют действительности. В остальных случаях имеет место утечка лишь энергетических ядерных материалов, не пригодных для создания ядерного оружия. Энергетические материалы абсолютно легально можно приобрести в Минатоме. В реальности никакого «черного рынка» ядерных материалов не существует. Ни одного случая поставок оружейного плутония из России не зафиксировано. Что же касается так называемого «черного рынка» ядерных материалов в Германии, то этот миф создан немецкой прессой не без помощи спецслужб. Это, в частности, и демонстрирует скандал в ФРГ вокруг операции «Гадес», цель которой, как это видится сейчас, состояла в искусственном создании системы аргументов для вмешательства в дела России и взятия под международный контроль ядерной программы и объектов под предлогом того, что в России якобы отсутствуют надежные средства контроля за ядерными материалами, получаемыми после разукрупления ядерных зарядов. Параллельная цель, как это уже очевидно, – дискредитация России как партнера в области мирного использования атома. «Мораль» скандалов: зачем связываться с Россией, которая не может обеспечить сохранность ядерных материалов, когда можно закупить те же материалы и АЭС в какой-нибудь другой стране.

Сотрудничество со спецслужбами Германии, о котором договорились Степашин и Седой, фактически не состоялось. Важно, что германская сторона отказалась предоставить России задержанный плутоний для анализа. Позиция Минатома однозначна: материал не российский. Образцы в Россию вряд ли поступят, иначе правда о происхождении материалов откроется общественности. Отказ немцев окончательно воздвиг стену недоверия между спецслужбами двух стран. На запрос баварского уголовного ведомства, какие лица и фирмы значатся под номерами телефонов, с которыми из Германии связывался Торрес, из Москвы пришла фактически отписка.

Тем временем в Германии управляющий делами парламентской фракции СДПГ П. Штрук высказал подозрение, что акция с контрабандой плутония была спланирована БНД. Вслед за ним председатель СДПГ Р. Шарпинг заговорил о возможной инсценировке. «Это абсурдные, чудовищные обвинения, выдвинутые в полемическом задоре», – откровенно заявил Седой. Возник скандал и в Мадриде. Рафа при поддержке Толстяка требовал от БНД 300 тыс. марок «за работу». Причем Толстяк заявил: «Поскольку выборы в Ба-

варианты (крайне важные для Адольфа) состоялись, ничто не мешает нам довести до конца расчеты по операции «Гадес». После долгих проволочек БНД выплатила Рафе 100 тыс. марок. Однако еще 200 тысяч, которые должно было выложить правительство федеральной земли Бавария, оно соглашалось заплатить лишь после окончания судебного процесса. В то же время возня вокруг денег сбила с толку мюнхенскую прокуратуру. Прокуратура потребовала явки Рафы в суд, пригрозив в противном случае объявить его в розыск. И Рафа явился, правда, в сопровождении сотрудника БНД. Все это получило широкую огласку.

Однако подлинный скандал разразился в начале 1995 г. после серии публикаций в германской прессе. В преддверии суда, начавшегося в мае, расследованием обстоятельств происшедшего занялась также контрольная комиссия бундестага по наблюдению за деятельностью спецслужб. Неприятные вопросы были заданы Седому, оказавшемуся на грани отставки. Тень от скандала пала и на «друга Гельмута». Лишь Адольф по-прежнему остается в тени. Надолго ли?

Судя по всему, операция «Гадес» имеет двойное и даже тройное дно. Для широкого круга посвященных «Гадес» – это операция с целью выявления источников утечек ядерных материалов из России. Для более узкого круга, включая очевидно и Коля, – это провокационная акция с целью дискредитации России в глазах мировой общественности с целью создания системы аргументов для установления интернационального контроля над ее ядерным комплексом и подрыва ее позиций на рынке ядерных технологий. И, наконец, для самого узкого круга приближенных Адольфа «Гадес» – это способ убрать Коля. Сценарий здесь приблизительно такой. Сначала выполняющий волю Адольфа Седой устраивает провокацию. Затем оппозиция раздувает громкий скандал. Седой уходит. Через пару лет его можно будет тихо реанимировать. Но, уходя, Седой тянет за собой «друга Гельмута», который никогда уже не вернется.

В данной версии остается открытым лишь один вопрос: кто выдал операцию «Гадес» и засекреченную агентуру БНД германской прессе? По предположениям одной из российских спецслужб, эту роль сыграл некто Брюсселец – под этим прозвищем в определенных кругах проходит немецкий политик и натовский деятель К.Фойт. Чем ответит «друг Гельмут»? «Пожирают друг друга, как пауки в банке. Хуже, чем в Кремле. Противно даже», – прокомментировал ситуацию один из знатоков германской внутривластной кухни.

Вышла в свет монография ПИР-Центра

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ: история, применение, угроза распространения и перспективы развития

Парадигма оружия массового уничтожения в XX веке претерпела серьезные изменения. Было запрещено и уничтожается химическое и бактериологическое оружие. Многие видные ученые считают, что логика современного технологического развития постепенно и непременно приведет в XXI веке к отходу и от ядерного оружия. Со временем высокоточное оружие (ВТО), как оружие сегодняшних «войн малой интенсивности», сможет решать стратегические задачи на любом театре военных действий.

Уже в наши дни сопряжение информационно-разведывательных технологий с высокоточным оружием ближнего и дальнего боя позволяет сокрушать даже хорошо оснащенного противника, не входя с ним в прямое соприкосновение. Удар таким оружием по атомным электростанциям, крупным топливно-энергетическим объектам, химическим и биологическим производствам неизбежно приведет к «неприемлемым потерям». ВТО обладает контрсилowym потенциалом, то есть может угрожать стратегическим объектам, включая и объекты Стратегических ядерных сил, а с другой стороны – оно может стать средством проведения масштабного террористического воздействия.

Одной из мер противодействия угрозе беспилотных летательных аппаратов (БЛА) должно стать ужесточение контроля над распространением собственно БЛА и их технологий. Чтобы выработать действенные меры контроля, необходимо представлять, что же такое БЛА. Между тем у специалистов и экспертов до сих пор нет единого подхода к определению БЛА.

Авторы монографии рассказывают об угрозах, рожденных массовым внедрением БЛА, в том числе с которыми Россия может столкнуться уже в ближайшее время, приводят прогноз развития беспилотных крылатых ударных средств как фактор, влияющий на степень военной угрозы России.

Книга открывается предисловием командующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковника Н.Е. **Соловцова** и генерального директора корпорации «Тактическое ракетное вооружение», д.т.н. Б.В. **Обносова**.

Авторы монографии: старший советник ПИР-Центра генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. **Евстафьев**, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, к.в.н. И.К. **Макаренко**, профессор Академии военных наук, к.в.н. М.И. **Павлушенко**.

Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, включая представителей дипломатического корпуса, военных экспертов, ученых, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию *East View*
по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881,
электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru
<http://www.eastview.com>

Президент Российской Федерации на «саммите тысячелетия» выступил с инициативой по энергетическому обеспечению устойчивого развития человечества, кардинальному решению проблем нераспространения ядерного оружия и экологическому оздоровлению планеты Земля. Он выдвинул предложение об организации международного проекта, направленного на достижение этих целей с помощью ядерной энергетики. Актуальность и своевременность политической инициативы президента России на пороге нового века не вызывает сомнений.

Инициатива Президента Российской Федерации основана на критическом анализе состояния мировой энергетики. В наступившем веке условия развития мировой энергетики определяются ограниченностью ресурсов дешевого органического топлива, особенно нефти и газа, высоким уровнем загрязнения окружающей среды отходами энергетики, необходимостью энергообеспечения людей с учетом высокого темпа роста населения планеты и большого различия в уровнях экономики развитых и развивающихся стран. Очевидно, что в различных регионах мира темпы развития и структура энергетики (и топливной, и промышленной) будут существенно различаться. Совокупность всех этих факторов будет определять региональную и мировую энергетическую политику. Без согласованной на международном уровне общей концепции развития энергетики обеспечение ее устойчивого развития будет затруднено.

Анализ проблем энергетики и охраны окружающей среды в условиях продолжающегося роста населения и предвидимого роста энергопотребления показывает необходимость в перспективе широкомасштабного развития ядерной энергетики, по крайней мере для ряда регионов мира, в том числе для России. Широкомасштабное развитие ядерной энергетики позволит уменьшить влияние парникового эффекта, экономически и экологически оптимально обеспечить рост мирового энергопотребления. Нефть и газ будут сохранены для неэнергетического использования и для энергетических установок, где их применение наиболее эффективно.

Решение энергетических проблем человечества за счет развития ядерной энергетики потребует совершенствования и развития ядерного топливного цикла (ЯТЦ), реализации замкнутых топливных циклов, расширенного воспроизводства ядерного топлива, вовлечения новых видов ядерного топлива, разработки ядерных энергетических установок различных типов и уровней мощности с реакторами на тепловых и быстрых нейтронах. Все это необходимо для удовлетворения различных потребительских запросов и решения структурных задач ядерной энергетики. Для крупномасштабной ядерной энергетики обязательна реализация замкнутых топливных циклов, с тем чтобы помимо использования делящегося изотопа урана-235, имеющегося в природе, обеспечить расширенное производство и использование искусственных делящихся изотопов плутония и урана-233.

Многие необходимые элементы структуры будущей ядерной энергетики получили на предыдущих этапах достаточный уровень развития, однако многое еще предстоит сделать для создания целостной структуры ядерной энергетики, способной к долговременному и широкомасштабному развитию. В первую очередь это касается разработки технологий, элементов и системы ЯТЦ и решения проблемы обращения с радиоактивными отходами. Развитые страны, заботясь о будущем, должны содействовать внедрению в развивающихся странах имеющихся и новых проектов, адаптируя их к условиям и требованиям этих стран. Создание новых, более современных ядерных энергетических технологий, в полной мере учитывающих уроки полувекового опыта и отвечающих условиям большой энергетики, требует активных совместных действий всех стран, заинтересованных в ядерной энергетике, и в первую очередь тех стран, которые обладают научно-техническим потенциалом и опытом.

Среди проблем, которые должны быть решены при широкомасштабном развитии ядерной энергетики, необходимость кардинального повышения эффективности нераспространения ядерного оружия не вызывает сомнения. В любом случае технологическая схема ядерных энергоустановок, предприятий топливного цикла и форма используемого топлива должны разрабатываться с учетом требований нераспространения ядерного оружия. Хотя понятно, что ядерная энергетика – не единственный и не основной путь распространения ядерного оружия. Современные технологии обогащения естественного урана и получения из естественного урана плутония не в энергетических реакторах позволяют получить ядерные материалы, необходимые для оружия. Действующий в настоящее время международный режим нераспространения ядерного оружия в основных своих положениях сложился более 30 лет назад и не учитывает развитие и распространение новых ядерных технологий и произошедшие изменения в мировой политической и экономической ситуациях. Поэтому кардинальное повышение эффективности курса на нераспространение ядерного оружия должно предусматривать политические, организационные и технические мероприятия как национального, так и международного уровней – как в сфере топливного цикла мирной ядерной энергетики, так и в сфере обращения с ядерными материалами.

Формат выступления президента России на саммите не требовал технической детализации решения предложенной им инициативы. Однако в речь президента оказались включены технические идеи «кардинального повышения эффективности нераспространения ядерного оружия путем исключения из использования в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония». Эти идеи оказались непонятны общественности, допускают противоречивое толкование и вызывают неприятие у специалистов.

Можно привести некоторые примеры.

Обогащенный уран. Понятие «обогащенный уран» в соответствии с общепринятыми определениями включает две категории: низкообогащенный уран (НОУ) и высокообогащенный уран (ВОУ). Признано, что для создания ядерного оружия необходим ВОУ. В энергетических реакторах мирной энергетики используется НОУ и не рекомендуется использование ВОУ. Предложение исключить из использования обогащенный уран встретит негативное отношение практически всего мирового ядерного сообщества, так как ныне действующая мирная ядерная энергетика, базирующаяся на корпусных реакторах кипящего типа и с водой под давлением, использует обогащенный уран в виде низкообогащенной фракции.

Исключение использования обогащенного урана и чистого плутония в ядерной энергетике. Это предложение как мероприятие кардинального «повышения эффективности нераспространения ядерного оружия» опровергается следующими примерами. Ядерное оружие было создано в отсутствие гражданской ядерной энергетики. Индия не имеет обогатительной промышленности и не использует в своей мирной ядерной энергетике чистый плутоний. В ядерной энергетике Индии работают тяжеловодные реакторы, использующие топливо из естественного урана. Образующийся в них плутоний не возвращается в топливный цикл энергетике. Казалось бы, все условия кардинального повыше-

ния эффективности нераспространения соблюдены, но тем не менее, Индия имеет ядерное оружие. Примерно то же самое можно сказать и о Пакистане.

Возвращение в ядерный топливный цикл плутония. В ряде стран (Германия, Франция, Бельгия) освоена переработка облученного ядерного топлива энергетических реакторов, извлечение *чистого* плутония и его использование в реакторах для получения энергии. Таким образом, предложение отказаться от накопления на складах плутония, выделенного после переработки облученного топлива, и вернуть его в ЯТЦ уже реализуется в действующей ядерной энергетике.

Окончательное решение проблемы радиоактивных отходов. Анонсирование того, что проведенные в России основательные исследования по возможности сжигания плутония и других элементов создают предпосылки окончательного решения проблемы радиоактивных отходов, является преждевременным, так как исследования находятся на начальной стадии.

По всей видимости, основная часть технического наполнения инициативы навеяна разработкой проекта «Брест». Увлеченность руководителей атомной отрасли России проектом «Брест» понятна, как понятно и их стремление возможно быстрее – *через самый верх* – внедрить свои намерения. Утверждается, что «Брест» способен решить все проблемы крупномасштабной ядерной энергетики: неограниченное обеспечение топливом, кардинальное решение проблемы нераспространения, естественная безопасность, сжигание радиоактивных элементов и окончательное решение проблемы радиоактивных отходов. Однако эти позиции не только не доказаны научными и техническими работами, но и спорны по ряду основных положений.

Соединение реактора и процесса переработки в едином комплексе, по замыслу авторов проекта «Брест», якобы обеспечит гарантии нераспространения. Смесь плутония с актионидами, которую планируют использовать разработчики «Бреста» при замыкании топливного цикла, непригодна в качестве ядерного оружия, но из нее можно без особого труда извлечь чистый плутоний и начинить им не реактор, а бомбу. Такое решение ограничит коммерческое использование этих реакторов кругом стран-членов *ядерного клуба*, так как передача технологии переработки облученного топлива неядерным странам повышает риск распространения. Кроме того, это решение повышает риск радиационной опасности с учетом конечной операции снятия с эксплуатации.

Масштаб внедрения реакторов типа «Брест» и, соответственно, масштаб развития ядерной энергетики будет определяться количеством плутония, получаемого при переработке облученного ядерного топлива действующих тепловых реакторов. Неминуемо потребуются создавать производственные мощности переработки топлива и извлечения из него *чистого* плутония, хотя это противоречит идее разработчиков о кардинальном решении проблем нераспространения и естественной безопасности захоронения радиоактивных отходов. Наряду с наращиванием производительности перерабатывающих заводов потребуются расширение добывающей и обогащательной урановой промышленности. Эти факторы не учитываются авторами проекта «Брест», заявляющими о решении проблемы нераспространения.

Для решения топливной проблемы будущего необходимы циклы с расширенным воспроизводством ядерного горючего. В топливном цикле проекта «Брест» искусственно исключается расширенное воспроизводство, что послужит ограничением крупномасштабного развития ядерной энергетики. Не изучена проблема утилизации избыточных нейтронов.

Проект «Брест» находится на начальной стадии разработки. Технология свинцового жидкометаллического теплоносителя на сегодняшний день не отработана. В большом объеме интегральной схемы «Брест» не обеспечивается равномерность поддержания кислородного потенциала в узком разрешенном диапазоне (если он будет подтвержден). Чтобы обеспечить работоспособность тепловыделяющих элементов, необходимо найти оптимальное для заданного уровня и диапазона изменения температур содержание кислорода в теплоносителе и стабильно поддерживать его на этом уровне в течение всего срока эксплуатации реакторной установки. Не обоснована работоспособность

конструкционных материалов в свинце при принятой температуре и при высоком облучении нейтронами. Не изучено влияние облучения в реальных реакторных условиях на поведение в свинце тепловыделяющих элементов и топливной композиции. Сама по себе проблема смешанного нитридного топлива требует значительных усилий и времени для ее разрешения. Технические решения по переработке топлива находятся на начальной стадии разработки.

Долгосрочная стратегия развития ядерной энергетики России и соответствующие решения правительства РФ определили задачи ближайшего и дальнего этапов в области действующих реакторов, реакторов нового поколения и топливных циклов. Самое пагубное на нынешнем этапе – волевым путем объявить какое-то технологическое решение лучшим и главным, бросить на него все силы и средства, отставив все остальные направления. По состоянию обоснования технических решений проект «Брест» – быстрый реактор со свинцовым теплоносителем – не подготовлен для стадии технического проектирования и не может быть выделен в настоящее время как единственный вариант долгосрочной стратегии развития ядерной энергетики России. Тем более этот проект не может служить основой для международного объединения усилий, а именно в предложении объединить усилия и состоит основная ценность инициативы президента.

Необходимо изучать, разрабатывать и отрабатывать новые технологии, оценивая их как по технико-экономическим критериям, так и с позиций снижения риска распространения. В разных странах мира (США, Франция, Япония, Республика Корея и другие) ведется поиск путей развития и технических решений ядерной энергетики нового поколения. В этой обстановке инициатива президента России о международном проекте может сыграть объединяющую роль, если иметь в виду изучение и сопоставление ряда направлений развития ядерной энергетики, разрабатываемых и оцениваемых по единым технико-экономическим, экологическим и *нераспространенческим* критериям. Выработка таких критериев должна быть составной частью Международного проекта. Необходимо расширительное толкование предложений президента России. Это требования к ядерной энергетике будущего, оптимальная структура, основные элементы и новые проекты будущей ядерной энергетики; снижение риска распространения ядерного оружия. Трактовка этой инициативы как реализация проекта «Брест» вызывает отторжение международной общественности.

Целью Международного проекта должны стать сопоставление программ и концепций различных стран и организация в рамках согласованных позиций и требований международного сотрудничества по разработке и реализации проектов по конкретным энергетическим установкам и системам ЯТЦ. Проект предполагает объединение усилий всех заинтересованных стран в энергетическом обеспечении устойчивого развития человечества.

При обсуждении вопроса о поддержке инициативы президента на ученом совете Курчатовского института было предложено выделить в составе Международного проекта ряд направлений, каждое из которых впоследствии может образовать несколько проектов.

Требования к ядерной энергетике будущего. Ядерная энергетика должна предоставить возможность экономически эффективного, надежного, безопасного производства энергии во всех регионах мира, в которых развитие энергетики на основе органических топлив принципиально затруднено по экономическим, ресурсным и экологическим ограничениям, сдерживающим развитие этих регионов.

В качестве направления работ на первом этапе следует рассмотреть формирование широкого набора требований к ядерной энергетике при ее долговременном и крупномасштабном развитии. Одна из основных задач при переходе к устойчивому развитию заключается в разработке экономических и политических механизмов, способствующих этому развитию.

Оптимальная структура и основные элементы будущей ядерной энергетики. Необходимо осуществить выбор структуры и элементов ядерной энергетики, удовлетворяющей различным требованиям. В ней должны быть реализованы замкнутые топливные циклы с оптимальным нейтронным и нуклидным балансом, обеспечены необходимая работа-

ка ядерного горючего и многократное рециклирование топлива, минимизированы количества радиоактивных отходов и обеспечена возможность использования полезных продуктов.

Решение проблем нераспространения ядерного оружия. Увеличение объемов использования ядерной энергии, утилизация оружейных материалов, расширение областей применения, расширение круга стран, использующих ядерную энергию, воспроизводство ядерного топлива, замыкание топливного цикла и прогресс ядерных технологий (не только в топливном цикле ядерной энергетики) сохраняют опасность распространения ядерного оружия. Работы по снижению опасности распространения должны включать направления:

- регулирование технологий, уязвимых по признакам опасности распространения, в том числе вне топливного цикла ядерной энергетики;
- выбор стратегических решений и технических средств во всех звеньях топливного цикла с целью уменьшения накопления пригодных для оружия ядерных материалов, снижение их общих объемов и потоков циркуляции;
- утилизация излишних оружейных ядерных материалов;
- разработка и внедрение технологий обращения с ядерными материалами, технологий, обеспечивающих внутреннюю защищенность ядерных материалов, то есть использующих технологические барьеры, затрудняющие несанкционированное выведение ядерных материалов из цикла;
- совершенствование организационных мероприятий и технических средств физической защиты, учета и контроля ядерных материалов.

При выработке международных рекомендаций по широкомасштабному развитию ядерной энергетики необходимо выбрать оптимальную траекторию развития от сегодняшнего состояния до отдаленного будущего. При этом может появиться необходимость совместной разработки и демонстрации в ближайшем будущем ядерных технологий, которые станут основой для последующего широкомасштабного развития. Эти технологии должны быть направлены на решение таких задач, как:

- неограниченная обеспеченность топливными ресурсами за счет эффективного использования природного урана, а в дальнейшем и тория;
- исключение тяжелых аварий с радиационными выбросами, требующими эвакуации населения, при любых отказах оборудования, ошибках персонала и внешних воздействиях – за счет, главным образом, внутренне присущих ядерным реакторам и их компонентам природных качеств и закономерностей;
- экологически безопасное производство энергии и утилизация отходов за счет замыкания топливного цикла со сжиганием в реакторе долгоживущих актиноидов и продуктов деления и надежным захоронением радиоактивных отходов без нарушения природного радиационного баланса;
- закрытие канала распространения ядерного оружия, связанного с ядерной энергетикой, и обеспечение физической защиты ядерного топлива от несанкционированного использования;
- экономическая конкурентоспособность за счет низкой стоимости и воспроизводства топлива, высокой эффективности термодинамического цикла, решения проблем безопасности АЭС без усложнения их конструкций и предъявления трудно-выполнимых требований к оборудованию и к персоналу.

Организация Международного проекта потребует выработки рекомендаций по финансированию проекта и его управлению, а также по процедурам работы (создание рабочих групп, метод принятия рекомендаций и т.п.). Разработка ядерных технологий давно

уже приобрела интернациональный характер и применительно к следующему веку должна исходить из потребностей мировой энергетики и осуществляться совместными усилиями заинтересованных стран. Создание новых ядерных технологий отвечает долгосрочным интересам мирового сообщества, и в первую очередь интересам развитых стран, и должно быть поддержано их правительствами при условии, что эти технологии не увеличивают опасность расползания ядерных материалов, пригодных для создания оружия.

Разработку Международного проекта предполагается проводить под эгидой МАГАТЭ как авторитетной международной организации, которая своим уставом уполномочена «оказывать любые услуги, могущие принести пользу в научно-исследовательской работе в области атомной энергии, или в развитии атомной энергии, или в практическом применении атомной энергии в мирных целях». Однако МАГАТЭ не может внести собственно научно-технический вклад в разработку проекта. Его задача – организация работы международных экспертов по оценке достигнутых результатов и выработке рекомендаций. Не может МАГАТЭ внести и сколько-нибудь значительный вклад в финансирование проекта.

Создание новых ядерных технологий – дело чрезвычайно дорогостоящее и под силу странам с развитой научно-исследовательской и промышленной инфраструктурой в этой области. В число таких стран входит и Россия. Представляется, что объединение усилий в разработке ядерной технологии выгодно России, как и другим наиболее развитым в этом отношении странам. Такое объединение усилий может быть достигнуто наиболее развитыми странами как на двухсторонней, так и на многосторонней основе. В связи с этим, видимо, следовало бы вынести вопрос о «Международном проекте по энергетическому обеспечению устойчивого развития человечества, кардинальному решению проблем нераспространения ядерного оружия и экологическому оздоровлению планеты Земля» на заседание «Большой восьмерки», где могли бы быть определены общие принципы организации работ по проекту и его финансированию.

Примечание

¹ Автор выражает благодарность специалистам Курчатовского института П.Н. Алексееву, Н.Е. Кухаркину, В.А. Сидоренко, С.А. Субботину, В.К. Сухоручкину, с которыми были обсуждены и выработаны основные тезисы этой статьи.

Широко распространенное мнение о том, что после Ялты и чуть ли не до 20 марта 2003 г. существовала некая архитектура международной безопасности, освященная международным правом и действующими международными институтами, является глубоким заблуждением.

Биполярная система мира, действительно существовавшая после Ялты до падения Берлинской стены в 1989 г., была основана, как сейчас модно говорить, на «кулачном праве» двух сильнейших игроков – СССР и США. ООН и Совет Безопасности были своего рода площадками, на которых премьеры мировой сцены вместе с многочисленными статистами состязались в пропагандистском красноречии и идеологических диспутах. Реальные же вопросы безопасности, вопросы войны и мира решались в другом месте – там, где происходил диалог двух сверхдержав.

Вспомним, например, самый драматический конфликт полувековой давности противостояния – Карибский кризис. Заседание Совбеза, на котором Э. Стивенсон демонстрировал снимки советских ракет на Кубе, было весьма эффектным и бурным. Однако реальный процесс урегулирования этого кризиса, историю которого мы знаем теперь не только по дням, но и по часам, не имел никакого отношения к Совету Безопасности ООН.

Карибский кризис многому научил две ядерные сверхдержавы. Результатом осмысления этого опыта стала выработка серии двухсторонних соглашений в ядерной сфере – Договоры ПРО, ОСВ-1, ОСВ-2 (не ратифицированное, но соблюдавшееся обеими сторонами соглашение) и создание постоянных институтов, обслуживающих эти соглашения.

Целью этих соглашений были кодификация отношений крайней враждебности и предотвращение перерастания ее в военный конфликт, чреватый ядерной эскалацией. Война стала невозможной, потому что обе стороны приняли нигде явно не сформулированную, но имплицитно присутствовавшую в корпусе всех этих соглашений концепцию ВГУ (взаимно гарантированного уничтожения). Обе стороны строили свои стратегические силы таким образом, что каждая из них сохраняла возможность нанести оппоненту неприемлемый ущерб в ответном ударе. Таким образом, начало ядерной войны (первый удар по территории противника) автоматически означало бы взаимное самоубийство.

Концепция ВГУ (а не Устав ООН) действительно была краеугольным камнем системы международной безопасности в период холодной войны.

Эта система предотвратила могущее стать фатальным для мира прямое столкновение сверхдержав, но не смогла предотвратить десятки локальных конфликтов и войн в различных регионах мира, унесшие миллионы жизней. Во многих из них участвовали прямо или через посредников либо СССР, либо США, либо и те и другие вместе.

Странно звучит и ностальгический тезис о принципе незыблемости национального суверенитета, якобы действовавшем в счастливые времена послеялтинской архитектуры международной безопасности. Национальный суверенитет нарушался направо и налево, в том числе и Советским Союзом. Достаточно вспомнить походы в Венгрию, Чехословакию, Афганистан.

Важно для дальнейшего отметить, однако, что были ситуации, когда нарушение суверенитета являлось несомненным благом, бесспорным в глазах мировой общественности. Так, вторжение вьетнамских войск в Камбоджу было бесспорным нарушением ее суверенитета, но оно предотвратило уничтожение безумным режимом еще одной трети населения Камбоджи.

Распад биполярной системы мира породил определенные иллюзии в области безопасности, крайним выражением которых была концепция Ф. Фукуямы о «конце истории». Очень скоро выяснилось, что речь идет не о конце истории, а о начале многих новых и неприятных историй: кровавый распад Югославии; конфликты на территории бывшего СССР; Сомали, Руанда, Восточный Тимор и т.д. И, наконец, 11 сентября 2001 г. обозначило новый тотальный вызов, брошенный цивилизации международным терроризмом.

Мировое сообщество оказалось неподготовлено ко всем этим новым вызовам ни институционально, ни концептуально. Об иллюзорности таких институтов безопасности, как ООН и СБ, уже говорилось. Другим широко распространенным заблуждением является представление о существовании некоего корпуса норм международного права, которыми и должны руководствоваться все государства. Таким образом, все проблемы мировой политики сводились бы к определению «легитимности» или «нелегитимности» тех или иных действий. Если бы все было так просто... Перечислим несколько общепризнанных принципов международного права, зафиксированных в десятках деклараций, хартий, соглашений:

- Суверенитет государства и его территориальная целостность.
- Право наций на самоопределение.
- Права человека, сформулированные Декларацией ООН и подтвержденные законодательством большинства стран, включая Россию.
- Право государств на самооборону.

Если взглянуть теперь на любую серьезную международную проблему, на любой из нескольких десятков тлеющих или пылающих локальных конфликтов, то мы увидим, в каком кричащем противоречии между собой находятся эти принципы. Собственно, все конфликты и проблемы именно этими противоречиями и порождаются.

Каждый, кто изучал хотя бы элементарный курс математической логики, знает, что если система аксиом содержит противоречащие друг другу утверждения – А и не-А, то из нее можно вывести любое произвольное заключение. Именно такую систему и представляет собой современное международное право, и поэтому практически любое действие государства на международной арене (так же как и противоположное) может найти свое обоснование в одной из норм международного права.

Наиболее продвинутые политики прекрасно это понимают. Вот что говорил, например, Президент РФ В.В. Путин на своей пресс-конференции по окончании Санкт-Петербургского саммита 12 апреля 2003 г.: «Вместе с тем, в последнее время проявились и многие несовершенства в структуре международного права, а также ее внутренние противоречия, в которых, на мой взгляд, скрыт серьезный конфликтный потенциал.

Политики, лидеры государств опираются на действующие правовые механизмы. И неадекватность этих механизмов может быть чревата серьезными последствиями. Я убежден, что если бы своевременно были заданы четко работающие правовые механизмы для решения кризисных ситуаций, можно было бы находить гораздо более эффективные решения самых сложных мировых проблем».

Остановимся теперь более подробно на четвертом принципе и специфике его применения в мире после 11 сентября. Как уже отмечалось выше, ядерная безопасность в период холодной войны покоилась на принципе сдерживания, когда каждая сторона понимала, что потенциальный противник не самоубийца. А как может действовать этот принцип сейчас, когда мы имеем дело с террористами-камикадзе? В мире появилась новая потенциальная угроза – террористы, получившие доступ к ОМУ, в отношении которой принцип сдерживания не работает и парировать которую можно только с помощью превентивных мер.

Принцип незыблемости национального суверенитета никогда не был абсолютным и тем более не может быть таковым в современном мире. Впервые концепция превентивных ударов была сформулирована предельно четко и откровенно в «Новой доктрине национальной безопасности США», опубликованной в сентябре 2002 г. Декларированное США право на превентивные удары как естественное продолжение права государства на самооборону неоднократно критиковалось в российской печати.

Приведем, однако, две цитаты:

«Если кто-то хотя бы попытается использовать средства, сопоставимые со средствами массового уничтожения в отношении нашей страны, мы будем отвечать мерами, адекватными угрозе. По всем местам, где находятся террористы, организаторы преступлений, их идейные и финансовые вдохновители. Подчеркиваю, где бы они ни находились».

«В таких случаях, и я это официально подтверждаю, мы будем наносить удары. В том числе превентивные».

Кто эти ястребы, проповедующие концепцию превентивных ударов, нарушающую священный принцип суверенитета национального государства? Д.Рамсфелд, П. Волфовитц, Д. Чейни, К. Райс?

Первое высказывание – это выступление президента В.В. Путина на заседании правительства 28 октября 2002 г. Второе – заявление министра обороны С.Б. Иванова, сделанное им еще 22 сентября 2002 г.

Выступление В.В. Путина было официальным запросом Верховного главнокомандующего соответствующим ведомствам на выработку новой российской военной доктрины, включающей концепцию превентивных ударов как ответ на угрозы, в отношении которых неэффективна традиционная концепция сдерживания.

Похоже, что каждое государство в отдельности с легкостью и энтузиазмом принимает для себя концепцию превентивных ударов как реализацию принципа права на самооборону, но довольно скептически относится к готовности других государств принять такую же концепцию.

Кто же в таком случае будет определять «легитимность» превентивного удара, степень его адекватности реальной угрозе? Совет Безопасности? Но когда Совет Безопасности что-либо определял? В период холодной войны, когда была очевидна его никчемность, либо в последующее десятилетие, когда он продемонстрировал свою беспомощность, не предотвратив и не остановив ни одного из конфликтов, унесших сотни тысяч жизней на территории бывшей Югославии, бывшего СССР, Руанды, Сомали, Афганистана?

Нарастающая хаотичность современного мира, вызовы радикализма, терроризма, угроза распространения оружия массового уничтожения создают объективный запрос на какую-то форму не фиктивного (ООН, СБ), а реального мирового правительства. Спрос рождает предложение. После 11 сентября 2001 г. подобную роль пытаются играть США. Такая ситуация, видимо, не устраивает никого, в том числе и самих американцев.

Конфронтация с США, построение различных антиамериканских треугольников приведет только к тому, что США останутся этим правительством, причем тем более неэффективным (с негативными последствиями для всего мира), чем больше будет нарастать их изоляция.

Совершенно бесплодным самовнушением, искренним или лицемерным, являются призывы вернуться к некоей «системе международной безопасности», якобы разрушенной иракским кризисом. Не было такой системы, не было даже концептуальных подходов, адекватных вызовам современного мира.

Тем более мировое сообщество должно сосредоточиться на выработке как концепции, так и институтов нового мирового порядка. Прежде всего необходимо обратиться к проблеме противоречия между различными принципами международного права и попытаться выработать какие-то разумные правила баланса между ними.

Но при этом нужно ясно отдавать себе отчет в том, что при всем возможном совершенствовании норм международного права решение проблемы не может быть чисто легалистским. Оно всегда будет политическим. Нельзя придумать абстрактную конституцию, пригодную для решения всех возникающих конфликтов, для которой равноправными субъектами будут и демократические страны, и тоталитарные режимы, рвущиеся к ядерному оружию.

Роль эффективного мирового правительства может выполнить только союз ответственных мировых держав, объединенных общим видением проблем и вызовов современного мира, общими ценностями и обладающих ресурсами – политическими, экономическими, военными – для реализации их совместной политики.

Наиболее близкой к этим требованиям структурой является «Большая восьмерка». Россия, ставшая полноправным членом этой структуры, объективно заинтересована в том, чтобы «восьмерка» значительно расширила сферу своей ответственности в области международной безопасности. Традиционно неформальный и доверительный характер обсуждений в «Большой восьмерке» наилучшим образом подходит для выработки совместных решений по ключевым вопросам мировой политики.

Соединенные Штаты останутся лидером внутри этой восьмерки (а в будущем, возможно, девятки или десятки), но конструктивное и откровенное обсуждение ключевых вопросов текущей политики позволит ведущим державам выработать культуру консенсуса. В общих интересах мирового сообщества не отчуждение США, а превращение их в ответственного лидера, учитывающего интересы и озабоченности своих партнеров.

ООН, которая как бюрократическая структура такого масштаба никуда, конечно, не исчезнет, могла бы при этом играть роль транслятора совместных решений ведущих держав.

Такая трансформация «Большой восьмерки» в ведущий институт международной безопасности невозможна без участия России. Полноправное членство в «восьмерке» является очень важным политическим ресурсом России. На наш взгляд, гораздо более серьезным, чем такой во многом мнимый и по инерции переоцениваемый нашей дипломатией унаследованный от СССР атрибут сверхдержавности, как постоянное место в Совете Безопасности. «Большая восьмерка» как институт глобальной безопасности просто будет неэффективна без России, географически соприкасающейся со всей той дугой нестабильности, которая несет наибольшую потенциальную угрозу миру. С другой стороны, и Россия в силу той же причины не может обеспечить свою безопасность вне союза с ведущими индустриальными странами.

Сознает ли это наш политический класс? Трехнедельная оргия ненависти к Америке и торжествующего злорадства по поводу ее мнимых или реальных неудач, прокатившаяся по всем нашим телеканалам, вызывает серьезные сомнения в его адекватности и вменяемости.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ИДЕОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПРОТИВОБОРСТВА

[Опубликована в № 4 (64), июль–август 2002]

Невиданные прежде по безжалостности и размаху террористические акты 11 сентября 2001 г., последовавшая за ними операция в Афганистане поставили перед учеными, политиками и правительственными ведомствами немало острых вопросов. Являются ли эти события первыми проявлениями нового глобального конфликта? Если такое предположение верно, то какова социальная и идеологическая природа этого конфликта? Где проходят линии фронта надвигающейся «третьей мировой войны»? Каковы средства и методы борьбы с международными террористическими организациями и движениями?

Эти проблемы были в центре дискуссии, проведенной ПИР-Центром в конце апреля 2002 г. В ней приняли участие заместитель директора ИМЭМО РАН В.Г. Барановский, старший научный сотрудник ПИР-Центра Д.Г. Евстафьев, заведующая сектором Института востоковедения РАН И.Д. Звягельская, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН Э.А. Паин, председатель Совета ПИР-Центра Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке) Р.М. Тимербаев, первый проректор МГИМО МИД РФ И.Г. Тюлин, заместитель директора ПИР-Центра Ю.Е. Федоров. Высказанные в ходе дискуссии мнения и соображения представляются полезными для понимания новой ситуации, складывающейся на мировой арене в начале XXI века.

ФЕДОРОВ: Существуют разные представления о причинах событий 11 сентября 2001 г., о том, как они соотносятся с особенностями мирового развития после холодной войны. Иногда их считают первыми проявлениями «третьей мировой войны», в том числе «войны неимущих против имущих». Нередко – ставят в один ряд с палестинским терроризмом в Израиле, чеченским сепаратизмом, албанским ирредентизмом и т.д. Часто говорят об исламском фундаментализме как о движущей силе всех этих явлений. Итак, что привело к событиям 11 сентября 2001 г., как они связаны с другими экстремистскими проявлениями?

ТИМЕРБАЕВ: Массовый террор – явление далеко не новое. Он практиковался в религиозных, идеологических, политических и иных целях на протяжении всей истории человечества. Хорошо известны его проявления в России: «опричнина», «нечаевщина», «красный» и «белый» террор 1918–1922 гг., ужасающие сталинские репрессии и т. д. А разве холокост времен Второй мировой войны – не массовый террор?

Многочисленны проявления террора и во взаимоотношениях христианского и мусульманского мира. Кровавая война с многочисленными террористическими актами с обеих сторон между мусульманской Испанией и христианской Францией восьмого века нашей эры, нашедшая отражение в народном эпосе, в том числе в «Песне о Роланде», крестовые походы, многие другие столкновения между мусульманами и христианами – этот список можно продолжать бесконечно.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. привлекли всеобщее внимание не только из-за своих масштабов и уникальности. Дело, как представляется, еще и в том, что США впервые оказались уязвимыми для подобных варварских действий, осуществленных в результате заговора, по-видимому, небольшой группы людей.

Являются ли события 11 сентября очередной вспышкой острой вражды между исламским экстремизмом и преимущественно христианской Америкой? Думается, это одна из причин. Но есть и другие. Затянувшийся более чем на 50 лет ближневосточный конфликт не мог не стать питательной средой для указанных событий. Кроме того, некоторые религии и этносы скорее, чем другие, идут на самопожертвование. Пример – арабские шахиды и японские камикадзе.

Имеются также более глубокие причины: сложные взаимоотношения между Югом и Севером, постоянно увеличивающийся социально-экономический разрыв между промышленно развитыми и менее развитыми государствами. В колониальный период метрополии относительно успешно «держали в узде» зависимые территории и населяющие их народы. И тогда, правда, вспыхивали восстания против колонизаторов, но их быстро подавляли. Обретя политическую свободу, бывшие колониальные государства стали более решительно добиваться улучшения условий своей жизни. Отсюда – все усиливающаяся борьба с глобализмом.

Дополнительные факторы, создающие сегодня возможности для «мегатерроризма», – развитие и постоянное усовершенствование коммуникаций, воздушных и иных сообщений в мировом масштабе, появление оружия массового уничтожения и разнообразных средств его доставки. И эти процессы остановить невозможно.

БАРАНОВСКИЙ: Действительно, экстремизм возник не 11 сентября. Его носителями являются люди, испытывающие по социальным, идеологическим, этнонациональным или иным основаниям острое неудовлетворение существующим положением вещей и убежденные, что в обществе отсутствуют механизмы, позволяющие это положение исправить ненасильственным образом. В этом смысле есть связь между самыми разнообразными проявлениями экстремизма. Однако, если говорить не о существовании дела в этом широком смысле слова, а о конкретных ситуациях, в том числе только что упомянутых, то организационная связь между ними не очевидна и требует доказательства. Ставить же знак равенства между фундаментализмом – исламским или любым другим – и экстремизмом неправомерно.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ: На мой взгляд, к событиям 11 сентября привел комплекс причин, напрямую не связанный ни с проблемой бедности, хотя ее нельзя игнорировать, ни с замкнувшимися в своем национальном или этническом пространстве радикальными исламскими движениями, хотя их «малые войны», безусловно, могут служить примером для подражания экстремистам и радикальным исламистам в других районах мира. Чечня, палестинский терроризм, вспышки террора в отдельных мусульманских государствах – во всех этих случаях речь идет о достаточно четко определенных рамках, границах и целях террористических действий. Террор используется сепаратистскими, ирредентистскими и оппозиционными движениями, борющимися против конкретных режимов и политических систем и в конечном итоге преследующими цели утверждения новых государственных образований, социально-политических порядков, обеспечения доступа к власти, контроля над ресурсами и пр.

События 11 сентября выходят из этого ряда хотя бы по тому признаку, что до сих пор политики и ученые спорят относительно целей, преследовавшихся террористами, разрушившими здания Всемирного торгового центра. Ни одна организация открыто не взяла на себя ответственность за происшедшее. Более того, характер осуществления операции свидетельствовал, что речь идет не о национальном движении, а о некоем глобальном вызове, новом и неожиданном по своему характеру и масштабам. Не случайно в центре внимания оказались бен Ладен и созданная им организация «Аль-Каида». Сферы ее деятельности, практика вербовки боевиков не ограничены национальными рамками.

Исламские лозунги обеспечивают в нынешних условиях мобилизацию населения, используются для оправдания методов и целей движения, привнося в него элемент некоей божественной справедливости и предопределенности. В условиях кризиса радикальных светских идеологий они взяли на себя функции «освящения» ведущейся борьбы, весьма приземленной по своим целям. При этом исламизм накладывает на особенности местной политической культуры, которые, в частности, доминируют в выборе средств и методов воздействия на противника. Так, палестинские шахиды – это самоубийцы, которые не задумываясь приносят себя в жертву, чтобы унести вместе с собой жизни как можно большего числа людей. Для чеченского терроризма это нехарактерно. Террористические акты готовятся так, чтобы нанести максимальный ущерб, но идея жертвенности чеченским террористам чужда.

Глобализация и вестернизация породили на периферии исламского мира переплетение традиционных структур с современными техническими средствами, сделавшими возможным ведение борьбы в интересах воображаемой мировой исламской уммы. При таком подходе речь уже идет не о поиске идеологии, заменяющей дискредитировавший себя светский национализм, а о попытках реализовать масштабную глобальную утопию, в которой причудливо сочетаются достижения современной цивилизации с ценностями исламского полусредневекового захолустья. Многие считают, что разрушение Всемирного торгового центра было актом мести Соединенным Штатам, самой мощной западной державе, персонифицирующей чуждую для мусульман культуру, и одновременно результатом своего рода комплекса неполноценности у тех, кто задумал и осуществил это преступление.

Разумеется, это не противоречит наличию связей между национальными радикальными исламистскими движениями и организациями типа «Аль-Каиды», существованию общих источников финансирования. Но стоящие перед ними задачи, равно как и их генезис, различны, а следовательно, требуют различной тактики борьбы.

ЕВСТАФЬЕВ: Сами террористические акты в США не следует слишком тесно связывать со «столкновением цивилизаций». Версия американцев, что авторами их были исключительно бен Ладен и «Аль-Каида», меня не слишком убеждают. Скорее всего, в США имелись очень существенные внутренние силы, заинтересованные в возникновении столь масштабного кризиса. Конечно, исламисты принимали участие в реализации замысла террористических актов, однако во всем чувствуется наличие закулисных «кукловодов». Последних, видимо, стоит поискать в самой американской элите. И то, что такие «кукловоды» появились, очень симптоматично. Коль скоро разрешение противоречий произошло столь варварским способом, сложившаяся в США и действовавшая довольно безотказно система «сдержек и противовесов», на деле – система отношений между основными олигархическими группировками, начинает давать сбои. Хотя правды о событиях 11 сентября 2001 г. мы не узнаем никогда.

Для ответа на вопрос о природе событий 11 сентября интерес представляют три момента. С точки зрения концепции «столкновения цивилизаций» главное – это даже не то, как и кем были осуществлены террористические акты. Главное – какова на них реакция в мире. И, без преувеличения, радостная реакция мусульманского мира, и настороженность китайцев, и переход Индии на проамериканские позиции вполне укладываются в концепцию «столкновения цивилизаций» в самой жесткой трактовке. В этом контексте, очевидно, концепция «столкновения цивилизаций» действует.

Далее, экономические условия современной Америки оказались недостаточным стимулом для того, чтобы сломить радикально-фундаменталистские настроения в среде непосредственных исполнителей террористического акта. Но главное – в их действиях была ярко выражена антисистемность. Они не боролись за «светлое будущее», не предлагали своих проектов мироустройства, даже не выступили с посмертным заявлением. Они просто убили несколько тысяч человек. Это свидетельствует, что террористы – в отличие от «кукловодов» – не имели никакой позитивной программы. Это существенно отличает террористические акты 11 сентября от всего того в мировом терроризме, с чем мы имели дело в 1970–1990-х гг. И это вполне может стать новой террористической па-

радикальной. А она, в свою очередь, частью новой парадигмы «столкновения цивилизаций».

Наконец, впервые противостояние с США было перенесено на территорию этого государства, а не было реализовано в тех регионах, где «ставки» для американцев были гораздо ниже и где американцы могли не ограничивать себя в средствах. Пример может оказаться заразительным, тем более что террористические акты показали уязвимость США как социально-политической системы, хотя конкретное поведение американцев оказалось более эффективным, нежели это можно было предположить.

Даже если допустить исламскую природу террористических актов 11 сентября, в ней практически невозможно найти экономический компонент, «протест обездоленных» или «классовую борьбу». Ни бен Ладен, ни непосредственные исполнители террористических актов не подходят под категорию «обездоленных». И это еще один аргумент в пользу концепции «столкновения цивилизаций». Но характерно, что реакция американцев, европейцев и отчасти России на новую геополитическую ситуацию построена не в рамках концепции «столкновения цивилизаций», а по биполярной модели: «Север против Юга» (хотя как таковой «Север» сейчас явно не существует, а «Юг» в основном отождествляется с субгосударственными участниками системы международных отношений), «кто не с нами – тот против нас» и т. п. В этом – уязвимость сегодняшних усилий мирового сообщества.

ПАИН: Популярность идеи заговоров в современной России объяснима. Она хорошо согласуется с ростом не критического отношения к себе. «В наших бедах виноваты не мы, а некие скрытые силы: олигархи, мафия, коррупционеры, террористы, заброшенные откуда-то извне». Подобными гипотезами переполнена российская пресса. Повышенное внимание нынешней российской интеллигенции к идее заговоров отражает не только предрассудки массового сознания, но и модное в наше время стремление угодить власти лежачим. Ведь если всему виной внешние заговорщики, то меньшая ответственность лежит на властях государства, на чьей территории проявляются экстремизм и терроризм.

Реальность намного сложнее. По мере возрастания ценности человеческой жизни и свободы личности мировая цивилизация становится все более уязвимой для террористов, посягающих на жизнь и свободу человека, чтобы уравнивать свои шансы в борьбе с более сильным противником. Носителями нетерпимости, политического экстремизма и терроризма выступают представители двух противоположных групп социума. С одной стороны – его низов, как правило, из среды распадающегося аграрного общества или новых горожан, не адаптированных к новым условиям жизни. Это «сырье», «пушечное мясо» террористических группировок. С другой стороны – это представители образованных и состоятельных сословий, но также характеризующиеся некоей социальной, культурной или сугубо психологической маргинальностью. Это идеологи и организаторы экстремистских и террористических группировок.

На мой взгляд, гипотеза о борьбе «богатых и бедных» как основной причине терроризма некорректна. Предположения, что рост политического экстремизма напрямую связан с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем региональных, этнических или религиозных групп, не подтверждается ни историческими примерами, ни специальными исследованиями. Так, в замкнутых, застойных обществах, например у бушменов Южной Африки, находящихся на крайне низком уровне экономического и социального развития, ничего похожего на политический экстремизм, а тем более терроризм не проявляется.

Мой главный тезис: важнейшей предпосылкой развития политического экстремизма и терроризма выступает маргинализация различных слоев общества вследствие незавершенной модернизации. К таким незавершенным процессам, несомненно, относятся системные кризисы, подобные тем, которые пережили народы бывшего Советского Союза и Югославии, вынужденные одновременно в короткие сроки изменять свой политический режим, экономическую систему и национально-государственное устройство.

Экстремизм и терроризм заметны, прежде всего, в обществах, вступивших на путь трансформаций. Они концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни. На персональном уровне предпосылки этнического и религиозного экстремизма, выливающиеся в рост неприязни, агрессии, страха перед чужими, вызываются любыми изменениями социального статуса – его понижением или повышением, если они увеличивают разрыв между притязаниями личности и возможностью их удовлетворения. На уровне социума, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, модернизаций.

В таких условиях почти неизбежен «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Стремление к его преодолению может создавать предпосылки политического экстремизма. Возрождается интерес людей к консолидации в первичных, так называемых примордиальных этнических и конфессиональных общностях. Усиливается ксенофобия. Возрастает влияние традиционалистских идеологий, перерастающих зачастую в фундаментализм. Среди них – идеи «очищения от нововведений» и «возврата к истокам».

Все эти тенденции тесно связаны между собой. Процесс консолидации в примордиальных общностях может порождать ксенофобию, поскольку в ее основе лежат те же социально-психологические механизмы – противопоставление первичных общностей по принципу «мы» – «они». Ксенофобия как претеча этнического и религиозного экстремизма возникает также вследствие негативного самоутверждения примордиальных общностей. Зафиксированы две противоположные его формы. С одной стороны, негативизм по отношению к группам, оцениваемым как стоящие ниже, чем «мы», на цивилизационной лестнице. Это те, кого в России презрительно называют «чурки». С другой – негативное отношение к группам, к которым возникает зависть со стороны «мы». Этот феномен хорошо проявляется, например, в массовых антиамериканских настроениях.

Переломные периоды закладывают предпосылки для экстремизма еще и тем, что значительно повышают интерес людей, испытывающих фрустрацию и депрессию, к историческим традициям. Традиционализм же, доведенный до логического конца, выступает основной предпосылкой различных проявлений радикального идеологического явления – фундаментализма. Рост традиционализма, в особенности фундаментализма, в свою очередь усиливает стремление к культурной изоляции, препятствующей модернизации.

Далее, экстремизм может порождаться незавершенной урбанизацией, специфическими формами индустриализации, изменениями этнодемографической структуры общества, особенно в условиях бурных нерегулируемых миграционных процессов. Практически всегда политический экстремизм возникает в период национально-государственного строительства, если оно сопровождается борьбой центрального правительства с этническим сепаратизмом и региональной автаркией.

Итак, экстремизм и терроризм – внутренние недуги, порождаемые главным образом дисгармоничным развитием в социальной, политической и культурной областях. Они наиболее вероятны в зонах концентрации незавершенной модернизации и культурной маргинализации. Но развитие терроризма возможно в любой стране, поскольку предпосылки для него существуют почти везде. Например, везде в той или иной мере проявляется ксенофобия; во многих странах действуют экстремистские организации, пытающиеся навязать свою «единственно верную» идеологию согражданам. И то и другое являются предпосылками терроризма, и лишь разная их концентрация дифференцирует страны и общности по уровню опасности возникновения террористических группировок. Однако само по себе это создает лишь предпосылки для экстремизма. Превращение его в особую идеологию и политическую практику – всегда дело рук конкретных людей и групп.

ТЮЛИН: Террористические акты 11 сентября, равно как и другие проявления фундаментализма, стали своего рода изнанкой процесса глобализации. Глобализация – это

не только рост макроэкономической взаимозависимости, но и политический процесс, позитивные стороны которого заключаются в стремлении гармонизировать интересы, делегировать большую часть вопросов международных отношений на уровень международных, в отдельных случаях – наднациональных органов. Негативная сторона политической глобализации связана с тем, что не все фактические субъекты международных отношений допущены на равных к переговорному процессу. Учет их интересов крайне затруднен как процедурно, так и с точки зрения статуса. Для реализации своих интересов и обеспечения участия в переговорных процессах многие из таких субъектов создают так называемые непризнанные государства и контролируют собственную территорию. Другие – добиваются признания со стороны международного сообщества путем применения силы. Единственный практически возможный вариант этого – не борьба с вооруженным противником, а операции против мирного населения: этнические чистки, террор против страны проживания, террористические удары по основным несущим конструкциям и опорам нового международного порядка, заинтересованным в углублении процессов глобализации. На мой взгляд, событие 11 сентября стало всего лишь одним, хотя и наиболее ярким проявлением данной тенденции.

ФЕДОРОВ: Иван Георгиевич Тюлин поставил очень важный вопрос: терроризм как реакция на глобализацию. Мы пока плохо знаем, что представляет собой глобализация. Ясно, однако, что она меняет условия и факторы успешного развития общества. На первый план выходят способность к технологическим и социальным инновациям, умение эффективно действовать в быстро меняющейся транснациональной среде, масштабы информатизации, уровень интеллектуальной и политической свободы. Теряет абсолютное значение национальный суверенитет. Возникает новый мировой порядок, предполагающий, помимо всего прочего, доминирование международных обязательств, режимов и норм над национальными интересами. Нравится нам это или нет, но остановить эти процессы невозможно.

Перед всеми обществами и группами стоит дилемма: либо адаптация к глобализации, использование ее в интересах технологического прогресса и решения социальных проблем, либо отставание и стагнация. Такая адаптация весьма сложна. Необходимо овладеть новыми технологиями. Нужно создать социальные и политические институты, соответствующие новым мировым условиям. И то и другое невозможно без утверждения антропоцентрической системы ценностей. Она порождает либеральную культурную среду и правовую систему, способствующие экономическому и социальному процветанию.

Нет ответа на вопрос, можно ли перейти от традиционных, в том числе имперских моделей общества и государства к «постнациональным» без длительных промежуточных этапов и глубоких внутренних напряжений. Многие общества и группы, и не только в «третьем мире», оказываются недостаточно динамичными или конкурентоспособными, чтобы овладеть новыми технологиями. Далеко не все способны преодолеть культурный традиционализм, в полной мере «открыться миру», воспринять новые идеи и ценности, отказаться от подозрительности в отношении развитых демократий.

В свою очередь, трудности адаптации углубляют мировые диспропорции, усиливают фрустрации и фобии, порождаемые сложностями модернизации. Среди таких фобий – восприятие глобализации как утверждения в мире американского господства, опасение относительно превращения независимых государств в новые колонии Запада. Но это не только иррациональные фобии. Такие взгляды отражают еще и интересы «традиционного истеблишмента», неспособного эффективно действовать в новой мировой экономической среде и не понимающего механизмов и принципов ее функционирования.

Неспособность адаптироваться к глобализации порождает напряженность, стимулирует экстремистские взгляды как традиционалистского, так и левого толка. Это создает интеллектуальную и эмоциональную среду, благоприятствующую зарождению и росту радикальных политических и политико-религиозных движений, в том числе террористических. Нельзя исключать, что «традиционный истеблишмент» может использовать их в своих экономических и политических интересах.

Есть и иной аспект проблемы. Экстремистские и террористические движения не ограничиваются, разумеется, пределами исламского мира, однако именно там они получили сегодня особое распространение. Как вы полагаете, есть ли какая-либо связь между исламом или, может быть, исламским фундаментализмом и терроризмом? Если такая связь существует, в чем она может проявляться? Какова политическая специфика религиозного фундаментализма?

БАРАНОВСКИЙ: Не считаю, что исламский мир обладает монополией на терроризм. Во-первых, последний существует и за пределами исламского мира. Во-вторых, терроризм в исламском мире проистекает не столько из самого ислама, сколько из существования там благоприятной почвы для терроризма. Об этом здесь уже говорилось. Почему там существуют такие условия – особый вопрос, но опять-таки сомневаюсь, что это связано со спецификой собственно ислама. Вопрос же о религиозном фундаментализме и его политической специфике выходит далеко за рамки проблематики терроризма.

ПАИН: Доводы, приводимые в доказательство особой предрасположенности ислама к терроризму, меня не убеждают. На практике разница между религиозными фанатиками разных конфессий незаметна. Почти каждая из них изобилует примерами участия религиозных активистов и даже духовных пастырей в политическом терроризме. Значительно лучшие объяснения причин вспышки экстремизма в так называемом исламском мире можно получить на основе анализа особенностей исторического развития соответствующих стран.

Так, в зоне, где сосредоточено свыше трех четвертей исламского населения (Индонезия, Пакистан, Афганистан и арабские государства), заметны незавершенность и деформированность многих социальных и культурных процессов. Урбанизация приводит там к гигантской концентрации недавнего сельского населения в городах, но не обеспечивает «неоурбанистам» возможностей культурной адаптации. Сами города утрачивают черты городской культуры и как бы дезурбанизируются. Такая среда обеспечивает расширенное воспроизводство маргинальных слоев населения (массовой социальной базы экстремизма).

Там же не завершены процессы национально-государственной консолидации. Это порождает целую гроздь последствий, благоприятствующих развитию экстремизма. В условиях напряженных взаимоотношений центрального правительства с локальными сообществами и этническими меньшинствами главную роль в консолидации населения берет на себя ислам. В итоге значительно повышается политическая роль религии, которая оспаривает у светской власти ее роль в управлении государством. Мечети и медресе зачастую становятся центрами пропаганды политического экстремизма. Возникают военизированные религиозно-политические организации и движения – «Талибан», «Хамас», «Братья-мусульмане», «Аль-Каида» и т.п.

В исламском мире в большей мере, чем в христианском, религия становится основой межгосударственных, международных альянсов. Это само по себе создает предпосылки для появления идеи глобального противостояния. Иногда теоретические основы подобных противопоставлений черпаются из работ, не имеющих ничего общего с исламом, например из широко известной концепции Хантингтона, которую часто используют для обоснования якобы существующей несовместимости исламской и иудео-христианской цивилизаций.

Важную роль в распространении этнического и религиозного экстремизма в мусульманском мире играет преобладание там авторитарных политических режимов. Они провоцируют насилие как форму разрешения политических противоречий и придают ему характер культурной нормы.

Существенную роль в создании предпосылок экстремизма играют и особенности индустриализации, характерные для указанных стран. «Ресурсная индустриализация» (нефтяная индустрия в арабских странах и в Индонезии, производство наркотиков в Афганистане и Пакистане) приводит к маргинализации культуры. Занятость в этих областях влечет за собой изменения лишь неких внешних атрибутов бытовой культуры, но не стимулирует комплексных изменений культурных навыков, ценностных ориентаций, соци-

альных связей. В зонах такой индустриализации возникают причудливые многоуровневые социальные и культурные образования, пригодные для развития экстремальных политических течений. Например, наркобизнес не только не побуждает к социальным и культурным переменам, но и всячески эксплуатирует традиционные связи и этническую солидарность как условия для конспирации, необходимой для данного бизнеса. Экстремизм и нелегальная экономика развиваются в теснейшем переплетении и сотрудничестве.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ: Связь между исламским радикализмом и терроризмом существует только в том смысле, что исламу способен дать идеологическое обоснование и интерпретацию любым национальным и протестным движениям в мусульманском ареале, в том числе и применяющим террористические методы. Однако напрямую связывать его именно с терроризмом нет оснований. В исламе, в том числе и в фундаменталистском, существует достаточный простор для умеренности, гибкости, сбалансированных подходов. Терроризм может быть санкционирован не «высоким» исламом, а упрощенным и выхолощенным. То обстоятельство, что именно радикальный экстремистский ислам апеллирует к миллионам мусульман, связано с тем, что умеренный ислам оказался неспособным немедленно дать столь желанную для многих из них альтернативу – превратить в жизнь исламский проект государственности и миропорядка, который был бы воплощением справедливости. Более того, он оказался не в силах противостоять наступлению более динамичной цивилизации, несущей чуждые для простых мусульман ценности, отвергающей их традиции, обвиняющей их в варварстве и тоталитаризме. Исламские экстремисты, как в свое время большевики, предлагают простые решения, столь понятные для масс, неспособных задумываться над мусульманской философией и этикой и тяготеющих к незатейливой интерпретации основ исламского вероучения. При этом исламский экстремизм паразитирует на идее мусульманской общности, которая крайне притягательна для массы людей, не уверенных в собственном будущем, нередко рассматривающих себя как объект глобального заговора. Здесь играют роль и бедность и приниженность, так как они создают почву для семян ненависти и нетерпимости.

ТЮЛИН: Ислам не обязательно порождает терроризм. Террор в стране басков, в Ольстере или в мексиканском штате Чьяпас не имеет исламских корней. Однако если мы говорим не только об исламе, а именно о религиозном фундаментализме, то многое становится объяснимым. Прежде всего, наиболее последовательная массовая база для терроризма формируется за счет нематериальных стимулов, коренящихся в сфере фанатичной веры. Именно крайние адепты идеологических или религиозных систем, с одной стороны, способны перерастанию их в тоталитарную форму, а с другой – отбрасывают нормы человеческой морали. Таким образом, снимаются ограничения на применение насилия против мирных жителей и других некомбатантов, причем сами террористы готовы отдать жизнь, становясь шахидами, мучениками, героями.

ЕВСТАФЬЕВ: Ислам на сегодняшний день является самой динамичной религией, особенно по сравнению с «застывшими», за исключением сект, христианством и иудаизмом. Но агрессивность ислама связана не с тем, как создавалась эта религия. Первоначальный ислам как раз не был инвариантно агрессивным, хотя в нем был ярко выраженный прозелитический элемент. Вопрос в том, какую динамику приобрела ситуация в исламском мире сейчас. Мы плохо знаем современный ислам, чтобы делать исчерпывающие выводы относительно основных процессов в исламском мире. Анализ нынешнего «неоваххабизма» как религиозного явления просто невозможен: это почти сумбурный набор лозунгов, который более приемлем для политической структуры тоталитарного свойства, нежели для новой религиозной идеологической системы.

Однако в целом нельзя не отметить возрастание агрессивности религиозных течений. Резко растет агрессивность индуизма, выделяются агрессивные секты в протестантизме. По сути, «Свидетели Иеговы» и некоторые другие секты не отличаются от неоваххабитов ничем, за исключением инструментария стимулирования прозелитизма, – та же агрессивность, то же неприятие других религий и пр. Появляются нетрадиционные религиозные течения: сайентологи, мунисты, «Аум Синрикё». Рад был бы ошибиться, но,

возможно, это следствие деидеологизации государства, изъятия из его функций «духовного наставничества». А если хотите – следствие насаждаемого на государственном уровне космополитизма. В итоге наиболее духовно одаренные люди не находят для себя места в «нормальной» действительности и стремятся уйти в параллельную реальность. У исламистов просто внутренняя ситуация «удачно» совпала с внешней, т.е. духовный кризис в арабском мире эффективно вписался в концепцию «столкновения цивилизаций».

Ситуация в исламском мире – тот случай, когда «хвост начал вилять собакой». Сначала создался так называемый «афганский интернационал», который не без помощи ЦРУ и ряда крупных бизнесменов в арабских государствах начал бороться против СССР в Афганистане. Большая часть правительств арабских стран с радостью это восприняла: появилась возможность «сплавить» большой объем взрывного потенциала за пределы своих государств. Интересно, что примерно через двадцать лет они будут так же относиться к ситуации в Чечне. Надо признать, что и СССР активно играл на этом «поле»: вспомним, как в 1970-е – первой половине 1980-х гг. в массовом порядке издавались работы о том, что в исламе есть социалистический, революционный элемент. Успехи коммунистов в «раскачивании лодки» были, конечно, скромнее, но все же...

Однако в «афганский интернационал» оказались вытеснены наиболее агрессивные и амбициозные молодые люди, которые вряд ли имели шанс получить «место под солнцем» у себя на родине. Они в результате вернулись назад в виде «уважаемых людей» с деньгами и боевым опытом, рассказы которых привлекательны для молодежи. Они стали неформальными авторитетами, тогда как формальные авторитеты – мусульманское духовенство и пр. – свой авторитет утратили, поскольку ушли в схоластику и не смогли дать толкование наиболее жгучим политическим явлениям. В результате опыт «войны с неверными» востребован уже не в качестве «легенды», а как духовная установка. В том числе и в силу простоты и понятности целей и задач этой войны и сопряжения «джихада» с конкретной действительностью (например, войны в Боснии и Герцеговине, где деятельность неоисламистов по продвижению радикальных исламских ценностей хорошо оплачивалась арабскими спонсорами и вооружалась ЦРУ и НАТО). Конечно, для исламской «улицы» или «базара» результаты деятельности таких авторитетов оказывались более привлекательными, нежели схоластические рассуждения богословов.

ФЕДОРОВ: Мне кажется, мы подошли к очень важному моменту. Политический терроризм, как и радикальные политические движения вообще, невозможен без основательного и агрессивного идеологического фундамента. Он необходим, чтобы оправдать и обосновать самопожертвование, убийство мирного населения, массовые репрессии и т. п. Требуется некая «сверхцель» или «сверхцели», более важные, чем жизнь, интересы и ценности конкретного человека, во имя достижения которых допустимо и даже необходимо насилие, переходящее в геноцид.

В XX веке такими идеологиями были марксизм в его коммунистическом и национал-большевистском вариантах, нацизм и некоторые разновидности крайнего национализма. Нацизм был дискредитирован после Второй мировой войны, левая идея, хотя и не полностью, – к концу XX века, особенно после краха коммунизма в Восточной Европе и СССР. В мусульманском мире на смену левым идеологиям приходит ислам в своем фундаменталистском виде. Примером может служить палестинский терроризм, который на раннем этапе нередко использовал марксистскую риторику, а сегодня ориентируется на исламские лозунги.

Другая сторона дела состоит в специфике развития самого ислама. В нем выделилось радикальное крыло, провозглашающее своей целью непримиримую борьбу с западной цивилизацией, а фактически стремящееся остановить и обратить вспять процессы модернизации. За ним стоят интересы слоев и групп, чьи позиции подрываются модернизацией и интеграцией соответствующих обществ в глобальные процессы и структуры. Таким образом, сегодня совпали потребности экстремистских политических движений и особенности радикального варианта ислама. Однако ни марксизм, ни фашизм не исчезли с идеологической карты мира. Нельзя исключать их возрождение в качестве массовых тоталитарных идеологий, способных распространиться в немусульманском мире

и стать основой очередного ренессанса экстремистских движений. В свою очередь, радикальный ислам может исчерпать свой мобилизационный потенциал. В итоге может появиться новый идеологический монстр в виде «исламо-марксизма» или «исламо-фашизма».

Собственно говоря, такие комбинации время от времени уже возникали.

Так или иначе, события 11 сентября 2001 г. продемонстрировали растущую опасность международного терроризма. Сегодня говорят – и, возможно, не без оснований – о «супертерроризме», «мегатерроризме», «ОМУ-терроризме» и т.д. Между тем складывается впечатление, что ни международное сообщество в целом, ни отдельные страны не нашли пока адекватных методов борьбы с этим злом. Что нужно сделать, чтобы минимизировать соответствующие угрозы? В частности, каким должно быть соотношение политических и силовых методов?

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ: На этот вопрос очень сложно ответить. В настоящее время США возглавили борьбу с мировым терроризмом, и ведется она главным образом военными методами. В этой связи актуальна фраза У. Черчилля: «Американцы всегда все делают правильно ... после того, как перепробуют все остальные возможные варианты». Складывается впечатление, что первая, очень понятная реакция США на события 11 сентября постепенно переросла в своего рода упоение силой, что непосредственно не влияет на корни международного терроризма. Очевидно, необходимо уничтожение таких организаций и международных сетей, как «Аль-Каида».

Однако значительно труднее изменить настроения мусульманской «улицы», приветствовавшей разрушение Всемирного торгового центра и унижение Америки. Еще труднее объяснить, почему за штурвалом самолетов оказались люди, получившие западное образование, пользовавшиеся, и не без успеха, плодами западной цивилизации, но тем не менее готовые без размышлений погубить ее. Наверное, сейчас как никогда раньше остро стоит вопрос о том, чтобы понять и услышать друг друга. В принципе, только сами мусульмане могут покончить с исламским терроризмом, но для этого нужны ясные побудительные мотивы. Сейчас мы являемся свидетелями попыток отдельных исламистских радикалов возглавить и/или спровоцировать мусульманский «крестовый поход», но остановить его способен не столько военная сила, сколько международные усилия по политическому урегулированию конфликтов, политкорректность на международном уровне, привлечение мусульманских государств к решению этой проблемы, поскольку для большинства существующих там режимов исламский экстремизм является серьезнейшей угрозой.

ТИМЕРБАЕВ: Как реагировать на опасность международного терроризма, как с ним бороться? Единого рецепта просто нет в природе. Естественно, необходимо вооруженным путем ликвидировать непосредственные источники террористических актов, которые определенно выявлены. Но этого далеко не достаточно. Необходимо системно и комплексно искать и находить пути ликвидации всех побудительных мотивов, питающих международный терроризм.

Это и решение ближневосточного и других региональных конфликтов, и усиление мер безопасности на всех видах транспорта, особенно воздушного, и повышение уровня безопасности и физической защиты оружия массового уничтожения и вообще всех атомных объектов, и укрепление международных механизмов, способных противодействовать терроризму, – прежде всего ООН.

Международный терроризм представляет собой угрозу международному миру и безопасности и, следовательно, подпадает под действие главы VII Устава ООН со всеми вытекающими отсюда последствиями. Совет Безопасности уполномочен по Уставу ООН предпринимать все необходимые действия для пресечения угроз международной безопасности и обладает многолетним опытом в этой области. Было бы полезно не откладывая создать специальный орган Совета Безопасности, в соответствии со статьей 29 Устава ООН, для разработки программы мер по борьбе с международным терроризмом.

Последнее по порядку, но не по значению: нужно рассмотреть вопросы смягчения и последующего сокращения разрыва между социально-экономическим положением развитых и развивающихся государств. Специально обсудить этот вопрос и наметить меры его постепенного решения на ближайшем саммите «Большой восьмерки».

БАРАНОВСКИЙ: Борьба с проявлениями терроризма требует силового ответа. Но для предотвращения терроризма силовые методы неэффективны. Превалирование силовых методов над политическими должно быть исключением, а не правилом. В противном случае они могут привести к активизации терроризма, расширению его базы.

ТЮЛИН: Силовые методы уже продемонстрировали и еще проявят свою ограниченность против ОМУ-терроризма. Я убежден, что политический диалог с режимами и структурами, использующими терроризм как орудие достижения политических целей, приведет в конечном итоге к расколу этих структур. Пример перехода иранского руководства от позиций крайнего фундаментализма эпохи Хомейни к нынешнему просвещенному шиизму показывает перспективу эволюционного пути развития. Необходимо делать ставку на умеренное крыло в этих системах.

ЕВСТАФЬЕВ: Думается, силовые методы должны пока превалировать. Использовать политические меры, т. е., грубо говоря, договариваться, можно с теми, кто готов договариваться. А это те потенциальные террористы, для которых угроза террористического акта есть повод для торговли. Однако с целым рядом игроков – с отдельными фигурами и организациями, которые активно практикуют террористические действия, договариваться совершенно не о чем. Другой вопрос, что силовые действия должны применяться в благоприятном политическом контексте.

Глобальная политическая ситуация не должна увеличивать количество политических течений и структур, которые рассматривают террористические методы в качестве нормального средства достижения своих интересов. Пока политический контекст прямо противоположный. США, делают все возможное, чтобы наплюдить побольше обиженных, которые, возможно, и не будут формировать группы для взрыва очередного небоскреба, однако могут не заметить, что на их территории происходит некая странная активность. Ведь не заметили же англичане и немцы, как на их территории функционировали десятки, если не сотни радикальных исламистских групп.

Фундаменталисты разного толка, число которых по мере проявления социальных последствий глобализации и кризиса постиндустриального общества (с этим уже сталкиваются и США и Европа), видимо, будет расти, должны быть отделены от экстремистов. То есть фундаментализм должен стать допустимым, если хотите – нормальным вариантом социально-политической самоидентификации части общества. Тогда будет меньше политических стимулов к сращиванию фундаментализма и экстремизма. Пока ситуация развивается противоположно: традиционалистов превращают в изгоев общества и способствуют их союзу с радикальными элементами. Пример – эволюция движения антиглобалистов.

Необходимо демонтировать «двойной стандарт» в международных отношениях. Тогда не будет стимула к тому, чтобы побыть некоторое время «дружественным экстремистом» по отношению к США и накопить силы для противостояния «большому Сатане», как это сделал в свое время У. бен Ладен. С этим возникают постоянные проблемы: например, для США «дружественными экстремистами» стали грузинские боевики в Кодорском ущелье. США, да и Россия, уживаются, если не сказать больше, с афганскими наркобаронами, сместившими талибов. А потом будут удивляться их разборкам, которые могут оказаться не менее кровавыми, нежели события 11 сентября.

Именно потому, что не сформирован благоприятный политический контекст, возникает ощущение, что силовые методы в противостоянии террористам неэффективны. На самом деле это не так. Например, именно силовыми методами У. бен Ладена исключили из числа наиболее активных игроков на поле терроризма. Однако политические условия, в том числе создаваемые самими американцами даже в Афганистане, таковы, что база, прежде всего финансовая, для появления нового У. бен Ладена есть. У него сущ-

ность противоречий с США может быть иная, однако форма, в которой он попытается их разрешить, – такая же.

ПАИИ: Силовые санкции против политического экстремизма и терроризма как один из элементов противодействия этому злу неизбежны и предусмотрены международным правом и мировым опытом. Наилучшие результаты они дают на ранних этапах развития экстремизма, когда могут быть ограничены полицейскими мерами, направленными на конкретных лиц, например виновных в разжигании расовой, этнической и религиозной нетерпимости. Применение силы неизбежно и оправданно, прежде всего, когда экстремистские политические организации создают вооруженные группировки, с их помощью выводят из-под контроля законных властей целые регионы, превращают их в плацдармы для террористических вылазок и отказываются от решения спорных вопросов путем переговоров.

Однако существуют объективные пределы эффективного использования вооруженных сил. Боевые операции могут быть эффективными, если они сосредоточены на конкретных контртеррористических задачах, прежде всего на освобождении заложников, ликвидации инфраструктуры террористических организаций, нейтрализации их лидеров и т. п. Необходимо ограничить совмещение этих задач с задачами изменения политических режимов или удержания контроля над территорией. Так, в Чечне российские войска, вместо концентрации усилий на нейтрализации лидеров террористических организаций, рассредоточивают силы для удержания контроля над всей территорией Чечни. В результате множество гарнизонов, расквартированных чуть ли ни в каждом районе республики, затрачивают наибольшие усилия на самооборону. Дисперсная дислокация российских войск приводит к расширению зоны столкновения армии с местным населением, а следовательно, к росту потерь с обеих сторон и к росту взаимной раздраженности.

В сравнении с чеченской кампания США в Афганистане намного больше соответствует критериям контртеррористической акции. По крайней мере Америка не пытается силой втянуть Афганистан в состав «субъектов американской федерации» и не претендует на вооруженный контроль над его территорией. Еще важнее, что в Афганистане освобождение городов и селений осуществляется местными силами, а контроль над территорией пытаются наладить местные коалиционные правительства. В Афганистане, в 40 раз превосходящем Чечню по территории, сухопутные силы США и их союзников на порядок меньше численности российских войск в Чечне. Эти силы сосредоточены в основном на уничтожении инфраструктуры «Аль-Каиды», выполняют вспомогательные функции в войне с талибами.

Нельзя осуществлять интервенцию, особенно наземные операции, без уверенности, что такая интервенция будет сравнительно кратковременной. Только быстрое вмешательство может отвечать поставленным целям. И наоборот, длительное, более года, военное присутствие на территории, где идет гражданская, антиколониальная или межэтническая война, как правило, обречено на провал: армия постепенно деморализуется, растут жертвы в составе экспедиционного корпуса и мирного населения, недовольство со стороны общественного мнения.

Нельзя применять силу, если политическая стоимость ее «неудачного» использования окажется большей, чем стоимость бездействия, как для сохранения престижа власти, так и для сдерживания будущих этнических и сепаратистских конфликтов. Длющаяся больше двух лет контртеррористическая кампания в Чечне может привести к тому, что армия полностью утратит функцию сдерживания сепаратизма и экстремизма. Националистические организации в ряде республик, активизация которых весьма вероятна, особенно в случае ухудшения экономической конъюнктуры в стране, могут использовать демагогические размышления такого типа: «Если Москва в течение многих лет не может силой усмирить чеченцев, которых сейчас в их собственной республике менее 400 тыс. человек, то как она усмирит более многочисленные общности?»

Иными словами, на мой взгляд, вооруженные экспедиции международных или национальных сил в зоны этнической нестабильности следует рассматривать как исключи-

тельное или даже чрезвычайное явление. Такие операции должны быть ограничены как по времени, так и по функциям.

ФЕДОРОВ: Силовые и политические методы борьбы с терроризмом должны, в идеале, дополнять друг друга. Но важно ясно различать сферы и цели их применения. Я согласен с Д.Г. Евстафьевым, что попытки договориться с террористическими организациями и их лидерами обречены на провал и могут лишь способствовать активизации террора. На протяжении XX века западные демократии дважды пытались политическим путем остановить тоталитарную экспансию – сначала нацистскую, а затем советскую. Но ни мюнхенское соглашение, ни ялтинско-потсдамские договоренности не могли решить такие задачи. Сегодня пытаются политическим путем остановить палестинский терроризм, но, думаю, безуспешно.

Одна из причин этого заключается в глубоких отличиях политической культуры, свойственной развитой демократии, от политической культуры, порожденной тоталитарными идеологиями. В частности, в рамках первой из них политическое соглашение разрешает конфликт на взаимоприемлемых условиях, основанных на компромиссе. Но в рамках тоталитарной идеологии компромисс с противником не нужен и невозможен: как провозгласил М.М. Горький, «если враг не сдается, его уничтожают». Для нацистов, большевиков, нынешних террористических режимов и движений политическое соглашение – не более чем уловка, тактический прием, позволяющий подготовиться к следующему раунду борьбы. Это подтверждает, в частности, развитие событий в Израиле в последние десять лет.

Поэтому основной и главный метод борьбы с террористическими режимами, организациями и движениями – силовой. Иным образом «инфраструктуры террора» уничтожить невозможно. Политические методы могут применяться дополнительно, для изоляции террористических режимов и движений, раскола их изнутри, противопоставления умеренных кругов и режимов традиционалистского толка радикальным и экстремистским.

Другой вопрос – устранение предпосылок и факторов возникновения экстремизма и терроризма. Теоретически необходимо содействие модернизации, сокращение разрыва между развитыми и развивающимися регионами и т. д. Но в практическом плане такие усилия, боюсь, малопродуктивны. Обширные регионы Азии и Африки в ближайшие несколько десятилетий, а может быть и дольше, обречены оставаться зонами незавершенной, возможно – зачаточной модернизации со всеми вытекающими из этого последствиями. Причины тому – не только и не столько бедность как таковая, нехватка материальных ресурсов, сколько специфика массового менталитета и, главное, существование групп и институтов, жизненно заинтересованных в сохранении традиционной экономической, политической, институциональной и культурной среды. Эти группы, часто включающие в себя часть местных элит, могут стать и становятся инициаторами экстремистских и террористических организаций. В итоге мир стоит перед все более ясной перспективой нового глобального конфликта, новой мировой войны.

В этой связи немалое значение приобретает вопрос о государствах, которые подозреваются в поддержке и финансировании террористических организаций. Некоторые из них стремятся к созданию оружия массового уничтожения или уже имеют его. Насколько опасны такие государства? Что нужно сделать, чтобы нейтрализовать исходящую от них угрозу?

БАРАНОВСКИЙ: Убедительные доказательства поддержки государством террористической деятельности – достаточно серьезное основание для силового воздействия на него. Стремление же государства к обладанию ОМУ само по себе основанием для такого не является. Но государственная поддержка терроризма плюс ОМУ – безусловно взрывоопасная смесь. Решительные превентивные действия в этом случае могут оказаться не только уместными, но и абсолютно необходимыми, однако лишь при наличии достаточно широкой международно-политической и международно-правовой поддержки на этот счет. При этом международно-политическая легитимизация таких действий будет серьезно подорвана в случае отсутствия прогресса в реализации статьи VI Договора о нераспространении. Тот, кто сочтет возможным применить силу с целью поме-

шать кому-то обрести доступ к ядерному оружию, должен сам убедительно продемонстрировать свою готовность избавиться от этого оружия, дабы устранить возможные подозрения в стремлении увековечить свой статус.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ: В данном случае речь идет о совершенно различных государствах и режимах. Президент Буш объявил «осью зла» Ирак (светский националистический режим), Иран (шиитский мусульманский режим) и Северную Корею (тоталитарный осколок периферийного коммунистического наследия). Между ними нет ничего общего, и единственное, что, вероятно, их объединяет, – это то, что они не занесены в список американских друзей. Пакистан вряд ли может претендовать на роль стабильного демократического режима, однако там наличие оружия массового уничтожения не вызывает вопросов. Не вызывает больших вопросов и политика Саудовской Аравии, финансирующей многие исламистские движения, в том числе и использующие террористические методы. Очевидно, что прежде чем разрабатывать стратегию и тактику борьбы с распространением оружия массового уничтожения (вопрос, безусловно, вызывающий озабоченность), надо все же для начала отказаться от двойных стандартов. Это же относится и к каналам финансирования. Никто на Западе не собирается перекрывать каналы финансирования чеченских экстремистов. Судя по последним заявлениям их представителей и интенсификации вооруженных действий, они сделали из этого собственные выводы. К сожалению, борьба против перечисленных выше угроз все больше носит выборочный характер, что способно привести к обратному результату.

ЕВСТАФЬЕВ: Пока ядерное оружие создали три государства, которые не считаются «экстремистскими». Два из них, Израиль и Индия, позиционируются не как исламские, а скорее как антиисламские. Реально – с точки зрения промышленных и технологических возможностей – ближе всего к созданию собственного оружия стоит Япония, также не имеющая ничего общего с исламом. Исламские государства пока больше говорят, чем реально действуют в сфере получения ядерного оружия, – это показатель их стремления укрепиться за счет риторики, а также свидетельство слабости их систем перед лицом более динамичных исламистов.

Нельзя не отметить также, что существует принципиальная разница между Ираном, считающимся экстремистским государством, и Саудовской Аравией – ближайшим союзником США и Великобританией. В Иране есть демократические институты, и выборный процесс является относительно свободным, а в Саудовской Аравии ничего подобного нет. Что до поддержки экстремистов, то здесь саудовцы далеко опережают Иран хотя бы в силу более значительных финансовых возможностей. Вспомним талибов, которые годами жили на саудовские деньги, и чеченских террористов. Так какое же государство считать экстремистским? Еще пример. Иран никогда не заявлял о возможности пересмотра безъядерной стратегии. Но такие голоса звучали, например, в Японии, причем исключительно громко и явно обдуманно. Мы, однако, не называем Японию экстремистским государством. И я не уверен, что это правильно. Япония, в отличие от Ирака, имеет еще и территориальные претензии к соседним странам. Название «государства-парии» или «проблемные государства» подброшен в наш лексикон американцами, которым удобнее приклеить ярлык тем, кто с ними не согласен. А наша научная общественность, во всяком случае ее часть, с удовольствием этот ярлык использовала.

За последнее время количество стимулов в пользу обладания ядерным оружием не сократилось, а увеличилось. Американская монополия на применение силы – один из наиболее значимых из них. Он будет безотказно действовать в ближайшие 12–15 лет. И будет стимулировать многие государства к поиску средств парирования американского доминирования. В том числе и с использованием ядерного оружия. И здесь проблема будет состоять не в экстремистском характере того или иного государства, а в том, насколько это государство устраивает та система международных отношений, которую монопольно формируют США. Причем динамика экономического развития в мире и геополитических тенденций такова, что попытки сдерживания стремления к переделу сфер влияния на региональном уровне только укрепят потребность в оружии массового уничтожения как средстве исключить «великие державы» из региональных разборок. И выхода из создавшегося положения я пока не вижу.

ТЮЛИН: На мой взгляд, даже если считать доказанным создание ОМУ государством, которое в США называют «изгоем», то мы сталкиваемся с порочным кругом. Вначале политика государства не устраивает ведущие державы мира. Затем эти державы угрожают либо вмешательством во внутренние дела, либо «гуманитарной интервенцией», создают экономическую и технологическую блокаду вокруг «неправильных» режимов, затем эти страны начинают искать средства противодействия. Как я уже говорил, один способ противодействия – террор, другой – создание неприемлемого варианта ответа на силовые вызовы извне. Вероятно, силовые средства противодействия для нейтрализации угроз никто запретить не в силах. Вместе с тем наиболее адекватным путем представляется ускоренная эволюция режимов и экономических систем этих государств, их интеграция в мировое хозяйство и конструктивный диалог. Угрозы со стороны Запада могут лишь усилить позиции непримиримых и изоляционистов в этих странах, что представляется стратегической ошибкой Вашингтона. Это прискорбно не только для соседей этих государств, но и для мирового политического процесса.

ФЕДОРОВ: Действительно, общепринятых определений «государств, вызывающих озабоченность», а также критериев отнесения тех или иных режимов к «оси зла» нет; существуют и двойные стандарты, о которых шла речь. Впрочем, у американского руководства такие критерии есть: представляет политика государства угрозу безопасности США или нет. Странно было бы требовать от Вашингтона иного подхода при формулировании своей стратегии. Россия, в свою очередь, должна была бы руководствоваться аналогичной логикой и формировать свою политику, исходя не из идеологических постулатов, но из непредвзятых оценок угроз и их источников. В этой связи представляются важными три обстоятельства.

В современном мире есть государства, проводящие политику, враждебную развитым демократиям. Их правящие группировки исповедуют идеологии, несовместимые с либеральными ценностями и либеральным видением мира. Большинство из них стремятся к обладанию или уже обладают теми или иными видами оружия массового уничтожения. Некоторые явно или латентно поддерживают террористические движения исламского или левого толка. Все это усиливает напряженность и неопределенность мировой политики.

Обретение такого рода странами оружия массового уничтожения, особенно ядерного или биологического, приведет к опасной дестабилизации мировой политики и экономики. Например, как скажется получение ядерного оружия Ираном на стабильности в зоне Персидского залива? Кто может дать гарантии, что это не приведет к срыву поставок нефти из этого региона? Каковы будут последствия этого для мировой экономики? Другая сторона проблемы состоит в том, что распространение оружия массового уничтожения среди такого рода государств увеличивает вероятность его приобретения террористическими организациями. Такая перспектива крайне опасна.

Политика «умиротворения», рассчитанная на перерождение экстремистских режимов, в том числе путем втягивания их в интеграционные процессы, может оказаться успешной. Однако вероятность этого невелика. История скорее свидетельствует, что такая стратегия воспринимается лидерами тоталитарных систем как слабость и используется ими для собственного укрепления.

В этих условиях Россия в силу логики политического развития неизбежно окажется вместе с сообществом демократических государств. Другое дело, что в этом сообществе пока существуют расхождения интересов и стратегий в том, что касается отношений с «государствами, вызывающими озабоченность».

Если вы профессионально занимаетесь и интересуетесь вопросами международной безопасности, имеете опыт редакторской работы и хотите стать частью научно-исследовательской организации с международной репутацией, то эта информация для вас.

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Должностные обязанности:

- научное редактирование рукописей, принятых к публикации;
- постоянная координация с научными рецензентами;
- осуществление взаимодействия с авторами журнала как по поручению Главного редактора, так и самостоятельно, включая ведение переговоров, заказ статей и контроль над их подготовкой, доведение замечаний рецензентов до сведения авторов, согласование текста статьи и графических материалов с автором перед подписанием номера в печать;
- участие в выработке редакционной политики журнала, ведение плана текущего номера журнала и стратегического плана редакции;
- участие в формировании портфеля и развитии журнала по поручениям Главного редактора, Редакционной коллегии и инициативно. Последнее особенно важно с учетом того, что в текущем году планируется значительное расширение проблематики журнала и в связи с этим ставится задача освоения тем, ранее не затрагивавшихся в журнале, и привлечения новых авторов;
- осуществление взаимодействия с Редакционной коллегией журнала на постоянной основе, подготовка заседаний Редакционной коллегии;
- координация работы редакции журнала с издательством;
- самостоятельная подготовка статей и материалов для ряда разделов журнала по заданному плану;
- участие в научных мероприятиях, проводимых ПИР-Центром, наравне с научными сотрудниками.

Требования:

- высшее образование (предпочтительно: международные отношения, политология, международная журналистика);
- опыт научного редактирования рукописей;
- наличие опубликованных собственных научных работ по проблематике международной безопасности и(или) международных отношений;
- свободное владение английским языком (знание других языков приветствуется, но не является обязательным);
- знание компьютера на уровне опытного пользователя: Internet Explorer, Word, Excel, Outlook Express, программы редактирования (основная работа с текстом в Редакции осуществляется в электронном формате);
- активность, аналитический склад ума, широкий кругозор, желание и умение обучаться, ответственность, обязательность, умение работать в команде, умение работать в цейтноте.

Условия:

- вакансия выпускающего редактора журнала уже открыта;
- полный рабочий день, 40 часов в неделю, пятидневная рабочая неделя (выходные в субботу и воскресенье);
- работа в штате на контрактной основе;
- предлагается привлекательная заработная плата (по результатам собеседования).

Резюме с указанием вакансии следует направлять на имя Главного редактора журнала В.А. Орлова по адресу: orlov@pircenter.org или по факсу: +7-495-234-0525

19–20 апреля 1996 г. в Москве прошла встреча семи руководителей ведущих промышленно развитых государств (США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Канады и Японии) и России по вопросам ядерной безопасности. Впервые за свою историю «семерка» приехала для заседания в Россию. Впервые в повестке дня стоял один конкретный вопрос, который напрямую затрагивает интересы населения этих стран, да и всего мира – будущее атомной энергетики, обеспечение ее надежности. Впервые Россия участвовала в обсуждении совершенно на равных, за что встреча получила в дипломатических кругах наименование «политической восьмерки».

Вместе с тем сегодня самое время непредвзято оценить его итоги. Прежде всего предстоит разобраться, почему резонанс от московской встречи отнюдь не был громким, почему во многих комментариях звучали упреки в том, что «в ней не было особой необходимости» и что «слоны родили мышь». Справедливы ли эти упреки?

ОЖИДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Чтобы ответить на этот вопрос, взглянем на предысторию встречи: отсюда нам станут яснее те ожидания, которые на нее возлагались.

В июне 1995 г. на встрече «семерки» в канадском Галифаксе Б.Н. Ельцин, как он сам рассказывает, «предложил коллегам обсудить вопросы ядерной безопасности [...] и провести такую встречу в Москве. Идея *не сразу, со скрипом* (здесь и далее курсив наш. – В.О.), но была поддержана. Тем самым был признан статус России не только как великой державы, но и как одной из ведущих стран *мира*»¹. На то, что предложение Ельцина было воспринято первоначально без особого энтузиазма, указывает и Ж. Ширак: «В Галифаксе [...] президент Ельцин сказал: «У меня есть идея, я хочу обсудить проблемы ядерной безопасности в гражданской сфере». Я должен сказать, что *изначально было некоторое сомнение*, но Борис Ельцин *настоял, все согласились...*»².

Действительно, инициатива Ельцина, озвученная в Галифаксе, стала сенсацией. Как это – Россия, которую все время упрекали в недостаточном уровне учета, контроля и физической защиты ядерного материала и в чрезмерном засекречивании любых сведений, связанных прямо или косвенно с ее военной ядерной программой, – и вдруг сама предложила поставить ядерные вопросы во главу повестки дня совещания в верхах. Значит ли это, что Россия готова, наконец, к большей транспарентности, или же это некий политико-дипломатический трюк? Путаница возникла и из-за словосочетания «ядерная безопасность». Что имелось в виду: «safety» – то есть обеспечение безопасности ядерной энергетики, прежде всего в гражданской сфере, или все-таки «security», как изначально передал ельцинскую идею переводчик, то есть включение и вопросов безопасности в военной сфере? Президент Клинтон, первым приветствовав в Галифаксе инициативу Ельцина, тут же предложил включить в повестку дня будущего саммита вопросы ядерной контрабанды, включая и вопросы

противодействия потенциальным хищениям ядерных зарядов малой **мощности**³. России такой поворот явно не понравился: были сделаны разъяснения, что предлагается обсудить лишь вопросы *safety*, прежде всего безопасность АЭС, а также обращение с РАО.

Предложение было принято «семеркой», но долго обсуждалось на экспертном и правительственном уровнях каждого из государств, причем в определенные моменты казалось, что оно вот-вот будет похоронено. Так, в августе 1995 г., по мнению одного авторитетного российского чиновника, причастного к подготовке встречи, «она висела буквально на волоске» и многие, в том числе и в Кремле, подумывали, не отыграть ли назад. Не был до конца ясен и формат встречи. Так, иногда звучало слово «конференция», на которую собирались пригласить, помимо «восьмерки», также Китай и Украину; среди государств, настойчиво требовавших представительства в ходе «форума по ядерной безопасности», одно время фигурировала даже Норвегия. Лишь после долгих консультаций формат встречи был определен как «совещание политической восьмерки на высшем уровне», с приглашением президента Украины принять участие в завтраке и затем в обсуждении чернобыльской проблемы (аналогичная настойчивая заявка президента Белоруссии А.Г. Лукашенко всерьез даже не обсуждалась). Как компромисс встречу решили назвать «nuclear safety and security summit», однако договорились и в подготовительной работе, и в ходе самой встречи сконцентрироваться в основном на вопросах ядерной энергетики в целом и ядерной безопасности гражданского сектора, лишь вкратце коснуться вопросов ядерного нераспространения и не затрагивать вовсе вопросы ядерного оружия (об этом Ельцин еще раз специально напомнил Клинтону в телефонном звонке накануне **встречи**)⁴. Трудно шло и определение взаимно удобных сроков: от первоначальных планов провести встречу в марте пришлось отказаться, и в результате остановились на 19–20 апреля, с тем чтобы 19 апреля посвятить полностью двухсторонним встречам, 20 апреля, собственно, и провести ядерный саммит, а 21 апреля провести саммит Ельцин–Клинтон. Договорились, что сопредседателями встречи станут Б.Н. Ельцин и Ж. Ширак.

Обращает на себя внимание, что «восьмерка» уже с первых шагов подготовки своего московского саммита отказалась от постановки конкретных целей, которые могли быть решены в его ходе. Наоборот, на первый план выдвинулось обсуждение достаточно общих вопросов (причем в очень быстром темпе, не позволяющем углубляться в детали), а по итогам обсуждения было запланировано принять документы также достаточно общего, декларативного характера. Эти документы должны были, по замыслу их составителей, указывать на общность целей «восьмерки» в вопросах ядерной безопасности и нераспространения, но отнюдь не на преодоление какого-то конкретного «завала». Единственным исключением стала подготовка совместного документа по Договору о запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); впрочем, и здесь не планировалось сказать ничего нового, собирались лишь совместно подтвердить свои предыдущие заявления на сей счет.

Лидеры «семерки» договорились сделать обсуждение «стерильным», то есть не поднимать острых проблем вовсе. Как писали накануне встречи *Известия* в своей корреспонденции из Бонна, «очередная услуга федерального канцлера российскому президенту [...] на этот раз будет заключаться в том, что на совещании «Большой семерки» по вопросам безопасности вместо того, чтобы обсудить острые проблемы, он просто «помолчит» о них. В Бонне исходят из того, что московская встреча в верхах окажется форумом *пустых слов*. Западные партнеры России хотя и собираются провозгласить вместе с Б.Н. Ельциным в заключительной декларации верность принципам обеспечения ядерной безопасности, но наиболее спорные вопросы будут, скорее всего, вынесены за скобки. Германия и ее западные партнеры договорились между собой не делать в Москве никаких финансовых посулов, не обещать новых кредитов и вообще постараться избежать щекотливых тем с учетом предвыборной обстановки. Состояние ядерных реакторов России и в целом всех ее АЭС немцев, разумеется, тревожит, но не настолько, чтобы упустить возможность поддержать Б.Н. Ельцина в трудную минуту. А демонстрация формального согласия как раз и будет такой **поддержкой**»⁵.

Подобный настрой был характерен, в той или иной степени, и для других лидеров «семерки».

Сведущие российские обозреватели также иллюзий по поводу проведения «восьмерки» не питали. По прогнозу П. Фельгенгауэра, «в Москве мировые лидеры будут по большей части безучастно озвучивать тексты докладов, составленных заранее компетентными ведомствами. Профессиональные политики и в более напряженные годы холодной войны не слишком разбирались в сложных ядерно-технических вопросах и во всем вынуждены были полагаться на специалистов. А ныне и вовсе не осталось принципиальных разногласий по вопросам ядерной безопасности между восемью великими держава^{ми}»⁶.

В этой связи логично поставить вопрос: а зачем вообще была нужна такая встреча, вокруг которой было столько шума и которая обошлась российскому налогоплательщику, по некоторым данным, в сумму, близкую к 15 млрд рублей?

Первым напрашивается следующий ответ: она нужна была Б.Н. Ельцину, чтобы заручиться поддержкой западных лидеров накануне президентских выборов 16 июня, западным лидерам – чтобы сделать «экспресс-анализ» предвыборной обстановки в России и в Кремле. Вот как на подобные предположения ответил помощник президента по национальной безопасности Ю.М. Батурин: «Да, иногда говорят, что этот саммит является своего рода предвыборным мероприятием. Но должен сказать, что *договоренность о нем состоялась тогда, когда предвыборные мероприятия еще, честно скажу, не планировались вообще* (курсив наш. – В.О.). Выбор даты проведения зависел от членов большой семерки плюс России. Зависел не только от России, поэтому рассматривать эту встречу на высшем уровне, как приуроченную к выборам, конечно, было бы неправильно. Но в предвыборный период любое мероприятие, любое действие, любой шаг, либо даже отсутствие или отказ от какого-то действия, безусловно, приобретают и какой-то оттенок предвыборности [...]. В случае успеха престиж президента, который инициировал эту встречу, был сопредседателем этой встречи, хозяином этой встречи, конечно, [...] возрастет, и на избирательной кампании его это скажется **положительно**»⁷.

Сейчас трудно сказать, лукавил ли помощник президента, говоря о том, что год назад «предвыборные мероприятия» с участием Ельцина «не планировались», или же это действительно так (второе, если вспомнить внутривнутриполитическую ситуацию июня 1995 г., представляется все-таки более вероятным). В любом случае, даже если отбросить вероятность совпадения приезда в Москву лидеров семи крупнейших государств со стартом избирательной кампании Ельцина, прямое влияние саммита на предвыборную обстановку в России следует оценить как крайне незначительное.

С одной стороны, Ельцин действительно вел себя на протяжении двух дней саммита как крепкий хозяин: это подчеркивалось в атмосфере приемов, в интерьере обновленного президентского кабинета в Кремле. В сочетании с его хорошей физической формой, это произвело должное впечатление на гостей. Клинтон, войдя в отреставрированный Екатерининский зал, воскликнул: «Потрясающе!» Самым восторженным оказался Ж. Ширак: «Мне очень нравится Москва, я время от времени приезжаю сюда, и я вижу, что город меняется с огромной, фантастической скоростью. И мы снова видим столицу великой России, и мне от этого радостно. Сегодня, глядя на Москву, на Санкт-Петербург, на другие города, у меня создается впечатление, что день ото дня *возвращается великая Россия* (курсив наш. – В.О.), буквально сейчас, и я испытываю от этого огромное удовольствие. Я хотел бы поблагодарить Б.Н. Ельцина за его прием и сказать ему, что я также был удивлен, как чудесно преобразился Кремль. Я часто был в Кремле до этого, но в положении он был весьма плачевным, и я с огромной радостью вошел в эти новые здания, которые снова обрели свое былое величие. Дорогой Борис Николаевич, я благодарю **вас за это**»⁸. Думается, уже ради одной этой тирады встречу в Москве, с точки зрения команды Ельцина, проводить стоило.

С другой стороны, увязка московского саммита с настроением рядового российского избирателя кажется более чем искусственной. В самом деле, те, кто был настроен поддерживать Ельцина, наверняка увидели в проведении саммита еще один из его дипломатических успехов. Те, кто был настроен против Ельцина, скорее всего, были лишь раздражены тем, с какой готовностью Москва «идет на поводу Запада» и соглашается, например, с полным запрещением ядерных испытаний. Колеблущиеся вряд ли определились под влиянием «успехов» саммита: внешнеполитические шаги играют в глазах избирателя несравнимо меньшую роль, чем экономические. В то же время, если все-таки рассматривать встречу через

призму 16 июня, то следует признать, что «подача» ее итогов (особенно телевизионная) скорее подтолкнула часть колеблющихся избирателей к Ельцину, чем оттолкнула от него.

Что касается приезда других лидеров «семерки» в Москву, то здесь следует обратить внимание на эффективность внешнеполитического хода Москвы 1995 г. Действительно, большинство из этих лидеров столько говорили о проблеме ядерной безопасности, подчас адресуя упреки в адрес России, что уклониться от предложения Ельцина и не посетить Москву было бы крайне затруднительно. Проявив инициативу, Россия вырвала из рук оппонентов аргументы в нежелании решать проблемы ядерной безопасности, а в ходе самой встречи показала, что, хотя ей и приходится сталкиваться с колоссальными финансовыми проблемами на этом пути, она остается приверженной совершенствованию правовых, дипломатических и технических аспектов ядерной безопасности. Теперь обвинять Россию в слабом внимании к данным вопросам не так-то просто. Не случайно тот же Ширак на вопрос журналиста о «неразберихе с сохранностью ядерных материалов в России» ответил предельно жестко: «Может быть, кто-то так и говорил четыре-пять лет назад, но сегодня так уже никто не говорит, потому что *это глупость* (курсив наш. – В.О.). И мы подробно обсуждали проблемы безопасности, с соответствующими справками, за столом сидели серьезные люди, и никто не поставил под сомнение те меры по повышению безопасности, которые сейчас принимаются Россией. И это я вам говорю совершенно **откровенно**»⁹. Пикантность ситуации в том, что меньше чем за две недели до этого заявления президента Франции пресс-секретарь США У. Кристофер назвал крайне неблагоприятным состоянием дел с обеспечением безопасности на ядерных объектах России «от Мурманска до **Владивостока**»¹⁰.

Не случайно, что по окончании встречи весьма довольным выглядел министр по атомной энергии России В.Н. Михайлов, который сказал в интервью *Ядерному Контролю*, что «не сбылись предсказания прессы, которая накануне обещала уколы в адрес России со стороны западных лидеров. Уколов, упреков не было. Была поддержка российских усилий, конструктивный разговор о сотрудничестве».

Таким образом, российская сторона может считать, что ее ожидания от встречи оправдались на сто процентов, ибо две главные задачи: во-первых, показать прочность хозяина Кремля и, во-вторых, подчеркнуть стремление России к эффективному решению проблем ядерной безопасности и готовность сотрудничества с «семеркой» – были полностью и успешно решены.

Что же касается ожиданий международной общественности, то они, скорее всего, были изначально завышенными. Действительно, достаточно было посмотреть на программу встречи, чтобы понять: разговор о ядерных проблемах займет никак не более трех часов, а скорее всего и того меньше. Учитывая, что свое слово вставить должен был каждый из участников, понятно, что это обсуждение носило во многом формальный характер, а все документы были согласованы заранее; важно, что в ходе обсуждения они не были подвергнуты ревизии. Иными словами, неужели можно ждать от трехчасового обсуждения некоего «прорыва», тем более что не совсем понятно, какой «прорыв» на самом деле ожидался. Понятно, что формат подобных встреч, как правило, и не подразумевает решения «точечных» проблем. К тому же значительное время участники саммита в своем обсуждении уделили проблеме, далекой от ядерной безопасности, а именно ситуации на юге Ливана, что потребовало оперативного реагирования от Клинтона, Ширака и Ельцина.

По итогам саммита были приняты четыре **документа**¹¹: Декларация Московской встречи, Программа противодействия незаконному обороту ядерных материалов, Заявление по ДВЗЯИ и Заявление по Украине.

МОСКОВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Московская Декларация свидетельствует о том, что на саммит собрались лидеры государств, у которых (за исключением Италии, отказавшейся от строительства собственных АЭС и импортирующей атомную энергию из Франции) нет существенных противоречий между собой в вопросах использования ядерной энергии. Как заметил Б.Н. Ельцин, при-

ветствуя гостей в Кремле, «на встрече представлены страны, производящие основную долю ядерной энергии в мире. На их территории находится 80% ядерных реакторов, которыми сейчас располагает человечество. Уже из этого очевидна наша особая общая ответственность за укрепление безопасности ядерной энергетики. Предлагая согласованные подходы к решению этой проблемы, мы тем самым предлагаем мировому сообществу эффективное средство от «болезни» последнего времени – радиофобии. Не отрицая необходимости разнообразия энергоисточников и продолжения исследований в области альтернативных энергетических возможностей, одним из наиболее перспективных следует признать путь развития ядерной, а затем и термоядерной энергетике»¹². Лидеры заявили о том, что видят XXI век веком, где ядерная энергетика будет занимать важное место, подчеркнули свою приверженность «мерам, которые позволят ядерной энергетике, уже являющейся значительным фактором в обеспечении электроэнергией тех стран, которые встали на путь ее использования, продолжать в грядущем столетии играть важную роль в удовлетворении мирового спроса на энергию в соответствии с целями устойчивого развития, согласованными на Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г.»¹³.

Представляется крайне своевременной следующая констатация «восьмерки»: «Мы признаем важность открытости и транспарентности, которые призваны добиться доверия общественности, являющегося ключевым фактором при использовании ядерной энергии»¹⁴. Важно и то, что эта констатация стоит на одном из первых мест в Декларации. Правда, путь к транспарентности еще очень долг, причем особенно для России; хотелось бы верить, что Россия встанет на путь наполнения этого положения Декларации конкретным содержанием. «Доверие общественности» – еще более серьезная проблема. И хотя президент Ельцин также считает «важным, чтобы конкретные задачи развития ядерной энергетики решались в тесном контакте с общественностью», приводит как образец «проведение, наряду с государственной, и общественной экспертизы применительно к объектам ядерной энергетики», утверждает, что «взаимодействие с российской и международной общественностью мы будем укреплять и **впредь**»¹⁵, «дело Никитина» заметно осложняет веру в эти слова. Любопытно, что накануне встречи Ю.М. Батулин высказал предположение, что «дело Никитина» может быть обсуждено в ходе саммита и «какое-то решение будет найдено». Этого, однако, не произошло. Тот же Ю.М. Батулин дал понять, что обвиняемый, скорее всего, все-таки пользовался, прямо или косвенно, известными ему секретными материалами для подготовки открытого доклада «Беллуны». Однако это не снимает вопроса о том, могут ли засекречиваться сведения, содержащие информацию об угрозе экологической безопасности населения. Данный вопрос должен быть прояснен и отечественным, и международным законодательством.

В то же время настораживает следующий факт. Если во время встречи в апреле президент Ельцин говорил о необходимости проведения совместного мониторинга территорий с неблагоприятной радиационной обстановкой при участии Скандинавских стран, то в мае министр обороны России П.С. Грачев не нашел времени для того, чтобы совместно со своим норвежским коллегой дать старт подобному мониторингу на губе Андреева в Мурманской области, о неблагоприятном положении на военно-морских базах которой мы уже **писали**¹⁶.

Участники «восьмерки», хотя и не затрагивали в своем обсуждении вопросы действия международного режима ядерного нераспространения, уделили ему значительное место в заключительной Декларации. Примечательно, что Декларация ссылается, как на ключевой документ, на Решение Конференции по продлению ДНЯО 1995 г. о принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения. Страны «восьмерки» намерены, следуя букве и духу этого Решения, «укрепить [...] сотрудничество в сфере ядерного нераспространения и разоружения, в том числе способствуя всеобщему присоединению к ДНЯО». Этот вопрос, как представляется, особенно актуален. Спустя год после принятия в Нью-Йорке решения о бессрочном продлении ДНЯО не выполняется одно из главных требований большинства участников Конференции: сделать Договор всеобщим, универсальным, то есть прежде всего обеспечить присоединение к нему трех неофициальных владельцев ядерного оружия – Индию, Пакистан и Израиль. Понятно, что говорить о «насилыственном приводе» в Договор было бы по крайней мере наивным. Однако пока не

видно, чтобы «ядерная пятерка» предприняла действенные усилия по приближению трех названных государств в сторону международного режима ядерного нераспространения. США, Великобритания и Россия – государства-соавторы итоговой резолюции Конференции 1995 г. по Ближнему Востоку, в которой, в частности, подтверждается «важное значение скорейшего достижения всеобщего присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия» и содержится призыв ко «всем без исключения государствам на Ближнем Востоке, которые еще не сделали этого, как можно скорее присоединиться к Договору и поставить свои ядерные объекты под полномасштабные гарантии МАГАТЭ». Больше того, резолюция призывает, прежде всего, «государства, обладающие ядерным оружием, сотрудничать и прилагать все усилия в целях обеспечения скорейшего создания региональными сторонами зоны, свободной от ядерного оружия и всех других видов оружия массового уничтожения и систем его доставки, на Ближнем Востоке»¹⁷.

В Московской Декларации подчеркивается, что «важнейшим достижением» явилось принятие в 1994 г. Конвенции о ядерной безопасности. «Восьмерка» «настоятельно призывает все страны подписать эту Конвенцию и завершить внутренние процедуры по присоединению к ней, чтобы обеспечить безотлагательное вступление Конвенции в силу до конца 1996 г.»¹⁸. Россия заявила, что на ее территории данная Конвенция уже **действует**¹⁹.

Московская Декларация заявила о намерении «восьмерки» «действовать энергично для укрепления системы гарантий МАГАТЭ»²⁰. МАГАТЭ пережило серьезное испытание в результате того, что оказалось неспособно распознать запрещенную ядерную деятельность Ирака. Да и в дальнейшем солирующую партию в предотвращении либо прекращении запрещенной ядерной деятельности ряда «пороговых» государств играло отнюдь не Агентство, а конкретные государства, прежде всего Соединенные Штаты. Все это сделало МАГАТЭ еще больше, чем раньше, уязвимым для критики. Некоторые противники Агентства пытались даже протолкнуть мысль о его полной ненужности. Кажется, что весьма своевременно «восьмерка» определила свою позицию в отношении МАГАТЭ. Примечательна и позиция, четко заявленная на саммите Россией. Она заключается в том, что «важно поддержать деятельность Агентства, направленную на укрепление гарантий, создание и введение в действие эффективной системы обнаружения возможной скрытой ядерной деятельности на ранних этапах ее развития, особенно в регионах, вызывающих озабоченность с точки зрения нераспространения». Россия считает, что «назрела необходимость в усилении режима гарантий МАГАТЭ путем включения в него контроля за неядерными компонентами ядерного оружия», и это положение весьма сильно заботит российских официальных лиц и ученых, причем совместные исследования США и России в этом направлении уже ведутся в рамках деятельности Международного научно-технического центра. Россия настаивает на том, что прямая обязанность ведущих промышленно развитых стран мира – «сделать все, чтобы МАГАТЭ было обеспечено финансовыми и людскими ресурсами, техникой и юридическими правами для выполнения своих контрольных эффективных функций»²¹.

Наконец, Московская Декларация подтверждает приверженность государств «восьмерки» «немедленному началу и скорейшему завершению переговоров о недискриминационном и универсально применимом соглашении о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»²². Видимо, выработка такого международно-правового документа должна начаться сразу после заключения ДВЗЯИ. Причем значение достижению успеха на этих переговорах лидерами ведущих стран должно придаваться не меньшее, чем это происходит в случае с ДВЗЯИ.

Государства «восьмерки» договорились определить стратегии хранения расщепляющихся материалов, в отношении которых заявлено, что они более не требуются для целей обороны. Возможные варианты включают надежное и безопасное длительное хранение, остекловывание, другие методы окончательного захоронения и конверсии в МОКС-топливо для использования в ядерных реакторах. Участники саммита приветствовали планы проведения маломасштабных технологических демонстраций, относящихся к этим вариантам, включая возможность создания «пилотных» проектов и заводов.

Принято решение созвать во Франции до конца 1996 г. международную встречу экспертов для рассмотрения имеющихся вариантов и определения возможного развития международного сотрудничества в осуществлении этих национальных стратегий.

ЯДЕРНАЯ КОНТРАБАНДА

Не секрет, что Россия в ходе подготовки встречи рассматривала данный вопрос скорее как «провокационный» и «спекулятивный». Предполагалось, что если кто-либо из «семерки» захочет надавить на Россию, то он вытащит из колоды именно эту карту. И хотя российские официальные лица были уверены, что им есть чем крыть, – говорили, в частности, о том, что ядерной контрабанды из России в масштабах, представляющих реальную опасность с точки зрения нераспространения, так и не было замечено, называли западные фирмы, с благословения правительств в свое время экспортировавшие ядерные компоненты в Ирак, но все же предпочитали от этой скользкой темы уйти. Во-первых, лица, готовившие встречу с российской стороны, лучше других знали, что положение с учетом, контролем и физической защитой ядерного материала в России далеко от благополучия. Во-вторых, нулевой – до последнего времени – контроль за передвижением ядерных и радиоактивных материалов через границу и, как следствие, выявленный в 1995 г. таможенниками вопиющий случай незаконного вывоза радиоактивных материалов из России в Великобританию (превышение в два раза заявленного в лицензии количества) крупной минатомовской фирмой, свидетельствовали о неблагополучии во «внешнем круге» борьбы с ядерной контрабандой, сводя на нет оптимистичные реплики о том, что «контрабандист не пройдет». Наконец, незадолго до саммита в Германии стал известен документ ФСБ, не исключая российского происхождения захваченного в Мюнхене плутония. Даже российские официальные лица теперь перестали опровергать эту возможность, «не исключая», что материал имеет обнинское происхождение.

Нельзя было забывать и о внутривосточном фоне. Забота западных стран, прежде всего США, об уровне физической защиты российских ядерных объектов расценивается многими в России как попытка завуалированного проникновения в отечественный ядерный оружейный комплекс. Эту опасность не исключает даже помощник президента по национальной безопасности: «В международных отношениях [...] таких чисто альтруистических целей [...] не бывает. И, наверное, кому-то при решении задач безопасности хотелось бы решить и какие-то другие дополнительные задачи, например разведывательные, (и) примеры тому **есть**»²³.

Взвесив «за» и «против», разработчики материалов к саммиту с российской стороны избрали в этом вопросе правильную тактику. Она сводилась к тому, что хотя «ядерные хищения» – излюбленная тема Запада и нелюбимая тема Москвы, обсудить ее все-таки надо, ибо «поза страуса» в данном вопросе может быть расценена гостями как желание скрыть что-то посерьезнее уже известных фактов. В результате Россия признала, что, хотя незаконный оборот ядерных материалов (НОЯМ) «не приобрел пока значительных размеров, однако на наиболее развитых странах лежит огромная ответственность – не допустить, чтобы он стал наряду с терроризмом и наркомафией реалиями сегодняшнего дня». Россия согласилась с тем, чтобы разработка мер по пресечению НОЯМ и предотвращению распространения террористической активности на ядерную сферу постоянно находилась в поле зрения «восьмерки», стала предметом регулярного рассмотрения в ее рабочих органах. Россия, в частности, особо выделила необходимость совершенствования механизма обмена информацией по этим вопросам, развития сотрудничества спецслужб (прежде всего на двухсторонней основе), а также необходимость разработки и принятия международных норм и правил по привлечению к ответственности провокаторов, нелегальных продавцов и покупателей ядерных **материалов**²⁴.

В принятой «восьмеркой» Программе противодействия НОЯМ содержится важное признание: «До настоящего времени в большинстве случаев речь шла только о незначительных количествах расщепляющихся материалов или о материалах, малоприспособленных для целей оружия, а многие задержанные нарушители были мелкими **мошенниками**»²⁵. Тем не менее все страны «восьмерки» признали также, что «случаи НОЯМ продолжают иметь **место**»²⁶.

Для предотвращения НОЯМ в дальнейшем страны «восьмерки» договорились, в частности, о том, чтобы регулярно обмениваться информацией и оперативно распространять сведения о случаях хищения и контрабанды ядерных материалов; обмениваться информацией о значимых событиях в данной области, особенно если речь идет о чувствительных материалах, и создавать в этих целях соответствующие национальные пункты связи; содействовать укреплению сотрудничества и координации между национальными разведывательными, таможенными и правоохранительными органами и сотрудничеству с аналогичными учреждениями других заинтересованных стран для обеспечения быстрого расследования и наказания участников НОЯМ; содействовать обмену научной информацией и данными в целях идентификации происхождения, истории и путей перемещения перехваченных ядерных материалов. Правда, договоренность о создании «банка данных» ядерных материалов не была достигнута; видимо, это будет достаточно долгосрочный процесс.

Примечательно, что в данной Программе все государства «восьмерки» солидаризируются по поводу важности сотрудничества между государствами по повышению уровня физической защиты ядерного материала. До последнего времени, напомним, Россия весьма настороженно относилась к сотрудничеству именно в этой сфере, и только сейчас отношение к данному вопросу начинает смещаться в сторону понимания важности такого сотрудничества. Первый шаг – российско-американское сотрудничество на предприятии Машиностроительный завод в г. Электросталь.

Принятие совместной Программы противодействия НОЯМ трудно переоценить. Конечно, как и Декларация, это в достаточной степени общий документ. В то же время в нем заявлены согласованные всеми государствами «восьмерки» задачи по предотвращению НОЯМ и пути их решения. Именно согласованность, единство позиции кажется нам наиболее важным достижением. Причем Программа показывает, что данная проблема является чувствительной не только для какой-то отдельно взятой страны, но для всего международного сообщества в целом, и решать ее следует сообща, без поисков виновных государств (признавая, конечно, что основную ответственность за предотвращения НОЯМ несут правительства тех государств, где расположены чувствительные материалы, и прежде всего, это их забота – обеспечение защиты, учета и контроля) и без примеси политической конъюнктуры.

Принятие совместной Программы позволило закрыть страницу взаимных упреков и подозрений в связи с ядерной контрабандой, поставить точку в дискуссии о том, существует ли почва для опасений или нет (ответ: да, такая почва существует) и перейти к конструктивному диалогу (на двухсторонней и многосторонней основе) по ее пресечению.

Нельзя исключить, что следующие шаги будут предприняты уже на встрече в Лионе в конце июня. По мысли российской стороны, в повестку дня лионской встречи следовало бы включить подписание Протокола о взаимодействии спецслужб «восьмерки» в области пресечения незаконного оборота ядерных материалов. В Лионе же следовало бы проработать идею заключения в будущем международной Конвенции о борьбе с незаконным оборотом ядерных материалов и предотвращении ядерного терроризма, определиться в вопросе о создании международного центра по борьбе с ядерным терроризмом, обсудить подготовку к международной встрече экспертов по расщепляющимся материалам.

НЕРАЗМЕЩЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

У каждой делегации в ходе встреч на высшем уровне всегда есть одна «карта», которую она непременно хочет разыграть, возлагая на нее особые надежды; подчас именно ради этой «карты» затевается вся игра. На московском саммите такой «картой» для России стала инициатива не размещать ядерное оружие за пределами национальных территорий его **владельцев**²⁷. Сама по себе эта идея уже давно витала в воздухе, и важно, что подхватила, озвучила ее именно Россия, причем в достаточно удачный момент – в момент встречи лидеров восьми ведущих государств (хотя, напомним в скобках, данный вопрос, как и вопрос ДВЗЯИ, формально должен был оказаться за рамками объявленной проблематики саммита).

В отличие от предыдущей большой российской инициативы (осень 1994 г.) о заключении «Договора о ядерной безопасности и стратегической стабильности», эта идея не отдает гигантизмом. Она предельно конкретна, предельно проста, достаточно привлекательна для большинства государств мира. В то же время, как это, к сожалению, нередко случается с российскими инициативами в области контроля над вооружениями, она оказалась на «задворках» обсуждения и, несмотря на отчаянные попытки Кремля «раскрутить» эту инициативу через прессу еще накануне саммита, она так и не смогла закрепиться ни в центре внимания лидеров, ни даже на периферии обсуждения; отголоски ельцинской инициативы не закреплены ни в одном из итоговых документов встречи; даже сам президент не заметил подсказки в вопросе на итоговой пресс-конференции²⁸; теперь велик риск того, что она просто забудется. А не хотелось бы.

Если посмотреть на текст ДНЯО, то мы не встретим там требования, чтобы все ядерное оружие базировалось только на национальных территориях. Вместе с тем вся практика «ядерного века» показывает, что именно в моменты, когда ядерное оружие размещалось за пределами национальных территорий (например, Советским Союзом – на Кубе или же в Польше, Венгрии, Чехословакии; Соединенными Штатами – в Турции, а затем в Италии, Бельгии, Германии и т.д.), возникали наибольшие обострения международных отношений.

Хотя размещение ядерного оружия ядерными странами за пределами своих территорий и не нарушает буквы ДНЯО, но, безусловно, это противоречит духу ДНЯО. Действительно, можно ли в полной мере говорить о неядерном статусе государств, на территории которых имеются арсеналы ядерного оружия, пусть даже и не контролируемые этими государствами. Не случайно многие государства идут дальше и, заключая договоры о безъядерных зонах, особо оговаривают, что не допускается не только владение ядерным оружием, но и размещение его на территориях государств зоны и даже его транзит.

«Украинский прецедент» 1992–1994 гг. наглядно показал, что порой простое нахождение ядерного оружия одного государства на территории другого, без права доступа к нему, создает определенный соблазн добиться прав на это оружие. По данным международной организации «Гринпис», тактическое ядерное оружие США, размещенное, в частности, на базах в Германии, Бельгии и Греции, имеет отношение не только к США, но и к названным государствам постольку, поскольку пилоты этих государств получают доступ к нему во время тренировочных полетов и, предположительно, получают доступ к нему в случае военного конфликта²⁹.

В настоящее время ядерное оружие двух государств – США и Великобритании – находится также и за пределами их территорий. Речь идет в первую очередь о полутысяче американских ядерных авиабомб типа *B61* на авиабазах в Германии, Бельгии, Великобритании, Италии, Греции и Турции. Кроме того, на базах в Германии размещено более пятидесяти английских ядерных тактических авиабомб типа *WE-117* для истребителей-бомбардировщиков «Торнадо».

В плане сокращения рисков распространения было бы крайне важным вернуть это оружие из Западной Европы, где оно сейчас дислоцировано, на территории государств-хозяев оружия.

Не приходится ожидать автоматической поддержки российского предложения со стороны США и Великобритании. Не случайно высокопоставленный представитель Пентагона заявил в интервью газете «Сегодня» за день до начала саммита, что данные авиабомбы «не имеют военного значения и ни на кого не нацелены. Они оказывают стабилизирующее влияние на ситуацию в Европе, поскольку это средство ядерного сдерживания, которым могут пользоваться неядерные страны НАТО». Запад не планирует передислоцировать или доразвертывать ядерное оружие в Европе в случае расширения НАТО, и потому «нет нужды проводить дополнительные переговоры на сей счет с Россией»³⁰.

В то же время постановка данного вопроса для активного обсуждения на различных уровнях своевременна. Примечательно, что ряд государств «восьмерки» оказался достаточно восприимчив к новой инициативе Москвы. Так, посол Канады в Москве Дж. Кинсман заявил, что она «вполне реалистична и имеет смысл». По его словам, «маловероятно, что у какой-либо из стран-обладателей ядерного оружия есть планы расширения зоны его размещения»³¹.

БЕЗЪЯДЕРНЫЕ ЗОНЫ В ЕВРОПЕ

Но все-таки программой-максимум российской делегации было «прощупывание» настроя западных партнеров, прежде всего США и Германии, в отношении идеи создания безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе. Если еще год назад, во время Конференции по продлению ДНЯО, Россия скептически относилась к подобному сценарию, то сегодня ситуация принципиально иная (досадно, что она заранее не была просчитана российскими дипломатами). Расширение НАТО на Восток, с включением в него Польши, Венгрии, Чехии и Словакии, станет с весны 1997 г. неизбежностью, с которой придется мириться. Вряд ли идеи размещения российского тактического ядерного оружия в Белоруссии и на кораблях Балтийского флота, а также сохранение стратегических ракет в Белоруссии (вопреки Договору СНВ-1 и Лиссабонскому протоколу) достаточно продуманы; скорее всего, пока что это бравада, за которой не стоит ни военный расчет, ни **дипломатический**³². Следовательно, России необходимо поле для дипломатического маневра, чтобы упредить возможность размещения ядерного оружия в новых странах-членах НАТО.

Конечно, Договор «ядерной пятерки» о неразмещении ядерного оружия за пределами национальных территорий позволил бы снять данную угрозу. Понятно, однако, что выработка такого документа если и начнется, то займет продолжительное время. А вот вопрос создания региональной безъядерной зоны мог бы быть решен достаточно оперативно, особенно учитывая два фактора: во-первых, значительный накопленный опыт в создании региональных безъядерных зон (только за последнее время были созданы две новые зоны – в Африке и в Юго-Восточной Азии), в том числе опыт юридический; во-вторых, уже имеющуюся инициативу **Белоруссии**³³ и активный интерес к данной проблематике со стороны Украины, Швеции и Австрии; к тому же на создании такой зоны настаивают авторитетные международные неправительственные организации – Пагуошское движение, «Врачи мира за предотвращение ядерной **войны**»³⁴.

Не случайно накануне и во время саммита прозвучала серия официальных и полуофициальных заявлений, обращенных к тематике безъядерной зоны в Европе. Так, заместитель министра иностранных дел России И.С. Иванов в интервью *Ядерному Контролю* заявил, что «принципиальная позиция России заключается в создании как можно большего числа безъядерных зон... (и) Россия только приветствовала бы создание безъядерной зоны в Центральной и Восточной **Европе**»³⁵. Директор департамента безопасности и разоружения МИД РФ С.И. Кисляк добавил к этому, что «особенно с учетом возможностей расширения НАТО на Восток такая идея становится все более и более актуальной и она все больше обсуждается среди **специалистов**»³⁶, а пресс-секретарь президента РФ С.К. Медведев подтвердил, что «официальной линией России является создание безъядерных зон везде, где не расположено сейчас ядерное оружие: «В Восточной Европе, включая Украину, возникла де-факто безъядерная зона. Россия полагает, что если существование этой безъядерной зоны не закрепить сейчас юридически, то это будет упущенным **шансом**»³⁷.

Понятно, что идея безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе пока что не встречает особого энтузиазма ни у США, ни у восточноевропейских государств. С другой стороны, если Россия и США достигнут взаимопонимания по данному вопросу, то Польше, Чехии, Венгрии и Словакии будет не просто отказаться от этой идеи. Ведь отказ означал бы, что они всерьез подумывают о возможности размещения на их территориях ядерного оружия. Кроме того, создание безъядерной зоны позволит им получить особые гарантии безопасности.

Сегодня еще преждевременно говорить о возможных географических рамках будущей зоны (или будущих зон) в Европе. Не исключено, что и Россия, и США предпочли бы, чтобы с инициативой на сей счет выступила не только Белоруссия (и тем более не сама Россия), но какое-либо из центральноевропейских государств. Кроме того, логичным было бы, видимо, официальное предложение от **Швеции**³⁸ о начале дискуссии по созданию безъядерного балтийско-черноморского коридора. Вместе с тем характерно, что Россия, начиная с апреля 1996 г., и на неофициальном, и на официальном уровнях предлагает включить обсуждение вопроса о безъядерной зоне в Европе в повестку дня крупных

международных форумов. Думается, у США и НАТО нет жестких предпосылок, чтобы с порога отвергнуть эту идею.

На самом саммите вопрос о создании безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе даже не затрагивался, хотя и упоминалось, что изучаются «различные пути», которые помогли бы избежать конфронтации при расширении НАТО³⁹. Так, на встрече Б.Н. Ельцина и Г.Г. Коля отмечалось, что «ближайшие месяцы должны быть использованы для поиска развязок, учитывающих как интересы России, так и тех стран, которые стремятся к членству в альянсе»⁴⁰. В то же время канцлер Г. Коль – руководитель государства, восточная часть которого является «безъядерной зоной» согласно Договору 2+4, отвечая после саммита на вопрос *Ядерного Контроля* о перспективе создания такой зоны в Европе, подчеркнул свое скептическое отношение к этой идее, добавив, что «ее время еще не пришло».

Как выясняется, результаты московской встречи в верхах по ядерной безопасности не так скудны, как представлялось на первый взгляд. Наоборот, документы, принятые по итогам встречи, а также заявления, сделанные в ее ходе, поднимают целый ряд ключевых проблем, ставят задачи перед правительствами «восьмерки», указывают пути их решения.

И все же главным результатом встречи является то, что Россия вновь вернулась благодаря саммиту на политическую сцену как великая держава, которую никто уже не держит в униженном положении в коридоре во время обсуждения проблем и никто не распекает за «ошибки»; диалог по вопросам ядерной безопасности между лидерами «политической восьмерки» шел на равных, без деления на «старших» и «младших». Россия продемонстрировала свою способность выдвигать ответственные, продуманные инициативы.

Конечно, это еще только самое начало пути превращения «клуба семи» в полноценный «клуб восьми», и на этом пути у России есть главное препятствие в виде низких экономических показателей; заметно пока и явное нежелание США, Канады и Японии создавать постоянную «восьмерку». Но этот путь начат – и начат достойно.

Примечания

¹ Пресс-конференция президентов России Б.Н. Ельцина и Франции Ж. Ширака по итогам встречи в верхах лидеров восьми государств по проблемам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. *Federal News Service*. 1996, April 20.

² Там же

³ См.: *Бюллетень новостей ЮСИА*. 1995, 21 июня.

⁴ *Известия*. 1996, 18 апреля. С. 5.

⁵ *Известия*. 1996, 19 апреля. С. 3.

⁶ *Сегодня*. 1996, 19 апреля. С. 1.

⁷ Пресс-конференция помощника президента РФ по национальной безопасности Ю. Батурина. Москва. 18 апреля 1996 г. *Federal News Service*. 1996, April 18.

⁸ Пресс-конференция президентов Б.Н. Ельцина и Ж. Ширака.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: *Moscow Times*. 1996, April 4.

¹¹ Как итог обсуждения был распространен также «Информационно-справочный материал по вопросам ядерной безопасности», куда вошли согласованные позиции сторон по учету и контролю ядерных материалов, безопасности гражданских ядерных реакторов, обращению с ядерными отходами, безопасному хранению расщепляющихся материалов, в отношении которых заявлено, что они больше не требуются для целей обороны.

¹² Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на совещании в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 2.

- ¹³ Московская Декларация встречи в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 1.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на совещании в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 6.
- ¹⁶ См.: Губа Андреева: раскрыто еще одно ядерное хищение. *Ядерный Контроль*. 1995, № 11.
- ¹⁷ NPT.CONF/1995/L. 8. P. 2.
- ¹⁸ Московская Декларация встречи в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 3.
- ¹⁹ См.: Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на совещании в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 8.
- ²⁰ Московская Декларация встречи в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 2.
- ²¹ Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на совещании в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 9.
- ²² Московская Декларация встречи в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 2.
- ²³ Пресс-конференция Ю.М. Батурина 18 апреля 1996 г.
- ²⁴ Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на совещании в верхах по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 11.
- ²⁵ Программа противодействия незаконному обороту ядерных материалов. Москва, 20 апреля 1996 г. С. 1.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ «Россия предприняла самые энергичные меры с тем, чтобы оперативно сконцентрировать все советское ядерное оружие на своей территории. В 1996 году завершается последний этап этой работы – вывод ядерных арсеналов из Белоруссии и Украины и их демонтаж. Думаю, что в наших общих интересах обеспечить, чтобы ядерное оружие всех ядерных стран было также сконцентрировано лишь в пределах их собственных территорий». Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на совещании в верхах по вопросам ядерной безопасности в Кремле, 20 апреля 1996 г.
- ²⁸ Ельцину показалось, что его спрашивают не о ядерном оружии, а о радиоактивных отходах, и он сказал: «Большинство стран, те, которые достаточно крупные страны по территории, они согласились с такой постановкой вопроса. А малые страны, там, где трудно расположить на своей территории отходы, они, конечно, восприняли это скептически». Пресс-конференция Б.Н. Ельцина и Ж. Ширака 20 апреля 1996 г.
- ²⁹ Интервью автора с американским экспертом, апрель 1995 г., Нью-Йорк.
- ³⁰ *Сегодня*. 1996, 19 апреля. С. 1.
- ³¹ *Интерфакс*. 1996, 19 апреля.
- ³² Не случайно пресс-секретарь президента России С.К. Медведев на пресс-конференции 19 апреля 1996 г. однозначно дал понять, что Россия не рассматривает планов возвращения ядерного оружия в Белоруссию или же его размещения в Калининградской области или на кораблях Балтийского флота. Пресс-секретарь президента подчеркнул, что такие действия шли бы вразрез с нынешней политикой Кремля.
- ³³ На Конференции по продлению ДНЯО министр иностранных дел Белоруссии В.Л. Сенько отметил важность существования и создания зон, свободных от ядерного оружия, и напомнил, что его страна «отмечала возможность создания такой зоны в центре Европы еще в 1990 г. Сегодня, с принятием Украиной решения о ее безъядерном статусе, можно говорить [...] об осуществлении этой идеи. Мы, тем не менее, несколько обеспокоены возможным риском, связанным с тем, что все больше мест в Европе может быть использовано для размещения ядерного оружия в случае географического расширения НАТО».
- ³⁴ Так, один из лидеров движения доктор Р. Маккоу из Малайзии сделал соответствующее заявление на пресс-конференции в Москве (См.: *Интерфакс*. 1996, 16 апреля).

³⁵ Пресс-конференция в МИД РФ 18 апреля 1996 г.

³⁶ Там же.

³⁷ Пресс-конференция пресс-секретаря президента РФ С.К. Медведева 19 апреля 1996 г. Цит. по: *Интерфакс*. 1996, 19 апреля.

³⁸ См.: Prawitz Yan. Baltic Sea – Black Sea Nuclear-Weapon-Free-Zone. Доклад представлен на семинаре Пагуошского движения в Москве, март 1996 г.

³⁹ Интересен в этой связи документ, принятый на двухсторонней встрече Б.Н. Ельцина и Ж. Ширака 19 апреля 1996 г. и посвященный вопросам новой европейской архитектуры безопасности. В документе признается, что «при решении проблем европейской безопасности нельзя учитывать лишь военные аспекты». «Мы пришли к совместному пониманию, – говорится в документе, – что ОБСЕ должна являться основой европейской архитектуры безопасности, которая включает три главных составляющих: Европейский Союз и его оборонное звено – ЗЕС; Североатлантический союз; Россию как неотъемлемую часть европейской архитектуры безопасности. Мы считаем, что особо важную роль для обеспечения безопасности и стабильности в Европе будет иметь укрепление ОБСЕ и развитие сотрудничества между тремя главными составляющими». Совместное заявление президентов Б.Н. Ельцина и Ж. Ширака по европейской архитектуре безопасности. Москва, 20 апреля 1996 г.

⁴⁰ *Интерфакс*. 1996, 19 апреля.

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА

ПИР-Центр реализует программу стажировок для молодых специалистов из региональных вузов, начиная с 2002 г.

Стажировка включает:

- участие в научно-исследовательских и информационных проектах ПИР-Центра;
- подготовку доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности и нераспространения ОМУ;
- работу с одним из научных сотрудников или советников ПИР-Центра, который является консультантом индивидуального исследовательского проекта стажера;
- участие в учебных лекционных курсах, семинарах, заседаниях круглых столов, конференциях ПИР-Центра;
- выступление с результатами исследований на семинаре с участием сотрудников и членов Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

На время стажировки ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом в Интернет и к информационным ресурсам ПИР-Центра, предоставляет средства на проезд от места проживания в Москву и обратно, выплачивает ежемесячную стипендию.

За годы существования программы стажерами ПИР-Центра стали студенты и аспиранты ведущих российских вузов, включая **Санкт-Петербургский** государственный университет, **Нижегородский** государственный университет, **Дальневосточный** государственный технический университет, **Новосибирский** государственный университет. Бывшие стажеры ПИР-Центра продолжают свой карьерный рост в *Министерстве иностранных дел РФ, Федеральном агентстве по атомной энергии, ОАО «Техснабэкспорт», Стокгольмском международном институте исследований проблем мира, ПИР-Центре* и других организациях.

В конкурсе на замещение вакансии стажера в период **с 3 апреля по 21 июля 2006 г.** приняли участие студенты, аспиранты и молодые специалисты из **Саратовского** государственного университета, **Алтайского** государственного университета, **Воронежского** государственного университета, **Томского** политехнического университета, **Волгоградского** государственного университета, **Южно-Уральского** государственного университета, **Уральского** государственного университета, Российско-американского информационно-образовательного центра (**Новоуральск**). Конкурс составил **14 человек** на место.

В настоящее время ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии стажера на период **с 21 августа по 29 декабря 2006 г.**

Для участия в конкурсе соискатель **не позднее 31 июля 2006 г.** должен приложить заявку в виде развернутого резюме и рекомендации на имя заместителя директора ПИР-Центра Антона Викторовича **Хлопкова**.

Заявки следует направлять по факсу +7-495-234-9558
или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org

За более подробной информацией о программе стажировок ПИР-Центра следует обращаться к координатору образовательных проектов Екатерине **Вотановской** по тел.: +7-495-234-0525
или по электронной почте: votnovskaya@pircenter.org
Информация также доступна на сайте ПИР-Центра по адресу:
<http://www.pircenter.org/index.php?id=15>

Американская внешняя политика явственно становится более жесткой по отношению к Китаю.

Об этом можно судить и по резкому заявлению государственного секретаря К. Пауэлла на слушаниях в комитете по международным делам Сената США. Фактически в нем было заявлено – хотя и с оговорками – о том, что именно Китай представляет собой наиболее серьезную угрозу американской гегемонии, а вернее, той системе геополитической монополярности, которая существует в мире после распада СССР. Это довольно резкое изменение настроений американской элиты, которая недавно не только стремилась к расширению сотрудничества с КНР в экономической и политической сферах, но даже использовала влияние Пекина для внутривнутриполитических нужд, как это, например, делал А. Гор. Еще более симптоматично выступление директора ЦРУ Дж. Тенета в сенатском комитете по делам разведки, выступление, в котором в России, в основном, усмотрели жесткие нападки на себя. Но центральной все-таки была китайская часть выступления. Куда более центральной, нежели значимое, но все же весьма общее заявление К. Пауэлла. Китай, в интерпретации Дж. Тенета, является ключевым фактором в развитии процессов распространения оружия массового уничтожения и возможным источником дестабилизации в важной для интересов США Восточной Азии. А главными инструментами ограничения Китая называются продолжение втягивания Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) и все большее открытие его экономики, а также сохранение самостоятельного статуса Тайваня. Однако за всеми этими оговорками незримо присутствует главное – возможность возникновения уже в самое ближайшее время эксплицитно выраженного взаимного ядерного сдерживания между США и КНР.

Насколько серьезен и необратим этот поворот?

Сегодняшний период в американо-китайских взаимоотношениях можно сравнить с первыми послевоенными годами в американо-российских отношениях, когда происходил тяжелый и не всегда логичный поворот от рузвельтовской концепции единого мира, в рамках которой Советский Союз рассматривался в качестве специфической, но все же части того, что тогда считалось цивилизованным миром, к труменовской концепции сдерживания коммунизма. Этот переход сопровождался периодическими демонстрациями кнута и пряника. Важно то, что, во-первых, детерминированности перехода к конфронтации в этот период не существовало, и обе стороны имели возможность вернуться к прежней стратегии взаимоотношений, но все же захотели, ибо имели слишком много внутренних факторов, делавших конфронтацию если не желательной, то, как минимум, допустимой. И, во-вторых, самое опасное в такие периоды – использовать в качестве одного из инструментов воздействия на США вульгарный блеф. Это быстро становится ясным, и тогда ваши декларации и обещания жесткой реакции, даже когда вы действительно собираетесь нанести мощный ответный удар, уже не воспринимаются всерьез. Но ведь именно блеф зачастую использовался китайской дипломатией в качестве внеш-

неполитического инструмента и, в частности, в борьбе за контроль над Тайванем, да и в контексте концепций многополярного мира, которые подразумевали партнерство с Россией в военно-стратегической сфере. В США не было иллюзий относительно того, что Китай не готов к возвращению Тайваня под свой контроль и что Пекин использует жупел партнерства с Россией преимущественно для того, чтобы ослабить давление со стороны США по вопросам прав человека и условий вступления КНР в ВТО.

Проблема современного китайского руководства в том, что оно обладает преимущественно экономической легитимностью, то есть его внутривнутриполитическая устойчивость обеспечивается, прежде всего, за счет сохранения коммунистического механизма управления на фоне реального улучшения жизненного уровня населения. Так что США четко рассчитали: сохранение доступа на американский рынок и притока иностранных инвестиций для Пекина настолько важно, что, угрожая ему конфронтацией, чреватой потерей этих достижений, из китайского руководства можно было бы по капле выдавливать уступки. А для предотвращения каких-либо геополитических случайностей – всемерно ограничивать подпитку Пекина высокими оборонными технологиями (главным, если не единственным источником которых остается Россия) и сохранять фактическую независимость Тайваня. Вопрос только в том, насколько глубоко можно «продать» китайских руководителей, для которых сохранение лица, в том числе и политического, является вопросом выживания не в меньшей степени, нежели масштабы экспорта игрушек в США и Западную Европу. И не переусердствуют ли американцы в демонстрации кнута, как недавно переусердствовали в демонстрации пряника на Ближнем Востоке?

В настоящее время более 20 стран Ближнего и Среднего Востока, Азии, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона имеют на вооружении ракетное оружие тактического и оперативно-тактического назначения с обычным и, возможно, химическим (Израиль, скорее всего, с ядерным) боевым оснащением с дальностью полета от 80 до 700 км. Проводятся работы по его совершенствованию, связанные с увеличением максимальной дальности полета баллистических ракет, улучшением точности попадания и разработкой новых вариантов их боевого оснащения, повышением живучести и надежности ракетных комплексов.

Приведенные ниже данные основаны на информации из открытых источников. Характеристики ракетного вооружения, имеющиеся в этих источниках, проверены и уточнены по общепринятым методикам баллистических расчетов с точки зрения соответствия стартовых масс ракет, некоторых их конструктивных особенностей, наиболее вероятных типов топлив, забрасываемых масс и дальностей полета.

ИЗРАИЛЬ

Израиль по-прежнему отказывается от подписания Договора о нераспространении ядерного оружия, обосновывая этот шаг потенциальной угрозой со стороны ряда стран ближневосточного региона. Развивая военно-политическое сотрудничество с США, Тель-Авив рассчитывает избежать таким образом противодействия развитию своей ядерной программы. Руководство Израиля рассматривает проблемы международной безопасности в ядерно-ракетной области исключительно с точки зрения своих региональных интересов и не намерено поддерживать какие-либо усилия других стран в области ядерного разоружения до тех пор, пока в ближневосточном регионе не будет установлен порядок, обеспечивающий устойчивую безопасность государства. В частности, присоединение к Договору о нераспространении оружия массового уничтожения и средств его доставки считается возможным лишь через два года после заключения мирных договоров со всеми арабскими странами.

Ракетно-ядерный потенциал Израиля, по оценке зарубежных экспертов, занимает шестое место в мире после США, России, Франции, Великобритании и Китая. На вооружении израильских вооруженных сил находятся 12 пусковых установок с оперативно-тактическими ракетами типа *Lance* американского производства и 17 пусковых установок с оперативно-тактическими ракетами *Иерихон-1* отечественной разработки, размещенные в четырех километрах северо-западнее города Захария. Дальность полета этих ракет составляет 80 и 500 км соответственно. В настоящее время баллистические ракеты *Иерихон-1* с дальностью полета до 500 км заменяются баллистическими ракетами средней дальности (БРСД) *Иерихон-2*.

По данным специалистов БРСД *Иерихон-2* представляет собой двухступенчатую твердотопливную баллистическую ракету стартовой массой около 14 т, имеющую максимальную дальность полета примерно 1400–1500 км при массе головной части от 800 до 1000 кг. Точность попадания (круговое вероятное отклонение) этой ракеты находится в пределах 0,75–0,85 км.

Процесс замены ракет должен завершиться к 2010 г. При этом общее количество оперативно-тактических ракет и баллистических ракет средней дальности в этот период может достигнуть 20 единиц. Одновременно с заменой этих ракет проводятся летные испытания модернизированного варианта БРСД *Иерихон-2*, получившего условное наименование *Иерихон-2Б*.

Оценки показывают, что двухступенчатая твердотопливная баллистическая ракета *Иерихон-2Б* способна доставить моноблочную отделяемую головную часть массой около 1000 кг на расстояние примерно 3000 км с точностью попадания около 1 км. К 2010–2015 гг. в Израиле может быть развернуто до 20 пусковых установок этих ракет.

По состоянию на 1 января 2001 г. проведено пять испытательных пусков этой ракеты на расстояние от 800 до 1450 км. Все пуски были осуществлены с полигона *Пальмахим*, расположенного в 22 км юго-западнее Тель-Авива, в акваторию Средиземного моря. На основе технологии производства ракет-носителей *Шавит*, *Некст* и *Стар-460* к 2010 г. может быть создана межконтинентальная баллистическая ракета (МБР) *Иерихон-3*. Скорее всего, эта МБР будет представлять собой трехступенчатую твердотопливную баллистическую ракету стартовой массой 28–32 т, имеющую максимальную дальность полета от 5000 до 7550 км при массе головной части, находящейся в пределах 500–1000 кг. При этом точность попадания МБР *Иерихон-3* может составить 1,4–1,6 км. К 2010 г. в Израиле может быть развернуто от двух до четырех пусковых установок с баллистическими ракетами *Иерихон-3*. В качестве боевого оснащения головных частей баллистических ракет *Иерихон-2*, *Иерихон-2Б* и *Иерихон-3* могут использоваться обычное взрывчатое вещество, различные типы химических отравляющих веществ или ядерные боеприпасы мощностью 15–20 кт.

Следует отметить, что кроме ракетостроения в стране создана научная и производственная база атомной промышленности, обеспечивающая наработку оружейного плутония, разработку и ограниченное производство ядерных боеприпасов на его основе. На 1 января 2001 г. в Израиле могло быть изготовлено порядка 60 ядерных боеприпасов мощностью до 20 кт каждый. Основные работы по созданию ядерных боеприпасов проводятся в научно-исследовательском центре Димона министерства обороны, расположенном в пустыне Негев в 120 км юго-восточнее Тель-Авива. Центр не находится под контролем МАГАТЭ. По оценкам, ядерный реактор этого центра позволяет получать 10–15 кг оружейного плутония в год. Всего по состоянию на 1 января 2001 г. могло быть получено около 340 кг такого плутония.

ИРАН

Военно-политическое руководство Ирана придерживается концепции устрашения региональных противников путем создания угрозы нанесения ракетных ударов по крупным городам, сдерживания нерегиональных сил и обеспечения доминирования в регионе. Ракетная программа является приоритетной составляющей правительственной программы модернизации и развития вооруженных сил страны. Работы в Иране по созданию ракетных комплексов с баллистическими ракетами ведутся с начала 1980-х гг. При этом ракетостроительная отрасль является одной из наиболее динамично развивающихся в стране.

Основные усилия военно-политического руководства страны направлены на создание к 2010–2015 гг. одного из самых мощных ракетных арсеналов в регионе. При этом оно категорически отказывается признавать режим контроля ракетных технологий. Однако из-за относительно низкого уровня развития научно-исследовательской, экспериментальной и производственной базы успешное выполнение НИОКР и организация серийного

производства ракетного вооружения в значительной степени зависят от иностранной помощи, которую оказывают, главным образом, Китай и Северная Корея.

В настоящее время на вооружении иранских вооруженных сил находятся 50–60 пусковых установок тактических ракет *Луна-М*, *Назеат*, *Шахин*, *Огаб*, *Фардж*, *Мушак* с дальностью полета от 20 до 200 км, а также около 40 пусковых установок оперативно-тактических ракет *Scud-B*, *Scud-C*, *Шехаб-3* северокорейской и (или) собственной сборки, имеющих максимальную дальность полета от 300 до 1000 км. Пусковые установки ракет дислоцируются вблизи Хамадана и Исфагана. С 1992 г. в стране проводятся работы по ракетной программе *Шехаб*, в рамках которой ведется разработка нескольких типов жидкостных баллистических ракет. Результаты сотрудничества с Северной Кореей позволили Ирану разработать БРСД *Шехаб-3* на основе технологии северокорейской оперативно-тактической ракеты *Нодон-1*, полученной в рамках двухстороннего соглашения. По оценкам зарубежных экспертов, БРСД *Шехаб-3* представляет собой одноступенчатую жидкостную баллистическую ракету стартовой массой порядка 20 т и максимальной дальностью полета 1200–1300 км. Ракета оснащена моноблочной отделяемой головной частью массой примерно 1000 кг и имеет точность попадания 1,9–2,1 км. К 2010 г. в Иране может быть развернуто от 16 до 20 пусковых установок этих ракет.

Кроме того, иранскими специалистами ведутся работы по созданию БРСД *Шехаб-4* на основе северокорейской ракеты *Тэпходон-1*. В связи с этим *Шехаб-4* будет представлять собой двухступенчатую жидкостную баллистическую ракету стартовой массой 27–30 т, способную доставить моноблочную отделяемую головную часть массой 1100–1200 кг на расстояние до 2200 км с точностью попадания, равной примерно 2 км. Можно полагать, что первые пусковые установки этих ракет в количестве 2–6 единиц поступят на вооружение к 2010 г. К 2015 г. их количество может увеличиться до 10 единиц. Технические решения, полученные в процессе создания этой ракеты, могут быть использованы иранскими специалистами при создании баллистической ракеты *Шехаб-5*, которая, по-видимому, будет аналогом северокорейской БРСД *Тэпходон-2*. Оценки показывают, что жидкостная двухступенчатая баллистическая ракета *Шехаб-5* может иметь стартовую массу порядка 84–86 т, максимальную дальность полета в пределах 3400–3550 км и точность попадания около 4 км. Принятие на вооружение первых пусковых установок БРСД *Шехаб-5* в количестве 2–4 единиц можно ожидать к 2010 г., а к 2015 г. их количество может увеличиться до 6 единиц.

Иранские БРСД будут оснащаться моноблочными отделяемыми головными частями с обычным взрывчатым веществом. Однако, по мнению иранских специалистов, эти ракеты могут быть оснащены головными частями с химическим оружием.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Военно-политическое руководство Саудовской Аравии не предполагает создание собственного ракетного вооружения и не планирует развитие научно-технической и промышленной базы для его разработки и производства. В рамках соглашения между Саудовской Аравией и Китаем, заключенного в 1988 г., в страну поставлены БРСД *Дунфэн-3* в неядерном оснащении и соответствующее проверочно-пусковое оборудование. БРСД *Дунфэн-3* в неядерном оснащении представляет собой жидкостную баллистическую ракету стартовой массой около 65 т, оснащенную моноблочной отделяемой головной частью, имеющей массу порядка 1500–2000 кг. Максимальная дальность полета этой ракеты составляет примерно 3000 км, а точность попадания находится в пределах 2,4–2,5 км. В 1996 г. 511-я ракетная база с двумя пусковыми установками этих ракет, расположенная в Эль-Харип (90 км южнее Эр-Рияда), 522-я ракетная база с двумя пусковыми установками БРСД *Дунфэн-3*, размещенная возле населенного пункта Сулейиль (425 км южнее Эр-Рияда) и 533-я ракетная база с одной пусковой установкой той же баллистической ракеты, расположенная возле населенного пункта Эр-Рауда (280 км северо-западнее населенного пункта Сулейиль), сведены в отдельный вид вооруженных сил, и образовано ракетное командование. К 2010 г. не исключена возможность приобретения Саудовской Аравией более современных китайских ракетных комплексов с

БРСД типа *Дунфэн-21* в обычном оснащении. БРСД *Дунфэн-21* является твердотопливной двухступенчатой баллистической ракетой стартовой массой около 15 т. Максимальная дальность полета этой ракеты лежит в пределах 1780–1810 км при массе головной части 740–760 кг, а точность попадания составляет 1,5 км. Можно полагать, что 4–6 пусковых установок этих ракет поступят на вооружение Саудовской Аравии к 2015 г.

В качестве боевого оснащения головных частей БРСД *Дунфэн-3* и *Дунфэн-21* используется обычное взрывчатое вещество. Однако не исключена возможность оснащения этих ракет головными частями, содержащими химические отравляющие вещества.

ИНДИЯ

Ядерные силы рассматриваются военно-политическим руководством Индии в качестве главного стратегического средства сдерживания внерегиональных сил и сопредельных государств от применения оружия массового уничтожения и устрашения вероятного противника. До сих пор Индия категорически отказывается признавать Режим контроля ракетных технологий.

В 2000 г. военно-политическое руководство страны разработало основы своей ядерной стратегии, определяющей принципы строительства и боевого применения национальных ядерных сил сдерживания. Основными принципами этой стратегии являются неприменение ядерного оружия первыми, минимальное сдерживание (130–150 ядерных боезарядов в национальных вооруженных силах) и отказ от применения ядерного оружия против неядерных государств. При этом ответные ядерные удары предполагается наносить по крупным административно-промышленным центрам противника.

В рамках реализации национальной ядерной стратегии военно-политическим руководством страны планируется создание ядерных сил сдерживания, имеющих в своем составе ядерные средства наземного, морского и воздушного базирования. Кроме того, предусматривается создание надежных систем контроля и боевого управления этими силами, разведки, раннего предупреждения о ракетном нападении, хранения и обслуживания ядерных боеприпасов.

В настоящее время на вооружении индийских вооруженных сил находятся 12 наземных пусковых установок с оперативно-тактическими ракетами *Притхви* в обычном оснащении с дальностью полета 150–250 км. Энергетические возможности этих ракет позволяют устанавливать на них моноблочные ядерные головные части мощностью 10–15 кт. Пусковые установки сведены в 333-й отдельный ракетный полк, базирующийся возле Хайдарабада.

В апреле 1999 г. успешно прошла летные испытания твердотопливная двухступенчатая баллистическая ракета *Агни*, способная доставить ядерную головную часть мощностью 10–15 кт на расстояние 2500 км. Оценки показывают, что стартовая масса БРСД *Агни* составляет примерно 16 т, а точность попадания находится в пределах 1 км. В качестве первой ступени этой ракеты используется твердотопливный ракетный двигатель, а в качестве второй ступени – жидкостной ракетный двигатель оперативно-тактической ракеты *Притхви*.

Энергетические возможности БРСД *Агни* позволяют оснастить ее не только моноблочной отделяемой ядерной головной частью, но и головной частью массой примерно 1000 кг с обычным взрывчатым веществом или с химическими отравляющими веществами. В настоящее время эта ракета готова к серийному производству. По заявлению министра обороны Индии БРСД *Агни* отвечает всем заданным требованиям и может быть принята на вооружение к 2005 г. К этому времени могут быть развернуты одна-две пусковые установки БРСД *Агни*, а к 2015 г. их количество может увеличиться до 10–14 единиц. При этом не исключается возможность дальнейшей модернизации этой ракеты с целью увеличения максимальной дальности полета до 3500 км.

Используя опыт работ по разработке БРСД *Агни*, индийское военно-политическое руководство намерено создать на ее базе МБР *Сурья* с дальностью полета 9000–12000 км.

По оценкам МБР *Сурья*, по-видимому, будет представлять собой трехступенчатую баллистическую ракету, в первой и второй маршевых ступенях которой используются твердотопливные ракетные двигатели, а на третьей ступени – жидкостной ракетный двигатель.

Стартовая масса ракеты в этом случае может достигать 270–275 т, а точность попадания находится в пределах 2–2,8 км. Ракета может быть оснащена разделяющейся головной частью массой 2490–3490 кг с двумя-тремя ядерными боеголовками мощностью 15–20 кт каждая. Для увеличения дальности полета в процессе создания этой ракеты планируется использовать маршевый двигатель второй ступени ракеты-носителя *Викас*. Можно полагать, что МБР *Сурья* будет принята на вооружение ядерных сил сдерживания Индии к 2015 г. При этом могут быть развернуты 2–4 пусковые установки с этой ракетой.

На основе оперативно-тактической ракеты *Притхви* по проекту *Джануш* ведутся работы по созданию баллистической ракеты морского базирования (БРПЛ) *Притхви-3* с дальностью полета 350 км. По-видимому, БРПЛ *Притхви-3* будет представлять собой одноступенчатую жидкостную баллистическую ракету стартовой массой 4,0–4,4 т, оснащенную моноблочной отделяемой головной частью массой около 500 кг с обычным взрывчатым веществом или с ядерным боезарядом мощностью 10–15 кт. Точность попадания этой ракеты может находиться в пределах 1 км. Оценки показывают, что к 2005 г. могут быть созданы две-три такие БРПЛ для размещения первоначально на надводном корабле. С принятием на вооружение индийских ядерных сил сдерживания атомной подводной лодки *Advanced Technology Vessel* БРПЛ *Притхви-3* будут размещены на данной ПЛАРБ. Ожидается, что в конце 2015 г. Индия будет иметь две подводные лодки такого типа с двумя-тремя БРПЛ *Притхви* на каждой.

В составе военно-воздушных сил Индии находятся 56 истребителей-бомбардировщиков *Ягуар* с радиусом действия 1400 км, 8 истребителей-бомбардировщиков *Су-30МК*, радиус действия которых составляет 1700 км, и 35 истребителей-бомбардировщиков *Мираж-2000* с радиусом действия 1400 км, способных нести по одной ядерной авиабомбе мощностью до 12 кт. Можно предположить, что к 2015 г. в индийских ВВС возможно наличие более 100 истребителей-бомбардировщиков с ядерными авиабомбами. Общее количество носителей и ядерных боезарядов в ядерных силах сдерживания Индии может составить 130–150 единиц в конце прогнозируемого периода.

В качестве вероятных противников, способных первыми применить против Индии ядерное оружие, военно-политическим руководством страны рассматриваются Пакистан и Китай. За абсолютный показатель неприемлемого ущерба для этих стран принято уничтожение пяти крупных городов на территории Пакистана и десяти крупных городов Китая. Для решения этой задачи, с учетом возможных потерь в начальный период войны до двух третей индийских ядерных сил, считается необходимым иметь на вооружении Индии 130–150 ядерных зарядов и средств их доставки (не менее 45 против Пакистана и 90 – против Китая). По оценкам индийских специалистов, на создание такого ядерного арсенала потребуется не менее 10 лет.

ПАКИСТАН

Военно-политическое руководство Пакистана ведет разработку национальной военной ядерной доктрины. В ее основу положен принцип ядерного сдерживания, но при этом предусматривается возможность применения ядерного оружия первыми в случае возникновения непосредственной угрозы национальной безопасности страны. Ядерные силы, после их сформирования, по мнению военно-политического руководства страны, позволят обеспечить решение как политических, так и военных задач и могут стать средством сдерживания и устрашения противника, а также использоваться для нанесения ответного удара.

В настоящее время в вооруженных силах Пакистана имеется 6–12 пусковых установок тактических ракет *Хатф-1* с дальностью полета 100 км, входящих в состав 2-й артилле-

рийской дивизии, дислоцирующейся возле населенного пункта Кхариан, и 155-го ракетного полка возле Саргодоха. В 155-м ракетном полку кроме этих средств находятся также шесть пусковых установок оперативно-тактических ракет *Хатф-2* с дальностью полета 300 км, созданных на основе китайской ракеты М-1. На завершающей стадии разработки находится одноступенчатая жидкостная БРСД *Гаури* с максимальной дальностью полета 1300 км, способная нести головную часть массой 680–710 кг в обычном, химическом или ядерном (мощностью 10–15 кт) боевом оснащении. Первое демонстрационное летное испытание этой ракеты состоялось в 1998 г. Можно полагать, что к 2005 г. будут развернуты две пусковых установки БРСД *Гаури* во 2-й артиллерийской дивизии, а к 2010 г. их количество может быть увеличено до четырех единиц. В ряде источников приводится заявление военного руководства Пакистана о том, что ракета *Гаури* создана собственными силами. Вместе с тем имеются данные о тесном сотрудничестве Пакистана с Китаем и Северной Кореей в области ракетостроения. Кроме того, проведенный сравнительный анализ этой ракеты показал, что характеристики БРСД *Гаури* во многом идентичны характеристикам северокорейской баллистической ракеты *Нодон-1*.

Кроме разработки баллистической ракеты *Гаури* в Пакистане проводятся работы по созданию твердотопливной БРСД *Шахин* с дальностью полета примерно 2000 км с использованием технологий китайской баллистической ракеты средней дальности *Дунфэн-21*. По оценкам, БРСД *Шахин* может быть выполнена в виде двухступенчатой твердотопливной баллистической ракеты, имеющей стартовую массу примерно 15 т и оснащенной моноблочной отделяемой головной частью массой 800–1800 кг с обычным взрывчатым веществом или ядерным боезарядом мощностью до 15 кт. Точность попадания этой ракеты может находиться в пределах 1 км. Окончание НИОКР по этой ракете можно ожидать к 2010 г. К 2015 г. возможно развертывание 2–4 пусковых установок с этими ракетами.

В качестве наиболее вероятного противника для Пакистана рассматривается Индия. Для нанесения ей неприемлемого ущерба пакистанскими военными специалистами рассматривается до 25 объектов, включая 4–5 крупных городов, важнейшие предприятия военно-промышленного комплекса, аэродромы базирования самолетов-носителей ядерного оружия, пусковые установки баллистических ракет, места хранения ядерных боеприпасов, крупные узлы связи и др. В этих целях планируется иметь на вооружении как минимум 45–60 ядерных боеприпасов, размещенных на баллистических ракетах и истребителях-бомбардировщиках с учетом стратегического резерва.

КНДР

Военно-политическое руководство КНДР инициировало программу создания баллистических ракет с целью получения таких политических, экономических и военных выгод и преимуществ, как повышение политического статуса страны в регионе и в мире, улучшение экономического положения страны за счет прибылей от экспорта ракетного вооружения и ракетных технологий в страны *третьего мира*, получение уступок со стороны США, Японии, Республики Корея и других стран, а также снятие торгово-экономических ограничений и обеспечение военно-технического превосходства над Республикой Корея. Северокорейское военно-политическое руководство категорически отказывается признавать Режим контроля ракетных технологий.

В конце 1980-х гг. в Северной Корее была принята ракетная программа, в которой можно выделить три основных направления:

- модернизация оперативно-тактических ракет *Scud*;
- разработка оперативно-технической ракеты *Нодон-1* на основе совершенствования технологий *Scud* и новых собственных технических решений;
- разработка двухступенчатых баллистических ракет *Тэпходон-1* и *Тэпходон-2*.

Модернизация оперативно-тактических ракет *Scud* заключалась в увеличении максимальной дальности их полета в основном за счет удлинения топливных баков. В настоящее время в вооруженных силах Северной Кореи находятся 21 пусковая установка тактических ракет *Луна-М* с дальностью полета 65 км и 28 пусковых установок оперативно-тактических ракет *Scud-B* и *Scud-C*, максимальные дальности полета которых составляют 300 км и 700 км соответственно.

К началу 1990-х гг. в стране была разработана жидкостная оперативно-тактическая ракета *Нодон-1* с дальностью полета 1000 км. Конструктивно-маршевая двигательная установка этой ракеты представляет собой четырехкамерную связку однокамерных жидкостных ракетных двигателей типа *Scud*. В качестве боевого оснащения этой ракеты рассматривались головные части в обычном, химическом или ядерном оснащении. В 1992 г. было начато опытное производство оперативно-тактической ракеты *Нодон-1*, а к середине 1990-х гг. планировалось начать их серийное производство. Однако принятия этой ракеты на вооружение не произошло в связи с изменениями взглядов руководства страны на перспективы развития ракетного вооружения. В соответствии с этими взглядами оперативно-тактическая ракета *Нодон-1* рассматривается в качестве промежуточного этапа на пути создания БРСД.

На основе результатов, достигнутых в ходе выполнения работ по программе *Нодон-1*, в 1991–1992 гг. в самостоятельную программу была выделена разработка двух новых жидкостных БРСД – *Тэпходон-1* и *Тэпходон-2*.

Двухступенчатая баллистическая ракета *Тэпходон-1* является дальнейшим развитием оперативно-тактической ракеты *Нодон-1*. По оценкам американских и российских специалистов, в качестве первой ступени этой ракеты используется оперативно-тактическая ракета *Нодон-1*, а в качестве второй ступени – оперативно-тактическая ракета ОТР-300 или ОТР-600. Стартовая масса БРСД *Тэпходон-1* составляет 27–28 т, а точность попадания лежит в пределах 2,8–3,0 км. Прототипом первой ступени БРСД *Тэпходон-2* является китайская жидкостная баллистическая ракета *Дунфэн-3*, а вторая ступень создана на основе ракеты *Нодон-1*. Оценки показывают, что стартовая масса БРСД *Тэпходон-2* может достигать 84,5–85,5 т, а точность попадания находится в пределах 3,8–4,0 км. Использование таких конструктивно-схемных решений позволяет обеспечить максимальную дальность полета БРСД *Тэпходон-1* порядка 2200 км, а для баллистической ракеты *Тэпходон-2* – 3500 км. В качестве боевого оснащения этих ракет предполагается использовать моноблочные головные части массой 1200–2000 кг в обычном, химическом или ядерном оснащении мощностью 10–15 кт. Следует отметить, что при уменьшении массы головной части БРСД *Тэпходон-2* до 1000 кг максимальная дальность ее полета может увеличиться.

По некоторым сведениям северокорейские специалисты участвуют в Китае в разработках разделяющихся головных частей и боеголовок. В связи с этим не исключено, что перспективные ракеты *Тэпходон* могут быть оснащены разделяющимися головными частями типа *Мирв* с ядерными боеголовками. Первое летное испытание ракеты *Тэпходон-1* было проведено в 1998 г.

БРСД *Тэпходон-2* находится на более поздней стадии разработки, вследствие этого готовность ее к летным испытаниям возможна к 2004 г. Принятие на вооружение баллистической ракеты средней дальности *Тэпходон-1* можно ожидать к 2005 г. К этому времени может быть развернуто от 4 до 6 пусковых установок БРСД *Тэпходон-1*. К 2010 г. возможно увеличение их количества до 14–16 единиц. Принятие на вооружение БРСД *Тэпходон-2* возможно не ранее 2010 г. При этом могут быть развернуты 2–4 пусковые установки этих ракет. К 2015 г. можно ожидать увеличение пусковых установок БРСД *Тэпходон-2* примерно до 4–6 единиц.

По некоторым информационным данным можно предположить, что одновременно с разработкой двухступенчатой БРСД *Тэпходон-2* проводятся работы по ее дальнейшему совершенствованию, заключающиеся в увеличении количества маршевых ступеней с целью повышения дальности полета. Можно предположить, что в модернизированной БРСД *Тэпходон-2* в качестве первых двух ступеней будет использоваться баллистическая ракета *Тэпходон-2*, а в качестве третьей ступени – вторая ступень БРСД *Тэпходон-1*.

В этом случае максимальная дальность полета модернизированной баллистической ракеты *Тэпходон-2* может достигать 6000 км.

Следует отметить, что НИОКР в области создания ракетного вооружения выполняются Северной Кореей при научно-технической помощи Китая с привлечением иностранных специалистов других стран, а частичное финансирование разработок осуществляется Ираном. Введение Режима контроля ракетных технологий и других ограничительных мер, предпринимаемых ведущими государствами мира, не стало пока серьезным препятствием на пути распространения северокорейских ракетных технологий среди стран *третьего мира*.

К настоящему времени КНДР превратилась в одного из основных поставщиков ракетного вооружения, характеристики которого выходят за рамки ограничений, налагаемых Режимом контроля ракетных технологий. При этом Северной Кореей осуществляется тесное военно-техническое сотрудничество с Ираном, Сирией, Ливией, Пакистаном, Йеменом и Египтом. В этих странах северокорейскими специалистами ведется строительство ракетосборочных предприятий и военных объектов, поставляется и монтируется оборудование для производства и сборки баллистических ракет, оказывается техническая помощь в освоении ракетных технологий.

ТУРЦИЯ

По заявлению военно-политического руководства Турции, в стране проводятся работы по созданию ракетного вооружения оперативно-тактического назначения и средней дальности действия. Причинами этих работ являются стремление усилить лидирующую роль Турции в регионе и в целом среди мусульманских стран, а также ответная реакция на наличие у потенциальных противников ракетных арсеналов. Одновременно, учитывая неразвитость собственной научно-исследовательской и производственной базы ракетостроения и высокую зависимость от зарубежных поставок, правительство страны принимает меры по созданию национальной сети лабораторий и предприятий, а также проводит подготовку кадров в области ракетного вооружения.

В настоящее время в сухопутных войсках Турции находятся 12 пусковых установок американских оперативно-тактических ракет *Атаксм* – модель 1 с дальностью полета 190 км. На стадии НИОКР находится двухступенчатая твердотопливная БРСД, способная доставить моноблочную головную часть массой 800 кг на расстояние в 2000 км. Оценки показывают, что стартовая масса этой ракеты может составить 14,5–15 т, а точность попадания находится в пределах 1,5 км. В качестве боевого оснащения этой ракеты предполагается использование обычного взрывчатого вещества. Можно полагать, что в случае успешного завершения работ принятие на вооружение перспективной БРСД возможно к 2010 г. При этом в вооруженных силах Турции могут быть развернуты 2–4 пусковые установки этих ракет. По мнению американских специалистов, у Турции есть потенциальные возможности для самостоятельного проведения работ в области ракетных технологий.

Результаты анализа состояния и оценки перспектив развития ракетного вооружения в странах *третьего мира* свидетельствуют о том, что к 2015 г. в Израиле, Иране, Ираке, Индии, Пакистане, Северной Корее и Турции возможно развертывание от 45 до 70 пусковых установок баллистических ракет, в зоне досягаемости которых будут находиться практически все объекты военно-экономического потенциала России.

Однако с точки зрения угрозы безопасности России, даже в условиях крайне трудно прогнозируемого развития военно-политической обстановки в мире, предположить возможность ракетной угрозы со стороны перечисленных выше стран с учетом сложившихся коалиций и традиционных отношений с ними можно только с практически неразличимым уровнем вероятности.

Территории стран Западной Европы к 2015 г. могут достигать иранские БРСД *Шехаб-4* и *Шехаб-5*, БРСД Пакистана *Шахин-2*, БРСД Ирана *Таммуз-1*, а также БРСД *Агни* и МБР

Сурья Индии. По оценкам, в этих странах может быть развернуто 40–50 пусковых установок перечисленных ракет.

Территории Соединенных Штатов Америки к 2015 г. не смогут достигать баллистические ракеты таких проблемных стран, как Иран и Ирак, вследствие того, что дальность полета баллистических ракет через Северный полюс до территории США из этих стран составляет более 10000 км. В случае создания Северной Кореей модернизированной трехступенчатой БРСД *Тэпходон-2* в зоне досягаемости этой ракеты могут оказаться Аляска и Гавайские острова. Однако количество пусковых установок модернизированных БРСД *Тэпходон-2* будет незначительным (до 4–6).

При оценке ракетных программ стран *третьего мира* приходится учитывать то обстоятельство, что баллистические ракеты относительно большой дальности и в рассмотренных выше количествах при достигнутых и прогнозируемых точностях попадания с боевым оснащением на основе обычного взрывчатого вещества представляют собой крайне неэффективные системы вооружения с точки зрения наносимого ущерба и потребных затрат. Даже массированное применение баллистических ракет с обычным взрывным веществом Германией во время Второй мировой войны (несколько тысяч ракет) оказалось малоэффективным с точки зрения влияния на результаты военных действий. Поэтому привлекательность освоения многими странами *третьего мира* ядерных технологий и обретения способности к производству ядерных боезарядов более чем очевидна. Что касается возможности оснащения баллистических ракет другими видами оружия массового уничтожения (химическое, бактериологическое, радиологическое оружие), то исключать ее полностью нельзя, однако, *во-первых*, эффективность такого оружия значительно ниже по сравнению с ядерным, *во-вторых*, полномасштабной экспериментальной отработки этих видов оружия с использованием баллистических ракет не отмечалось даже в высокоразвитых странах, а технологических проблем в этой области более чем достаточно.

Все это подчеркивает особую важность расширения и ужесточения режима контроля над соблюдением Договора о нераспространении ядерного оружия.

РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР ПО ВОПРОСАМ КОНТРОЛЯ НАД РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЛЕГКОГО И СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ (ЛСО)

ПОДРОБНЕЕ?

СМОТРИТЕ НА САЙТЕ ПИР-ЦЕНТРА

Созданный в рамках совместного проекта ПИР-Центра и международной неправительственной организации *Saferworld*, **Ресурсный Центр по проблематике легкого и стрелкового оружия** вошел в фазу интенсивного роста.

Уже на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что **Ресурсный Центр** представляет собой уникальный для России источник информации по вопросам контроля над распространением ЛСО.

Воспользоваться подборкой последних новостей, российских законодательных актов и международных договоров и конвенций; терминологическим англо-русским словарем; эксклюзивными аналитическими материалами вы сможете, обратившись к сайту ПИР-Центра

<http://www.pircenter.org/rus/lso/index.html>

Важная составляющая материалов **Ресурсного Центра** – электронный бюллетень *Eastern Europe Security Bulletin*, выпускаемый каждые два месяца. Тематика издания сконцентрирована вокруг вопросов экспортного контроля, международных и национальных инициатив в области легкого и стрелкового оружия, соответствующих заявлений правительственных и неправительственных экспертов, последних событий в сфере оборонной промышленности и торговли оружием.

Eastern Europe Security Bulletin вы можете найти в одноименном разделе Ресурсного Центра или получить по бесплатной подписке, направив запрос по электронной почте: laguta@pircenter.org

Впрочем, рамки совместного проекта ПИР-Центра и *Saferworld* не ограничиваются только информационной деятельностью. Обо всех событиях, – тренингах, лекционных курсах и круглых столах – вы можете узнать в разделе «Хроника проекта».

За более подробной информацией о совместном проекте ПИР-Центра и *Saferworld* просим обращаться к координатору Программы по обычным вооружениям Анастасии **Лагута**
по тел.: +7-495-234-0525 или электронной почте: laguta@pircenter.org

В середине 2003 г. в мировой прессе появились сообщения о намерении Израиля атаковать ядерные объекты Ирана. Так, в июне 2003 г. израильское Министерство иностранных дел по дипломатическим каналам уведомило своих европейских коллег о том, что в случае, если Иран завершит строительство газовых центрифуг в г. Натанз и начнет обогащение урана, Израиль нанесет удар по этим объектам². Подчеркивалось, что Израиль серьезно озабочен сообщениями из Ирана об успешных испытаниях ракеты *Шехаб-3*³. Появлялась также информация о том, что командование ВВС Израиля разработало детальный план нанесения воздушного удара по ядерным объектам Ирана, расположенным в Бушере⁴. В частности, по утверждению представителя информированных кругов США, план включал в себя описание маршрута движения израильских военных самолетов к цели атаки⁵.

В октябре 2003 г. эта информация стала обрастать подробностями: сообщалось, что израильская разведка Моссад еще в августе 2003 г. получила приказ разработать детальный план уничтожения ядерных объектов на территории Ирана⁶. Так, журналистам стало известно, что Израиль располагает информацией о шести ядерных объектах Ирана, о трех из которых ранее ничего не было известно⁷. Согласно израильскому плану, удар по ядерным целям будет нанесен одновременной бомбардировкой несколькими самолетами *F-16*⁸. Отмечалось также, что ядерные объекты Натанза находятся в 1700 км от Израиля, то есть в пределах досягаемости израильских самолетов и ракет⁹.

Это совпадает с распространенным в последнее время мнением о том, что в условиях роста террористической угрозы и стремления некоторых государств получить доступ к оружию массового уничтожения вероятность активных действий в области нераспространения значительно возрастает¹⁰.

Сложно сказать, насколько все эти сообщения соответствуют действительности, но очевидно одно: на сегодняшний момент Израиль является единственным государством, вооруженные силы которого провели успешную операцию по уничтожению реактора на территории другой страны.

Речь идет о событиях 7 июня 1981 г., когда 8 самолетов израильских ВВС прямыми бомбовыми попаданиями уничтожили иракский реактор «Таммуз-1», находящийся в ядерном центре под Багдадом. Этим налетом, положившим конец проекту «Таммуз», была завершена последняя стадия операции израильских спецслужб под кодовым названием «Сфинкс».

Уникальность операции заключалась в том, что израильские самолеты преодолели 1100 км, разделявших аэродром и ядерный центр, пролетели необнаруженными над территорией Иордании, Саудовской Аравии и Ирака и уничтожили реактор всего 14-ю свободно падающими бомбами!

Схожесть ситуации и возможное применение в операции против Ирана самолетов израильских ВВС привлекает неослабевающий интерес к аспектам операции 1981 г.

ИРАКСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

Фактически путь Ирака к обладанию ядерным оружием начался за десять лет до описанных выше событий. В 1971 г. в рамках Иракской комиссии по атомной энергии при Министерстве высшего образования Ирака был создан Центр ядерных исследований, который расположился на территории Ядерного исследовательского комплекса в Тхувайтхе – в 17 км к югу от Багдада.

В задачи Центра входили создание и приведение в исполнение плана приобретения Ираком доступа к ядерному оружию. До 1971 г. ядерной программы Ирака фактически не существовало: работа в этом направлении велась лишь в рамках международных программ поддержки, таких, как, например, американская «Атомы для мира». Был у Ирака и купленный в Советском Союзе в 1962 г. исследовательский реактор ИРТ-2000 мощностью 2 МВт.

Такое положение вещей совершенно не устраивало иракское политическое руководство. Однако и ему было понятно, что сам Ирак никогда не сможет построить ядерный реактор своими силами. Был разработан план, согласно которому Ираку предстояло купить реактор за рубежом.

На покупку реактора у Советского Союза особых надежд Ирак не возлагал. Справедливости ради необходимо отметить, что и в СССР не очень стремились снабжать арабские страны «чувствительными технологиями». На этот счет еще Н.С. Хрущевым было дано недвусмысленное распоряжение: «Сотрудничать – сотрудничайте, но бомбы не давать!»¹¹

Тем не менее в 1975 г., будучи еще вице-президентом, С. Хусейн посетил Советский Союз. Просьба иракского вице-президента о продаже мощного реактора в тупик руководство СССР не поставило. Советские лидеры не возражали против передачи Ираку некоторых ядерных технологий и даже против постройки нового ядерного реактора, но... только под гарантиями МАГАТЭ. Такое развитие событий иракцев не устраивало.

Прояснив позицию СССР, иракское руководство обратилось к канадскому правительству в надежде закупить реактор типа *CANDU*, как раз такой же, какой был построен канадскими специалистами в Индии¹². Реакция канадцев, впрочем, была предсказуема и мало чем отличалась от позиции, которой придерживалась советская сторона.

Но основной расчет делался не на Канаду и не на СССР. В Багдаде уже давно и серьезно рассматривали возможность работы по «ядерной тематике» с давним и достаточно надежным, как считалось, партнером – с Францией. Багдад всерьез интересовался продукцией французского военно-промышленного комплекса: самолетами, самоходными артиллерийскими установками, на что западные специалисты смотрели благосклонно, считая, что иракское руководство хочет «спрыгнуть с крючка», на который оно оказалось нанизанным благодаря советским военным поставкам, так как более 90% всей военной техники в Ираке было произведено в СССР. В 1975 г. состоялся визит С. Хусейна в Париж и его встреча с премьер-министром Франции Ж. Шираком.

В ходе беседы двух лидеров были рассмотрены вопросы о военно-техническом сотрудничестве между двумя странами, и тогда же возникла тема поставки французских ядерных технологий в Ирак. В Елисейском дворце по какой-то причине даже не стали обращать внимание на высказывание С. Хусейна в интервью (которое накануне своего визита в Париж он дал одной арабской газете) о том, что другие страны должны помочь Ираку обрести ядерное оружие «для того, чтобы уравновесить ядерный потенциал Израиля»¹³.

В течение всего 1976 г. продолжались переговоры, в ходе которых стороны пришли к соглашению о поставке одного реактора «Озирак» («Озирак» – акроним двух слов: «Озирис» – собственно модель реактора, Ирак – страна-клиент; позже проект переименова-

ли в «Таммуз-1») мощностью в 40 МВт и исследовательского реактора нулевой мощности «Изида» («Isis»), получившего наименование «Таммуз-2»¹⁴. Кроме того, французское руководство обязалось поставить в Ирак изотопную лабораторию и установку по переработке радиоактивных отходов. Французы понимали, насколько сильно Ираку нужны эти реакторы, и не колеблясь подняли цену. За две недели обсуждений сумма выросла со 150 млн до 300 млн **долл.**¹⁵.

Нельзя сказать, чтобы с самого начала сделка с французами проходила для иракской стороны гладко, равно как и нельзя сказать, что французы сквозь пальцы смотрели на попытки иракского руководства приобрести обогащенный уран в количестве, необходимом для создания десятка ядерных взрывных устройств: при оформлении сделки иракская делегация потребовала предоставить годичный запас топлива для реакторов в размере 72 кг.

Впрочем, французы не собирались поставлять в Ирак, к примеру, горячие камеры, которые иракское руководство приобрело у итальянцев: уже в 1976 г. иракские эмиссары договаривались с Римом о покупке этого важного компонента ядерно-топливного **цикла**¹⁶.

ИЗРАИЛЬСКАЯ РЕАКЦИЯ НА УГРОЗУ ПОЯВЛЕНИЯ У ИРАКА ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Естественно, такого развития событий израильское правительство допустить не могло. Даже слухи о ядерной программе Ирака вызывали тревогу в высоких кабинетах Тель-Авива. Премьер-министр Израиля И. Рабин и сменивший его в 1977 г. М. Бегин отчетливо понимали, что если Ирак получит в свое распоряжение ядерное оружие, то Израилю придется считаться не только с ним, но и со всем остальным арабским миром, который почти наверняка перестанет воспринимать Тель-Авив в качестве одной из главных определяющих политических сил на Ближнем Востоке и станет группироваться вокруг нового центра силы. А если учесть, что в это же время шел процесс подготовки к переговорам с Египтом в Кемп-Девиде, то становится ясно, что израильские власти совсем не хотели внесения такой неожиданной «переменной» в так удачно складывающееся ближневосточное уравнение.

Израильское руководство, скорее всего, боялось не того, что Ирак обязательно использует ядерное оружие против Израиля, сколько того, что в регионе появится «арсенал сдерживания», который даст возможность вести «обычные» боевые действия с Израилем на равных, что рано или поздно может привести к повторению событий войны 1973 г. и развитию военных действий в невыгодном для Израиля ключе.

Именно поэтому с 1974 г. израильские специальные службы тщательно отслеживали всю информацию о шагах Ирака в ядерной области. К 1978 г. созрела ситуация, когда израильская разведка и высшее руководство государства пришли к выводу: настала пора решительных действий.

К моменту подписания 18 ноября 1975 г. соглашения между Францией и Ираком о сотрудничестве в использовании «ядерной энергетики в мирных целях» в Институте разведки и специальных задач – в Моссад – уже располагали достаточным количеством информации об иракском атомном проекте. В секретном докладе, направленном премьер-министру И. Рабину и министру обороны Ш. Пересу, сотрудники института писали: «Саддам Хусейн не остановится ни перед чем, чтобы осуществить свою мечту: сделать Ирак первой арабской страной, обладающей атомной бомбой, которой он затем будет угрожать **Израилю**»¹⁷.

На первом этапе, руководствуясь этой информацией, израильские лидеры пытались оказывать дипломатическое давление на участников проекта, добиваясь «замораживания» франко-иракской сделки.

В 1977 г. попытки предотвратить получение Ираком реактора стали более настойчивыми. Предпринимались самые разнообразные дипломатические усилия для того, чтобы прекратить не только поставку реакторов из Франции, но и сотрудничество иракского

руководства с правительствами Италии и Бразилии, которые намеревались поставить в Ирак соответствующее оборудование. Однако даже действия, предпринятые через американских союзников, не дали никакого **результата**¹⁸.

В складывающейся ситуации израильский кабинет министров оказался перед небогатым выбором: либо оставить все как есть, либо действовать решительно и идти на риск. Политическая разведка Моссад и военная разведка Аман получили «добро» на проведение операции по саботированию проекта «Таммуз». Было принято решение пресечь действие иракского ядерного проекта силами двух ведущих разведывательных служб Израиля: политической разведки Моссад и военной разведки Аман.

Моссад развернул активную работу по сбору всей возможной информации о странах, лицах и фирмах, сотрудничавших с иракской стороной. Несмотря на то, что реакторы приобретались в Париже, сотрудники Института разведки и специальных задач активно работали и в Италии, и в Бразилии – в странах, которые также принимали участие в иракской ядерной программе. Но, несмотря на это, судьба иракского ядерного проекта должна была решиться, как на это по крайней мере рассчитывали в израильской разведке, во Франции.

В Институте разведки и специальных задач решили уничтожить реактор до того, как он будет переправлен в Ирак. Но прежде было необходимо собрать исчерпывающее количество информации о тех ученых, которые были задействованы в работе над проектом.

Для получения необходимой информации сотрудники Моссад в Париже воспользовались услугами одного из своих помощников по имени Ж. **Марсель**¹⁹. Строго говоря, Ж. Марсель не был агентом Моссад в классическом понимании этого слова. Он принадлежал к числу так называемых «сайаним» – добровольных помощников из числа еврейской диаспоры, проживающей в стране. «Сайаним» – это питательная среда для оперативников Моссад, которые в своей разведывательной практике очень часто привлекают к работе граждан еврейской национальности, живущих за пределами Израиля. «Сайаним» – разветвленная, «естественная» агентурная сеть, члены которой на добровольной основе и совершенно бескорыстно принимают участие в акциях израильской разведки.

Но использование «сайаним» для проникновения в сокровенные тайны самого проекта «Таммуз» или для проведения актов саботажа исключалось. Согласно одному из пунктов секретного межправительственного соглашения между Ираком и Францией, к работе над проектом не допускались «лица еврейской национальности или религий последователей учения **Моисея**»²⁰.

Для получения необходимой первичной информации схема с использованием «сайаним» сработала безукоризненно. Ж. Марсель сумел заполучить оригинал списка иракских ученых, задействованных в работе над проектом «Таммуз».

Сотрудникам института список был необходим для того, чтобы понять, кто же из иракских ученых окажется наиболее «перспективным» для подхода со стороны израильской разведслужбы.

Свой выбор израильские разведчики остановили на Б. Эбине **Халиле**²¹ – иракском инженере, который находился в командировке во Франции и наблюдал за выполнением условий проекта «Таммуз». Выбор был продиктован относительной «доступностью» иракца для «работы» с ним: в отличие от большинства сотрудников, работавших над проектом, он жил в городе и был избавлен от плотной «опеки» службы безопасности.

Основываясь на полученной в ходе наблюдения информации, сотрудники Моссад разработали комбинацию, благодаря которой израильский оперативник под видом английского коммерсанта смог войти в доверие к иракскому инженеру.

Расчет на то, что уставший от парижской скуки иракец охотно пойдет на контакт с общительным англичанином, оправдался. И хотя Б. Эбине Халил не раскрыл своей истинной профессии и того, чем конкретно он занимается во Франции, разведчики были готовы использовать удобный случай для того, чтобы «помочь» ему рассказать о своей принадлежности к работе над секретным проектом. Такой случай вскоре представился. Не рас-

крывая истинных целей и своего «флага», израильтяне предложили иракцу сотрудничество. Якобы в целях дальнейшей постройки атомных электростанций в странах «третьего мира» они предложили Б. Эбине Халилу предоставить сведения о проекте, над которым тот работал в Париже. Израильтяне предложили иракцу значительную сумму, и Б. Эбине Халил недолго думая **согласился**²². В результате удачно проведенной операции иракский ученый согласился работать на израильские спецслужбы и оказался ценным источником информации.

Среди сведений, которые Б. Эбине Халил выдал израильтянам, была информация о сроках и маршруте поставки реакторов «Таммуз-1» и «Таммуз-2», а также о тех сотрудниках, которые вместе с ним работали над программой. Было среди них и имя известного египетского ученого Я. Эльмешада, который работал над проектом в качестве консультанта.

ДИВЕРСИЯ

В первых числах апреля 1979 г. в Тулон, в местечко Ля-Сиен-сюр-Мер, где в складских помещениях порта ждали отправки в Ирак реакторы «Озирак» и «Изида», приехали 10 оперативников израильской разведки.

Поздно вечером 5 апреля 1979 г. израильская диверсионная группа, видимо, из числа оперативников боевого подразделения Института разведки и специальных задач «Кидон» («Штык»), в количестве шести человек оказалась рядом с портовыми складами Ля-Сиен-сюр-Мер. Около полуночи боевики проникли на склад. Следуя указаниям, полученным от израильских ядерщиков, оперативники установили взрывные устройства на корпуса реакторов. В результате взрыва, произошедшего в ночь на 6 апреля 1979 г., внешне корпуса реакторов казались неповрежденными, однако, когда французские специалисты сделали рентгеновские снимки реактора, стало ясно, что реализация иракского ядерного проекта, по меньшей мере, откладывается: изнутри корпус реактора был покрыт микротрещинами. И хотя большую часть повреждений удалось исправить, эти дефекты не давали никакой возможности использовать реактор по назначению. Несмотря на сложившуюся ситуацию, французская сторона пообещала построить два новых **реактора**²³.

В Тель-Авиве понимали, что залог успеха всей операции – саботаж иракского проекта на всем его протяжении. Поэтому следующей целью израильской разведки должны были стать сотрудники проекта «Таммуз». И первым в их числе стал египетский ученый-ядерщик Я. Эльмешад. Именно на него до событий 6 апреля 1979 г. указал Б. Эбине Халил, и теперь израильтяне стали искать подходы к египтянину. Израильские разведчики предложили ему сотрудничать с ними, но Я. Эльмешад возмутился и с ходу отменил все предложения. Этим египетский ядерщик подписал себе смертный приговор: 14 июня 1980 г. тело ученого было обнаружено в гостиничном номере с многочисленными ножевыми ранениями.

Спустя некоторое время после гибели Я. Эльмешада загадочной смертью умирает инженер-электронщик С. Рашид, который в рамках работы над проектом стажировался в Европейском центре ядерных исследований (CERN) в **Женеве**²⁴. Накануне своего возвращения в Ирак он вдруг неожиданно заболел. Местные доктора диагностировали грипп, однако чем дальше прогрессировала болезнь, тем больше вопросов возникало у врачей по поводу диагноза. В конце концов они пришли к выводу, что С. Рашида отравили. Кто и чем – оставалось загадкой.

А полгода спустя на приеме в Париже был отравлен еще один иракский инженер – Абдул-Рахман Абдул Расул.

ВТОРОЙ РАУНД

После того как израильскому руководству стало ясно, что второй реактор будет поставлен Ираку, началась разработка плана дальнейшей модели действий. Согласно данным разведки, в 1981 г. Ирак отделяло от создания ядерного оружия от пяти до десяти лет²⁵. При этом также высказывались предположения о том, что этот срок может составить всего один-два года²⁶.

О важности для Израиля сохранить статус-кво на Ближнем Востоке говорит следующий комментарий М. Бегина в связи с налетом на «Таммуз»: «Наши специалисты сказали нам, что одна иракская 20-килотонная бомба способна сразу уничтожить 50 тыс. израильтян и явиться причиной смерти еще 150 тыс. человек. Кроме того, последствия радиации не только послужат причиной смерти, но и лишат возможности рожать детей, или же дети будут рождаться с физическими или психическими отклонениями. Имея три атомных бомбы, противник будет способен уничтожить Иерусалим и окрестности, Тель-Авив с пригородами, а также Хайфу с близлежащими городами. 20% израильского населения будут уничтожены или облучены. В сопоставимых цифрах это будет равно 46 миллионам американцев. Вот почему иракская бомба будет постоянной угрозой Израилю»²⁷.

В октябре 1980 г. М. Бегин созвал совещание руководителей силовых ведомств, на котором обсуждались вопросы дальнейших действий в отношении иракского реактора²⁸. В самом начале встречи М. Бегин заявил, что «если С. Хусейн сделает атомную бомбу, он не раздумывая сбросит ее на Тель-Авив, что приведет к гибели 300 тыс. человек»²⁹. Начальник Генштаба Армии обороны Израиля Р. Эйтан предложил уничтожить реактор с воздуха³⁰. За нанесение удара высказались также министр иностранных дел И. Шамир и министр сельского хозяйства А. Шарон³¹. Были очерчены и сроки: до загрузки активной зоны реактора. По словам начальника ВВС Израиля Д. Иври, «мы должны атаковать до загрузки урана в реактор, потому что в ином случае разрушение реактора повлечет за собой радиоактивное заражение окружающей среды»³². Предполагалось, что самолеты пролетят через Иорданию и Саудовскую Аравию, а не через Сирию, что было бы кратчайшим путем³³. При этом у проекта по уничтожению реактора находились и противники: военная разведка, Моссад, оперативное управление Генерального штаба. По их мнению, бомбардировка реактора приведет к нежелательным последствиям: Израиль потеряет своих немногочисленных друзей в арабском мире, Египет разорвет мирный договор, Иран и Ирак прекратят войну и объединятся против Израиля, этот шаг не найдет понимания в МАГАТЭ, чьи инспекции побывали на иракском объекте и ничего подозрительного не обнаружили³⁴. Не исключалась и возможность попадания в находящийся рядом советский реактор³⁵. Однако восторжествовали «ястребы» – после совещания с начальником Генерального штаба премьер-министром Израиля было принято решение об осуществлении рейда на иракский реактор.

Первоначально дата операции, получившая название «Опера», была назначена на воскресный день 10 мая 1981 г. Дата удара была специально оговорена премьер-министром М. Бегинем из политических соображений (предполагалось, что в выходной на объекте будет минимум французского персонала и, соответственно, меньше возможных жертв среди граждан нейтральных государств). По той же причине бомбежка планировалась во второй половине дня, а точнее – после окончания работы. Стратегически эта дата тоже устраивала, поскольку начало эксплуатации реактора планировалось на середину сентября 1981 г., что оставляло достаточно времени в случае задержек или временной отмены приказа³⁶.

Операцию поручили разрабатывать офицерам из оперативного управления ВВС. Предполагалось, что рейд будет осуществлен еще до загрузки реактора, чтобы избежать возможного радиационного заражения местности. Кроме того, на территории Израиля была сооружена точная копия реактора и прилегающих строений, и летчики начали тренировки, приближенные к боевым. Сложность представляло и еще одно обстоятельство: расстояние до объекта по выбранному маршруту составляло 1100 км в одну сторону.

Интересно, что, согласно израильским источникам, подготовка к операции началась еще в ноябре 1979 г.³⁷. Планировалось использовать истребители-бомбардировщики *F-4E Phantom* и штурмовики *A-4N Skyhawk*. Видимо, выбор их был связан с тем, что они обладали возможностью дозаправки в воздухе³⁸, кроме того, если не считать истребителей *F-15* и *Kfir*, они были на тот момент наиболее современными самолетами израильских ВВС³⁹.

Однако когда стала известна дата прибытия в Израиль первых из заказанных истребителей *F-16*, было решено сделать ставки на них: чисто теоретически дальность полета *F-16* с двумя 2000-фунтовыми (908-килограммовыми) бомбами американского производства *Mk.84* позволяла нанести удар по реактору и вернуться назад. Первые *F-16* прибыли в Израиль 2 июля 1980 г., а уже в ноябре 1980 г. первая эскадрилья, получившая *F-16* на базе Рамат-Давид, была объявлена боеготовой (официальная церемония передачи первого *F-16* ВВС Израиля произошла 31 января 1980 г. После этого израильские летчики тренировались в США на авиабазе «Хилл» в Юте. Интересно, что израильские *F-16* первоначально предназначались для ВВС Ирана, но падение режима шаха вынудило США искать другого заказчика⁴⁰.

В этой связи хочется отметить, что А. Бен-Нун, начальник израильской авиабазы Хацор в 1977–1982 гг., настаивал на применении *F-15* в операции. Однако командующий ВВС Израиля Д. Иври решил этот вопрос в пользу *F-16*. Для операции отобрали самолеты с наименьшей историей поломок в прошлом (как выяснилось, не зря, так как в ходе всего полета не было отмечено ни одной поломки).

Из наличных *F-16* было отобрано 8 самолетов, которые составили две четверки. Первая имела кодовое название «Измель» («Скальпель»), вторая – «Эшколь» («Гроздь», «Кисть»). Командиром обеих четверок, а также ведущим первой был подполковник Р. Зеев, второй – подполковник А. Нахуми⁴¹.

Прикрывавшие их *F-15* из 133-й истребительной эскадрильи были разбиты на три звена:

- 1-е – кодовое название «Петель» («Малина») – имело задачей оборону ударных самолетов и радиоэлектронной борьбы;
- 2-е – «Патефон» («Патефон») – отвечало за ретрансляцию и оборону на обратном пути;
- 3-е – «Пахман» («Углерод») – воздушный командный пункт (ВКП), в случае необходимости мог принять участие в воздушном бою⁴².

Кроме того, помимо 8 непосредственно задействованных в операции *F-16*, было подготовлено еще 2 запасных самолета. Также было 4 резервных летчика. Соответственно, число летчиков, которые готовились к участию в операции, составило 12 человек (изначально 13 – один пилот погиб в ходе подготовки к операции). Эта цифра была озвучена полковником Р. Зеевом⁴³. Интересно, что среди пилотов находился И. Рамон – первый израильтянин, полетевший в космос 16 января 2003 г. на шаттле «Колумбия» и трагически погибший вместе с остальными 6 членами экипажа «челнока» при возвращении на землю 1 февраля...

Таким образом, в операции должны были принять участие 14 израильских самолетов, только 8 из которых несли бомбы для удара по реакторному залу.

Интересным является также вопрос о том, как были собраны точные данные о цели предстоящего нападения. Так, существует мнение, что они были получены в виде снимков от американских разведывательных спутников *KN-11* (при этом официально ни американские, ни израильские источники этого не подтверждают)⁴⁴. По другим данным, снимки были переданы израильтянам иранской службой разведки *САВАК*⁴⁵. Причем речь идет об аэрофотоснимках⁴⁶. Кроме того, нельзя исключать и того, что необходимая информация была получена израильтянами с помощью собственных разведывательных самолетов или с помощью агентуры (хотя в данном случае важнее все-таки было изображение объекта с воздуха).

При подготовке удара принималась в расчет и система противовоздушной обороны (ПВО) реактора. Так, на середину 1981 г. в Ираке имелось 14 бригад ПВО, 1 зенитная ракетная группа и 2 отдельных зенитных ракетных **дивизиона**⁴⁷. На их вооружении находилось 20 зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) *C-75M* (код НАТО – *SA-2 Guideline*), 37 – *C-125 (SA-3 Goa)*, 35 ЗРК *2K19 Квадрат (SA-6 Gainful)* и 4 системы *9K33 «Оса» (SA-8 Gesko)*⁴⁸.

При этом пришлось принять во внимание то обстоятельство, что реактор стал мишенью иранских ВВС в начавшейся ирано-иракской войне. Так, 30 сентября 1980 г. реактор «Таммуз» был атакован двумя иранскими истребителями-бомбардировщиками *Phantom*, но неуправляемые реактивные снаряды (НУРС) не нанесли серьезных повреждений зданию ядерного **комплекса**⁴⁹: легкие повреждения получила крыша реакторного зала, а также система охлаждения **реактора**⁵⁰, однако все неполадки были быстро **устранены**⁵¹. И хотя в дальнейшем налеты иранских ВВС больше не повторялись, ПВО в районе этого объекта была усилена. Так, в дополнение к дивизиону (три батареи) ЗРК *C-125* и полку 57-миллиметровых автоматических пушек *C-60* и 23-миллиметровых зенитных установок (ЗУ) *ЗУ-23-2*, вокруг ядерного комплекса был развернут зенитно-ракетный полк, оснащенный ЗРК *Квадрат* в количестве пяти **батарей**⁵². При этом ЗРК *Квадрат* обслуживался в том числе и советскими военными: группу советских военных специалистов по ЗРК из Ленинградского военного округа в количестве 10 человек перебросили по тревоге в Багдад еще в апреле 1981 г. с иракско-иранской границы (г. **Ханакин**)⁵³. Им была поставлена задача прикрыть «объект» – ядерный центр или, как его еще называли, «бункер в пустыне Тхувайтха» от воздушных налетов противника на малых и средних высотах. Основное внимание при этом уделялось прикрытию восточного, иранского **направления**⁵⁴.

Видимо, именно сентябрьскими событиями можно объяснить появление на близлежащем аэродроме Аль Хаббания 11-й эскадрильи истребителей *МиГ-23М*. Кроме того, иракцы стали сооружать комплекс «пассивных» защитных сооружений в виде песочно-земляных валов, а также маскировочных сетей над рядом строений ядерного центра.

Как уже отмечалось, первоначально дата проведения операции была назначена на 10 мая 1981 г. Самолеты прибыли на базу Эцион (со своей постоянной базы Рамат-Давид). Летчики прошли последний инструктаж, и тут вылет отменили по политическим **причинам**⁵⁵. Согласно некоторым источникам, перенос даты операции был вызван тем, что из-за песчаных бурь в районе ядерного центра американские спутники не могли «отслеживать» происходящие на «объекте» **работы**⁵⁶. По одному из источников, летчики на момент отмены уже сидели в кабинах, по другому – надевали летные костюмы. Вторая дата была назначена на 31 мая 1981 г., но ее отложили на неделю из-за намеченной через несколько дней встречи в верхах: Бегин – Садат. Срок 7 июня был крайним, так как имелась информация о том, что в июле планируется запуск **реактора**⁵⁷.

НАЛЕТ НА РЕАКТОР

По-видимому, 6 июня 1981 г., накануне планируемой даты удара, самолеты были сосредоточены на авиабазе Эцион на Синайском полуострове. Выбор именно этого аэродрома был обусловлен соображениями скрытности: маршрут ударной группы проходил над территориями Саудовской Аравии и Иордании, слабо прикрытыми средствами ПВО, а систем дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) арабские страны не имели до 1986 г., когда в Саудовскую Аравию был поставлен первый американский самолет *E-3 AWACS*⁵⁸. Кроме того, вторжение в иракское воздушное пространство осуществлялось с наименее ожидаемого направления.

По некоторым данным, для возможной операции по спасению сбитых летчиков на территории Ирака с вертолетов была высажена группа специального назначения «Шальдаг» («**Зимородок**»)⁵⁹. К слову, в некоторых источниках указывается, что в районе ядерного центра были установлены радиомаяки для более точного наведения на цель самолетов. Нельзя исключать, что они были установлены именно вышеупомянутой группой.

метание, орудия калибра 23–57 мм представляли для израильских самолетов серьезную угрозу.

И, наконец, еще одно обстоятельство. По сложившемуся распорядку, в 17:00 начинался ужин у службы расчетов иракских ПВО, и, естественно, к 17:30 большинство из них еще не находились на своих боевых постах. По мнению иракцев, такое совпадение налета израильтян с графиком дежурств говорит об очень хорошей работе **разведки**⁶⁹.

Реакция иракского политического руководства была следующей: все ответственные офицеры ПВО-центра были **расстреляны**⁷⁰.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАЛЕТА

Результатом налета стало полное разрушение французского реактора, что, в свою очередь, в значительной степени затормозило развитие иракской ядерной программы. Ирак так и не смог восстановить реактор до 1990 г., когда в связи с вторжением в Кувейт ООН объявила эмбарго на любые поставки в Ирак.

Кроме того, операция, проведенная израильскими ВВС, явилась первым и пока единственным примером «активного нераспространения» и уничтожения **реактора**⁷¹. При этом необходимо иметь в виду, что фактически первым в мире уничтоженным реактором является реактор, разрушенный взрывом в Ля-Сиен-сюр-Мер.

Представляет интерес и то обстоятельство, что для достижения своей цели Израиль сначала провел диверсионную операцию на территории государства, имеющего дипломатические отношения с Израилем, а также предпринял атаку объекта на территории государства, которое, формально находясь в состоянии войны с Израилем, активных военных действий против него не вело. При этом было нарушено воздушное пространство еще двух государств, с одним из которых (Иорданией) у Израиля был заключен мирный договор. К тому же израильское руководство так и не пришло к согласию по вопросу реальной угрозы, исходящей со стороны реактора «Таммуз». Но даже потенциальная возможность вынудила израильское руководство пойти на столь радикальный шаг.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЛЕТА НА ИРАНСКИЕ ЯДЕРНЫЕ ОБЪЕКТЫ

В связи с ситуацией, сложившейся вокруг иранской ядерной программы, интересно было бы проанализировать гипотетическую возможность нанесения удара по ядерным объектам Ирана.

В первую очередь, хотелось бы отметить, что в распоряжении израильского руководства есть исчерпывающая информация об иранских ядерных объектах благодаря разведывательному спутнику «Офек-5», запущенному 28 мая 2002 г. С этого момента Израиль в состоянии полностью обеспечивать себя спутниковой информацией, которая может быть использована для планирования удара по Ирану.

Представляется, что имеющиеся на вооружении Израиля крылатые ракеты не будут использованы по следующим причинам: противокорабельная ракета *Harpoon*, переоборудованная в Израиле для нанесения ударов по наземным целям, не может достичь целей в районе Исфахана, даже если будет запущена с подводной лодки, находящейся в Персидском заливе у иранского побережья. Ракета *Turbo-Popeye*, испытания которой под большой завесой секретности прошли в Индийском океане, теоретически имеет дальность 1500 км, но состояние программы в настоящий момент неизвестно, к тому же маловероятно, что у Израиля имеется значительный запас таких ракет, чтобы гарантированно уничтожить все цели в **Иране**⁷².

Таким образом, наиболее вероятным представляется удар с воздуха. В настоящий момент Израиль обладает 25 ударными самолетами *F-15I*, имеющими боевой радиус с боевой нагрузкой в 1450 км без **дозаправки**⁷³. С использованием дозаправки в воздухе радиус значительно возрастает. Таким образом, теоретически *F-15I* может достичь иран-

ских ядерных объектов и вернуться назад. Учитывая более современный прицельный комплекс и возможность применения управляемого оружия, можно не сомневаться, что эффективность налета *F-15I* будет как минимум не ниже действий против реактора «Таммуз-1».

При этом иранской ПВО практически нечего противопоставить израильским самолетам. Из имеющихся самолетов боевую ценность представляют только 25 боееспособных истребителей *МиГ-29*⁷⁴, хотя экспертами отмечается, что для срыва атаки вполне достаточно самолетов более старых типов.

По состоянию на 2003 г. в составе войск ПВО Ирана находилось 10 пусковых установок (ПУ) ЗРК большой дальности *C-200*, 150 ПУ ракет средней дальности *Improved Hawk*, 30 ПУ ЗРК ближней дальности *Rapier*, 15 *Tigercat*, а также значительное количество переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) «*Стрела*»⁷⁵. Для современных комплексов радиоэлектронной борьбы, установленных на *F-15I*, не составит особого труда нарушить работу станций сопровождения и наведения зенитных ракет. Фактически иранская ПВО находится на том же уровне, что и иракская в 1981 г. Единственной угрозой может быть только зенитная артиллерия, а также ПЗРК, при условии, что израильские самолеты будут проходить на низкой высоте. В этом случае эффективную оборону можно строить на безукоризненной работе системы воздушного наблюдения, оповещения и связи. Принимая во внимание удаленность ядерных и ракетных центров от границы Ирана, у иранской ПВО в случае своевременного обнаружения воздушной цели будет возможность организовать противодействие на низких высотах, а также поднять в воздух истребители *МиГ-29*.

При этом следует упомянуть еще одно обстоятельство. В отличие от иракской ядерной программы, Иран параллельно разрабатывает урановый и плутониевый проекты, что значительно повышает «выживаемость» ядерной программы в целом. К тому же собственно объекты ядерной инфраструктуры разбросаны на довольно значительной площади, что значительно усложняет поражение *всех* иранских ядерных объектов в первом ударе.

Представляется, что воздушный налет на ядерные объекты Ирана израильскими самолетами *F-15I* вполне может достичь своей цели, при этом иранские средства ПВО практически не способны предотвратить нападение, аналогичное удару 7 июня 1981 г.

Примечания

¹ Авторы выражают признательность О. Грановскому и всем создателям сайта <http://www.waronline.org> за помощь, оказанную в подготовке статьи.

² Hibbs Mark. Officials say Israel will destroy Natanz plant if Iran operates it. *Nucleonics Week*. 2003, 3 July. P.12.

³ Ракетная угроза Ирана Израилю – в центре внимания прессы. *MIGnews.com*. 2003, 4 июля.

⁴ Израиль разработал план удара по ядерным объектам Ирана? *Агентство Курсор*. 2003, 29 августа.

⁵ Там же.

⁶ Немцы считают, что Израиль будет бомбить ядерные объекты Ирана. *MIGnews.com*. 2003, 11 октября.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Hibbs Mark. Op. cit. P.13.

¹⁰ США будут бить первыми. <http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000111/002/02092702.htm>

¹¹ Гриневский Олег. Атомная бомба и Ближний Восток. *Независимая Газета*. 2001, 1 марта.

¹² From Aflaq to Tammuz. *The High Energy Weapons Archive*. 2001, 27 December. <http://nuketesting.enviroweb.org/hew/Iraq/IraqAtoZ.html>

- ¹³ Khamza Khidir. *Saddam's Bombmaker*. Scribner. New York, 2000. P. 105.
- ¹⁴ Iraq Nuclear Weapons Program — An Annotated Chronology. 2003, March. http://www.nuclearthreatinitiative.org/e_research/e1_iraq_N_chron.html
- ¹⁵ Khamza Khidir. *Op. cit.* P. 83.
- ¹⁶ Яременко Валерий. Ядерная бомба Саддама. *Время MN*. 2002, 27 декабря.
- ¹⁷ Капитонов Константин. Операция «Вавилон». *Пресс-обозрение*. 2001, 24 мая.
- ¹⁸ Равив Ден, Мелман Йосси. История разведывательных служб Израиля. М.: Международные отношения, 2000. С. 301.
- ¹⁹ Островский Виктор, Хой Клэйр. Я был агентом Моссад. М.: Арт-Пресс, 2000. С. 11.
- ²⁰ Гриневский Олег. Атомная бомба...
- ²¹ From Aflaq to Tammuz. *The High Energy Weapons Archive...*
- ²² Островский Виктор, Хой Клэйр. Я был агентом... С. 22.
- ²³ *Ibid.* P. 110.
- ²⁴ Khamza Khidir. *Saddam's Bombmaker...* P. 134.
- ²⁵ Osiraq/Tammuz I. <http://www.fas.org/nuke/guide/iraq/facility/osiraq.htm>
- ²⁶ *Ibid.*
- ²⁷ Feldman S. *Nuclear Weapons and the Arms Control in the Middle East*. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, 1997. P. 105.
- ²⁸ Яременко Валерий. Бомба для Саддама. *Независимое Военное Обозрение*. 2003, 7 февраля. С. 5.
- ²⁹ Fieldman S. *Op. cit.* P. 106.
- ³⁰ Яременко Валерий. Бомба для Саддама... С. 5.
- ³¹ Vanderbroucke. L. The Israeli strike against Osiraq. <http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/aureview/1984/sep-oct/vanden.html>
- ³² Grant Rebecca. Osiraq and Beyond. *Air Force Magazine*. 2002, Vol. 85, No. 8, August. P. 75.
- ³³ В 1980–1981 гг. израильская армия в той или иной степени была вовлечена в междоусобицу в Ливане, что приводило к периодическим столкновениям на земле и воздухе с сирийскими вооруженными силами. К тому же в конце 1970-х гг. ПВО Сирии была значительно усилена поставками техники для войск ПВО из СССР. В любом случае скрытность перелета при пролете через Сирию было сложнее сохранить.— *Прим. авт.*
- ³⁴ Яременко Владимир. Ядерная бомба...
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Райдер Максим. «Опера» для Саддама Хуссейна. *История Aviации*. 2001, № 1. С. 50.
- ³⁷ http://www.iaf.org.il/iaf/dao_iis.dll/Serve/item/English/1.3.3.5.4.1.html
- ³⁸ В этом случае *Skyhawk* мог использоваться в качестве самолета-заправщика.
- ³⁹ Однако *Kfir* обладал возможностью дозаправки в воздухе.
- ⁴⁰ http://www.iaf.org.il/iaf/dao_iis.dll/Serve/item/Hebrew/1.1.4.6.10.1.html
http://www.iaf.org.il/iaf/dao_iis.dll/Serve/item/Hebrew/1.1.3.6.5.2.html
- ⁴¹ http://www.iaf.org.il/iaf/dao_iis.dll/Serve/item/Hebrew/1.1.2.5.7.14.html
- ⁴² http://www.iaf.org.il/iaf/dao_iis.dll/Serve/item/Hebrew/1.1.2.5.7.14.html
- ⁴³ Pomerance Rachel. Many have heard of Osiraq strike, but few know the risk and rewards. http://www.jta.org/page_view_story.asp?strwebhead=Remembering+Osiraq+attack&intcategoryid=5
- ⁴⁴ Suspected states. <http://209.210.231.220/webdoc3.htg/Docs/NukeWeaponsFaq/nfaq7-3.html>
- ⁴⁵ Wishart Ian. Project Babylon: who armed Iraq? <http://www.investigatemagazine.com/apr3iraq.htm>

Уважаемые читатели журнала *Ядерный Контроль!*

Представляем вашему вниманию «младшего брата» журнала – электронный бюллетень *Ядерный Контроль: Информация*. Бюллетень существует уже несколько лет и за это время успел стать признанным информационным ресурсом в российском и международном сообществе экспертов не только в области нераспространения, но и безопасности в целом. *Ядерный Контроль: Информация* является важным дополнением к *Ядерному Контролю*, позволяя оперативно отражать важные события в России и за рубежом.

Бюллетень *Ядерный Контроль: Информация* является не только «зеркалом» мира нераспространения и безопасности, но также и новостной «трибуной» ПИР-Центра. Хотя основой бюллетеня являются материалы российских СМИ, в бюллетене часто публикуется эксклюзивная информация, авторами которой являются в том числе и читатели *Ядерного Контроля*.

Несмотря на кажущуюся «узость» охвата информации, вытекающей из названия, бюллетень в реальности представляет широкий спектр тем: **Ракетное и ядерное досье**, различные аспекты, связанные с **Химическим и биологическим оружием** и **Обычными вооружениями**, на его электронных страницах свое **Мнение** по поводу основных международных событий высказывают ведущие российские политики и эксперты.

В качестве примера богатого информационного «меню» бюллетеня упомянем только традиционные для него сюжеты: различные аспекты Программы Глобального партнерства, проблемы терроризма с использованием оружия массового уничтожения, новости из области экспортного контроля, мирной ядерной энергетики, военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами. Кроме них в рубриках бюллетеня можно найти материалы, посвященные Вооруженным силам России и дискуссиям об их реформировании и путях развития, столкновение точек зрения по актуальным вопросам безопасности России (расширение НАТО на постсоветское пространство, реформы ООН, ОБСЕ и других международных организаций).

Уникальным разделом бюллетеня является **Календарь** – фактически ежедневная хронология основных событий в России и за рубежом в области нераспространения и безопасности, которая является результатом ежедневного мониторинга ведущих российских и зарубежных СМИ сотрудниками ПИР-Центра.

*Бюллетень выходит еженедельно по четвергам.
Вы можете бесплатно подписаться на издание на сайте ПИР-Центра
по адресу <http://www.pircenter.org/russian/subscription/e-subscription.htm>*

Принято считать, что руководство Китайской Народной Республики заинтересовалось созданием собственного ядерного оружия (хотя Мао Цзэдун и называл его *бумажным тигром*) после того, как заместитель Председателя КНР Чжу Дэ и министр обороны Пэн Дэхуай в сопровождении ряда китайских военачальников были приглашены присутствовать вместе с министрами обороны других социалистических государств на общевойсковом учении с применением атомной бомбы мощностью 40 кт, которое было проведено на Тоцком полигоне (расположенном между Самарой и Оренбургом) 14 сентября 1954 г. Учением командовал маршал Г.К. Жуков¹.

Однако, по некоторым сведениям, один из китайских руководителей – Лю Шаоци, посетивший Москву с секретной миссией незадолго до образования КНР 1 октября 1949 г., был информирован о только что проведенном (в августе 1949 г.) первом советском ядерном испытании и, возможно, уже тогда заинтересовался ядерным оружием. Во время длительного пребывания Мао Цзэдуна в Москве в конце 1949 – начале 1950 гг., завершившегося заключением Советско-Китайского договора о дружбе и взаимопомощи, с Мао были разговоры по атомной проблеме и особенно о поставках китайской урановой руды, в которой СССР тогда остро нуждался.

Документы и материалы, относящиеся к оказанию помощи Китаю в атомной области, еще ожидают рассекречивания, но то, что эта помощь имела широкие масштабы и охватывала весь ядерный топливный цикл, включая содействие в создании атомной бомбы, не вызывает сомнений, и этому есть немало свидетельств в многочисленных открытых источниках, прежде всего в воспоминаниях очевидцев.

В своих мемуарах, опубликованных в 1988 г., бывший министр второго министерства машиностроения (ведавшего вопросами атомной энергии) Лю Цзэ писал, что Чжоу Эньлай – «главное лицо, вокруг которого объединились ученые, инженеры и техники, занимавшиеся созданием ядерного оружия», вскоре после образования КНР в 1949 г. распорядился выделить иностранную валюту для приобретения за рубежом оборудования, приборов, научно-технической литературы, имеющих отношение к проблемам высвобождения энергии атома. В 1954 г. в Гуанси-Чжуанском автономном районе китайские геологи обнаружили богатые залежи урановой руды².

По воспоминаниям Д.Т. Шепилова³, посетившего Китай вскоре после Тоцкого учения, в конце сентября – начале октября 1954 г., в составе правительственной делегации в связи с празднованием пятой годовщины КНР, в ходе доверительной встречи Мао Цзэдуна с Н.С. Хрущевым в присутствии советского посла П.Ф. Юдина китайский руководитель обратился к Хрущеву с прямой просьбой «раскрыть Китаю секрет атомной бомбы и помочь Китаю поставить в КНР производство атомных бомб». По словам Юдина, советский руководитель отклонил просьбу китайцев. «Что касается атомной бомбы, то Хрущев мотивировал это тем, что если мы дадим бомбу китайцам, американцы дадут свою атом-

ную бомбу западным немцам. Мао отвечал на это, что уже сейчас положение в двух мировых лагерях в этом вопросе неравное. Атомную бомбу имеют не только Соединенные Штаты. Ее имеет Англия. Ее делает или уже сделала Франция. К тому же все понимают, что в лабораторных тайниках все составные части атомной бомбы готовы и у западных немцев, и у японцев, имеющих высокоразвитые промышленные системы. В социалистическом же лагере атомную бомбу имеет только Советский Союз. Хрущев отшучивался: «А разве этого мало, что мы имеем атомную бомбу? Мы же и вас прикрываем. В случае чего мы за вас удар **нанесем**»⁴.

По некоторым другим данным, советское военное руководство также стремилось разубедить китайцев в необходимости иметь свое собственное атомное оружие на том основании, что советское ядерное оружие предоставляло бы для КНР необходимую защиту⁵.

По свидетельству уже цитированного нами Лю Цзэ, Мао Цзэдун тем не менее 15 января 1955 г. на секретариате ЦК КПК принимает «стратегическое решение» о создании китайской атомной бомбы, положившее начало развитию китайской атомной промышленности. В первой половине того же года была образована «руководящая группа», в состав которой вошли Чжоу Эньлай, зам. премьера и председатель Госплана Ли Фучунь и маршал Не Жуньжэнь. Проект создания бомбы получил кодовый **номер 596**⁶.

По словам Лю Цзэ, Чжоу Эньлай «планомерно, шаг за шагом добивался советской помощи в области атомной технологии, что дало нам возможность сравнительно быстро овладеть ею и позволило в определенной степени выиграть время. Одновременно Чжоу Эньлай указывал, что Китай должен располагать оборудованием, которое позволит превратить его в самостоятельную ядерную **силу**»⁷.

Но решающая помощь Китаю в овладении атомной бомбой была оказана Советским Союзом. 17 января 1955 г. Совет Министров СССР принял постановление об оказании помощи социалистическим странам в проведении исследований в области мирного использования атомной энергии. Уже через несколько дней подписывается советско-китайское соглашение о ведении совместных геолого-разведочных работ в Китае по поиску урановых руд. По соглашению Китай обязывался продавать излишки урана Советскому Союзу. Соглашение было взаимовыгодным, поскольку в тот период СССР испытывал нехватку урана.

Всего, по китайским данным, между 1955 и 1958 гг. СССР и Китай заключили шесть соглашений о содействии в развитии китайской ядерной науки, промышленности и создании атомного оружия: 1) Соглашение от 20 января 1955 г. о совместной разведке урановых месторождений, включая согласие Китая продавать избытки урана Советскому Союзу; 2) Соглашение от 27 апреля 1955 г. о помощи в ядерных исследованиях и использовании атомной энергии в мирных целях, включая поставку ядерного реактора мощностью 10 МВт и циклотрона; 3) Соглашение от 17 августа 1956 г. о помощи в создании ядерной промышленности; 4) Соглашение от 19 декабря 1956 г. о передаче совместных геологоразведочных работ под китайское управление при оставлении советской помощи в их проведении; 5) Соглашение от 15 октября 1957 г. по новым военным технологиям, в соответствии с которым СССР должен был поставить Китаю макет атомной бомбы и ракеты, а также соответствующую техническую документацию, и 6) Соглашение от 29 сентября 1958 г. о графике поставок и объеме советской помощи в ядерной **области**⁸.

В соответствии с этими соглашениями в конце 1950-х гг. в Китае работали многие сотни советских специалистов-атомщиков, в том числе и несколько конструкторов ядерных **устройств**⁹, а китайцы учились или проходили практику в СССР, в том числе в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Таким образом, доводы Мао о необходимости укрепления *социалистического лагеря* в атомном отношении возымели свое действие.

Достаточно откровенно о помощи Китаю рассказал в своих мемуарах сам Н.С. Хрущев: «Скажу, что еще во времена добрых контактов мы подписали соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии, в том числе о передаче Китаю секретов технологии производства атомного оружия. Мы вообще давали Китаю все. У нас от него не было секре-

тов, а их ученые, инженеры и конструкторы, которые занимались атомными делами, работали рука об руку с нашими атомщиками. Когда Китай попросил у нас атомную бомбу, мы поручили своим ученым принять его представителей и обучить их, как ее делать. Наши ученые предложили сделать для них подходящую модель. Я не могу тут рассказать, что это была за модель и почему ее нужно было делать. Существует понятие государственной тайны. Достаточно упоминания. И действительно, изготовлена была модель атомной бомбы небольшой мощности. Как раз в момент резкого ухудшения наших отношений завершилось обучение соответствующих китайских специалистов, а модель была уже упакована. Министр атомной промышленности СССР (должность называлась иначе) доложил, что все готово, включая решение об отправке модели, и люди приготовились отправлять ее, давайте сигнал! Мы собрались на совещание в Президиуме ЦК КПСС. Нам было очень трудно решить, как быть: мы знали, что Китай использует все против нас, если мы нарушим договор и не отправим модель бомбы. С другой стороны, нас так поносят, предъявляют нам невыслышимые территориальные претензии, а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой? И мы решили не *посылать ее*¹⁰.

Действительно, рассказывают академик Е.А. Негин, бывший директор и главный конструктор Арзамаса-16, и Ю.Н. Смирнов, работавший с 1960 по 1963 г. в коллективе А.Д. Сахарова, наши специалисты подробно знакомили китайцев с конструкцией атомного оружия. В Арзамасе-16 в вагоны были погружены макет той бомбы, об устройстве которой уже было рассказано в *Китае*¹¹, а также полный комплект документации не только на саму бомбу, но и на стенды, пульта, различное оборудование, оснастку, испытательные приспособления и т.д. Вагоны простояли около полугода, когда из ЦК КПСС поступило указание все уничтожить – и макет бомбы, и *чертежи*¹².

Академик Негин вспоминает о своей командировке в Китай в 1958 г.: «В Китае мы должны были рассказать, что нужно уметь, чтобы сделать бомбу. Поездили по Китаю. Посмотрели заводы. С народом поговорили. Представили им тот вид кооперации предприятий, который может быть создан, типа «китайского Минсредмаша», сказали, чего у них нет, что нужно сделать в первую очередь, в общем, оказали большую научно-техническую *помощь*»¹³.

В 1958 г. в Китай были направлены 111 специалистов Главатома и 43 геолога, которые специализировались по поиску атомных сырьевых материалов. Промышленную часть, включая разведку и добычу урана, опекал в качестве советника главный инженер одного из главков Министерства среднего машиностроения А.А. Задикян, работавший в Китае с 1956 по 1960 г. Ряд авторитетных советских ученых, связанных с атомной тематикой (А.И. Алиханов, А.П. Виноградов, Д.И. Блохинцев и многие другие), бывали в Китае периодическими краткосрочными *наездами*¹⁴.

М.С. Капица, долгое время курировавший китайское направление советской внешней политики, писал, что в 1950–1960 гг. в КНР в общей сложности было направлено более 10 тыс. советских специалистов, а в СССР прошли обучение, научную подготовку и практику около 11 тыс. китайских инженеров, техников, квалифицированных рабочих, около тысячи *ученых*¹⁵.

О характере и направлениях советской помощи в создании китайского атомного и военного потенциала и подготовке НОАК можно составить определенное представление и по воспоминаниям генерал-полковника в отставке И.С. Глебова. Глебов в 1957–1958 гг. работал советником начальника генерального штаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Как рассказывает генерал, с его участием рассматривались вопросы «организации новых ВС КНР», при этом намечалось создать «более 100 соединений и, кроме того, отдельные части всех видов и родов войск». Была достигнута договоренность о передаче ракет «земля-земля» и «земля-воздух». В качестве советника Глебов участвовал в оперативном учении, «причем были сделаны расчеты с учетом возможного применения ядерного оружия противником».

Предоставлялись консультации «по вопросам строительства полигона для испытания нового вооружения. Что касается передачи авиационных ядерных бомб, то, – как сооб-

щил И.С. Глебов послу П.Ф. Юдину по прибытии в Китай в мае 1957 г., – этот вопрос отложен нашим руководством, поскольку он носит принципиальный характер во взаимоотношениях с Соединенными Штатами **Америки»**¹⁶.

Китайские специалисты побывали на советском атомном полигоне. Более того, в конце ноября 1958 г. в качестве военных специалистов при Военной инженерно-технической академии в Харбин прибыли два сотрудника ЦНИИ-12 Министерства обороны полковник Ф.К. Бурлаков и подполковник И.А. Размыслович, которые разработали программу по курсу противоатомной защиты в **войсках**¹⁷.

Сын Н.С. Хрущева Сергей в своих воспоминаниях рассказывает, что китайцам было обещано передать ракету *P-12*, способную доставлять ядерные боеголовки, причем «предполагалось, что производство ракет в обеих странах начнется практически одновременно». Он пишет, что в Китай ушли образцы самонаводящихся крылатых ракет: катерной *P-15* и береговой обороны – *Кометы*. Их собирались строить на вновь строящихся с помощью Советского Союза заводах¹⁸.

Судя по всему, Хрущев принял решение о прекращении помощи Китаю в создании ядерного оружия, опасаясь, как бы китайское руководство не втянуло СССР в конфликт с США и всем западным миром в связи с попытками КНР в 1958 г. захватить острова Цзиньмынь и Мацзу (*Quemoy и Matsu*) в Тайваньском проливе. Стало известно, что в сентябре 1958 г. Эйзенхауэр перед лицом китайских угроз подвергнуть бомбардировке Цзиньмынь принимает решение о возможном применении ядерного оружия, а вскоре объявляет об этом **публично**¹⁹.

В конце июля – начале августа 1958 г. в Пекине состоялась встреча между Хрущевым (его сопровождали министр обороны маршал Малиновский и и.о. министра иностранных дел В.В. Кузнецов) и Мао Цзэдуном. Эта встреча, несмотря на то, что совместное коммюнике было выдержано в привычных формулировках о верности *братской дружбе*, прошла в натянутой обстановке. По свидетельству С.Н. Хрущева, китайцы хотели получить заверения о поддержке силой их попыток овладеть островами в Тайваньском проливе, но Н.С. Хрущев уклонился, считая, что «общие усилия должны согласованно направляться на отпор агрессии, а не провоцировать американцев на ненужную **конфронтацию**»²⁰.

Тем не менее Хрущев предложил Мао Цзэдуну предоставить в распоряжение КНР отдельный советский полк ПВО, а 7 сентября в послании президенту Эйзенхауэру выступил с предупреждением: «Нападение на Китайскую Народную Республику, которая является великим другом, союзником и соседом нашей страны, – это нападение на Советский Союз. Верная своему долгу, наша страна делает все для того, чтобы совместно с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира на Дальнем Востоке, интересы мира во всем **мире»**²¹. Советская печать метала громы и молнии в адрес «американских агрессоров», но этим дело и ограничилось. Ни американцы, ни китайцы, пишет М. Банди в своей книге «Опасность и выживание», не восприняли советскую угрозу всерьез, поскольку, хотя обстановка в Тайваньском проливе продолжала оставаться напряженной, опасность применения атомного оружия уже отошла назад. Позднее, в 1963 г., в разгар советско-китайского конфликта, китайцы утверждали, что советское руководство заявило о своей поддержке КНР только тогда, когда угрозы американского ядерного удара уже не **существовало**²².

По словам Сергея Хрущева, к маю 1959 г. Н.С. Хрущев «созрел окончательно: ни под каким видом атомные секреты передавать нельзя», и 20 июня 1959 г. «соглашение, предусматривавшее передачу Китаю новейших технических достижений, в первой очереди в военной области, нами было в одностороннем порядке **аннулировано**»²³. Китайские источники также подтверждают, что ЦК КПК получил официальное письмо от 20 июня, в котором сообщалось, что макет атомной бомбы, чертежи и техническая информация о бомбе не будут поставлены Китаю. По этим же данным, советское решение мотивировалось тем, что в Женеве ведутся переговоры с США и Англией о запрещении ядерных испытаний. В Пекине же это решение было расценено как акция, идущая навстречу США, в связи с предстоящим первым визитом Хрущева в **Америку**²⁴.

18 июля 1960 г. посольство СССР в Пекине в ноте МИДу КНР сообщило об отзыве всех советских специалистов, включая военных, на родину ввиду «недружественных» по отношению к ним действий со стороны китайских властей²⁵, и в августе все советские специалисты, участвовавшие в китайской стратегической программе, вернулись в СССР²⁶.

Реакция Мао Цзэдуна была быстрой – изготовить бомбу в течение восьми лет, но этот срок был перевыполнен: она была создана через пять лет после прекращения советской атомной помощи²⁷. О размахе работ свидетельствуют такие цифры: в них участвовали 26 министерств, 900 заводов и вузов. При этом руководитель китайского атомного проекта маршал Не Жуньчжэнь не отрицает в своих мемуарах, что фундамент китайской ядерной мощи был заложен с помощью СССР. Он признает также, что Советский Союз передал Китаю образцы вооружений, которые могли служить средствами доставки ядерного оружия²⁸.

В целом, однако, в китайской, а также и в американской литературе преуменьшается роль СССР в создании ядерного оружия КНР. По оценкам же некоторых российских экспертов, советская помощь в атомной области позволила КНР по крайней мере на 10–15 лет ускорить создание ядерного оружия, которое было впервые испытано в октябре 1964 г. Первая китайская водородная бомба была испытана 17 июня 1967 г.

Разногласия между китайским и советским руководством продолжались не один год, но особой остроты публичная полемика между ними достигла, пожалуй, в период заключения Московского Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах в августе 1963 г. 1 сентября китайское правительство выступило с заявлением, в котором содержалась резкая критика Договора и утверждалось, что он направлен на то, чтобы «связать по рукам социалистические страны, за исключением Советского Союза, связать все миролюбивые страны». В ответном заявлении правительства СССР, опубликованном 21 сентября, говорилось, что «рассуждения о “монополии” понадобились китайским руководителям [...] для того, чтобы обосновать свое право на ядерное оружие».

Далее в советском заявлении указывалось: «Стремление любой ценой, во что бы то ни стало обзавестись атомной бомбой не может не порождать серьезных сомнений в целях внешней политики лидеров КНР. Ведь они не в состоянии доказать, что это необходимо для интересов обороны Китая и всего социалистического лагеря. Хорошо известно, что ядерная мощь СССР достаточна для того, чтобы стереть с лица земли любое государство или коалицию государств, которые посягнули бы на революционные завоевания стран социализма. На этот счет даже у империалистов нет иллюзий. Нужны ли в таких условиях для обороны социалистического лагеря еще и китайские атомные бомбы? Конечно, нет»²⁹.

Личные трения между советскими и китайскими руководителями сыграли немалую роль в прекращении ядерного сотрудничества между СССР и КНР. Но, конечно, главными факторами, приведшими к разрыву между двумя государствами в конце 1950-х гг., были стремление Китая обрести статус великой державы, ни в чем не уступающей положению других ядерных государств, а также усиливавшееся соперничество обеих держав за гегемонизм и главенство в международном коммунистическом и рабочем движении.

Примечания

¹ Информация и материалы об этом учении, а также воспоминания участников были опубликованы в *Известиях*. 1990, 25 марта; в *Бюллетене Центра общественной информации по атомной энергии*. М., ЦНИИАтоминформ. 1993, № 9. С. 60–72; и в книге *Ядерные испытания в СССР*. М., ИзДАТ, 1997. С. 253–301.

² *Эхо Планеты*. 1998, № 24, 10–16 сентября. С. 26.

³ Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) – в тот период главный редактор *Правды*, затем был секретарем ЦК КПСС, кандидатом в члены Президиума ЦК, министром иностранных дел. В 1957 г. заодно с Молотовым, Маленковым и Кагановичем уволен со всех постов.

⁴ *Независимая Газета*. 1997, 11 ноября.

- ⁵ Дэвид Холловей основывает это утверждение на своем интервью с генерал-лейтенантом Н.Н. Остроумовым, который в ходе Тоцкого учения по указанию командующего советскими ВВС имел соответствующий разговор с командующим китайскими ВВС (Holloway David. *Stalin and the Bomb*. Yale University Press, New Haven & London, 1994. P. 354).
- ⁶ *Эхо Планеты*. 1988, № 24.
- ⁷ Там же. С. 28.
- ⁸ Lewis John Wilson and Litai Xue. *China Builds the Bomb*. Stanford University Press, Stanford CA, 1988. P. 41; *Эхо Планеты*. 1988, № 24. С. 27.
- ⁹ Так, с мая 1957 по ноябрь 1959 г. в Китае работал Е.Д. Воробьев, один из ближайших помощников И.В. Курчатова в Челябинске-40, а с 1958 по 1960 г. начальник газодинамического отделения Арзамаса-16 Б.Н. Леденев, один из главных конструкторов ядерного оружия (Негин Е.А. и Смирнов Ю.Н. Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? Доклад на международном симпозиуме в Дубне, 14–18 мая 1996. Наука и общество. История советского атомного проекта. 40-е – 50-е годы. М., ИздАТ, 1997. Том 1. С. 306–309). Сокращенный вариант доклада Негина и Смирнова опубликован в журнале *Итоги*, 1996, 8 октября.
- ¹⁰ *Вопросы Истории*. 1993, № 3. С. 77–78.
- ¹¹ По словам Ю.Н. Смирнова, речь шла об одной из первых испытанных в СССР атомных бомб РСД-3, известной также как *Татьянка*, а не о более поздних конструкциях.
- ¹² Доклад Негина и Смирнова на международном симпозиуме в Дубне. Цит. соч. С. 311–312.
- ¹³ Люди объекта. Саров–Москва: Изд-во *ИНФО Человек К*, 1996. С. 150.
- ¹⁴ Негин и Смирнов. Цит. соч. С. 314, 306.
- ¹⁵ Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. Москва, Изд-во АО «Книга и Бизнес», 1996. С. 57.
- ¹⁶ *Военно-Исторический Журнал*. 1993, № 8. С. 49–53.
- ¹⁷ Негин и Смирнов. Цит. соч. С. 312.
- ¹⁸ Хрущев Сергей. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. М., Новости, 1994. Том 1. С. 347.
- ¹⁹ Bundy McGeorge. *Danger and Survival*. N.Y.: Random House, 1988. P. 279–280.
- ²⁰ Хрущев Сергей. Цит. соч. С. 349.
- ²¹ Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 411.
- ²² Bundy McGeorge. P. 281.
- ²³ Хрущев Сергей. Цит. соч. С. 353.
- ²⁴ Lewis John Wilson and Litai Xue. P. 64–65.
- ²⁵ Полный текст этой «строго конфиденциальной» ноты опубликован в *Cold War International History Project Bulletin*. Wasington D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars. 1996/1997, Winter, Issues 8–9. P. 249–250.
- ²⁶ Lewis John Wilson and Litai Xue. P. 72.
- ²⁷ Мао не раз называл атомную бомбу *бумажным тигром*, но это было до создания китайского ядерного оружия. Впрочем, он сам позднее признавал в частных беседах, что это выражение было как бы риторической фигурой.
- ²⁸ *Известия*. 1994, 11 ноября.
- ²⁹ Сборник документов МИД СССР. Том VI. С. 443–487. Тут у Хрущева (а он обычно сам диктовал тексты заявлений правительства, посылая их затем в МИД на редакционную доработку) концы с концами не сходятся: ведь первоначальная помощь Китаю в создании атомного оружия исходила как раз от Советского Союза.

СЕГОДНЯ Я ВИЖУ ТРИ КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

[Опубликована в № 4 (74), зима 2004]

Главному редактору:

Весной этого года ПИР-Центр отметил свой 10-летний юбилей, который совпал с проведением конференции «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения».

Мне бы хотелось выразить искреннюю благодарность Центру политических исследований в России за присуждение мне награды «За Укрепление Режимы Нераспространения», но в то же время и высказать сожаление по поводу невозможности моего присутствия на церемонии награждения.

Долгое время у меня была возможность работать в области разоружения и нераспространения. Сначала в качестве должностного лица, а позднее и главы Министерства иностранных дел Швеции, когда я принимал участие в многосторонних переговорах и делал все возможное, чтобы служить интересам Швеции в этой области; затем в качестве Генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), ключевой областью деятельности которого является нераспространение ядерного оружия; а в период с 2000 по июль 2003 г. в качестве председателя Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК).

В ходе работы я сталкивался с ситуациями, когда механизмы режима нераспространения были недостаточно эффективными. Так, например, в 1980-х гг. существовавшие тогда гарантии были недостаточны для того, чтобы вовремя отследить тот момент, когда руководство Ирака приняло решение тайно развить свою ядерную программу, или удержать его от этого шага. Я сталкивался и с ситуациями, когда механизмы были на самом деле достаточно эффективными, возможно, даже более надежными и проникающими, чем мы полагали, как в случае режима инспекций, созданного Специальной комиссией ООН (ЮНСКОМ), МАГАТЭ и ЮНМОВИК в отношении Ирака.

В настоящее время я возглавляю международную независимую Комиссию по ОМУ, уполномоченную представить в начале 2006 г. Генеральному секретарю ООН К. Аннуну Заключительный доклад с конкретными практическими предложениями по поводу того, как можно уменьшить опасность, исходящую от оружия массового уничтожения. В докладе будут затрагиваться все аспекты этой области: разоружение, нераспространение и контрраспространение.

Я не буду предвосхищать выводы Заключительного доклада, но мне бы хотелось поделиться своими личными размышлениями (не выражающими общее мнение всей Комиссии), упомянув три важных вопроса, которые необходимо решить:

- Схожесть технологий законного производства низкообогащенного урана (НОУ) для топлива и высокообогащенного урана (ВОУ) для целей создания оружия.
- Важность международных инспекций и контроля, в отличие от односторонних действий государств, с целью достижения законности и снятия подозрений. Однако это не означает, что такие меры не могут быть взаимодополняющими.

Наконец, возможность доступа к ядерным материалам. Запасы плутония оружейного качества и ВОУ, являющиеся наследием холодной войны, представляют собой потенциальную угрозу. Более того, присутствие ВОУ в различных исследовательских реакторах во многих странах также является рискованным. Государства должны принять меры для решения этой проблемы, и поэтому я приветствую инициативы и работу в этой области «Группы восьми» и входящих в нее стран.

Поэтому, несомненно, вам предстоит важная работа, и я желаю вам удачи на этом поприще.

*Председатель Комиссии по оружию массового уничтожения
Ханс Бликс (Швеция)*

*The Weapons of Mass Destruction Commission (WMDC)
103 33 Stockholm, Sweden
secretariat@wmdcommission.org*

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

[Опубликованы в № 2 (68), 2003; № 3 (73), 2004]

Среди читателей журнала, которые на протяжении этих лет писали нам многочисленные письма в ответ на наши публикации, – эксперты правительственные и далекие от правительства, политологи, инженеры, журналисты, студенты... Но не будем скрывать, что нам всегда было интересно, что думают о наших публикациях наши самые информированные читатели – работники государственных структур. Вот несколько фрагментов из их писем.

Уважаемый Владимир Андреевич,

[...] С интересом знакомлюсь с публикуемыми в вашем издании материалами, представляющими несомненный практический интерес.

С уважением,

С.Э. Приходько,

*заместитель руководителя Администрации Президента РФ,
начальник Управления Президента РФ по внешней политике
(ныне – помощник Президента РФ)*

Уважаемый Владимир Андреевич,

[...] На протяжении многих лет Министерство Российской Федерации по атомной энергии, сейчас – Федеральное агентство по атомной энергии, активно сотрудничало и сотрудничает с ПИР-Центром. Мероприятия ПИР-Центра и журнал *Ядерный Контроль* предоставляют экспертам атомной промышленности России возможность информировать общественность о реформе отрасли, вступать в полемику с экспертным сообществом, одним словом, «держать руку на пульсе [...]».

С уважением,

А.Ю. Румянцев,

*Министр по атомной энергии РФ (2001–2005 гг.),
руководитель Федерального агентства по атомной энергии (2004–2005 гг.)*

Уважаемый Владимир Андреевич,

[...] Широкий охват поднимаемых в журнале [*Ядерный Контроль*] тем, касающихся международной безопасности и стратегической стабильности, нераспространения ядерного оружия, проблемы «ядерного» терроризма и других, представляет непосредственный интерес для деятельности профильных подразделений МИДа, в том числе Департамента международных организаций.

Сильной стороной журнала, как представляется, служит сочетание экспертизы отечественных и зарубежных специалистов в области ядерного контроля. Привлекает и глубина тематического «среза» журнала: актуальные вопросы, анализ, историческая перспектива.

Желаем вашему коллективу дальнейших успехов и рассчитываем, что журнал сможет послужить весомым подспорьем в работе Департамента [...].

А.Е. Грановский,

*директор Департамента международных организаций МИД РФ
(ныне – Посол РФ на Мальте)*

* * *

Уважаемый Владимир Андреевич!

В Главном управлении Генерального штаба с интересом знакомятся с материалами, публикуемыми в журнале *Ядерный Контроль*. Проблемы, освещаемые в вашем журнале, являются весьма актуальными и ориентируют широкий круг читателей на правильное понимание таких сложных вопросов, как ОМУ и средства его доставки, их нераспространение, контроль, ликвидация; военные доктрины; ядерная стратегия и безопасность, экспортный контроль и двойные технологии; высокоточное и другие виды обычного оружия.

Нам импонируют нацеленность редакции на оперативное рассмотрение проблем, отвечающих злобе дня, попытка их досконального исследования и высокий профессионализм подачи материала.

При этом особо важно, на наш взгляд, то, что вы допускаете возможность полемики, доведение до читателя различных взглядов (в том числе зарубежных экспертов) и не настаиваете на категоричности какого-либо подхода, оставляя свободу формирования собственного мнения.

Хотелось бы также отметить стремление редколлегии постоянно совершенствовать качество не только самой информации, но и формы ее подачи [...]. С удовольствием воспользуемся предоставленной возможностью регулярно знакомиться в текущем году с содержанием вашего журнала.

[...] Желаю дальнейших творческих успехов всему коллективу редакции.

С уважением,

В.В. Корабельников,

*начальник Главного управления
Генерального штаба Вооруженных сил РФ*

* * *

Уважаемый Владимир Андреевич!

По мнению экспертов Службы, актуальность вопросов, освещаемых в журнале [*Ядерный Контроль*], не вызывает сомнения, как и высокий профессиональный уровень авторов публикуемых статей, что может быть обеспечено только активной редакционной позицией.

Позвольте также выразить надежду на дальнейшую плодотворную работу коллектива ПИР-Центра как в направлении издательской деятельности, так и в реализации различных проектов в столь важной и в то же время требующей особой деликатности области, каковой является проблематика международной безопасности, в первую очередь в части нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями.

С уважением,

Б.Н. Лабусов,

руководитель пресс-бюро СВР, по поручению директора СВР

E D I T O R I A L

- 13 **From 8 to ∞** – The current calendar year – 2006 – does not have a single “eight” in it. Nevertheless, for the PIR Center the year will be ruled by the number “eight” in more than one way.

To begin with, this is the year of Russia’s G8 presidency and the year of the G8 summit, which will take place in Strelna (near St. Petersburg), where, among other things, there will be discussions about issues such as energy security; the development of promising international projects in the field of nuclear energy; biosafety, biosecurity, and the prevention of epidemics of infectious diseases; and the nonproliferation of nuclear weapons... The PIR Center is taking an active part in the events preceding the summit, and also plans to make a contribution this coming autumn through an assessment of the results of Russia’s presidency.

But we have already elaborated on PIR Center’s activities related to the G8 in detail, both on the pages of *Yaderny Kontrol* and in other PIR Center publications. Therefore we will not focus on these activities here, but instead turn to other “eights.”

The periodical that you hold in your hands is the eightieth issue of *Yaderny Kontrol*.

In order to celebrate an anniversary, one typically invites guests. Thus, the PIR Center invited its regular contributors, members of our Advisory Board, and the journal’s friends and partners to a presentation of issue No. 80 in Moscow on April 20, 2006.

But we also decided to “invite” articles themselves to this anniversary – articles from the previous seventy-nine issues, published during the journal’s nearly twelve-year history. There was a great temptation to take out some scissors and begin to “cut up” some of the older articles so that they would appear to be “fresher.” We tried to keep this under control. In certain cases, we must admit, we made some cuts in order to free up a bit more space and present the widest possible variety of points of view, and allow the largest possible number of authors to “express themselves” in this polyphonous issue. But we “played” honorably: every reduction is properly noted. Now we invite you on a journey – over the years, the themes, and the pages of *Yaderny Kontrol*, 1994–2006.

I N T E R V I E W

- 15 **Several Questions About Nuclear Nonproliferation – Gennady Yevstafiev** – After its publication in 1993, the “White Book” on WMD nonproliferation by Russia’s Foreign Intelligence Service (SVR) caused a surge of interest in this issue both in

Russia and abroad. There are reports that several countries “offended” by the publication even sent notes of protest to the Russian Ministry of Foreign Affairs. Today it is particularly remarkable that Iran was not one of those countries, although the country was described in the report as “a country (that) has a program of applied military research in the nuclear sphere”. One-and-a-half years after the work was published, *Yaderny Kontrol* editor-in-chief Vladimir Orlov interviewed one of the chief authors of the White Book, SVR directorate head Gennady Yevstafiev, who slightly lifted the curtain of secrecy surrounding the aims and tasks that the authors of this work pursued.

- 21 **Yevgeny Maslin: “Not One Nuclear Munition in Russia Has Been Lost or Stolen to Date”** – It was hard to imagine in the early 1990s that there was a hotter topic in the foreign media than the security of the Soviet nuclear arsenal. Just recall the Israeli media’s fake story about the sale of nuclear warheads from Kazakhstan to Iran. However, one could not fail to recognize the deficiencies at that time in the physical protection of Russian Ministry of Defense facilities to which the strategic nuclear arsenal was being repatriated from the newly independent states. A similar state of affairs caused obvious apprehension among Russian servicemen too. In an interview for *Yaderny Kontrol*, the chief of the 12th Main Directorate of the Russian Ministry of Defense, Yevgeny Maslin, talked about the difficulties his subordinates encountered in carrying out the tasks that had been assigned to them.
- 27 **Sergey Kislyak: “Russia Came Out Against Dividing the Conference Into a Camp of Conquerors and a Handful of Those Conquered”** – The indefinite extension of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT), together with headway in attaining the universality of this agreement, created euphoria in the first half of the 1990s over the future of the nonproliferation regime, particularly in the nuclear weapon states. Now, more than ten years since that historic decision was taken in New York, it is obvious that this joy was premature. This only serves to make the diplomatic work undertaken in preparation for and during the conference by the delegations of the nuclear weapon states, Russia and United States first and foremost, of even greater interest. In an interview with *Yaderny Kontrol’s* editor-in-chief done immediately after the end of the session at which the decision on the indefinite extension of the agreement was made, the deputy head of the Russian delegation at the NPT Review and Extension Conference (and current deputy foreign minister), Sergey Kislyak, described how the success of the conference was obtained.
- 31 **Jayantha Dhanapala: “Now We Should Make the Entire World a Nuclear Weapons-Free Zone”** – The chief architect of the indefinite extension of the NPT answered questions posed by the editor-in-chief of *Yaderny Kontrol* right after the end of the final session of the NPT Review and Extension Conference. One of the conclusions conference chair Jayantha Dhanapala drew about the conference results was: “When multilateral diplomacy and the international community encounter a challenge that affects global interests, the international community can rise to meet this challenge together.” Read about the surprises during the conference, Russia’s role in the indefinite extension of the NPT, and the prospects for the nonproliferation regime as they were viewed several minutes after the indefinite extension agreement, in the interview of the Sri Lankan diplomat who is now a contender for the post of U.N. Secretary-General.
- 35 **Nikolai Kravchenko: “Only 25% of the Border Crossing Points Have Special Equipment to Prevent Nuclear Smuggling”** – What was the state of controls over the transit of nuclear and radioactive materials across Russia’s borders in the first half of the 1990s, and what were the priority issues that had to be tackled by the division created in 1995 under the Russian State Customs Agency to exercise customs control over nuclear and radioactive materials? These questions are answered by its director, Nikolai Kravchenko, in an interview with *Yaderny Kontrol’s* editor-in-chief. In the director’s opinion, the controls that existed at the time made it possible to take advantage of legal shipments of nuclear and radioactive materials, substituting for

or increasing the quantity of the nuclear and radioactive material specified in the license and declared in the declaration, and undertake illegal shipments of such materials.

- 37 **Mikhail Kirillin: “Several American Firms That Design Missiles Have Links to the Iranians”** – In the mid-1990s, Iran’s intelligence agencies made conspicuous efforts to obtain missile and other sensitive technologies in Russia. In 1997 alone the FSB prevented several such attempts. At the same time, the European countries and the United States were also the focus of Iranian scientific and technical intelligence efforts. In November 1997, during a visit to Moscow by high-ranking CIA officials, FSB director Nikolai Kovalev gave the U.S. officials information his agency had obtained about the Iranian ties of several American firms involved in designing missiles. *Yaderny Kontrol*'s editorial staff made an official request at the U.S. embassy for comment; however, this comment was not granted. In a *Yaderny Kontrol* interview, FSB official Mikhail Kirillin talks about the measures undertaken in the mid-1990s to avert the leakage of missile technologies to Iran.
- 41 **Valentin Yevstigneev: “Ebola Strains Were Brought to Russia by Intelligence Officers”** – The dispersal of anthrax in the United States in the mail and the difficulty in controlling the global spread of bird flu brings increased urgency to questions about individual states’ preparedness for biological threats. Despite the different nature of the threat, this problem was no less acute during the Cold War years. In an interview with *Yaderny Kontrol* correspondent Dmitry Litovkin, the deputy head of the Russian Ministry of Defense Radiological, Chemical, and Biological Defense Directorate Valentin Yevstigneev talks about his directorate’s duties, and where samples of U.S. biological weapons were obtained – samples that were later used in field tests at the Aral Sea test range. The issue of how Russia is preparing for new threats in the biological sphere, including acts of bioterrorism, is discussed as well.
- 49 **Dmitry Rogozin: “World History is not Written in Diplomatic Notes”** – This caustic interview with then-chairman of the Russian State Duma Committee on International Affairs Dmitry Rogozin caused numerous disputes on the journal’s editorial board over both form and content. The positions presented in the interview are of a sort with which one might not agree, but which are nevertheless worthy of note. Particularly since it has proven partially prophetic. This is quite unfortunate, since the reference was to terrorist attacks in Great Britain. In this interview with *Yaderny Kontrol*, the State Duma deputy also discusses Russian interests in Iran and North Korea, and the prospects for bilateral cooperation with these countries and a united Europe, as well as the most promising, from his point of view, ways to reform the United Nations.
- 55 **Mohamed ElBaradei: “The Nuclear Nonproliferation Regime is Going Through Tough Times”** – From the moment of the foundation of *Yaderny Kontrol* to this day, its editorial board has maintained a dialogue between its experts and those of the International Atomic Energy Agency (IAEA). This dialogue is useful for both parties and mutually enriching. At various times the journal’s pages have featured the words of directors-general Hans Blix and Mohamed ElBaradei; meanwhile, editorial board members and *Yaderny Kontrol* authors have spoken repeatedly at the Agency, providing their expert opinions on contemporary trends in the area of nonproliferation and development of nuclear energy. In an interview with PIR Center Executive Board chairman Roland Timerbaev, IAEA Director-General ElBaradei talks about the critical tasks that must be accomplished in order to strengthen the non-proliferation regime.

A N A L Y S I S

- 59 **Several Nuclear Material Storage Problems in the Northern Fleet – Mikhail Kulik** – This journal was designed to be a platform – a platform not only for expert evaluations and opinions of various aspects of security problems, but also as a

platform from which to pose the problems that demand solutions. One of the articles that opened our eyes to the huge problems associated with the secure storage of Russian nuclear materials in the early 1990s was an article by Mikhail Kulik, a Northern Fleet Military Procuracy critical affairs investigator who had investigated a criminal case involving the theft of radioactive materials. A defective alarm system, rusted padlock, and old ladies serving as paramilitary security guards were the only barriers that sailors who might want to steal Northern Fleet nuclear materials then faced.

- 63 **Tactical Nuclear Weapons: A New Geopolitical Reality or Old Mistakes? – Nikolai Sokov** – An examination of possible future reductions of Russian and U.S. nuclear weapons cannot avoid the question of the future of tactical nuclear weapons (TNW). Some experts believe that Russia can compensate for the weakness of its conventional weapons through this class of weapons; others have gone even further, proposing that additional TNW be deployed along Russia's borders. In this article, the senior research associate from the Center for Nonproliferation Studies at the Monterey Institute of International Studies explores the view, popular in Russia in the early 1990s, that the country should rely on TNW to ensure its defense, and examines the initiatives – which have still not lost their urgency – for Russian withdrawal from the Intermediate-Range and Short-Range Nuclear Forces (INF) Treaty and the deployment of nuclear weapons on the territory of Belarus.
- 71 **A Survey of the Current U.S. Military Biological Program and Russian Interests – Aleksandr Kudakaev** – The U.S. withdrawal of its support for the principle of outlawing biological weapons (BW) through a BW Convention with strict monitoring mechanisms is no longer a secret. One can only guess the reasons for such a transformation. Let us just mention that as early as August 1986, deputy assistant secretary of Defense for Negotiations Policy Douglas Feith, speaking in front of the House of Representatives Intelligence Committee, stated that the Pentagon had changed its opinion regarding the value of BW from the military point of view, and that the treaty banning these weapons must be recognized as critically deficient and unfixable. This article, by a Russian expert on biosecurity issues, examines the various avenues of biological research at U.S. defense research institutes.
- 79 **Politics, New Technologies, and the 21st Century – Alexander Yakovenko** – The information revolution at the turn of the century accelerated global polarization. Given the appearance of new high-tech production based on the application of information technologies, the significance of those countries whose welfare and world importance has been based for many years on their role as providers of raw materials and traditional energy sources is falling, while those countries that export high-tech products are gaining additional advantages. The qualitative jump in technological development, however, has negative, as well as positive aspects. In this article, Alexander Yakovenko, currently a Russian deputy foreign minister, examines the possible negative consequences of the breakthrough in information technology and comes to the conclusion that “misbegotten experimentation in the field of genetic and molecular engineering could cause the explosive multiplication of a pathogenic virus before the creation of compounds to neutralize its impact.”
- 87 **Osama Bin Laden and Weapons of Mass Destruction – Adam Dolnik** – This article by a young expert from the Czech Republic (who is currently studying counter-terrorism issues in a leading research institute in Singapore) was originally published just days before the events of September 11, 2001. The editorial board, when commissioning this work from the beginning author, could not possibly have imagined how timely the text would prove to be; on the other hand, the editorial board members recognized the very low level of attention that was being given to the phenomena of the Taliban and al Qa'ida at the time. The article examines the personality of terrorist No. 1, Osama Bin Laden, and his motivations, including in particular attempts to acquire weapons of mass destruction (WMD), as well as al Qa'ida capabilities with regards to the construction of WMD.

- 99 **Nuclear Deterrence and Strategic Offensive Reductions – Yury Baluyevsky** – In the past decade a new form of nuclear deterrence has emerged: deterrence by threatening not the use of, but merely the acquisition of nuclear weapons. And not only direct military action is being deterred, but also political and economic pressure. North Korea has already started down this path. One cannot exclude the possibility that Tehran is seriously considering analogous steps. In his examination of this phenomenon, the chief of the General Staff of the Russian Armed Forces concludes that the world will not give up nuclear weapons in the near future. At the same time, in his opinion, the important transformation of nuclear deterrence policy is a departure from the concept of the “quantitative parity” of nuclear forces and the view of nuclear weapons as the only guarantee of national security.

V I E W P O I N T

- 105 **Why I Support the Russian-Iranian Contract. A Reply to Professor Yablokov – David Fischer** – Whether the editorial staff likes it or not, the journal’s history is inextricably linked to the history of Iran’s nuclear program. While our focus in *Yaderny Kontrol*’s early days was on Russian-Iranian cooperation in the field of nuclear power engineering, for well-known reasons the beginning of the 21st Century has shifted our attention to Iran’s capabilities in the area of nuclear weapons construction. In the article presented here, the former assistant to the IAEA Director-General presents his view of the Iranian nuclear power program and Russian-Iranian cooperation in this sphere. Some of the article’s theses – such as, for example, the need for the repatriation of spent nuclear fuel from Bushehr to Russia – did not escape the notice of Russian experts and influenced the formulation of Russia’s conditions for cooperation with Iran in the nuclear sphere.
- 109 **The Nuclear Suitcase with a Triple Bottom – Anton Surikov** – In August 1994 a Columbian who had flown in from Moscow was detained in the Munich airport. More than 350 grams of plutonium were discovered in his suitcase. The foreign media presented this as nothing less than proof of the existence of a Russian black market in nuclear materials (NM), and the success of German intelligence agencies in preventing illegal trafficking in NM. The author of this article (who was at the Institute of the United States and Canada at the time when he wrote the article) presents a step-by-step picture of these events, with citizens of Spain, Germany, and Columbia appearing as extras. The skillful directors of this operation, in the author’s opinion, are the representatives of Germany’s intelligence agencies who, again in the author’s view, switched out the Columbian’s baggage with another suitcase, which contained plutonium produced in a German reactor.
- 115 **On the Feasibility of and Ways to Realize the Russian President’s Initiative – Nikolai Ponomarev-Stepnoi** – At the U.N. Millennium Summit in New York, President Putin proposed an initiative to launch an international project to ensure the supply of energy for the sustainable development of mankind, furnish critical solutions to the problems of nuclear weapons proliferation, and provide for the environmental recovery of the planet. One-and-a-half years later, Academician Nikolai Ponomarev-Stepnoi of the Russian Academy of Sciences published this article in *Yaderny Kontrol* on possible ways to realize the initiative in practice, proposing that the project be discussed by the G8. Today we know that energy security has been designated as one of the G8 priorities in 2006, while WMD nonproliferation will be one of the priority issues for the heads of state gathering at the St. Petersburg summit in July 2006. This makes this article of particular interest to readers today.
- 121 **The Crisis of International Security Institutions in Light of the Iraq Conflict – Andrei Piontkovsky** – The crisis of international institutions was apparent long before the U.S. invasion of Iraq without the sanction of the U.N. Security Council. However, this event was a catalyst for yet another wave of proposals and alternatives for the reform of the United Nations and its institutions. The well-known Russian political scientist proposes in this article that the G8 take on the role of an effective glob-

al government. In the opinion of the author, director of the Center for Strategic Research, the traditionally informal and trust-based nature of G8 consultations is most suitable for working out joint solutions to key world policy issues. However, transforming the G8 into the leading international security institution is impossible without Russian participation.

R O U N D T A B L E

- 125 **International Terrorism: Preconditions, Ideology and Counterterrorism Methods** – The terrorist attacks of September 11, 2001, unprecedented in their mercilessness and scope, and the subsequent operation in Afghanistan posed numerous questions to scholars, politicians, and government agencies. Are these events the first manifestations of a new global conflict? If this hypothesis is correct, then what is the social and ideological nature of this conflict? Where is the front in this impending “World War Three”? What are the means and methods to be used to fight against international terrorist organizations and movements? These and other questions related to the globalization of terrorism were touched upon during a round table organized by *Yaderny Kontrol* that brought a lively response from our readers.

C O M M E N T A R Y

- 141 **The Moscow Nuclear Summit: Taking Stock – Vladimir Orlov** – In April 1996 the leaders of the seven leading industrially developed states (the United States, Canada, France, Germany, Italy, Japan, and the United Kingdom) and Russia met in Moscow to discuss questions of nuclear safety and security. For the first time in its history, the G7 held a session in Russia. And for the first time the agenda focused on one specific question, which directly affects the interests of the population of these countries, as well as the rest of the world – the future of nuclear power, and ensuring its reliability. For the first time Russia participated in the negotiations as an equal, as a result of which the attendees were dubbed the “G8” in diplomatic circles. It is obvious that this first experiment proved to be successful, and ten years later these countries will gather in Russia again, this time in an official Group of Eight (G8) format. The PIR Center has assumed the role of a consultant in the preparation of documents for the summit. This article offers a review of the previous summit’s goals and results, as related by the editor-in-chief of *Yaderny Kontrol*, who participated in summit events.
- 155 **U.S.-China Relations: A New Front for Global Contradictions – Yury Fedorov** – U.S. China policy has become more rigid. This can be seen both from Colin Powell’s 2001 appearance at a hearing of the U.S. Senate Committee on Foreign Relations and from the 2006 U.S. National Security Strategy. The director of the Center for War and Peace Studies at the Moscow State University for International Relations (MGIMO) compares contemporary Sino-American relations with US-Russian relations in the early postwar years, when a severe, not always logical turn was made from the Rooseveltian post WWII concept of a united world, within which the Soviet Union was seen as peculiar, but nevertheless still part of what was then considered to be the civilized world, to Truman’s idea of deterring communism.

R E V I E W

- 157 **The Current Status and Prospects for the Development of Missiles in Third World Countries through 2015 – Vladimir Dvorkin** – One can judge changes in national policies on the creation of weapons of mass destruction by looking at levels and changes in the rates of a state’s development of missile technologies, since many missile types do not make military sense when equipped with a conventional warhead. There are currently over 20 countries in the Middle East, Asia, Africa, and the Asia-

Pacific region that have tactical or semi-strategic missiles. The PIR Center consultant examines missile capabilities and prospects for their development in third world countries through the year 2015. He concludes that during this period of time we may see the development of 45-70 ballistic missile launchers in regions from which Russian military facilities and critical infrastructure can be targeted.

H I S T O R I C A L P A G E S

- 167 **Counterproliferation: The Forgotten Past – Ilya Fabrichnikov and Andrei Frolov** – Given the escalating conflict over the Iranian nuclear program, influential American neoconservatives' intent to carry out a military operation in Iran regardless of the outcomes at the negotiating table is becoming ever clearer. And we should not expect that the United States will try to obtain international approval for its actions. In addition to the question of whether the United States will decide on the unilateral application of force, there is a second question – will American or Israeli “hands” take on this operation, if such a decision is made. The authors of this article, independent Russian experts, look for the answers to today's questions through historical analysis, examining the preparations for and the course of the June 1981 operation by Israeli special services to destroy Iraq's Tammuz nuclear research center.
- 181 **How the USSR Helped China Create an Atomic Bomb – Roland Timerbaev** – “In times when we had good relations, we signed an agreement on cooperation in the sphere of nuclear energy that included the transfer of secret technology for the production of nuclear weapons to China. We basically gave China everything. We had no secrets from it,” wrote Nikita Khrushchev in his memoirs about the Soviet Union's transfer of nuclear weapons secrets to China. In accordance with six agreements, signed by the USSR and PRC between 1955 and 1958, the Soviet Union gave Chinese specialists detailed information about the construction of a nuclear warhead, assisted in the creation of a test site in China, and also consulted on the question of cooperation between enterprises and the Chinese version of Minsredmash (the Soviet Ministry, responsible for the nuclear sector). A regular contributor to *Yaderny Kontrol's* historical pages, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary Roland Timerbaev talks about the various stages in the development of bilateral cooperation in the nuclear sphere, and the reasons for its collapse.

O P I N I O N P I E C E

- 187 **Strengthening the Nonproliferation Regime – Remaining Issues – Hans Blix** – In his letter to the editor, the chairman of the Weapons of Mass Destruction Commission and former IAEA director-general presents his views on the most critical problems facing the nonproliferation regime, those demanding immediate solutions. In the opinion of Hans Blix, these threats include the fact that the technologies used to produce nuclear reactor fuel and weapons-grade nuclear materials are identical. He also discusses the necessity of strengthening IAEA inspections and the physical protection of stockpiles of weapons-grade nuclear materials.
- 189 **Sergei Prikhodko, Alexander Rummyantsev, Andrei Granovsky, Vitaly Korabelnikov, and Boris Labusov on *Yaderny Kontrol*** – Among those readers of the journal that have sent us numerous letters in response to our publications throughout the years, there are government experts and those far from the government, political scientists, engineers, journalists, and students... But we will not hide the fact that we are always interested in what our most well-informed readers – those who work in government agencies – think about our publications. In our 80th issue we offer excerpts from several such letters.

191 S U M M A R Y

199 A B O U T T H E A U T H O R S

207 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

211 YADERNY KONTROL EDITORIAL STAFF AND EXPERTS, 1994-2006

after
p. 104 YADERNY KONTROL CONTENTS, 1994 - 2006

Балуевский Юрий Николаевич – начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ – первый заместитель министра обороны, генерал армии. Родился в 1947 г. в г. Трускавец Львовской области Украинской ССР. В 1970 г. окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, в 1980 г. – Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1990 г. – Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР. В 1982–1988 гг. проходил службу в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных сил СССР на руководящих должностях. С 1990 г. – заместитель начальника направления, начальник направления в Главном оперативном управлении Генерального штаба. В 1993–1995 гг. – начальник штаба – первый заместитель командующего Группой российских войск в Закавказье. С июня 1995 г. – начальник управления, заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ. С августа 1997 г. – начальник Главного оперативного управления Генерального штаба – первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В июле 2001 г. назначен первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В июле 2004 г. назначен начальником Генерального штаба ВС РФ первым заместителем министра обороны РФ. В ноябре 2004 г. назначен председателем Совета начальников штабов СНГ.

На момент публикации статьи – первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

Барановский Владимир Георгиевич – заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ. Родился в 1950 г. В 1973 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. В 1975 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в 1985 г. – доктора исторических наук. С 1975 г. занимал должности руководителя секции международной безопасности, руководителя отдела европейских исследований в ИМЭМО. В 1992–1997 гг. – старший научный сотрудник и руководитель проекта Стокгольмского международного института исследований проблем мира. Круг интересов : советская /российская внешняя политика, международная безопасность, европейская интеграция, контроль над вооружениями. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

На момент публикации статьи – заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Адрес электронной почты: baranovsky@imemo.ru

Бликс Ханс (**Blix**, Hans) – председатель Комиссии ООН по оружию массового уничтожения. Родился в 1928 г. Обучался в Уппсальском, Колумбийском и Кембриджском университетах, где получил степень доктора философии. В 1963–1976 гг. – начальник департамента в Министерстве иностранных дел Швеции. В 1976 г. назначен заместителем ми-

нистра иностранных дел, ответственным за вопросы международного сотрудничества в целях развития. В октябре 1978 г. министром иностранных дел. В 1961–1981 гг. входил в состав шведской делегации на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, а в 1962–1978 гг. – шведской делегации на Конференции по разоружению в Женеве. С 1981 по 1997 г. – Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии. В 2000–2003 гг. – Исполнительный председатель Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям в Ираке (ЮНМОВИК). С 2004 г. – председатель Комиссии по оружию массового уничтожения. Автор ряда книг по вопросам, связанным с международным и конституционным правом.

На момент публикации статьи – председатель Комиссии ООН по оружию массового уничтожения.

Грановский Андрей Евгеньевич – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Мальта. Родился в 1949 г. Окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР в 1971 г. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД СССР и МИД РФ и за рубежом. В 1996–1998 гг. – заместитель директора Департамента международных организаций МИД РФ. В 1998–2002 гг. – заместитель Постоянного представителя РФ при ООН в Нью-Йорке (США). В июне-октябре 2002 г. – исполняющий обязанности директора, с октября 2002 г. – директор Департамента международных организаций МИД РФ. 27 февраля 2006 г. назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Мальта. Кандидат исторических наук.

На момент публикации в журнале – директор Департамента международных организаций МИД РФ.

Данапала Джаянта (**Dhanapala**, Jayatha) – Генеральный секретарь по координации мирного процесса при Администрации Президента Шри-Ланки. Родился в 1938 г. С 1965 г. находился на дипломатической службе Шри-Ланки. Директор расположенного в Женеве Института ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) в 1987–1992 гг., посол Республики Шри-Ланка в США с одновременным аккредитованием в Мексике с января 1995 по апрель 1997 г., в 1998–2003 гг. – заместитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения, в дополнение – представитель в ЮНСКОМ. Возглавлял множество международных встреч, включая Конференцию по рассмотрению действия и продлению ДНЯО 1995 г., один из «творцов» бессрочного продления ДНЯО. Член экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

На момент публикации статьи – председатель Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО.

Дворкин Владимир Зиновьевич – консультант ПИР-Центра, генерал-майор (в отставке). Родился в 1936 г. в Ленинграде. В 1958 г. окончил Высшее военно-морское училище. С 1958 по 1962 г. работал на Государственном центральном полигоне. Участвовал в испытаниях первых отечественных атомных подводных ракетноносцев и в первых пусках баллистических ракет из-под воды. В 1974 г. защитил докторскую диссертацию. С 1962 по 2001 г. работал в 4-м ЦНИИ Министерства обороны, в том числе с 1993 г. – начальником института. Член Совета по устойчивому партнерству для России при ПИР-Центре (СУПР). Автор более 350 научных трудов и публикаций в российских журналах и еженедельниках, включая *Ядерный Контроль* и *Независимое Военное Обозрение*. Редактор монографии «Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности» (М.: ПИР-Центр, 2002). Член Редколлегии журнала *Ядерный Контроль*. Адрес электронной почты: dvorkin@pircenter.org

На момент публикации статьи – старший советник ПИР-Центра.

Дольник Адам (**Dolnik**, Adam) – сотрудник Международного центра исследований в области политического насилия и терроризма при Институте оборонных и стратегических исследований Университета Наньян (Сингапур). Родился в 1978 г. в Рычнове-над-Кнежу (Чехия). В мае 2000 г. получил степень бакалавра политических наук по специальности «социальная политика и общественная работа». В 2001 г. проходил стажировку в отделе по предотвращению терроризма ООН. В мае 2002 г. получил степень магистра наук в

области международной политики в Монтерейском институте международных исследований (США). Сфера научных интересов: мотивация терроризма, терроризм с применением ОМУ, методы борьбы с терроризмом, переговоры в условиях кризиса.

На момент публикации статьи – сотрудник Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. Являлся начальником управления СВР по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада «Распространение ОМУ – новый вызов после “холодной войны”». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и противодействия терроризму. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*. 2004, весна), «Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности» (*Ядерный Контроль*. 2005, лето). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2004). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

На момент публикации статьи – начальник Управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ Службы внешней разведки России.

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – директор Департамента по информационной политике, ОАО «Техснабэкспорт». Родился в 1966 г. С отличием закончив в 1989 г. исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ, работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН (ИСКРАН), где в 1993 г. получил ученую степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001-2006 гг. работал в Компании развития общественных связей (КРОС), в том числе в должности Вице-президента Компании. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

На момент публикации статьи – старший научный сотрудник ПИР-Центра, директор проекта «Внутренняя политика и безопасность России».

Евстигнеев Валентин Иванович – первый заместитель Генерального директора ОАО «Биопрепарат», генерал-лейтенант медицинской службы (в отставке). Родился в 1945 г. в г. Андреаполь Тверской области. Окончил Военно-медицинский факультет при Горьковском медицинском институте и Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ. Служил в войсках радиационной, химической и биологической защиты Министерства обороны РФ. Кандидат медицинских наук. Автор более ста научных работ в области иммунологии, эпидемиологии и биотехнологии.

На момент публикации статьи – заместитель начальника войск радиационной, химической и биологической защиты Министерства обороны РФ.

Звягельская Ирина Доновна – вице-президент Центра стратегических и политических исследований, заведующая сектором международных вопросов Института востоковедения РАН, профессор, доктор исторических наук. Родилась в 1947 г. в г. Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет в 1969 г. С 1991 г. – вице-президент Центра стратегических и политических исследований (до 1999 г. назывался Российский центр стратегических и международных исследований), с 2001 г. – профессор МГИМО, кафедра востоковедения. В 1976 г. защитила диссертацию на соискание уче-

ной степени кандидата исторических наук, в 1991 г. – доктора исторических наук, с 1995 г. – профессор. Круг научных интересов: конфликты и проблемы безопасности (в частности, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии). Автор научных работ, опубликованных в России и за рубежом.

На момент публикации статьи – заведующая сектором Центра арабских исследований Института востоковедения РАН.

Кириллин Михаил Евгеньевич – журналист, редактор отделов газет *Вёрсты*, *Тверская*, *13*, *Гудок*, полковник запаса ФСБ России. Родился в 1953 г. В 1975 г. окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1975 по 1998 гг. работал в органах КГБ/ФСБ. Занимался оперативной работой в КГБ с 1975 по 1989 г., с 1989 по 1993 г. работал в комиссии московского управления КГБ/ФСБ по реабилитации, с 1993 по 1996 г. работал в Центре общественных связей ФСБ России.

На момент публикации статьи – сотрудник Центра общественных связей Федеральной службы безопасности России.

Кисляк Сергей Иванович – заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился в 1950 г. В 1973 г. окончил Московский инженерно-физический институт, в 1977 г. – Всесоюзную академию внешней торговли. С 1977 г. – на дипломатической работе. Занимал различные должности в центральном аппарате МИД и за рубежом. В 1995–1998 гг. – директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения, член Коллегии МИД. В 1998–2003 гг. – посол Российской Федерации в Королевстве Бельгия и по совместительству постоянный представитель России при НАТО в Брюсселе, Бельгия. С июля 2003 г. – заместитель министра иностранных дел РФ. Курирует отношения со странами Северной и Латинской Америки, вопросы международной безопасности и разоружения, участия России в «Большой восьмерке».

На момент публикации статьи – заместитель главы делегации Российской Федерации на Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО.

Корабельников Валентин Владимирович – начальник Главного управления Генерального штаба ВС РФ, генерал армии. Родился в 1946 г. в Тамбовской области. Окончил Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище, Военно-дипломатическую академию, Академию Генерального штаба ВС РФ. В 1997 г. назначен начальником Главного управления Генерального штаба. Герой Российской Федерации.

На момент публикации в журнале – начальник Главного управления Генерального штаба ВС РФ.

Кравченко Николай Эммануилович – заместитель начальника Главного управления информационных технологий Федеральной таможенной службы. Родился в 1951 г. С 1968 по 1994 г. служил в Военно-Морском флоте СССР/России. С 1994 г. и по настоящее время – сотрудник ФТС России. Занимается созданием и руководством Службой таможенного контроля за делящимися и радиоактивными материалами. Кандидат технических наук, дважды лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

На момент публикации статьи – руководитель службы таможенного контроля над ядерными и радиоактивными материалами ГТК России.

Кудакаев Александр Янович – эксперт по вопросам биологического оружия.

Кулик Михаил Федорович – директор «Финансово-правового партнерства». В 1991 г. окончил юридический факультет Военного института Министерства обороны СССР (в настоящее время Военный университет МО РФ). С 1991 по 1997 г. служил в органах военной прокуратуры. В должности следователя по особо важным делам Военной прокуратуры Северного флота расследовал ряд уголовных дел о хищении ядерных материалов. С 1997 г. преподавал криминалистику на юридическом факультете Военного университета Министерства обороны РФ. Наряду с материалами в журнале *Ядерный Контроль*, опубликовал более 100 статей по правовым проблемам в специализированных изданиях в России и за рубежом.

На момент публикации статьи – следователь по особо важным делам военной прокуратуры Северного флота.

Лабусов Борис Николаевич – руководитель Пресс-бюро Службы внешней разведки России. Родился в 1952 г. в Бресте. В 1974 г. окончил Минский институт иностранных языков. После окончания института служил в армии, работал переводчиком. В 1978 г. был зачислен в органы госбезопасности. В 1984 г. начал работать в Первом главном управлении (внешняя разведка) КГБ СССР, затем в Службе внешней разведки России. С 1988 по 1992 г. был заместителем заведующего бюро Агентства печати «Новости» в Бельгии. С 1992 г. работает в Пресс-бюро СВР, с 1995 г. – заместитель руководителя Пресс-бюро, а с 1999 г. – руководитель Пресс-бюро.

На момент публикации в журнале – руководитель Пресс-бюро Службы внешней разведки России.

Маслин Евгений Петрович – член Совета ПИР-Центра, председатель Совета по устойчивому партнерству для России при ПИР-Центре (СУПР), генерал-полковник (в отставке). Родился в 1937 г. В 1959 г. закончил Военную Краснознаменную инженерную академию связи им. С.М. Буденного в Ленинграде. В 1992 г. закончил Академию Генерального штаба ВС РФ. Начиная службу в ядерно-технических войсках на должности инженера бригады, а в 1997 г. ушел в отставку уже с поста начальника 12-го Главного управления Министерства обороны РФ. Удостоен ряда правительственных наград, включая ордена «Красной Звезды», «За службу Родине». Является лауреатом Государственной премии РФ. В 1999–2002 гг. – старший советник ПИР-Центра. Один из отцов-основателей международных программ содействия России в области утилизации избыточных вооружений. Эксперт в области ядерной безопасности, сокращения ядерных вооружений. Член Редколлегии *Ядерного Контроля*.

На момент публикации статьи – начальник 12-го Главного управления Министерства обороны РФ.

Паин Эмиль Абрамович – генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований; руководитель Центра по исследованию проблем ксенофобии ИС РАН. Родился в Киеве в 1948 г. В 1974 г. закончил Воронежский государственный университет, исторический факультет. В 1983 г. – аспирантуру Московского государственного университета. В 1987–1991 гг. – заведующий сектором социологии Центрального научно-исследовательского института проектирования градостроительства. В 1991–1994 гг. – директор Центра этнополитических и региональных исследований Внешнеполитической ассоциации. С 1993 г. – по настоящее время - генеральный директор независимого Центра этнополитических и региональных исследований. С 1993 г. – член Президентского Совета России. В 1994–1996 гг. – руководитель одного из исследовательских направлений Аналитического Центра (позднее Управления) Президента России. В 1996 г. – руководитель Рабочей группы по завершению боевых действий и урегулированию ситуации в Чеченской республике. В 1996–1999 гг. – советник Президента России. С 2001 г. руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН.

На момент публикации статьи - директор Центра этнополитических и региональных исследований.

Орлов Владимир Андреевич – директор ПИР-Центра политических исследований в России, главный редактор журнала *Ядерный Контроль*, член Совета ПИР-Центра, содиректор Программы европейской безопасности Женевского Центра политики безопасности (ЖЦПБ). Родился в 1968 г. Выпускник Московского института международных отношений. Кандидат политических наук. Специалист в области международной безопасности и внешней политики Российской Федерации. Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН; член Международного института стратегических исследований; участник Монтерейской группы по разработке стратегии нераспространения; входит в Попечительский совет Академии ОБСЕ в Бишкеке (Киргизстан). Председатель Клуба «Триалог». Постоянно занимается преподавательской и просветительской деятельностью. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

На момент публикации статьи – директор ПИР-Центра.

Пионтовский Андрей Андреевич – директор Центра стратегических исследований, старший научный сотрудник Института Хадсона, Вашингтон, США. Родился в 1940 г. В 1962 г. закончил МГУ им М.В. Ломоносова. С 1967 по 1990 г. – сотрудник Института системных исследований АН СССР. С 1991 г. – директор Центра стратегических исследований. В 1994 г. окончил Лондонский колледж экономики. Постоянный ведущий рубрик в *Новой Газете* и *Русском Журнале*. С января 2003 г. – член Научного совета СБ РФ. Сфера научных интересов: международные отношения, национальная безопасность, российская внутренняя политика. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: andrei@hudson.org

На момент публикации статьи – директор Центра стратегических исследований.

Пономарев-Степной Николай Николаевич – вице-президент Российского научного центра «Курчатовский институт». Родился 3 декабря 1928 г. в Саратовской области. В 1952 г. закончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). В 1952–1992 гг. – научный сотрудник, начальник лаборатории, начальник отдела, первый заместитель директора РНЦ «Курчатовский институт» (ранее – Институт атомной энергии им. Курчатова, ранее – Лаборатория измерительных приборов Академии наук). С 1992 г. по настоящее время – вице-президент РНЦ «Курчатовский институт». Главный редактор журнала *Атомная энергия*. Член редакционной коллегии журнала *Nuclear Science and Engineering*. Академик и председатель Научного совета по атомной энергетике Российской Академии Наук. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, доктор технических наук, профессор, академик РАН. Адрес электронной почты: niknik@kiae.ru

На момент публикации статьи – вице-президент РНЦ «Курчатовский институт».

Приходько Сергей Эдуардович – помощник Президента Российской Федерации. Родился в 1957 г. в Москве. В 1980 г. окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. После окончания института находился на дипломатической работе в Посольстве СССР в ЧССР. В 1986–1987 гг. – атташе, третий секретарь Управления социалистических стран Европы МИД СССР. В 1992–1993 гг. – второй секретарь, первый секретарь Посольства России в ЧСФР. В 1993–1997 гг. – заведующий отделом, начальник отдела, заместитель директора Департамента МИД РФ. В 1997–1998 гг. – помощник Президента Российской Федерации. В 1998–1999 гг. – заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации. С 1999 г. – заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации – начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике. С марта 2004 г. – помощник Президента Российской Федерации. Член редакционной коллегии журнала *Ядерный Контроль*.

На момент публикации в журнале – заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации – начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике.

Рогозин Дмитрий Олегович – член Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Родился в 1963 г. В 1986 г. с отличием окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. В 1990 г. начал заниматься общественной деятельностью. В 1997 г. избран депутатом Государственной Думы ФС РФ. В 1999 г. переизбран депутатом Государственной Думы. Избран председателем Комитета Государственной Думы по международным делам. Доктор философских наук. В 2003 г. избран в Государственную Думу во главе партии «Родина».

На момент публикации статьи – председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам.

Румянцев Александр Юрьевич – член специализированных советов по присуждению ученых степеней в РНЦ «Курчатовский институт», Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна), Московского инженерно-физического института, член Правления Ядерного общества РФ. Член редакционных коллегий журналов *Поверхность* и *Neutron News*. Родился в 1945 г. в г. Кушка Туркменской ССР. В 1969 г. окончил Московский инженерно-физический институт и поступил на работу в Российский научный центр «Курча-

товский институт». В 1994 г. стал директором Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. В 2000 г. стал академиком Российской Академии Наук. В марте 2001 г. – феврале 2004 г. – министр РФ по атомной энергии; в марте 2004 – ноябре 2005 г. – руководитель Федерального агентства по атомной энергии.

На момент публикации в журнале – руководитель Федерального агентства по атомной энергии.

Соков Николай Николаевич – старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований. Родился в 1958 г. в Москве. В 1981 г. окончил исторический факультет МГУ. В 1986 г. получил степень кандидата исторических наук (Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР), в 1996 г. – степень доктора философии в Мичиганском университете. С 1987 по 1992 г. работал в МИД СССР/РФ. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор многочисленных публикаций в российских и американских журналах. В 2000 г. выпустил книгу «Russian Strategic Modernization: Past and Future». Является соавтором учебника для высших учебных заведений «Ядерное нераспространение» (М.: Библиотека ПИР-Центра, 2002). Занимается вопросами ядерного разоружения и военных доктрин, а также изучением влияния национальной культуры на переговорный стиль. Адрес электронной почты: nsokov@miis.edu

На момент публикации статьи – старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Суриков Антон Викторович – ведущий научный сотрудник Института проблем глобализации. Родился в 1961 г. в Московской области. В 1984 г. окончил Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе. В ноябре 1988 г. стал кандидатом технических наук, в июне 1989 г. – лауреатом премии Ленинского комсомола. С 1996 г. работал в Институте США и Канады. В начале 2000 г. – руководитель аппарата Комитета Государственной Думы ФС РФ по промышленности, строительству и наукоемким технологиям. В настоящее время работает в сфере внешнеэкономической деятельности.

На момент публикации статьи – сотрудник Института США и Канады.

Тимербаев Роланд Михайлович – председатель Совета ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный Посол. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (М.: Наука, 1999); «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)» (М.: ПИР-Центр, 2000). Автор двух глав учебника «Ядерное нераспространение» (1-е и 2-е изд. М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002). Автор и соавтор монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях» (М.: ПИР-Центр, 2001); работ «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 17); «Международный контроль над атомной энергией» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2003, № 22); «Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, № 25). Адрес электронной почты: timmerbaev@pircenter.org

На момент публикации статьи – президент ПИР-Центра.

Тюлин Иван Георгиевич – первый проректор Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Доктор политических наук, профессор, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Родился в Москве в 1947 г. Окончил МГИМО в 1970 г., где остался на педагогической и научной работе. Член редакционной коллегии журнала по

международным отношениям *Global Society*, международного редакционного совета французского журнала *Strategie*. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

На момент публикации статьи – первый проректор Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД РФ.

Фабричник Илья Сергеевич – руководитель отдела маркетинговых коммуникаций *Integrated Services Group*. Родился в 1979 г. Окончил филологический факультет РУДН (журналистика). В 2002–2003 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*. Затем работал в пресс-службе МТУ-Интел. В настоящее время – колумнист в нескольких интернет-проектах, преподает журналистику.

На момент публикации статьи – сотрудник пресс-службы МТУ-Интел.

Федоров Юрий Евгеньевич – директор Центра исследования проблем войны и мира МГИМО МИД РФ, член Совета ПИР-Центра. Окончил физический факультет МГУ. Кандидат исторических наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 16). Член редакционной коллегии журнала *Ядерный Контроль*. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

На момент публикации статьи – заместитель директора ПИР-Центра.

Фишер Дэвид (**Fisher**, David) – частный консультант. Родился в Южной Родезии в 1921 г. С 1957 по 1981 г. занимал ряд ведущих должностей в МАГАТЭ, включая пост руководителя бюро внешних сношений и заместителя Генерального директора. Один из наиболее авторитетных специалистов в вопросах контроля над ядерными вооружениями. Автор многочисленных трудов по проблемам ядерного нераспространения и истории МАГАТЭ.

На момент публикации статьи – член совета Программы ядерного нераспространения Университета Саутгемптона (Великобритания).

Фролов Андрей Львович – независимый эксперт, выпускающий редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль: Информация*. Родился в 1979 г. С отличием окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2003 г. – выпускник российско-французской магистратуры МГИМО МИД РФ. С сентября 2002 по январь 2003 г. проходил стажировку в ПИР-Центре. В 2003–2004 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, редактор электронных изданий ПИР-Центра *Ядерный Контроль: Информация* и *Вопросы Безопасности*. В 2004 г. – координатор проекта «Трансформация системы экспортного контроля в России в 1999–2003 гг.». Автор и соавтор статей «Трансформация системы экспортного контроля в России» (*Ядерный Контроль*. 2004, зима), «Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам» (*Ядерный Контроль*. 2005, лето). Сфера научных интересов: российский атомный подводный флот, перспективные вооружения российской и зарубежных армий. Адрес электронной почты: frolov@pircenter.org

На момент публикации статьи – выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*.

Эльбарადей Мохамед (**Elbaradei**, Mohamed) – генеральный директор Международного агентства по атомной энергии. Родился в 1942 г. в г. Каире. В 1962 г. получил степень бакалавра в области права в Каирском университете, в 1974 г. – степень доктора международного права на юридическом факультете Нью-Йоркского университета. С 1964 по 1980 г. состоял на дипломатической работе в МИД Египта. С 1974 по 1978 г. – специальный помощник министра иностранных дел Египта. С 1980 г. – старший преподава-

тель Программы международного права Института ООН по обучению и исследованиям. С 1981 по 1987 г. являлся профессором международного права на юридическом факультете Нью-Йоркского университета. С 1984 г. – ответственный сотрудник секретариата МАГАТЭ, занимал различные руководящие посты в Агентстве, включая должность советника по юридическим вопросам и помощника Генерального директора по внешним связям. 1 декабря 1997 г. назначен на пост Генерального директора МАГАТЭ. В сентябре 2001 и 2005 гг. был переизбран на второй и третий сроки.

На момент публикации статьи – Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии.

Яковенко Александр Владимирович – заместитель министра иностранных дел РФ. Родился в 1954 г. В 1976 г. окончил факультет Международных экономических отношений МГИМО МИД СССР. В 1976–1993 гг. работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате министерства, в том числе в Управлении международных организаций, Департаменте внешнеполитического планирования, Департаменте общеевропейского процесса, а также в Постоянном представительстве СССР при ООН. В 1993–1995 гг. – заместитель директора Департамента международного научно-технического сотрудничества; в 1995–1997 гг. – заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения, в это же время – представитель России в Совете управляющих Международного научно-технического центра; в 1997–2000 гг. – заместитель Постоянного представителя РФ при международных организациях в Вене, Австрия; в 2000–2005 гг. – директор Департамента информации и печати, официальный представитель МИД РФ; с августа 2005 г. – заместитель министра иностранных дел России. Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор юридических наук, действительный член РАЕН, член Совета РАН по космосу. Профессор МГИМО.

На момент публикации статьи – заместитель Постоянного представителя РФ при международных организациях в Вене, Австрия.

Вышла в свет монография ПИР-Центра

РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Режим ядерного нераспространения в том виде, как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. На протяжении всего периода своего существования Договор о нераспространении ядерного оружия и основанный на нем режим подвергались критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядерных, а также со стороны некоторых представителей академической науки и общественности.

Последнее десятилетие в этом отношении было особенно конфронтационным из-за известных событий в Ираке, КНДР, Иране, ядерных испытаний в Индии и Пакистане, чрезвычайно сложно проходившей Конференции участников Договора 1995 г., на которой решался вопрос о продлении срока действия Договора. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ядерного оружия пойдет теперь бесконтрольно.

Оценка Договора и того, что было с его помощью достигнуто за прошедшие десятилетия, требует обстоятельного объективного анализа. Только такой анализ может позволить выявить те значительные ресурсы, которые, как мы убеждены, все еще имеются для повышения эффективности ДНЯО и созданных на его основе механизмов.

В монографии рассматривается эволюция режима нераспространения с момента появления идеи о его создании до настоящего времени.

Автор монографии – ведущий российский эксперт в области нераспространения ядерного оружия и один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.М. **Тимербаев**. В настоящее время Р.М. Тимербаев является председателем Совета ПИР-Центра.

По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию

East View по тел.: +7-495-777-6557, факсу: +7-495-318-0881,

электронной почте: agadjanian@mosinfo.ru

<http://www.eastview.com>

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 27 марта 2006 г.)

Антипов Сергей Викторович, к.ф.-м.н., заместитель руководителя, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружению, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, Кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Волландер Селест, д.п.н., директор, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор, Департамент по связям с общественностью, ОАО *Техснабэкспорт*, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., советник, Посольство Республики Казахстан в Исламской Республике Иран, Тегеран, Иран

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Женевский Центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Зведре Евгений Константинович, советник, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., проф., заместитель начальника инспекции, Счетная Палата РФ, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., заведующая центром, Центр Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, к.т.н., проф., генерал-майор (в отставке), заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник, Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Маргелов Михаил Витальевич, председатель комитета, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., заместитель главного редактора, *Национальный Банковский Журнал*, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., руководитель центра, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтовский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Подвиг Павел Леонардович, к.п.н., научный сотрудник, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом, Отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., советник, Постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринионе Джозеф, директор, Программа *Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения*, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Смит Харольд, д-р, проф., Голдменский институт общественной политики, Калифорнийский университет, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.и.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель группы, Группа по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международно-го права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, д.п.н., проф., первый проректор, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы *BBC*, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор по правовым и корпоративным вопросам, *Microsoft Russia/CIS*, Москва, Россия

И
Р
О
Н
Т
П
С
К
Э
Л
У
С
Н
К

СОТРУДНИКИ И ЭКСПЕРТЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ В 1994–2006 ГГ.

Выражаю признательность сотрудникам и экспертам редакции журнала, которые на разные годы оказали заметное содействие в его подготовке, издании, распространении, развитии и продвижении.

В частности:

АБРАМОВА Татьяна Владимировна
в 1998–2000 гг. – корректор

АХТАМЗЯН Ильдар Абдулханович
в 1994–1996 гг. – сотрудник Редакции;
в 1997 г. – консультант редакции

БАЛАНДИНА Людмила Николаевна
в 1994–1995 гг. – сотрудник Редакции;
в 1995–1996 гг. – корреспондент

БЕРЕЗНИЦКАЯ Валентина Филипповна
в 2002 г. – помощник редактора

БОЙЛ Катерина
в 1997 г. – переводчик

БОКОВА Елена Анатольевна
в 1995 г. – координатор проекта

БОРИСОВА Алла Николаевна
в 2004 г. – корректор

БРИЛЕВ Сергей Борисович
с 2005 г. по н. вр. – член Редакционной
коллегии

БУЛЫЧЕВ Александр Валерьевич
в 2005 г. – корреспондент

ВЕРНИКОВА Мария Яковлевна
в 1997–1999 гг. – секретарь редакции

ДВОРКИН Владимир Зиновьевич
с 2002 г. по н. вр. – член Редакционной
коллегии

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадьевич
в 1994–1997 гг. – сотрудник Редакции;
в 1997 г. – редактор–консультант;
с 2000 г. по н. вр. – член Редакционной
коллегии

ЗАЙЦЕВ Вячеслав Алексеевич
в 1997–2002 гг. – бухгалтерия

КАЦВА Мария Самуиловна
в 1996–1997 гг. – корреспондент;
в 1997 г. – заместитель главного редактора

КОБЯКОВ Даниил Олегович
в 2003–2006 гг. – корреспондент

КОВЧЕГИН Дмитрий Алексеевич
в 1999–2002 гг. – корреспондент

КОЖУРИНА Евгения Андреевна
в 2003 г. – корректор

КОЗЮЛИНА Людмила Александровна
в 1994–1996 гг. – бухгалтерия

КОЗЮЛИН Вадим Борисович
в 1994–1997 гг. – сотрудник Редакции;
в 1997–1999 гг. – связи с общественностью, подписка

КОНТЯВА Людмила Ивановна
в 2001 г. – корректор

КОРНЕЕВА Мария Александровна
в 2000–2001 гг. – секретарь редакции

КОРОЛЕВА Ольга Ивановна
в 2003 г. – литературный редактор

КОТОВЩИКОВА Наталия Сергеевна
в 2003–2004 гг. – технический редактор

КРЮЧКОВА Маргарита Михайловна
в 2004–2006 гг. – корректор

КУЛАКОВ Олег Владимирович
с 2000 г. по н. вр. – компьютерное обеспечение

КУШНЕР Ада Львовна
в 2001 г. – корректор

И
Ы
А
К
Т
Л
И
Р
А
Н
Е
Н
Д
П
Р
У
С
У
Ж
Р
Э
К
О
И
С
И
И
Ц
К
А
К
Д
А
Р
Е

ЛАТА Василий Филиппович
с 2000 г. по н. вр. – член Редакционной коллегии

ЛИТОВКИН Дмитрий Викторович
в 1998–2000 гг. – специальный корреспондент

ЛОГУТОВА Надежда Борисовна
с 2005 г. по н. вр. – корреспондент

ЛУКАНОВА Ольга Викторовна
в 2001 г. – секретарь редакции

МАКИЕНКО Константин Владимирович
в 1997 г. – редактор отдела ВПК, высоких технологий и контроля над экспортом

МАСЛИН Евгений Петрович
в 1998 г. – консультант; в 1999 г. – старший советник; с 2000 г. по н. вр. – член Редакционной коллегии

МАРКАРОВА Наталья Сергеевна
в 2004–2006 гг. – литературный редактор

МЕЛЬНИКОВА Инна Юрьевна
в 1996 г. – корреспондент

МЕРИМСОН Виктор Гиршевич
в 1999–2002 гг. – производство

МИСЮЧЕНКО Владимир Федорович
в 1997 г. – консультант

МУРСАЛИЕВ Азер Ариф-оглы
с 2005 г. – член Редакционной коллегии

МЫШЕВА Екатерина Викторовна
в 2003 г. – литературный редактор;
в 2004 г. – корректор

ОЗАРНОВА Ирина Анатольевна
в 1999–2000 гг. – секретарь редакции

ОТКИНА Анна Михайловна
в 1997–1998 гг. – корреспондент

ПАНФИЛОВ Александр Вадимович
в 1998 г. – представитель в США

ПОЛИДВА Елена Дмитриевна
в 2001–2002 гг. – секретарь редакции; в 2003 г. – администратор проекта

ПОЛИКАНОВ Дмитрий Валерьевич
в 2000–2001 гг. – редактор английского издания

ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович
с 2004 г. по н. вр. – член Редакционной коллегии

РАСКАЗОВА Людмила Дмитриевна
с 2003 г. по н. вр. – бухгалтерия

РЕЙ Алексей Игоревич
в 1997 г. – корреспондент

САФРАНЧУК Иван Алексеевич
в 1997 г. – редактор отдела проблем ядерного оружия; в 1998 г. – обозреватель

СИРИКОВ Константин Анатольевич
с 2002 г. по н. вр. – распространение

СТЕПАНОВА Екатерина Андреевна
с 2005 г. по н. вр. – член Редакционной коллегии

ТАРАНОВА Юлия Юрьевна
с 2005 г. – технический редактор

ТИМЕРБАЕВ Роланд Михайлович
в 1996–1997 гг. – редактор–консультант;
в 1999 г. – старший советник;
в 2000–2004 гг. – член Редакционной коллегии

ТИТОВА Татьяна Дмитриевна
в 2000–2001 гг. – корректор

ТРОФИМОВА Елена Николаевна
в 1997–2000 гг. – компьютерное обеспечение

ФАБРИЧНИКОВ Илья Сергеевич
в 2002 г. – корреспондент; в 2003 г. – выпускающий редактор

ФЕДОРОВ Юрий Евгеньевич
с 2001 г. по н. вр. – член Редакционной коллегии

ФЕДЧЕНКО Виталий Геннадьевич
в 2002 г. – корреспондент

ФРОЛОВ Андрей Львович
в 2003–2005 гг. выпускающий редактор

ФУРАЛЕВА Карина Ивановна
в 1998 г. – технический редактор, помощник редактора, помощник главного редактора; в 2000 г. – технический редактор

ХАРЧЕНКО Наталья Николаевна
в 1997–2002 гг. – распространение

ХЛОПКОВ Антон Викторович
в 2000–2001 гг. – корреспондент;
с 2003 г. по н. вр. – член Редакционной коллегии; с 2005 г. по н. вр. – вр.и.о. выпускающего редактора

ШАМАНОВА Ольга Анатольевна
в 1999–2000 гг. – секретарь редакции

ЯКУШЕВ Михаил Владимирович
с 2005 г. по н. вр. – член Редакционной коллегии